

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

История и юридические науки

Научный журнал

№ 4(5)

Киров
2012

ББК 74.58 я 5
В38

Главный редактор
В. Т. Юнгблуд,
доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия:
Ю. А. Балыбердин,
доктор исторических наук, доцент (зам. главного редактора);
А. А. Харунжев,
кандидат педагогических наук, доцент (отв. секретарь);
В. А. Бердинских,
доктор исторических наук, профессор;
В. И. Бакулин,
доктор исторических наук, профессор;
Е. М. Вечтомов,
доктор физико-математических наук, профессор;
П. И. Кононов,
доктор юридических наук, профессор;
М. И. Ненашев,
доктор философских наук, профессор;
В. А. Поздеев,
доктор филологических наук, доцент;
С. В. Чернова,
доктор филологических наук, профессор;
Г. И. Симонова,
доктор педагогических наук, доцент

Ответственные за выпуск:
М. С. Судовиков,
кандидат исторических наук, доцент;
А. А. Костин,
кандидат исторических наук, доцент;
А. В. Семенов,
кандидат исторических наук, доцент

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26,
тел. (8332) 673-674 (Издательство ВятГГУ)

Редактор Ю. Н. Болдырева
Компьютерная верстка – Л. А. Кислицына

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

© Вятский государственный гуманитарный университет (ВятГГУ), 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Актуальные проблемы истории России и её регионов (до 1917 г.)

<i>Кустова Е. В.</i> Вятский Успенский Трифонов монастырь в призме церковных реформ Петра I	6
<i>Акирейкин Д. А.</i> Традиция празднования «царских дней» в Вятской губернии во второй половине XIX в. и ее влияние на общественное сознание	13
<i>Васина Т. А.</i> Камско-Воткинский завод в региональной печати второй половины XIX в.: общественно-культурная среда промышленного центра (по материалам «Вятских губернских ведомостей»)	16
<i>Гагиева А. К.</i> Проведение аграрной реформы начала XX в. в Вологодской губернии и ее влияние на развитие кооперации	23
<i>Масютин А. С.</i> Газета «Революционная Россия» об общественной жизни Вятской губернии и вятских ссыльных (1901–1905 гг.)	25
<i>Лицарев М. Ю.</i> Деятельность Ильинского политического общества в 1905 г.	32
<i>Зубова С. А.</i> Вклад российских меценатов в развитие низшего промышленного образования в России в середине XIX – начале XX в.	37
<i>Баталова Л. В.</i> Зарождение и развитие лечебно-оздоровительного туризма в Удмуртии	45
<i>Дворников Э. П.</i> Природно-климатические условия и пространственно-территориальная организация некрополей Каракольской долины (Республика Алтай)	52

СССР/Россия в XX в.: черты развития, региональное измерение

<i>Бакулин В. И.</i> Многопартийность в Советской России: упущенный шанс	60
<i>Шеремеев Е. Е.</i> Оппозиционный либерализм Партии народной свободы (на примере судьбы провинциального либерала А. К. Клафтона)	65
<i>Коробец А. С.</i> Усиление централистской тенденции в системе управления Вятской губернией весной – летом 1918 г.	76
<i>Позднякова А. С.</i> Должностные преступления сотрудников правоохранительных органов в 1918–1919 гг. (по материалам Вятского губернского революционного трибунала)	79
<i>Китаев Д. Н.</i> Формирование и функционирование системы реализации продовольственной разверстки в Вятской губернии в 1919–1920 гг.	84
<i>Березин С. В.</i> К вопросу о структуре и личном составе органов Вятского губернского финансового управления в 1921–1922 гг.	89
<i>Русаков С. Н.</i> Эволюция советского законодательства в области здравоохранения промышленного рабочего класса в 1930-е гг.	92
<i>Леконцев О. Н.</i> Укрепление материально-технической базы сельского хозяйства Кировской области и Удмуртии в середине 1930-х гг.	97
<i>Русских С. Н.</i> Детгиз в Кирове: из истории книжного дела военных лет (архивные документы)	102

Всеобщая история

<i>Рябов Ю. М.</i> В. С. Арутюнян: педагог, учёный, человек	106
<i>Лытка Т. И.</i> Эмиль Ратенау – пионер электротехнической промышленности Германии	108
<i>Белевцева С. Н.</i> Позиция Конгресса и президента США в отношении «особого курса» Румынии во второй половине 1980-х гг.	116

<i>Волков Т. А.</i> Процесс мирного урегулирования в Северной Ирландии и Консервативная партия Великобритании (1988–1996 гг.)	123
<i>Нобель А. Р.</i> Использование заключения эксперта в доказывании по делам об административных правонарушениях в области охраны окружающей среды	128

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Николина Н. С.</i> К вопросу о предмете преступления в российской науке уголовного права	133
<i>Степанов А. В.</i> Совершение нотариальных действий лицами, не являющимися нотариусами, в Российской империи и Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ)	138
<i>Сучкова Т. Е.</i> К вопросу о наделении врача статусом должностного лица	142
<i>Хомяков И. Д.</i> Проблемы понятия охраны общественного порядка как формы реализации правоохранительной функции государства	146
<i>Ярославцева Д. К.</i> Судебный конституционный контроль в действиях Верховного суда США: понятие, признаки, основные направления деятельности	154
<i>Барамзина О. Н.</i> Злоупотребление правами, предоставленными лицам, в отношении которых ведется производство по делам об административных правонарушениях	156
<i>Шарангия С. З.</i> Понятие случая и ответственности за случайный вред в русском дореволюционном праве XVIII – начала XX в.	159
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	162

CONTENTS

- Kustova E. V.* Vyatka Trifon's Monastery of Assumption in the Prism of the Church Reforms of Peter I
Akireikin D. A. The Tradition of Celebrating the "Tsar's Days" in Vyatka Province in the Second Half of the XIX Century
- Vasina T. A.* The Votkinsk Plant in the Regional Press the Second Half of the XIX Century: Socio-Cultural Environment of the Industrial Center (based on the materials of the "Vyatka Provincial Gazette")
- Gagieva A. K.* Realization of the Agrarian Reform in the Early 20th Century in Vologda Province and its Impact on the Development of Consumer Cooperative Societies
- Masyutin A. S.* The SR party newspaper "Revolutionary Russia" about a public life and the exilers in the Vyatka's region (1901–1905)
- Litsarev M. Yu.* The Activity of Ilyinsky Political Society in 1905
- Zubova S. L.* The Contribution of Russian Patrons to the Development of Primary Vocational Education in the Middle of the XIX – the Beginn of the XX Century
- Batalova L. V.* Emergence and Development of Health Tourism in Udmurtia
- Dvornikov E. P.* Natural and Climatic Conditions and Spatial Organization of Necropolises of Karakol Valley (The Altai Republic)
- Bakulin V. I.* The Multi-Party System in Soviet Russia: A Missed Chance
- Sheremeyev E. E.* Oppositional Liberalism of the Party of National Freedom (on the example of the of provincial liberal A. K. Klaftona's destiny)
- Korobets A. S.* The Growth of Government Centralization in Vyatka Province in the Spring and Summer of 1918
- Pozdnyakova A. S.* Misconduct of Law Enforcement Personnel in 1918–1919 (on the basis of cases tried by the Vyatka Province Revolutionary Tribunal)
- Kitayev D. N.* Formation and Functioning of the System of Food Requisitioning in the Vyatka province in 1919–1920
- Berezin S. V.* On the Structure and Personnel of the Vyatka Province Financial Department in 1921–1922
- Rusakov S. N.* The Development of the Soviet Legislation in the Sphere of Public Health Service of Industrial Workers in the 1930s
- Lekontsev O. N.* Strengthening of Material and Technical Base of Agriculture of Kirov Region and the Udmurt Republic in the middle of the 1930s
- Russkikh S. N.* Detgiz in Kirov: from the History of Book Publishing in the War Years (Archival Documents)
- Lypka T. I.* Emil Rathenau, the Pioneer of Electrotechnical Industry of Germany
- Belevtseva S. N.* Position of the Congress and the USA President Concerning the "Special Route" of Romania in the Second Half of the 1980s
- Volkov T. A.* The Peace Process in Northern Ireland and the Conservative Party of Great Britain (1988–1996)
- Nobel A. R.* The Use of Legal Expertise in the Proof Process in Administrative Cases on Environmental Protection Violations
- Nikolina N. S.* On the Problem of the Crime Subject in Russian Criminal Law
- Stepanov A. V.* Performing of Notarial Acts by Non-Notaries in the Russian Empire and the Russian Federation (the comparative analysis)
- Suchkova T. E.* On the Problem of Conferring the Status of an Official on the Doctor
- Khomyakov I. D.* The Problems of Understanding the Concept of Public Order Protection as a Form of Realisation of the Law-Enforcement Function of the State
- Yaroslavtseva D. K.* The Judicial Constitutional Control in the Actions of the Supreme Court of the USA: Notion, Distinctive Features, the Main Directions of Activity
- Baramzina O. N.* Abuse of the rights provided to persons concerning which production on cases of administrative offenses is conducted
- Sharanguiya S. Z.* Accident and responsibility for accidental harm under the Russian pre-revolutionary law of the XVIII – XX centuries

ИСТОРИЯ

Актуальные проблемы истории России и её регионов (до 1917 г.)

УДК 725(470.342):2-63

Е. В. Кустова

ВЯТСКИЙ УСПЕНСКИЙ ТРИФОНОВ МОНАСТЫРЬ В ПРИЗМЕ ЦЕРКОВНЫХ РЕФОРМ ПЕТРА I*

В статье дается характеристика реформ Петра I в отношении монашества, анализируются их цели и средства, а также реализация этих преобразований на примере Вятского Успенского Трифонова монастыря.

The author describes the church reforms of Peter I, analyzes their goals and means, and the realization of these reforms on the example of the Vyatka Assumption Trifon's Monastery.

Ключевые слова: Петр I, реформы, Вятский Успенский Трифонов монастырь, государственное и социальное служение.

Keywords: Peter I, reforms, Vyatka Assumption Trifon's Monastery, state and social service.

Петровские реформы положили начало 200-летнему Синодальному периоду в истории Церкви. Желая сосредоточить в своих руках всю полноту власти, Петр I решил подчинить Церковь государству. Главным идеологом церковной реформы в России и автором Духовного регламента стал епископ Феофан (Прокопович), получивший прекрасное западное образование и вобравший в себя опыт католическо-протестантской культуры [1].

Реформы были призваны не только изменить систему церковного управления, но и заложить новую систему ценностей русского общества, заимствованную у Запада вместе с техническими и бытовыми новшествами. В средневековой Руси идеалом человека был святой, а смыслом жизни – спасение души. Петр I сделал образцом для подражания человека светского – гражданина своего Отечества. Ценность любого человека с этого времени стала определяться пользой, которую он принес своей стране. По мысли царя, Церковь должна была заниматься не только и не столько духовным, сколько государственно-политическим служением [2]. В этих условиях ко-

ренным образом должна была измениться и жизнь монастырей.

Как известно, Петр I не любил монахов, называя их «тунеядцами», «ханжами» и «святошами». Являясь чрезвычайно деятельным человеком, он не принимал созерцательный образ жизни монашества. Он не видел практической пользы от монастырей в общественной и государственной жизни, особенно в условиях ведения тяжелой для страны Северной войны. Негативному отношению царя к монашеству способствовал и тот факт, что именно в этой среде он встретил наиболее серьезное сопротивление своим преобразованиям по западным образцам. Да и сам институт монашества царь-реформатор считал «отжившим» и непригодным для России, который необходим лишь для подготовки епископов. Поскольку возглавляющих Церковь архипастырей требовалось немного, соответственно, и постригов могло быть всего несколько десятков.

Однако указанные причины звучали слишком резко и не могли стать официальным обоснованием проводимых в стране преобразований. Поэтому Петр I использовал иную тактику. В монашестве в это время назревал серьезный кризис: далеко не везде соблюдались общежительные уставы и истинно монашеский образ жизни [3]. Царь использовал это и даже в официальных указах нарочито подчеркивал, что монахи – бездельники. Если древние монахи, по словам Петра, «сами себе трудолюбивыми своими руками пищу промышляли и, общежительно живяше, и многих нищих от своих рук питали, нынешние же монахи не токмо нищих питае от трудов своих, но сами чуждые труды поядаша, а начальные монахи (начальники. – *Авт.*) во многие роскоши впадоша» [4]. При этом царь отвергал традиционные представления о смысле монашеского бытия: «А что, говорят, молятся, то и все молятся... Что же прибыль обществу от сего? – вопрошал он. – Понеже большая часть бегут (в монастыри. – *Авт.*) от податей и от лености, дабы даром хлеб есть» [5].

Монастырская реформа должна была ликвидировать оппозицию, использовать монастырские вотчины и богатства для нужд государства, принудить монахов к выполнению государственных служб и повинностей и остановить моральное разложение монашества.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-11-43002.

Какие конкретно шаги предпринял Петр I в отношении монастырей?

Русские обитатели были призваны служить государству, став общественными мастерскими и богадельнями. В условиях Северной войны, которая сделала многих солдат инвалидами, остро встал вопрос их дальнейшего существования. По указу Петра I при монастырях учреждались богадельни для увечных и престарелых солдат и офицеров, а позднее для сирот и больных, которые должны были содержаться на доходы государства [6]. Чтобы монахи не оставались «праздными», монастырям также предписывалось заводить «художества» (столярные и иконописные мастерские) и школы [7].

Петр также попытался получить для нужд войны немалые богатства монастырей. С этой целью в 1701 г. он произвел секуляризацию монастырских владений [8]. Однако Монастырский приказ со своим ограниченным штатом не мог охватить и упорядочить заброшенное и рассредоточенное по всем областям страны монастырское хозяйство. В этих условиях власть пошла на попятную и начала передавать бывшие монастырские владения их прежним владельцам на выгодных для себя условиях [9]. В 1720 г. Монастырский приказ был закрыт, а монастырские земли, которые не успели раздать, указано было вернуть прежним владельцам. Сбором доходов от монастырских владений ведала теперь Камер-коллегия [10].

Поскольку монастыри вместе с землями потеряли основные источники доходов, монахам, как и чиновникам, государство через Монастырский приказ стало выплачивать жалование. Расходы на содержание одного монаха в 1701 г. были определены в 10 руб. и 10 четвертей [11] зерна в год [12]. Вскоре эти нормы были сокращены вдвое, но и этого ограниченного пособия монастыри зачастую не получали. И даже когда основная часть вотчин была возвращена монастырям, значительная часть доходов с них по-прежнему поступала государству. Все значимые расходы монастырей были поставлены под контроль государства [13]. В столицу приходило много просьб о выдаче денег на ремонт обветшалых зданий и на поддержание обедневших монахов [14]. Однако Петра I подобное положение дел не смущало. Вводя свои новшества, он говорил: «Наши монахи зажирили. Врата к небеси – вера, пост и молитва. Я очищу им путь к раю хлебом и водою, а не стерлядями с вином» [15].

Чтобы еще больше сократить затраты на содержание монастырей, государь изгнал отсюда всех мирян – дьячков, певчих, келейников, детей и родственников монахов. Резко ограничивалось количество «слуг и служебников», которые работали в монастыре. За нарушение данного порядка настоятели и монахи ссылались в далекие

поморские монастыри или обрекались на заточение «в крепких местах невозвратно» [16].

С той же целью «экономии» Петр I ограничил круг лиц, которые могли поступить в монастырь. В первую очередь этой возможности он лишил тех, кто еще не отдал свой «долг служения» государству. Так, запрещалось принимать в монахи мужчин моложе 30 лет; состоящих в браке и имеющих несовершеннолетних детей; сыновей без разрешения родителей; должников. Крепостные крестьяне могли постригаться лишь с разрешения помещика; неграмотным дозволялось поступать в монастырь только с ведома царя или Синода [17]. Для военнослужащих и чиновников постриг вовсе был запрещен [18]. Нарушивших этот запрет следовало насильно расстригать и отправлять в солдаты.

Однако Петр I этим не удовлетворился и в 1723 г. издал указ о полном запрете постригать в монахи. Исключение было сделано для отставных солдат и инвалидов, которых разрешалось помещать на освободившиеся места. В 1725 г. было разрешено постригать также вдовствующих священников и диаконов. Всех же остальных позволялось постригать только по разрешению Синода [19].

Петр I нанес удар по монастырям не только как по хозяйственным центрам, но и центрам книжности и культуры. Причиной этого стал тот факт, что из среды образованного монашества нередко появлялись произведения с резкой критикой проводимых реформ. Чтобы обезоружить своих противников, царь запретил держать в кельях бумагу, чернила и перья. Писать можно было только в общей трапезе с разрешения или по поручению настоятеля [20].

Несмотря на многие негативные стороны монастырской реформы, были в ней и некоторые положительные моменты. Государственная власть издала ряд распоряжений по улучшению духовной жизни и внутреннему быту монастырей. В «Прибавлении к Духовному регламенту» содержалось требование о том, чтобы монастыри жили по общежительному уставу; запрещено было взимать плату за постриг. Ограничивалось общение монахов с миром. Настоятелям вменялось в обязанность вести учет братии. Выход из монастыря допускался лишь с дозволения настоятеля и на непродолжительное время. Жизнь в монастыре не должна была подвергаться расстройству из-за посещения знакомых или родственников иноков. Монахам разрешалось четыре раза в год посещать своих родственников или старцев в других монастырях, но каждый раз с дозволения настоятеля.

По монастырской реформе монахи были переписаны и закреплены за монастырями. Обычные в прежние времена переходы из одной оби-

тели в другую были строжайше запрещены. Монаху предоставлялась возможность только раз за всю жизнь совершить такой переход, и то лишь с письменного разрешения настоятеля. Все «шатающиеся» без особого разрешения монахи автоматически считались беглыми. Таковых указывалось ловить и «держати по смерть в оковах и трудех монастырских» [21]. Вообще по новым правилам в монастырях широко применялось строгое тюремное заключение и телесные наказания [22].

Какие последствия имели эти шаги правительства для вятских обитателей и, в частности, для крупнейшего в крае Успенского Трифонова монастыря? Путь человека в монашество после запретительных законов Петра I усложнился. Чтобы поступить в монастырь, по Духовному регламенту крестьянину или мещанину необходимо было получить от сельского или городского общества «отпускное письмо», в котором горожане или селяне обязались взять на себя его налоговое бремя [23]. Обычно такие письма давались людям преклонных лет, имевшим тяжелые болезни, за которых обществу все равно приходилось платить подати вскладчину [24]. В результате в 1720–1730-е гг. средний возраст монахов в Трифоновом монастыре составлял 50–70 лет (в 1724 г. таковых было 87%). Возрастные ограничения на постриг (не менее 30 лет для мужчин) практически не нарушались [25].

Как повлияли реформы XVIII в. на численность, социальный состав и внутренний строй монашества? После петровских реформ оно переживало тяжелейшее время. В начале 1740-х гг. Синод пришел к заключению, что в монашеском чине «настоит ныне... умаление», и выразил опасение, что русское монашество находится на грани полного уничтожения [26]. Это хорошо видно по изменению численности русских обитателей. С 1702 по 1724 г., когда петровские реформы еще набирали силу, братия Вятского Успенского монастыря сократилась со 128 до 99 человек, т. е. на 22,7%. Несмотря на законы 1723 и 1725 гг., запрещавшие постриг всех сословий за исключением отставных военных и вдового духовенства, многие русские обители вплоть до 1730-х гг. продолжали постригать в монашество. Так, в Трифоновом монастыре с 1723 по 1735 г. было пострижено в монашество не менее 32 человек из крестьян и мещан [27]. Духовные власти готовы были идти на нарушение законов ради поддержания численности монашества.

Строгий контроль над исполнением петровского указа был введен позднее. По указу Синода от 11 марта 1735 г. во всех монастырях на настоятелей, допустивших постриги «неуказных чинов», был наложен штраф в размере 10 руб. за каждого постриженного, а самих монашеству-

ющих расстригали и под караулом отправляли к местам их прежнего жительства [28]. К 1737 г. в Вятской епархии выявили 301 незаконнопостриженного монаха, за которых следовало заплатить штраф 3010 руб. [29] Монахам Трифонова монастыря пришлось расстригать монашествующих, постриженных в противность указу 1723 г. в Орловском Спасском, Истобенском Троицком, Котельничском и Вятском Преображенском монастырях [30]. В последнем, например, только в 1736–1737 гг. было расстрижено 55 монахинь, что стало для многих потрясением [31].

Трагическим образом эти указы отразились также на судьбе архимандрита Слободского Крестовоздвиженского монастыря Никанора (Яминова). Находясь в 1723–1731 гг. в братии Успенского монастыря, он постриг по указанию настоятеля и архиерея в монашество «противу закона» 41 человека – иноков родной обители и послушниц Вятского Преображенского монастыря. В 1737 г., когда велось следственное дело о пострижении неуказных чинов, на него был возложен штраф (410 руб.), который он заплатить не смог (в то время годовое жалование настоятеля составляло 10 руб. в год). За «пострижение неуказных чинов в монахи и монахини и за неплатежем штрафных денег» он был лишен «начальства и священнослужения» и отправлен в Истобенский монастырь [32]. Остальные постригавшие к этому времени скончались.

Строгий контроль за постригами со стороны епархиальных властей и лишение настоятелей права самостоятельно проводить постриг привели к резкому сокращению численности монашества [33]. Обычно сухой язык цифр здесь очень красноречив. В Успенском монастыре с 1724 по 1739 г. численность братии упала с 99 до 25 человек, т. е. за 15 лет она сократилась в 4 раза. Временное увеличение до 37–39 человек братии наблюдалось лишь в 1740–1750-е гг., после того как по указу Синода от 7 марта 1741 г. было разрешено постригать всех желающих: помимо священно- и церковнослужителей – мещан и крестьян с отпускным письмом, разночинцев [34] с паспортами, «делами не обязанных» [35]. Однако после введения штатов в 1764 г., которые пытался ввести еще Петр I, численность монастырей катастрофически упала [36]. По штату в Успенском Трифоновом монастыре разрешалось иметь 17 человек братии (с 1797 г. – 22), Вятском и Слободском женских монастырях – 17, Истобенском Троицком, Орловском Спасском и Слободском Крестовоздвиженском – по 12 [37].

Но с учетом послушников и вдового духовенства, которых переводили на монашеские вакансии, чтобы платить им жалование, монахов в монастыре почти не осталось. В 1780–1790-е гг. в Трифоновой обители было только 7–9 монаше-

ствующих и несколько бельцов. Таким образом, за XVIII столетие численность братии Успенского монастыря сократилась на 95%. Для сравнения: к 1780 г. во всех вятских монастырях и архиерейском доме оставалось всего 80 монашествующих, в числе которых находились бельцы из духовенства, которые еще только готовились принять постриг [38].

Вместе с численностью изменился и социальный состав монашества. В вятских монастырях в 1724 и 1735 гг. по указанию Синода были проведены переписи братии. Они свидетельствуют о том, что до начала проведения петровских реформ в монашестве были представлены все социальные группы. Если взять для примера Трифонов монастырь, это были выходцы из крестьянства (40–50%), мещанства (10–25%), духовенства (ок. 35%) [39]. Практически не было только «служилых» сословий – солдат и чиновников (1–2 человека) [40].

При пострижении ни для какой социальной группы не делалось ограничений, даже для престарелых и больных нищих [41]. Примечательно, что после петровских указов подобных примеров в истории монастыря не встречалось. Более того, при монастыре в 1724 г. упоминается две больницы, в которых из 99 человек братии содержалось 29 монахов [42]. При этом в 1735 г. даже само слово «больница» не упоминалось: когда началось активное распределение солдат-инвалидов по монастырям, о подобных вещах предпочитали не говорить.

Таким образом, до закона 1723 г. (а в реальности – до 1735 г.) все категории населения имели практически равные возможности принять монашество, хотя и в силу большого количества крестьянства среди населения оно преобладало среди братии.

К середине XVIII в., когда государство стало жестко контролировать проведение законов о монашестве в жизнь, картина кардинально изменилась. В мужских монастырях приоритет среди братии получили представители вдового духовенства. Выйдя за штат, они не получали доходов ни из храма, ни от казны, оставаясь на содержании своих детей. Чтобы вдовы священнослужители «праздно не шатались», а в монастырях для служения были иеромонахи, духовное начальство настаивало на их помещении в обители [43]. При этом далеко не для каждого этот путь был желанным. После появления на Вятке духовной школы охотно стали брать в монастырь и семинаристов, которые, будучи образованными людьми, могли исполнять в монастыре высшие должности, в первую очередь казначея и келаря. Для самих семинаристов это был путь быстрой духовной карьеры. Из мирян реальный шанс получить монашество имели от-

ставные военные, которые, правда, редко им пользовались.

Совсем немного в монастыре стало крестьян и посадских – тех, кто, наверное, наиболее искренне и осознанно избирал монашеский путь. В 1702 г. простых монахов, выходцев из крестьянства и мещанства, в Успенском монастыре было 90% [44]. К 1740-м гг. численность простых монахов сократилась до 50–70%, а после введения штатов в 1764 г., как правило, их было не более 20% (1–3 человека, в некоторые годы – ни одного). Эти цифры наглядно показывают, что путь в монастырь для податных сословий если и не был совсем закрыт, то стал крайне сложен [45].

Русскому правительству удалось реализовать на практике идею Петра I о резком сокращении численности монашества и провести жесткий социальный отбор принимающих постриг. Значительно сократив возможность пострига для мирян, государство поставило монастыри на грань закрытия.

Более того, Петром I в феврале 1724 г. было указано «малобратственные монастыри и пустыни... вовсе упразднить». Так, в 1724 г. в Слободской Богоявленский монастырь были переведены монахи Верховятского Екатерининского монастыря, в Подгородный Богословский – из Раифской пустыни, Куринского Архангельского и Троицкого Холуницкого монастырей, в Котельничский Предтеченский монастырь – из Введенского Закобского и Куринского монастырей. Что касается пермских обителей, входивших тогда в ту же епархию, к Соликамскому Троицкому была присоединена Кайская Успенская пустынь, к Шерьинской Одигитриевой пустыни – Чусовская, Оханская и Верхъязвенская Успенские пустыни. После смерти Петра I лишь один монастырь удалось возродить: упраздненный в 1725 г. Троицкий Истобенский монастырь, монахов которого перевели в Спасо-Орловский монастырь, в 1727 г. вновь стал действующим [46]. Также было ликвидировано и большинство женских монастырей.

В тех монастырях, которые сохранились, уменьшение численности братии отразилось на богослужениях. Службы в монастырях обычно совершались ежедневно. Однако иеромонахов и иеродиаконов для совершения служения не хватало. Так, в достаточно благополучном 1724 г. в Слободском Богоявленском монастыре на 62 человека братии приходилось только 3 иеромонаха и не было ни одного иеродиакона, в Верхочепецком Крестовоздвиженском монастыре – на 30 человек братии 2 иеромонаха и 1 иеродиакон. Что же касается пустыней, то некоторые из них вообще не имели служащих монахов, поэтому не вполне ясно, как вообще там совершались богослужения. В то же время в Успенском монастыре на 99 человек братии приходилось 19 иеромона-

хов и 6 иеродиаконов [47]. В 1739 г. в 16 монастырях Вятской и Великопермской епархии в храмах было 35 престолов, но только у 12 совершались службы, поскольку на все монастыри приходилось 20 иеромонахов и 8 иеродиаконов [48]. Поскольку положение в Успенском монастыре было лучше, чем в других обителях (в 1739 г. здесь находилось 5 иеромонахов и 3 иеродиакона [49]), монахов отсюда нередко переводили в другие монастыри (с 1710 по 1744 г. перевели не менее 25 иеромонахов и иеродиаконов) [50].

Сокращение численности монашества повлияло и на духовную жизнь. Ограничение для поступления в монашество привело к исчезновению традиций старчества – духовного руководства. Хотя новопостриженные и должны были передаваться на определенный срок опытному старцу, в реальности таковых почти не встречалось. Некому стало передавать духовный опыт, в результате среди иноков стал пропадать интерес к внутреннему самосовершенствованию, «внутреннему деланию». Отсутствие опытных наставников, искреннего интереса к монастырской жизни наряду с редкой исповедью (4 раза в год) создавало немало проблем в духовной жизни.

Что касается указаний Петра I о создании архиерейских школ и содержании их на средства монастырей, они были исполнены уже после его смерти. Духовным регламентом было предписано обителям выделять на содержание духовных школ 20-ю долю урожая хлеба. Правда, из всех вятских монастырей только Успенский Трифонов содержал семинаристов и предоставлял им свои помещения с 1744 по 1794–1795 гг. Другие обители не могли оказывать помощь духовному образованию по причине своей отдаленности или крайней бедности [51]. Нахождение Вятской семинарии в стенах Трифонова монастыря в XVIII в. привело к тому, что многие ее выпускники приняли монашество и не менее десяти из них стали настоятелями вятских обителей [52].

Подчинение Церкви государству привело к тому, что с начала XVIII в. вятские монастыри стали активно использоваться правительством в качестве мест для ссылки и заключения. Например, в Трифоновом монастыре в 1722–1728 гг. находился греческий игумен Дионисий, ставший невольным заложником российской бюрократической системы [53]. В дальнейшем в обители стали посылать для отбытия церковной епитимии духовных и светских лиц за нравственные проступки [54].

Что же касается социального служения, в вятских монастырях были «больничные монахи», однако больницы в современном их понимании не было: немощные старцы освобождались от послушаний и служения, но их лечением и уходом за ними фактически никто не занимался. В 1702 г. на

128 человек братии приходился 41 больничный монах, в 1724 г. на 99 человек братии – 30 больничных [55].

Особой повинностью русских обителей, начиная с эпохи Петра I, стало содержание в ней отставных военных. Создавая армию, царь прагматично решил проблему воинов-инвалидов, множество которых появилось в результате Северной войны. Отставные военные, по мысли царя, должны были со временем заменить монахов в монастыре. В 1723 г. царь повелел «впредь никого не постригать, а сколько из обретающегося ныне числа оных будет монахов и монахинь будет убывать, о том в Синод рапортовать помесячно, и на те убылые места определять отставных солдат» [56]. Через год вышел царский указ «О звании монашеском; об определении в монастыри отставных солдат и об учреждении семинарии и госпиталей». Он указывал расписать отставных солдат-инвалидов по монастырям, устроить там госпитали. На одного монаха должно было приходиться два-четыре солдата, в зависимости от тяжести их заболеваний. При этом служащим монахам было указано своих келий не иметь, а жить в чуланах в тех же больницах [57].

Успенский Трифонов монастырь как крупнейший на Вятке взял на себя основную тяжесть по несению этой повинности. Военные начали прибывать в монастырь с 1725 г. Первоначально было прислано на пропитание 10 отставных солдат. К 1764 г. их число возросло до 166 человек, не считая 11, бывших в отлучке. Монастырь должен был содержать военных, выдавая им денежное жалование и хлебное довольствие. Повинность для монастыря была очень тяжелой. Во всех вятских монастырях в 1745 г. содержалось 48 человек, на которых тратилось 488 руб., не считая ржи и овсяной крупы. Из них основную сумму (303 руб. 72 коп.) платил военным Успенский монастырь. А в 1764 г. на 166 военных в год он расходовал 1035 руб. 22 коп. и 669 четвертей зерна [58].

Что же касается мастерских, они в вятских монастырях созданы не были. Только в женских обителях, не имевших земельных владений, по традиции занимались рукоделием, которое давало им пропитание в дополнение к скудным казенным суммам [59].

Церковная политика Петра I вызвала серьезные финансовые трудности в жизни монастырей. В 1705 г. царем была определена фиксированная сумма в 335 руб. 50 коп. для отсылки в Монастырский приказ [60], которая сохранялась практически неизменной вплоть до секуляризации 1764 г. От режима «крайней экономии» вятские монастыри быстро стали приходиться во «всекопечную скудость». Поначалу удавалось выжить

за счет старых запасов, а также выгодной покупки продуктов и материалов на рынке. Но через несколько лет обители оказались в бедственном положении. Даже настоятель богатейшего в крае Трифонова монастыря вынужден был сообщить царю, что «они имеют многое недостаточно, и скудость, и наготу, и слуги их за малость определения... в платеже окладных денег обнищали и одолжали, а на церквах Божьих и на всяком монастырском здании кровли и ограда и через ров мосты погнили и обвалились, и в братских кельях печи разгорели и ветхи, и колокольная связная на столбах погнила, стоит на подпорах, а вновь строить и старого починивать нечем» [61]. Выживали за счет угодий, если они были, а также добровольных вкладов [62]. Кроме того, чтобы государство не уменьшило суммы на содержание обители, монастырские власти порой скрывали реальные цифры численности братии и работников [63].

Не меньшие проблемы при Петре I возникли в вопросах благоустройства монастырей, поскольку без ведома Монастырского приказа, а затем Синода монастыри не имели права тратить средства на строительные и ремонтные работы. Государь всеми силами старался урезать монастырские доходы [64], а каменщиков со всей страны согнать на постройку новой столицы. В декабре 1710 г. он повелел «взять с Сибирской губернии [65] с посадов и уездов к адмиралтейству и к городским делам мастеровых людей и выслать их в Санкт-Петербург на вечное житье с женами и детьми... И по тому Нашему Именному указу выслать с Вятки... 50 каменщиков... вместе с провожатыми, с круговою друг по другу порукою, чтобы они, дорогой едуци, не разбежались». В довершение всему царским указом от 9 октября 1714 г. повсеместно было запрещено любое каменное строение (запрет действовал до 3 февраля 1729 г.) [66]. Тем самым каменное зодчество в провинции должно было приостановиться на неопределенный срок.

Но несмотря на запрет в 1710–1720-е гг. возводятся новые каменные постройки Успенского Трифонова монастыря. Между 1711 и 1717 г. были выстроены в камне колокольная и больничная церковь Афанасия и Кирилла Александрийских. Около 1727 г. была построена в камне Благовещенская церковь [67]. Помимо храмов в монастыре воздвигаются обширные жилые помещения. Около 1719 г. с западной стороны от надвратной церкви, на месте деревянных настоятельских и казначейских келий были выстроены каменные двухэтажные палаты – «кели архимандричьи да казенные каменные». К 1725 г. появились первые каменные братские кельи у алтаря надвратной церкви. Позднее они были продолжены по северной стороне соборной площади, образовав

обширный братский корпус [68]. Правда, другие вятские монастыри не имели финансовых возможностей для возведения каменных построек.

Петр I планировал кардинальные преобразования в отношении монашества. Предложенные им реформы хотя и не были реализованы в полном объеме при его жизни, но были продолжены последующими за ним правителями и доведены до логического завершения. Петровские реформы потрясли весь монастырский строй. Хотя они и имели одной из задач улучшение духовной жизни монашества, но реально не способствовали этому. В результате проводимых преобразований монашество во многом утратило свой авторитет как в обществе, так и в лице государства. Монастыри обезлюдели, была прервана живая традиция духовной преемственности разных поколений.

Реформы Петра I и его последователей поставили монашество на грань выживания. В этих условиях настоятелям приходилось лавировать между государственно-церковным законодательством, монастырскими уставами и правилами св. отцов, пытаясь найти «золотую середину» между потребностями монастыря и санкциями за неисполнение тех или иных узаконений [69].

Лишь в конце XVIII в. Павел I принципиально изменил отношение государства по отношению к монастырям, предоставив им различные льготы, увеличив финансирование и вернув им некоторые угодья [70]. Новое XIX столетие было призвано возродить в России не только хозяйственную жизнь русских обителей, но и сам монашеский дух, во многом утраченный в предыдущий период.

Примечания

1. Анисимов Е. Время Петровских реформ. Л., 1989. С. 331.
2. Русское православие: вехи истории / науч. ред. А. И. Клибанов. М., 1989. С. 245.
3. Анисимов Е. Указ. соч. С. 342–343, 351.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (далее – ПСЗ-1). Т. 4. № 1886.
5. ПСЗ-1. Т. 7. № 4450.
6. ПСЗ-1. Т. 4. № 1886; Т. 7. № 4151; № 4450.
7. ПСЗ-1. Т. 6. № 4022.
8. ПСЗ-1. Т. 4. № 1886.
9. Карташов А. В. Очерки по истории Русской Церкви. М., 2000. Т. 2. С. 623–624.
10. ПСЗ-1. Т. 6. № 3659.
11. С конца XVII в. «московская четверть» составляла 131,04 кг.
12. ПСЗ-1. Т. 4. № 1886.
13. ПСЗ-1. Т. 7. № 4151.
14. Русское православие: вехи истории ... С. 236–237.
15. Цит. по: Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1990. С. 492.
16. ПСЗ-1. Т. 4. № 1834; № 1886; № 1948.
17. Подобные ограничения не были новшеством. По церковным правилам с давних пор в монастырь не

- разрешалось брать крепостного (холопа) без воли его господина; тех, кто не уплатил подати; состоящих в браке принимать только по взаимному согласию, а малолетних и незамужних – с согласия родителей.
18. ПСЗ-И. Т. 6. № 4022.
 19. ПСЗ-И. Т. 7. № 4151; № 4672.
 20. ПСЗ-И. Т. 4. № 1834; Т. 6. № 4022; *Анисимов Е.* Указ. соч. С. 342–343.
 21. ПСЗ-И. Т. 6. № 4022.
 22. Русское православие: веки истории ... С. 240.
 23. Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). Ф. 237. Оп. 2. Д. 6. Л. 315–316, 318–318об. и др.
 24. ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 386. Л. 1–2.
 25. ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 6. Л. 37–60.
 26. *Онуфрий (Маханов), иерод.* Игумен Назарий – отец русского монашества // Русский инок. 2003. № 9 (172). URL: <http://www.russian-inok.org/page.php?page=way2&dir=way&month=0503> (дата обращения: 12.04.2011).
 - ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 45. Л. 6об. – 15, 115.
 27. *Нечаева М. Ю.* Уральское монашество XVIII века: нормы и практика пострига // Религия и церковь в Сибири. Вып. 8. Тюмень, 1995. С. 25–26. URL: <http://atlasch.nagod.ru/> (дата обращения: 21.10.2010).
 28. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 796. Оп. 15. Д. 350. Л. 744. Цифра была одной из самых больших в России.
 29. ГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 51. Л. 1–2об., 25–26об., 30.
 30. *Мохова Г. А.* Хлыновский Преображенский девичий монастырь в XVII – первой половине XVIII вв. // Православие на Вятской земле: м-лы регион. конф. Вятка, 2007. С. 119.
 31. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 307. Л. 3; Ф. 237. Оп. 2. Д. 3. Л. 120; Д. 7. Л. 155; Оп. 81. Д. 41. Л. 91, 119; Д. 45. Л. 7об., 9, 10об. – 14об.; Д. 140. Л. 1–1 об, 3, 7; *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. С. 804.
 32. *Нечаева М. Ю.* Уральское монашество XVIII века... С. 28.
 33. Под разночинцами понимались чиновники, служащие и пр.
 34. ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 336. Л. 3–3об.
 35. ПСЗ-И. Т. 15. № 11332, 11441, 11481; Т. 16. № 12060.
 36. ГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 253. Л. 8, 11об.; Оп. 85. Д. 17. Обложка; Ф. 247. Оп. 1. Д. 65. Л. 2.
 37. ГАКО. Ф. 237. Оп. 85. Д. 17. Обложка.
 38. Высчитано по: ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 6, 45.
 39. В этом было существенное отличие вятских монастырей от уральских и сибирских (См., напр.: *Нечаева М. Ю.* Уральское монашество XVIII века... С. 24–25).
 40. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1098. Л. 68об., 117; ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 6. Л. 45об., 54об., 56об., 58, 60; Д. 45. Л. 10, 14об.
 41. ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 6. Л. 53–60.
 42. ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 1. Л. 119об.; Оп. 2. Д. 14. Л. 245.
 43. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 55. Л. 292–293об.
 44. В женских монастырях и после петровских указов социальный состав мало изменился. Так, в 1735 г. в Преображенском женском монастыре г. Хлынова (Вятки) из 84 монахинь 41 вышли из крестьянства, 24 – из посадского населения и только 7 – из духовного сословия (*Мохова Г. А.* Указ. соч. С. 118).
 45. ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 25–119; Очерки истории Вятской епархии (1657–2007). Киров (Вятка), 2007. С. 89.
 46. Подробнее см.: ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5.
 47. *Титлинов А.* Правительство императрицы Анны Иоанновны в его отношениях к делам православной церкви. Вильна, 1905. С. 300.
 48. ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 335. Л. 1–2; Д. 338. Л. 1 и др.
 49. В том числе с 1710 по 1724 г. переведены 15 человек из Успенского монастыря, и вновь, с некоторым перерывом, с 1739 по 1744 г. – 10 человек (ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 26об., 38, 45об., 51об. – 52, 57об. – 58, 80, 112об., 117об.; Д. 157. Л. 1–2).
 50. ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 4. Л. 589; Оп. 2. Д. 6. Л. 494; Д. 12. Л. 716; Оп. 84. Д. 351. Л. 1, 7, 8 и др.
 52. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 162. Л. 6об.; Д. 283. Л. 32–32об.; Д. 307. Л. 4; Д. 353. Л. 103, 128об., 140об.; Ф. 237. Оп. 1. Д. 4. Л. 275–275об., 326, 412, 420, 484, 574; Оп. 2. Д. 13. Л. 206–206об., 212–213об.; Оп. 2. Д. 20а. Л. 426об., 434об., 485, 576; Оп. 74. Д. 771. Л. 1–2; Оп. 76. Д. 192. Л. 9; Ф. 247. Оп. 1. Д. 18. Л. 378; *Строев П. М.* Указ. соч. Стб. 804; *Верещагин А.* Слободской Крестовоздвиженский архимандрит Иона Шестаков // Труды Вятской ученой архивной комиссии (далее – ТВУАК). 1907. Вып. 1. Отд. 3. С. 68–70; Очерки истории ... С. 120.
 53. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Священного Правительствующего Синода. Т. 2. Ч. 1. (1722). СПб., 1879. С. 89–94. Подробнее см.: РГИА. Ф. 796. Оп. 2. Д. 73.
 54. Подсчитано по: ГАКО. Ф. 247. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–67об., 139–142об.
 55. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 55. Л. 291об.–293; ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 12. Л. 649; Оп. 81. Д. 6. Л. 46, 48, 53–60.
 56. ПСЗ-И. Т. 7. № 4151.
 57. ПСЗ-И. Т. 7. № 4450.
 58. Вятка. Материалы к истории города. М., 1887. С. 253, 260, 304–305; ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 3. Л. 286об., 367, 410; Оп. 2. Д. 11. Л. 319об.; Оп. 74. Д. 27. Л. 29об.; Д. 78. Л. 26–28, 50об. – 51, 54об.
 59. *Мохова Г. А.* Указ. соч. С. 118.
 60. Челобитная Вятского мужского монастыря (1711 г.) // ТВУАК. 1912. Вып. 1–2. Отд. 2. С. 215.
 61. Там же. С. 213–214.
 62. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 15. Л. 119.
 63. *Верещагин А. С.* Эпизоды из жизни основателя Вятской семинарии. Вып. 2. Вятка, 1902. С. 170.
 64. ПСЗ-И. Т. 7. № 4151 и др.
 65. В это время Вятская провинция относилась к Сибирской губернии с центром в г. Тобольске.
 66. *Тинский А. Г., Шуклин А. К.* Архитектурный ансамбль Соборной площади Успенского Трифонова монастыря. XVII–XIX вв. // Энциклопедия земли Вятской. Т. 5. Архитектура. Киров, 1995. С. 223.
 67. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1098. Л. 94об.; Вятка. Материалы ... С. 213, 249; *Тинский А. Г., Шуклин А. К.* Указ. соч. С. 223.
 68. ГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 27. Л. 25; Д. 398. Л. 16; *Тинский А. Г., Шуклин А. К.* Указ. соч. С. 219.
 69. *Нечаева М. Ю.* Уральское монашество ... С. 22.
 70. ПСЗ-И. Т. 24. № 18273.

УДК 94(470.392)

Д. А. Акирейкин

ТРАДИЦИЯ ПРАЗДНОВАНИЯ «ЦАРСКИХ ДНЕЙ» В ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

В статье освещается вопрос о праздновании «царских дней» в Вятской губернии во второй половине XIX в. На основе архивных источников и периодических изданий автор раскрывает историю государственных праздников и их влияние на духовную и культурную жизнь губернии.

The article is concerned with celebrating the "Tsar's days" in Vyatka province during the second half of the XIX century. Relying on archival sources and periodicals, the author reveals the origin of these festivities and their impact on the spiritual and cultural life of the province.

Ключевые слова: Российская империя, «царские дни», праздники, коронация, Николай II.

Keywords: The Russian Empire, the Tsar's days, holidays, coronation, Nicholas II.

В последнее десятилетие в российской исторической науке все активнее складывается новое направление – микроистория. Объектом ее исследования становится прежде всего повседневная жизнь и ментальность «маленького человека», обычно теряющегося в череде масштабных событий эпохи. Большое внимание уделяется повседневной жизни различных классов: дворян, купцов, интеллигенции, крестьянства и т. д. Тем не менее их политические взгляды, социокультурный облик и ценностная ориентация до сего дня остаются малоизученными. Рассматривая историю повседневности российской провинции второй половины XIX в., нельзя обойти стороной такую ее важную сторону, как общественно-политическая жизнь. Изучение образа мыслей людей, их мировосприятия, ментальности и мотивации их поступков позволяет исследовать исторический процесс во всем его многообразии, понять эпоху изнутри. Именно ментальность представляет собой тот уровень общественного сознания, на котором мысль неотделима от эмоций. Менталитет теснее всего связан с действиями различных социальных групп, обусловлен различными событиями. Менталитет русского народа коренится в традиционной крестьянской культуре, так как именно она лежала в основе массового сознания. Высокие нравственные принципы, воспитанные прежде всего на христианской вере, чувстве верности долгу, Родине и царю, приобретенные за столетия, стали характерными признаками менталитета русского народа.

Одной из сторон, наиболее полно отражающих эти принципы, можно считать и традицию празднования так называемых «царских дней», зародившуюся еще во времена Древней Руси. К XIX столетию традиция празднования «царских дней», почитавшихся как важнейшие государственные праздники, окончательно устоялась. «Царские дни» – это дни, установленные в память событий из жизни царствующего дома [1]. В конце XIX – начале XX в. они разделялись таким образом.

1. Высокоторжественные: день восшествия на престол царствующего монарха; день коронации; день рождения и тезоименитства императора; дни рождения и тезоименитства цесаревича и цесаревны; дни рождения и тезоименитства царствующей и вдовствующей императриц.

2. Торжественные, к ним относились рождения и тезоименитства прочих особ царствующего дома Романовых.

Сама традиция празднования «царских дней» уходит своей историей во времена Древней Руси, когда тезоименитства князя отмечались как государственный праздник. Празднование дня рождения монарха ставилось на второй план после крещения и впервые было объявлено «царским днем» только при Федоре Алексеевиче. А традиция отмечать дни коронации пошла от Указа Петра I от 16 мая 1721 г., где он повелевал торжествовать помазание на царство молебном «ко Всеблагому Богу нашему, равно как торжествуют день Его Величества рождения и день Его же Величества тезоименитства» [2]. Но при этом «царские дни» являлись не столько светскими, сколько религиозными праздниками, тем самым подтверждая главенство Божьей воли над фактом естественной смены правителя. В указанные дни в храмах служился особый молебен, являющийся основной частью празднования любого «царского дня». В дни рождения совершался общий благодарственный молебен, а в день тезоименитства – молебен одноименному святому. В день восшествия на престол государя-императора и его коронации служились молебны по особому чину. Остальные, не высокоторжественные дни, переносились на ближайшее воскресенье. В случае если «царский день» выпадал на первую неделю Великого поста, он переносился на неделю Православия. В случае выпадения на Страстную неделю (последнюю неделю Великого поста) или первый день Пасхи «царский день» переносился на понедельник Светлой седмицы. Если праздничные события не совпадали с траурными днями или Великим постом, они сопровождалась разнообразными светскими увеселениями. Траур прерывался «царским днем», но в этом случае каких-либо увеселительных мероприятий не проводили или делали их весьма скромными.

Празднование «царских дней» сопровождалось обязательной благотворительностью, в ходе которой малоимущие, вдовы и старики получали единовременные выплаты из государственной казны. Традиция попечения об общественном благе, возникшая в начале XIX в., получила наибольшее развитие к концу столетия, приобретая особое значение. Так, фонды Государственного архива Кировской области сохранили наряд о выдаче соответствующих единовременных пособий в Вятской губернии, приуроченных к коронации императора Николая II в 1896 г. [3]

Благотворительностью занималось не только государство в лице царствующего монарха или его родственников, но и частные лица, жертвовавшие средства на открытие часовен, храмов, богаделен и школ. Так, в ноябре 1896 г. в селе Полом Глазовского уезда на деньги волостного схода был открыт сад в «ознаменование Священного коронования Их Императорских Величеств» [4]. Летом 1897 г. жители починка Кодочигова Яранского уезда открыли часовню во имя Святого Николая Чудотворца и Святомученицы Александры и организовали при ней школу грамоты. Позже там была построена деревянная церковь в честь Святого Николая Чудотворца [5]. В июне 1898 г. в селе Богородицком Нолинского уезда открыта богадельня для женщин [6]. Учитывая многонациональный и многоконфессиональный состав Вятской губернии, благотворительностью занимались не только русские, но и представители других наций. Так, проживавшие в городе Малмыже домовладельцы-мусульмане Музафаров и Хамидуллин в 1896 г. в ознаменование коронации императорских особ попытались передать принадлежащий им дом в ведение земства для открытия в нем татарской начальной школы. Но из-за бюрократических проволочек, связанных с открытием в этом же доме при школе мусульманской молельни, их предложение было отклонено хозяйственным департаментом министерства внутренних дел [7]. Кроме того, на средства волостных и земских властей в день коронации для церквей, храмов и часовен были приобретены иконы Святого Николая Чудотворца и Святомученицы Александры [8].

Коронация была одним из самых главных, высокаторжественных государственных праздников, наиболее полно отражавших истинное отношение населения к персоне императора. 20 октября 1895 г. министр внутренних дел И. А. Горемыкин в циркуляре вятскому губернатору указывает: «Государю Императору благоугодно было высказать предложение о назначении Св. Коронования Их Императорских Величеств в мае месяце 1896 г. и об издании Высочайшего Манифеста о Св. Короновании 1 января 1896 г. Вместе с тем Его Императорское Величество Высочайше со-

изволил на вызов в Москву, к торжествам Св. Коронования, по примеру предшествовавших Коронаций, депутатов сословных, городских и земских» [9]. К торжествам Св. Коронования в Москву были вызваны представители: от дворянства, земства, городского и сельского населения. Согласно циркуляру, дворяне, председатели земских управ, главы городов, а также их ассистенты должны быть в соответствующих мундирах либо во фраках, подобающих торжественным событиям. Волостные старшины и представители от сельского населения в приличной обычной одежде, а инородческие депутаты в одежде их племени с должностными знаками и знаками отличия.

Порядок празднования дня Св. Коронования был высочайше утвержден 25 апреля 1896 г. и опубликован во всех периодических изданиях империи, в том числе и «Вятских губернских ведомостях», и предусматривал следующее:

1. Накануне дня коронации 13 мая в 6 часов вечера совершается всенощное бдение в кафедральном соборе губернского города и в прочих городских и сельских церквях губернии.

2. В день коронации 14 мая в кафедральном соборе и церквях городов и сел губернии проходила Божественная литургия.

3. По получении губернатором телеграммы от министра внутренних дел или военного министерства с извещением о произошедшем в Москве высокаторжественном событии во всех церквях совершается благодарственный молебен, по окончании которого и возглашения многолетия их императорским величествам проводился церковный парад и колокольный звон, продолжающийся три дня.

4. Жителям предоставлялась возможность украшать и иллюминировать свои дома, а вечером в день коронации устраивать народные праздники и гуляния [10].

На торжественную церемонию коронации Николая II в Москву была отправлена депутация из представителей всех сословий, проживавших в Вятской губернии [11]. Во время молебна в честь торжественного въезда в Москву императора и императрицы, проходившего 9 мая 1896 г. на площади перед кафедральным собором Московского Кремля, присутствовали губернатор Вятской губернии Ф. Ф. Трепов и чины различных ведомств г. Вятки. В самой Вятке по данным «Вятских губернских ведомостей» на площади перед Кафедральным собором было проведено молебен, на котором присутствовали вице-губернатор, чины различных ведомств и масса горожан и простого народа [12].

Коронация императора Николая II Александровича и императрицы Александры Федоровны прошла в Московском Кремле 14 мая 1896 г. Торжественные мероприятия прошли и в самой столи-

це губернии, они описаны в двух главных периодических изданиях губернии. В «Вятских епархиальных ведомостях» вышла совсем небольшая заметка о проведенных в этот день богослужениях:

«День Священного Коронования Их Императорских Величеств ознаменован был в г. Вятке торжественным Богослужением. Накануне этого дня во всех церквях города были всенощные бдения, а в сам день Коронования обеды. В Кафедральном соборе, при пении соединенного хора из архиерейских певчих, воспитанников Семинарии и воспитанниц Епархиального женского училища, литургию совершал Его преосвященство, Преосвященный Сергей. Затем, по получении телеграммы из Москвы о благополучно состоявшемся Короновании Их Императорских Величеств, в церквях города, во втором часу дня, отправлены были благодарственные молебствия. Торжественное Богослужение в Кафедральном соборе, в присутствии властей и народа, совершено было Преосвященным Сергием и Варсонофием» [13].

Более подробно произошедшие в дни коронации события описывают «Вятские губернские ведомости»:

«Никогда город не украшался как в день коронации. Каждый дом был убран флагами, во многих окнах были выставлены вензеля и портреты Их Императорских Величеств. Особенно выдавались по украшению: дом, занимаемый господином начальником губернии, железнодорожное управление, присутственные места на берегу (Вятки), гимназии, реальное училище, дома губернского земства, отделение государственного банка, волжско-камский банк и др. По обеим сторонам подъезда у дома, занимаемого господином начальником губернии, стояли высокие мачты, от которых к земле спускались зеленые гирлянды; в середине мачт были помещены, с одной стороны, государственный герб, с другой – герб Вятской губернии. Над подъездом красовался вензель. Дома, занимаемые железнодорожным управлением, были освещены бесчисленным количеством цветных стаканчиков, на крышах домов помещались: на управлении обыкновенный государственный герб, а на квартире господина Быховца художественно написанный двуглавый орел, держащий в лапах зеленую ветвь. Крыши домов были соединены проволокою, на которой навешаны флаги. Перед театральным садом возвышалась в высшей степени красивая арка с тысячами стаканчиков. Хорошо были украшены здания присутственных мест, где кроме нескольких вензелей были выставлены портреты Их Императорских Величеств. Отделение государственного банка было очень красиво увешано зелеными гирляндами. Вообще трудно перечислить все украшенные дома.

Около 9 час 30 мин вечера началась иллюминация. Погода была плохая, шел дождь, но это не помешало быть на улицах такому количеству народа, которого нам не случилось видеть. По улицам Московской и Спасской нельзя было пройти. Громадная толпа народа скопилась у железнодорожного управления и перед общественным собранием, где играла музыка, сначала в типографии Огородникова, а потом в клубе. После каждого исполнения народного гимна народ кричал “ура!”, бросал вверх шапки и требовал повторения. Таким образом “Боже, Царя храни!” было сыграно больше пяти раз. Затем оркестр сыграл попури из “Аскольдовой могилы” и “Камаринскую”. Нужно было видеть, как при исполнении последней пьесы сотни человек пустились по грязи “в присядку”, поощряемые одобрительными возгласами нескольких тысяч зрителей. Затем народ снова стал просить сыграть “Боже, Царя храни!”, но музыка уже ушла с балкона в комнаты общественного собрания. Но еще долго раздавались крики “ура!” перед освещенными вензелями Их Императорских Величеств.

В среду, 15 мая, по случаю Священного Коронования Их Императорских Величеств у Его Превосходительства господина начальника губернии был устроен для чинов различных ведомств г. Вятки завтрак, на котором присутствовало до двухсот человек. В помещении казенной палаты состоялся завтрак для канцелярских служителей и писцов различных учреждений Министерства внутренних дел, казенной палаты, правления государственными имуществами. Завтрак, на котором присутствовало около 130 человек, был устроен по инициативе господина начальника губернии. Точно так же по инициативе Его Превосходительства был устроен в губернской типографии завтрак для 100 человек рабочих типографии и сторожей. Его Превосходительство господин начальник губернии и господин вице-губернатор почтили своим присутствием завтрак в казенной палате и губернской типографии и выпили по бокалу шампанского за здоровье Их Императорских Величеств, причем провозглашенные господином начальником губернии заздоровные тосты были покрыты троекратными восторженными “ура” присутствующих» [14].

Кроме того, по случаю празднования коронации совет Вятского благотворительного общества объявил о предоставлении бесплатных обедов для малоимущих жителей Вятки 14, 15 и 16 мая [15].

За десять дней до коронации во всей Российской империи отмечали другое высокоторжественное событие – день рождения Николая II. По сообщениям «Вятских губернских ведомостей», «в понедельник, 6 мая, в день рождения Его Императорского Величества Государя импе-

ратора Николая Александровича, в Кафедральном соборе была отслужена божественная литургия, а после нее молебен с провозглашением многолетия Государю Императору и всему Царствующему Дому» [16]. В тот же день на военном манеже был устроен бесплатный военный спектакль: «Божье наказание» – драма в трех действиях – и «Вот так выручил из беды» – комедия-шутка в одно действие. Перед началом спектакля оркестр исполнил гимн «Боже, Царя храни!». В дни рождения императорская фамилия получала на свое имя телеграммы и письма с поздравлениями со всей империи. Поздравления отправляли не только чиновники и дворяне, но и простое население. Так, крестьянин Сарапульского уезда Яков Вахрин в ноябре 1885 г. отправил на имя императрицы Марии Федоровны (супруги императора Александра III) соответствующую телеграмму с поздравлениями и выражением верноподданнических чувств [17].

Таким образом, можно сказать, что «царские дни» оказывали существенное влияние на духовную, религиозную, нравственную и культурную жизнь общества Вятской губернии, что выражалось в открытии часовен, церквей, школ и богаделен, благотворительной деятельности, проповедях церковных деятелей. Светская и церковная власти всячески подчеркивали главенство Божьей воли, православия и духовности над мирскими ценностями, что позволяло сохранить их иерархию в стремительно меняющихся условиях общественно-политической жизни Российской империи в целом и Вятской губернии в частности. Желание оправдать в массовом сознании необходимость сохранения существующего политического строя приводило к тому, что власть императора воспринималась в народной среде как данная Богом. Выражение этих чувств получило в историографии название «общественного», или «народного», консерватизма, вобравшего в себя традиционные для XIX столетия идеи об уникальности и самобытности русского народа, православия и абсолютизма, веру в справедливую, сильную власть царя как гаранта стабильности и целостности России. Несмотря на постепенное падение авторитета царской власти в конце XIX в. не только в среде образованного общества, но и в народе, население в своей массе еще крепко веровало в идею самодержавной власти.

Примечания

1. Полный церковнославянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений) / сост. свящ. Григорий Дьяченко. 1900 г. URL: <http://dic.academic.ru>.

2. «Царские дни» и их влияние на религиозную жизнь Петербурга первой четверти XIX века. URL: <http://ricolor.org>.

3. ГАКО. Ф. 582. Оп. 42. Д. 9.

4. ГАКО. Ф. 582. Оп. 42. Д. 154. Л. 1, 4, 4об.

5. ГАКО. Ф. 582. Оп. 42. Д. 184. Л. 6–7, 7об.

6. ГАКО. Ф. 582. Оп. 42. Д. 158. Л. 2–3.

7. ГАКО. Ф. 582. Оп. 42. Д. 133. Л. 3, 3об., 25, 25об.

8. ГАКО. Ф. 582. Оп. 42. Д. 33-а.

9. ГАКО. Ф. 582. Оп. 41. Д. 111. Л. 1.

10. Вятские губернские ведомости. 1896. № 36. С. 11.

11. ГАКО. Ф. 582. Оп. 41. Д. 111.

12. Вятские губернские ведомости. 1896. № 37. С. 5.

13. Вятские епархиальные ведомости. 1896. № 10, ч. неофиц. С. 515.

14. Вятские губернские ведомости. 1896. № 38. С. 3–4.

15. Вятские губернские ведомости. 1896. № 37. С. 5–6.

16. Вятские губернские ведомости. 1896. № 36. С. 5.

17. ГАКО. Ф. 582. Оп. 33. Д. 170.

УДК 94(470.51)«18»

Т. А. Васина

КАМСКО-ВОТКИНСКИЙ ЗАВОД В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.: ОБЩЕСТВЕННО-КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА ПРОМЫШЛЕННОГО ЦЕНТРА (ПО МАТЕРИАЛАМ «ВЯТСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»)

В статье на примере Камско-Воткинского завода показана специфика крупного промышленного центра Вятской губернии в пореформенный период. Страницы периодической печати осветили сложность социальной структуры, занятость и досуг населения, градостроительные традиции, систему учреждений социальной и культурной сферы. Проведенный анализ общественно-культурной среды позволил сопоставить заводские и городские поселения.

The author analyzes the specifics of a large industrial center of the Vyatka province in the post-reform period on the example of the Votkinsk plant. The periodical publications make it possible to show the complexity of the social structure, employment and recreation of the population, urban traditions and level of infrastructure development, system of institutions of culture and social sphere. The study of the socio-cultural environment has contributed to comparing the factory and urban settlements.

Ключевые слова: горнозаводской центр, общественно-культурная среда, региональная печать.

Keywords: industrial center, socio-cultural environment, regional press.

«Вятские губернские ведомости» (далее – ВГВ), газета, выходившая в г. Вятке в 1838–1917 гг., состояла из двух частей: официальной, в которой печатались правительственные постановления, распоряжения местных властей и казенные объявления, и неофициальной, содержащей материалы о внутренней жизни губернии.

© Васина Т. А., 2012

За время существования в неофициальной части ВГВ было опубликовано множество материалов по истории, этнографии, археологии, географии и другим областям знаний, в т. ч. сведения по истории г. Воткинска (Камско-Воткинского завода Сарапульского уезда Вятской губернии). Здесь увидели свет историко-этнографические очерки И. Масловского, В. Феклистова, М. Блинова. Их заметки содержали историю основания градообразующего предприятия, статистические данные, описания местных достопримечательностей, образа жизни и нравов заводских служащих. Освещение текущих событий проводилось в рубриках «Корреспонденции», «Вести из уездов», «Наша почта», «Местный отдел» и «Вятская хроника». ВГВ достаточно полно иллюстрирует развитие заводского поселка в изучаемый период: систему управления, занятость населения, инфраструктуру, учреждения просвещения и культуры, медицину и санитарное состояние, досуг, достопримечательности и события. По всем этим аспектам особую ценность представляет мнение современников, которые нередко выступали с критикой сложившегося положения под псевдонимами «Инкогнито», «Приезжий», «Житель», иногда указывая лишь инициалы.

Во второй половине XIX в. в промышленных центрах страны, включая Камско-Воткинский завод, произошли качественные изменения, катализатором которых во многом послужила отмена крепостного права. Реорганизация металлургической отрасли коснулась разных областей жизни заводского общества: индустрии, сферы управления, численности и структуры населения, видов деятельности, административных и общественных учреждений и т. д. Прежде всего, рабочие получили личную свободу, труд на промышленных предприятиях стал основываться на принципе вольного найма. 8 марта 1861 г. вступило в силу «Положение о горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства Министерства финансов». Заводские люди освобождались от обязательной службы на производстве, подразделялись на мастеровых и сельских работников, переводились в разряд «сельских обывателей» и наделялись землей [1]. В Камско-Воткинском заводе в 1863 г. было сформировано сельское самоуправление: завод выделен в особую Воткинскую волость, состоящую из четырех обществ (по две в Нагорной и Заречной частях).

Претерпели изменения внешний облик, инфраструктура и благоустройство промышленного селения; по количеству жителей, общественных учреждений Камско-Воткинский завод в изучаемый период почти не уступал официальным городам губернии. В частности, по данным на 1888 г., в поселке при предприятии насчитыва-

лось 20 274 человека, свыше 3 100 обывательских домов, 3 церкви, учреждения социальной сферы (7 училищ, 2 больницы, богадельня) и культуры (музей, библиотека) [2]. Для сравнения: в уездном г. Сарапуле в конце XIX в. (1897 г.) проживали 21 268 человек [3], по стандартам того времени уездный центр относился к средним городам страны (от 20 до 100 тыс. жителей) [4].

Описание Камско-Воткинского завода как фабричного города появилось в ВГВ вскоре после отмены крепостного права. 22 июля 1866 г. в рубрике ВГВ «Вятская хроника» было перепечатано «Сообщение из Воткинского завода», ранее (29 июня) опубликованное в «Русских ведомостях» (г. Москва) и содержавшее характеристику заводского селения и его достопримечательностей: «Воткинский завод считается главным заводом уральского горного округа как по величине своей, так и по обширности производства работ; поэтому и находится в нем отдельный горный начальник, который в сущности есть начальник округа, состоящего из одного завода. Заводской пруд, по обширности и глубине своей, имеет полное право на название большого озера... на двух сторонах его раскинуто 3 тысячи домов, с 16 тысячами жителей, а в середине обширный завод с его фабриками. В длину всей плотины пруда рассажен прямолинейный бульвар, по середине которого стоит памятник в ознаменовании посещения Воткинского завода, в 1837 г., Государем-Наследником...» [5]

В начале 1870-х гг. селение Воткинского завода, по определению В. Феклистова, было похоже на прибрежный город при большой судоходной реке: «По постройкам казенных зданий, по числу частных домовладельцев... а также по обыденной и праздничной жизни обывателей завода Воткинский завод не уступает своим видом и оживленностью, так же как и в торговом отношении, любому из уездных городов Вятской губернии» [6].

Промышленный центр отличался сложностью социальной структуры: большая часть домовладений принадлежала мастеровым, остальная – канцелярским чиновникам, купцам, мещанам, крестьянам, отставным солдатам. Разнообразной была этническая и конфессиональная структура населения заводского поселка: здесь проживали русские, удмурты, татары, иностранные специалисты; православные, старообрядцы, мусульмане.

Базой общественного и домашнего быта мастеровых (основной категории местного населения) после отмены крепостного права по-прежнему оставался труд на производстве. «Сообщение из Воткинского завода» 1866 г. отмечает: «...В настоящее время завод действует вольнонаемными мастерами, в которых не чувствуется недостатка, т. к. народ не бросает своего дела, к которому

привык с детства...» [7] Земледелие, огородничество и скотоводство здесь были развиты лишь в той степени, которая позволяла удовлетворить домашнюю потребность. В. Феклистов писал, что в начале 1870-х гг. хлебопашеством занимались только несколько семей мастеровых, арендовавших у завода пашни в размере 300 дес. Подавляющее большинство заводских рабочих все же покупало хлеб на рынке [8]. Свидетельство И. Масловского, что среди мастеровых начинает пробуждаться склонность к земледельческой культуре, относится уже к 1890 г. [9], но и в конце XIX в. хлебопашество для этой социальной категории скорее было исключением из правил.

Кроме металлургического производства в Камско-Воткинском заводе еще в дореформенный период получила развитие кустарная промышленность. В частности, в 1856 г. здесь насчитывалось 517 ремесленников: 15 портных, 3 модистки, 15 сапожников, 70 столяров, 150 кузнецов, 100 слесарей, 30 печников, 2 трубочиста, 25 хлебников, 15 мясников, 16 каретников, 10 извозчиков, 4 коновала, 6 лудильщиков, 10 шапочников, 10 кожевников, 5 овчинников и 1 часовщик [10]. Большая часть ремесленников занималась кузнечным ремеслом: в 1842 г. имели кузницы 212 мастеровых [11]. Тем не менее из-за дефицита времени и отсутствия сбыта кустарная промышленность среди мастеровых была развита слабо. Деятельность градообразующего предприятия была ориентирована на выполнение государственных заказов (часто для военных нужд), поэтому на местном рынке наблюдался дефицит промышленных товаров народного потребления, что отметили ВГВ в 1866 г.: «За всем тем старания ваши приобрести покупкою какое-нибудь, хотя ничтожное, но местное произведение остались бы совершенно безуспешными: ни в одной лавчонке вы не найдете ничего местного. Вот замечательная черта наших фабричных городов и вообще производительных местностей» [12]. Подобная ситуация сохранилась и к концу XIX в. В 1885 г. ВГВ писали: «В селе Воткинске... уже давно развито, хотя и довольно слабо, производство металлических изделий из железа, стали, чугуна и меди; тамошние жители, главным образом, заняты выделкою тарантасов; приготовление различного рода мелких поделок, как то: ножей, серпов, молотков, топоров и т. п. – совершенно ничтожно» [13]. С 1884 г. воткинские мастера стали выпускать сельскохозяйственные машины: плуги, борону-зигзаг № 14, ручные молотилки по образцу череповецкой мастеровой А. Подшивалова, веялки по образцу вятских и пермских. Первоначально работали всего 2 мастера. Тарантасы в 1885 г. делали около 40 мастеров [14].

Торговля в Камско-Воткинском заводе, по определению В. Феклистова, не уступала уезд-

ному городу. Здесь функционировали 20 лавок с тканями («бумажными», т. е. хлопковыми, шерстяными и шелковыми), 27 галантерейных, 10 кожевенных, 15 мелочных (небольшие торговые точки с розничным товаром), 5 с изделиями кузнечного промысла, 12 продуктовых; в сфере услуг действовали 2 гостиницы, 3 рейнских погребов, 3 харчевни и около 80 питейных заведений [15]. По пятницам и субботам проходили базары. Но вследствие занятости мастеровых на производстве торговля сосредоточилась в руках иногородних купцов, мещан и крестьян.

Градостроительные решения в Камско-Воткинском заводе (как и во всех горнозаводских центрах Уральского региона) разрабатывались с учетом создания ряда функциональных зон – промышленной, жилой, торговой, общественной и административной. Градообразующая роль промышленного предприятия являлась главной особенностью заводских поселений: корпуса металлургического производства составляли т. н. «ядро города» (Н. П. Анциферов) – центральную часть, определяющую индивидуальность поселения в его дальнейшем развитии. Промышленная зона включала в себя комплекс фабричных построек: плотину, заводские фабрики, подсобные хозяйственные помещения. Плотиновая система стала градостроительной основой заводских поселений. Производственные здания размещались в строгой зависимости от источника энергии (воды): фабрики возводились перпендикулярно плотине и параллельно водопроводным ларям. Линия плотины дала направление улицам; в заречной части улицы располагались вдоль реки и берега пруда [16]. Наряду с предприятиями архитектурный ансамбль центральной части Камско-Воткинского завода был образован административными зданиями присутственных мест. Жилая зона занимала все основное пространство и состояла из массы обывательских домов с подсобными хозяйственными постройками и огородами. Важным элементом заводской среды являлись зоны общественные – площади, парки, бульвары, купальни, общественные учреждения, памятники и храмы (3 православные церкви, включая освященный в 1828 г. Благовещенский собор, мечеть).

Наиболее известной достопримечательностью Камско-Воткинского завода, о которой неоднократно писали ВГВ, был памятник-якорь: «На одном из лучших мест плотины Воткинского завода, посреди довольно красивого бульвара... величественно возвышается якорь со штоком, увенчанный морскими канатами (цепями) и опирающийся на довольно высокий и красивый пьедестал. Последний окружен очень изящною решеткой, разделенной на 12 частей колоннами, на вершине каждой из них восседает двуглавый орел с распущенными вниз крыльями... Кругом памят-

ника, вне решетки, площадка каждое лето... укрывается... клумбами цветов. Как бульвар, так и площадка около памятника служат для жителей завода в летнее время любимым местом для вечерних прогулок и отдыха от дневных трудов...» [17] История создания этого памятника тесно связана с именем императора Александра II, который, будучи еще наследником престола, посетил Воткинский завод 22 мая 1837 г. и принял участие в ковке якоря в Троицкой якорной фабрике. Якорь стал предметом спора между Воткинским заводом и Черноморским адмиралтейством, по заказу которого он ковался. Спор был разрешен Николаем I в пользу Воткинского завода. По проекту горного инженера Романова создан пьедестал. Через 3 года якорь был поставлен на одну из заводских площадей между фабриками, 16 июня 1840 г. освящен Неофитом, епископом Вятским и Слободским, в 1850 г. перенесен на плотину и вновь освящен. На плотине и вдоль берега пруда был создан липовый бульвар, за памятником-якорем на пруду – Иордан, по обеим сторонам плотины в симметричном порядке установлены фонари на чугунных колоннах и чугунных пьедесталах [18]. Завершала ансамбль часовня в древнерусском стиле, возведенная в конце плотины в память эпохи царствования Александра II [19].

Важным элементом общественного быта Камско-Воткинского завода была развитая инфраструктура. В дореформенный период к составным частям благоустройства относилось мощение улиц, забота о водоснабжении, санитарном состоянии, уличном освещении. Но следует отметить, что уровень культурно-бытовых условий жизни в горнозаводских центрах XIX в., как правило, негативно оценивался современниками. В дореформенный период состояние улиц Камско-Воткинского завода оставляло желать лучшего. «...Уличные мосты в жительстве заводском, а особенно в заречной части, столь худы, что с большою опасностью должно чрез них проезжать, а чрез один и вовсе нельзя проехать...» [20] – писала в 1820 г. Управа благочиния. Недостаточными были и принимаемые в отношении пожарной безопасности меры. К 1825 г. в Воткинском заводе многие пожарные инструменты пришли в негодность, на домах отсутствовали дощечки с указанием по номерам – кто и каким инструментом должен пользоваться, три заливные машины требовали ремонта [21]. Недостаток пожарных инструментов отмечался В. Феклистовым и в 1883 г.

Критике ВГВ подвергались и санитарные условия в Камско-Воткинском заводе конца XIX в.: «Наш завод в санитарном отношении имеет массу вопиющих недостатков, несмотря на то, что здесь когда-то кем-то была основана санитарная

комиссия, которая, говорят, существует и поныне, но этому трудно верится... Продажа мяса производится при самых антисанитарных условиях: ступьчаки для рубки мяса находятся постоянно открытыми и все мясные крошки с этих ступьчаков тщательно подбираются языками бродячих собак... На заводской пруд (а водою этого пруда пользуется добрая половина всего населения) сваливаются под видом чистого снега всякие отбросы со дворов обывателей. Отхожее место на рынке устроено чрезвычайно близко к мясным рядам и пруду...» [22]

К концу XIX в. особенно остро обозначилась проблема питьевой воды. На страницах ВГВ некто “Incognito” выступил с критикой дилетантского подхода к проведению водопровода в Камско-Воткинском заводе. Работа была начата в 1898 г. старшиной Воткинской волости Сазановым в отсутствие специалистов, и к 1900 г. серьезных результатов в этом направлении еще не было достигнуто [23].

Впрочем, в литературе того периода были распространены критические замечания и в отношении благоустройства официальных городов губернии. В частности, современниками в «Обзрении г. Сарапула» отмечалось, что даже в начале XX в. «прикамские города едва выходят из периода полусельской обыденщины» [24].

В дореформенный период в Камско-Воткинском горном округе сложилась система образовательных учреждений, обеспечивавшая подготовку кадров для предприятия. В первой половине XIX в. были основаны малая горная (заводская) школа, школа для детей урочных работников в д. Перевозной (с 1855 г. – в с. Июльском), школа для девочек и окружное училище. По данным на 1883 г., здесь функционировали 5 учебных заведений: заводские – окружное училище, два подготовительных класса и женская школа; земские – мужское и женское училища. Школы горного ведомства давали преимущественно начальное образование: в подготовительных классах преподавались Закон Божий, первая часть арифметики, счетоводство, чтение и письмо, в женской школе – Закон Божий, первая часть арифметики и начальные правила второй части, чтение, письмо, краткая география, рукоделие. Воткинское окружное училище, которое было открыто в 1848 г. в качестве второй ступени профессионально-технического образования (между Воткинской малой горной школой и Уральским горным училищем в г. Екатеринбурге), во второй половине XIX в. утратило свою специализацию [25]: исчезли такие предметы, как минералогия, преподавание ремесел, счетоводство, остались Закон Божий, грамматика, география, арифметика, алгебра, геометрия, черчение, рисование, французский и немецкий языки. Изме-

нения произошли вследствие реорганизации горнозаводских школ Урала, которые в 1879 г. были переданы в ведение Министерства народного просвещения. В продолжение этого процесса в 1903 г. Воткинское окружное училище было преобразовано в городское [26].

В 1883 г. в заводских мужских учебных заведениях работали 10 учителей, обучалось 250 учеников, в женской школе – 3 учителя, 70 учениц. В земских училищах насчитывалось: в мужском – 3 учителя и 100 учеников, в женском – 3 учителя, 50 учениц [27]. При одной из школ в 1886 г. на частные средства по подписке была открыта детская библиотека в честь св. равноапостольных Кирилла и Мефодия. Фонд охватывал 227 наименований книг в 302 томах. Земство поддерживало библиотеку небольшими пособиями. Заведовала библиотекой одна из учительниц [28].

В числе других культурно-просветительных учреждений Камско-Воткинского завода можно назвать заводской музей с образцами продукции, минералогический кабинет и публичную библиотеку, которая существовала в основном на частные средства. На 1890 г. для библиотеки было выписано 30 периодических изданий, из них половина – техническая литература, 3 – на немецком языке, 1 – на французском языке. Библиотека имела два отдела – общелитературный и технический: в первом могли брать книги на дом за определенную плату два раза в неделю все жители поселка, второй предназначался только для служащих и рабочих завода. Библиотечный фонд к 1 января 1890 г. включал книг 867 наименований в 1258 томах, периодических изданий – 1150 томов; техническое отделение – 954 наименования в 1631 томе, 67 периодических изданий в 5162 томах [29].

Театр в Камско-Воткинском заводе появился только во второй половине XIX в.: еще в 1850-х гг. полиция неоднократно докладывала заводской конторе, что «публичных театров, клубов, маскарадов, обществ музыкантов и разных штукмейстеров в Воткинском заводе не имеется» [30]. Исключение составлял т. н. «вокзал» (по терминологии того времени так называлось место общественных увеселений, в данном случае павильон с хорами для оркестра), который располагался в роще «Отрада» в двух верстах от завода и где на досуге и по особым случаям (например, в ходе упоминавшегося визита Александра II) высшее заводское общество (горные чиновники) устраивало танцевальные вечера, концерты и любительские спектакли [31]. Тем не менее уже к 1855 г. место гуляний, по свидетельству М. Блинова, оказалось заброшенным: «...Ныне чаще всего можно встретить там только искателей грибов и земляники или охотника затравить зайца и послушать соловья в хороший осенний вечер» [32]. Но и в конце XIX в. развитие теат-

ральной жизни в промышленном центре шло медленными темпами. Сообщение ВГВ от 24 января 1899 г. об открытии театра после ремонта изобилует критическими отзывами: «Местными любителями сценического искусства был дан первый народный спектакль во вновь реставрированном театре. Поставлена была драма “Майорша” (автор – драматург И. В. Шпажинский (1844– 1917 гг.) [которая. – Т. В.] не может дать ничего народу в воспитательном отношении... Отделка старого помещения театра, очевидно, была поручена лицу совсем незнакомому с этим делом, т. к. сцена переустроена весьма плохо и вышла значительно хуже прежней, имевшей грубые недостатки в акустическом отношении... Зрительный зал довольно удобен, но, к сожалению, кроме этого зала, не имеется в распоряжении публики самого необходимого – это теплого места для вешалок, которые помещены в холодном коридоре... публика должна, в силу этого неудобства, кутаться в сорти-деваль, шали, платки и надевать калоши и валенки...» [33]

Во второй половине XIX в. в промышленных центрах получила развитие и социальная сфера. В пореформенный период в Камско-Воткинском заводе открылась земская больница, принимавшая людей всех сословий с платой 20 коп./сут. По данным на 1883 г., лечебное учреждение имело 40 коек, здесь трудились доктор, 3 фельдшера и аптекарь. В день больницу посещали до 30 больных [34]. В 1879 г. был создан земский санитарный комитет, заводской поселок разделили на участки во главе с санитарными попечителями. Содержание учреждений здравоохранения и медперсонала обходилось земству в более чем 10 тыс. руб. в год [35]. Но в 1885 г. здание больницы сгорело, и до 1905 г. вместо нее в заводе действовала земская амбулатория. Одновременно продолжал функционировать госпиталь горного ведомства, основанный еще в 1759 г. для лечения различных категорий заводских рабочих и служащих. По данным на 1883 г., госпиталь был рассчитан на 60 мест, в среднем принимал в день 20 человек; здесь работали доктор, лекарь, аптекарь и 6 фельдшеров [36].

Предприятие поддерживало существование и горнозаводской богадельни, в которой призрелись отставные одинокие мастеровые (имели право на проживание, питание и одежду). Созданная в дореформенный период, богадельня была рассчитана на 45 мест (25 – для мужчин и 20 – для женщин), но в 1890 г. в ней находилось менее 10 человек, поскольку основная масса нуждавшихся традиционно проживала в собственных семьях, у родственников, получая провиант. Кроме того, в конце XIX в. один из обывателей Камско-Воткинского завода по фамилии Бролгин на собственные средства основал частный дом призрения, занимавший два небольших флигеля [37].

В конце XIX в. развивалась деятельность Воткинского благотворительного общества: в 1889 г. в его состав входили 73 человека. Источниками дохода служили членские взносы, ежегодное пособие Сарапульского земства в размере 150 руб. и поступления от любительских спектаклей. В 1889 г. была оказана материальная помощь 110 лицам на сумму 1183 руб. (ежемесячные и единовременные выплаты от 50 коп. до 5 руб.) [38].

Досуг населения Камско-Воткинского завода в изучаемый период по-прежнему был подчинен принципу сословности. ВГВ свидетельствовали: «Время в Воткинском заводе жителями проводится совершенно так же, как и в других местах губернии, т. е. в обыкновенные дни как высший, так равно и все остальные классы жителей завода заняты всякий своими делами, а в праздничные дни время проводят, кто как желает. У высшего класса жителей устроен клуб... Низший класс жителей, мастеровые люди, для развлечения своего по праздникам посещают гостиницы, харчевни и кабаки... большей частью по праздникам пьют так себе, не разбирая ни радости, ни горя, а были бы в кармане только деньги... Средний класс жителей состоит из служащих при управлениях завода (канцелярских служащих). Сословие этого класса людей... в свободное от занятий время и праздничные дни каждый проводит время по своему личному желанию. Те семейства, которые имеют знакомых, ходят в свободное время друг к другу в гости, а иногда... между служащими открывается подписка и на собранные деньги устраиваются семейные общие вечера... Пожилые играют в карты, а молодежь занимается танцами... Купеческое сословие... мало с другим каким-либо классом жителей водит хлеб-соль; оно даже и между собою живет как-то в разлад, т. е. по большей части каждое семейство проводит время в своих стенах, занимаясь по вечерам чтением священных книг и считая выроченные в продолжении дня барыши» [39].

Специфика заводской жизни вносила коррективы в свободное от работ времяпровождение. За исключением воскресных дней, церковных и государственных праздников, мастеровые практически постоянно были задействованы на производстве. По штатному расписанию свободными от работы днями считались 52 воскресенья, 10 царских торжественных дней, три дня Рождества Христова, два дня Масленицы, три дня Страстной недели, Пасхальная неделя, не работали во время 17 православных праздников и в Новый год; 20 дней отпуска предоставлялось во время страды и три дня – для исповеди и причащения (всего 117 праздничных и нерабочих дней в году).

По свидетельству В. Фекистова, «в праздник Рождества Христова устраиваются жителями для препровождения времени балы, вечера и вече-

ринки, а также ходят во время святок друг к другу маскированные. На масляной устраиваются горы, с которых катаются на санках. Затем... бывает маскарад, который отличается некоторой оригинальностью...» [40]. Особенности празднования Масленицы в Камско-Воткинском заводе широко освещены в ВГВ. Здесь строились «снежные города» – так назывались снежные столбы, с шестом и флагом на вершине, устанавливавшиеся на ледяных площадках. Игра проводилась в последний день Масленицы. «Город» защищал «городничий» с прутом или веником в руках, нападало войско Масленицы – «генерал», его «адъютанты», «арабы», «турки», «венгры», представлявшее собой маскарадную группу, которая гуляла по улицам завода и поздравляла хозяев с праздником. Данный обычай поддерживался не только жителями завода, но и горнозаводской администрацией, и первый «город» устанавливался напротив дома горного начальника [41].

«Летние праздники жители Воткинского завода проводят также нескучно; на Пасху устраиваются разных сортов качели, около которых комедианты в своих балаганах забавляют публику своими фокусами. Девицы с Пасхи до Троицы водят хороводы, а празднующиеся обыватели, ходя от одного хоровода к другому, “пинают” погоду. На Троицкой неделе, в заговенье, жители Воткинского завода, часов с 12 дня, отправляются из завода в поле, называемое “отрадой”... В Троицкое заговенье на “отраде” народ собирается тысячами. Для развлечения привозятся напитки, лакомства; девицы водят свои хороводы...» – писал В. Фекистов [42]. Следовательно, досуг большинства жителей завода находился в тесной зависимости от православного календаря.

Таким образом, материалы региональной периодической печати показывают, что во второй половине XIX в. Камско-Воткинский завод, крупный промышленный центр, приобрел множество городских черт, по численности населения, сложности его структуры, уровню благоустройства, состоянию культурно-просветительных учреждений, а также в экономическом плане фактически конкурируя с официальными городами губернии. В то же время поселение при металлургическом предприятии имело иной, отличный от городского, социальный состав (ядро общества здесь было образовано заводскими мастеровыми и служащими, проживавшие в поселке купцы и мещане относились к различным городам Вятской губернии), в сфере занятости по-прежнему преобладало промышленное производство, нуждам которого были подчинены и культурно-просветительные учреждения, и в целом весь общественный и бытовой уклад, типичный для уральского горнозаводского центра.

Примечания

1. Сборник законов по наделению горнозаводского населения частных и посессионных горных заводов и промыслов на Урале / сост. М. В. Кукаретин. Пермь, 1914.
2. В. Ф. Сарапульский уезд (географические очерки) // ВГВ. 1888. № 75. 17 сент. С. 3.
3. История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 334.
4. Там же. С. 332.
5. Вятская хроника. Сообщение из Воткинского завода // ВГВ. 1866. № 58. 22 июля. С. 357–358.
6. Феклистов В. Воткинский казенный завод // ВГВ. 1883. № 80. 5 окт. С. 4.
7. Вятская хроника ... С. 357–358.
8. Феклистов В. Воткинский казенный завод // ВГВ. 1883. № 80. 5 окт. С. 4.
9. Масловский И. Воткинский завод – его прошлое и современное состояние // ВГВ. 1890. № 69. 29 авг. С. 4.
10. ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 6719. Л. 61.
11. ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 5103. Л. 2–7об.
12. Вятская хроника ... С. 357–358.
13. Производство сельскохозяйственных машин и орудий в с. Воткинске (Вятской губернии) // ВГВ. 1885. № 14. 16 февр. С. 4.
14. Там же.
15. Феклистов В. Воткинский казенный завод // ВГВ. 1883. № 80. 5 окт. С. 4.
16. Особенности градостроительных традиций «горных городов» или «городов-заводов» широко освещены в следующих трудах: Алферов Н. С. Зодчие старого Урала. Свердловск, 1960; Кириллов В. В. Русский город эпохи барокко (культурный и эстетический аспект) // Русский город. Вып. 6. М., 1983. С. 127–162; Он же. Русское градостроительство на переходе от средневековья к новому времени // Русский город. Вып. 8. М., 1986. С. 3–30; Лотарева Р. М. Города-заводы России. XVIII – первая половина XIX в. Екатеринбург, 1993; Шумилов Е. Ф. Культура Удмуртии. Краткий очерк истории пластических искусств до 1945 г. Ижевск, 1991; Он же. Пластические искусства в Воткинске в первой половине XIX в. К вопросу о художественной среде детства П. И. Чайковского // П. И. Чайковский и Урал. Ижевск, 1983. С. 10–15; Он же. Роль архитекторов и художников камских заводов в развитии культуры и искусства Удмуртии // Вопросы искусства Удмуртии. Ижевск, 1976. С. 82–103.
17. К истории Воткинского завода // ВГВ. 1892. № 45. 3 июня. С. 3–4.
18. Феклистов В. Воткинский казенный завод // ВГВ. 1883. № 82. 12 окт. С. 3.
19. Масловский И. Воткинский завод – его прошлое и современное состояние // ВГВ. 1890. № 66. 18 авг. С. 5.
20. ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 1995. Л. 1.
21. ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 3211. Л. 1.
22. Воткинский завод (наши санитарные условия) // ВГВ. 1899. № 25. 27 февр. С. 3.
23. Incognito. Воткинский завод // Приложение к ВГВ. 1900. № 60. 20 мая. С. 3.
24. Город Сарапул. Календарь. Обзор города. Общественная жизнь. Адрес-календарь. Сарапул, 1911. С. 2.
25. История Удмуртии: Конец XV – начало XX века ... С. 460.
26. Там же.
27. Феклистов В. Воткинский казенный завод // ВГВ. 1883. № 82. 12 окт. С. 3.
28. Масловский И. Воткинский завод – его прошлое и современное состояние // ВГВ. 1890. № 70. 1 сент. С. 3–4.
29. Масловский И. Воткинский завод – его прошлое и современное состояние // ВГВ. 1890. № 69. 29 авг. С. 4.
30. ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 6531. Л. 4.
31. Бердников В. Ф. Посещение Наследником Цесаревичем Александром Николаевичем (бывшим в последствии Царем-Освободителем) Воткинского завода в 1837 г. // Известия Сарапульского земского музея. Вып. 2. Сарапул, 1912. С. 1–12.
32. Блинов М. Историко-статистическое известие о Камско-Воткинском заводе и тамошних вотяках // Журнал Министерства внутренних дел. 1855. Ч. 11. Отделение III. С. 11.
33. Воткинский завод (народный спектакль) // ВГВ. 1899. № 17. 9 февр. С. 4.
34. Феклистов В. Воткинский казенный завод // ВГВ. 1883. № 82. 12 окт. С. 3.
35. Масловский И. Воткинский завод – его прошлое и современное состояние // ВГВ. 1890. № 70. 1 сент. С. 3–4.
36. Феклистов В. Воткинский казенный завод // ВГВ. 1883. № 82. 12 окт. С. 3.
37. Масловский И. Воткинский завод – его прошлое и современное состояние // ВГВ. 1890. № 69. 29 авг. С. 4.
38. Масловский И. Воткинский завод – его прошлое и современное состояние // ВГВ. 1890. № 70. 1 сент. С. 3–4.
39. Феклистов В. Воткинский казенный завод // ВГВ. 1883. № 83. 15 окт. С. 5–6.
40. Там же.
41. Бл-в М. Масленица в Казани и Воткинском заводе // ВГВ. 1846. № 52. С. 339–341; Феклистов В. Воткинский казенный завод // ВГВ. 1883. № 83. 15 окт. С. 5–6.
42. Феклистов В. Воткинский казенный завод // ВГВ. 1883. № 83. 15 окт. С. 5–6.

УДК 94:338.436.33(47)

А. К. Гагиева

ПРОВЕДЕНИЕ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ НАЧАЛА XX в. В ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ КООПЕРАЦИИ

В статье обсуждаются изменения, произошедшие в Вологодской губернии после проведения аграрной реформы начала XX в., и их влияние на кооперацию. Впервые в исторической науке показано общее и особенное в развитии культурно-просветительной деятельности кооперации различных уездов Вологодской губернии.

The article discusses the changes which took place in Vologda province after the agrarian reform in the early 20th century, and reveals their impact on the development of consumer cooperative societies in this region.

Ключевые слова: община, уезд, процесс капитализации, наделная земля, кооперация, маслоделательные артели, Союз потребительских обществ.

Keywords: community, capitalization process, plot land, cooperation, butter-making teams, the Union of Consumer Cooperative Societies.

Актуальность исследования вопросов, связанных с аграрной реформой начала XX в., сохраняется до настоящего времени [1]. Особую значимость им придает то обстоятельство, что, во-первых, они проходили по-разному в разных регионах России, а во-вторых, по результативности и итогам их оценка на протяжении изучаемого и последующего времени не была однозначной. До настоящего времени не нашли глубокого освещения вопросы, связанные с влиянием реформы на развитие кооперации Европейского Севера.

В исследованиях представителей дореволюционной исторической школы на это неоднократно указывалось, тогда как советские историки, зачастую подчеркивая определенную прогрессивность столыпинских преобразований, негативно оценивали в целом и саму реформу, и ее последствия [2]. Так, С. М. Дубровский, оценивая ход проведения реформы и укрепления земли в личную собственность в общероссийском масштабе, полагал, что подобное положение является следствием усиления административного нажима на крестьян, которых просто заставляли составлять ходатайства на выход из общины [3]. При всем многообразии работ по истории кооперации, как в досоветское, так и в советское время, вопросы, непосредственно рассматривающие влияние реформ на развитие кооперации отдельно взятых регионов (в нашем случае – Европейский Север), не анализировались вообще. Исключением, пожалуй, будет работа И. Н. Коновалова [4].

Цель настоящего сообщения – показать на материалах Вологодской губернии влияние аграрной реформы начала XX в. на развитие кооперативного движения. Для достижения поставленной цели были использованы как опубликованные [5], так и неопубликованные источники [6].

Вологодская губерния в исследуемое время включала 10 уездов: Кадниковский, Вологодский, Грязовецкий, Никольский, Великоустюгский, Сольвычегодский, Тотемский, Вельский, Яренский и Устьсысольский. Население, проживающее здесь, относилось к крестьянскому сословию. К началу столыпинской реформы (1906 г.) из общего количества земель в 34 939 643 дес. в собственности государства и учреждений находилось 29 760 347 дес., или 85,2%. Крестьяне имели 4 430 630 дес. – 12,7%. Помещичье землевладение было распространено и сосредоточивалось в основном в трех юго-западных уездах – Вологодском, Грязовецком и Кадниковском. Общее количество этих земель составляло 248 794 дес., или 0,4% [7].

Все крестьянские земли делились на общинные (наделные) и земли в частной собственности. Общинные земли составляли 3 699 772 дес., в частной собственности находилось 731 258 дес. [8]. Соотношение земель крестьянской собственности к общему количеству составляло 16,5%. Однако в разных уездах губернии процесс капитализации земель был разным. Так, в Кадниковском, Вологодском, Грязовецком он составил 48,8%, 39,9%, 29,3%, а в Яренском и Устьсысольском уездах – 2,3% и 0,4% соответственно [9].

Вместе с тем масса наделных земель в силу своего особого правового положения еще не была включена в процесс мобилизации. Указ от 9 ноября 1906 г., разрешавший укрепить землю в личную собственность, имел своей целью подтолкнуть этот процесс. С 1906 по 1914 г. на изучаемой территории заявили ходатайство об укреплении земли в частную собственность 28 933 домохозяев, что составило 12% от общего количества крестьян-общинников. В Вологодском уезде – 22,5%, Грязовецком – 16,4%, Кадниковском – 15,8%, Никольском – 15,3%, Великоустюгском – 13,8%, Тотемском – 8,8%, Сольвычегодском – 4,6%, Вельском – 4,3%. В Яренском и Устьсысольском уездах землеустроительные комиссии вообще не образовывались [10]. Сравнение этих данных с данными распространенности частной собственности позволяют предположить, что наметившиеся тенденции капиталистической мобилизации земель нашли свое выражение в укреплении земель в рамках столыпинского законодательства. Вологодский, Грязовецкий и Кадниковский уезды дали самый высокий процент получивших от общества приговор об укреплении земель в собственность (91,4 и 88,2%), тогда как Вельский и Никольский – 48,0 и 47,9% соответственно [11].

Вместе с тем следует отметить, что крестьянство, получившее в личную собственность землю, не имело полной свободы в деле продажи, покупки и аренды земель. В Государственном архиве Вологодской области имеется достаточный большой массив документов с просьбами крестьян о покупке, продаже, аренде земель, которые удовлетворялись не всегда [12].

Это было связано, на наш взгляд, с запутанностью земельных отношений, неразвитостью законодательства в сфере землевладения и землепользования, а также незавершенностью законодательного процесса. Как показывают архивные документы, власти на местах и не стремились ликвидировать все барьеры в развитии крестьянского хозяйства. Правительство не просто вмешивалось – оно диктовало крестьянину условия ведения его хозяйства. В документах землеустроительных комиссий имеется масса примеров, показывающих, насколько стеснены были правовые возможности крестьян, например, в области покупки земли. Так, крестьяне д. Свининской Устьвельской волости Вельского уезда решили купить землю у Вельского удельного округа. Прежде чем продать эту землю, округ затребовал у землеустроительной комиссии сведения о посемейно-имущественном положении каждого из 34 домохозяев. Сведения эти включали: количество земли на каждое крестьянское хозяйство; количество лошадей; количество в хозяйстве рабочей силы. Хозяйства, имевшие больше 21 дес. земли, из пайщиков при покупке были исключены. Для остальных хозяйств было разрешено продать лишь столько земли, сколько недостает до указанной нормы в 21 дес. [13]. Попытка отдельных домохозяев обратиться в Вельскую землеустроительную комиссию успеха не имела [14]. И это несмотря на то, что земля должна была отводиться крестьянам в виде отрубов [15].

Однако несмотря на это крестьянство Вологодской губернии, как показывают данные земской статистики, особенно после аграрной реформы, начинают активно создавать инициативные общественные организации, принявшие форму кооперативов. Основной упор был сделан на сельскохозяйственную кооперацию и развитие маслодельного производства.

Известно, что первая молочная артель в Вологодской губернии возникла в 1895 г., а в 1895, 1896, 1899 гг. вологодские маслоделы уже принимали участие в выставках масла в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде. В 1899 г. отмечено активное участие вологодских маслодельных кооперативов в молочном съезде в Ярославле [16].

Высокие темпы развития вологодской маслодельной кооперации в Вологодской губернии

показывают, что к началу столыпинских преобразований изучаемая территория, с одной стороны, была вовлечена в общероссийские процессы капитализации деревни, а с другой – отсутствие свободной мобилизации земель для ведения хозяйства не способствовало развитию крестьянского предпринимательства. Только проведение крестьянской реформы и превращение крестьянина в собственника земли могло привести к развитию крестьянского сословия.

Следует отметить и тот немаловажный факт, что природные условия Вологодской губернии не способствовали развитию здесь крупного зернового хозяйства, поэтому крестьянство, объединяясь в артели, а в дальнейшем в кооперативы, решало задачи самообеспечения и саморазвития через те или иные формы кооперирования. Так, маслодельная кооперация была характерна для Вологодского, Грязовецкого и Кадниковского уездов. В Никольском, Тотемском, Вельском, Великоустюжском в основном развивалась сельскохозяйственная кооперация по выращиванию овощей и производству молока, а на территории Яренского и Устьсысольского уездов – потребительская кооперация [17].

Организованность кооперативному движению придавала деятельность Вологодского общества сельского хозяйства (ВОСХ), особенно его коммерческого отдела, ставшего в 1906 г., сразу после опубликования Указа от 9 ноября 1906 г., самостоятельной организацией. Следует отметить, что итогом этой работы явился первый съезд кооперативов Вологодской губернии, проходивший в августе 1915 г. Он доказал закономерность возникновения и развития кооперативного движения в сельскохозяйственном производстве как формы новых производственных отношений в Вологодской губернии [18]. По данным И. Н. Коновалова, количество кооперативов по производству сельскохозяйственной продукции и маслодельных артелей на изучаемой территории с 1906 по 1911 г. выросло в десятки раз [19].

Развитие кооперации на изучаемой территории приводило не только к тому, что крестьянство через кооперацию начинает вовлекаться в «стихию» рынка, но и к тому, что вместе с ним в вологодскую деревню приходят новые отношения, которые полностью используют ресурсы крестьянского хозяйства. Это выразилось как в формах кооперативных объединений, так и в видах кооперативной деятельности.

Активизации работы кооперации способствовало и то, что в 1905 г. была открыта железная дорога от Санкт-Петербурга до Вятки, которая связала Вологодскую губернию с востоком страны, Уралом и Сибирью, что дало возможность кооперативным организациям губернии поставлять свой товар на рынок. На вырученные от

продажи товаров суммы кооперативные организации Вологодской губернии строили школы, открывали народные дома, организовывали всевозможные курсы по подготовке и переподготовке кадров для кооперации и так далее [20].

Кооперативное движение на изучаемой территории становится силой, которая более всего влияла на развитие крестьянского хозяйства и социальное развитие всего сословия. Каждая организация являлась самообеспечивающейся, самофинансируемой и саморазвивающейся системой. Это была новая форма производственных отношений в вологодской деревне. Юридически самостоятельные крестьянские хозяйства, объединяясь на добровольных началах для работы сообща и достижения цели, развивались по своим внутренним законам и стимулировали развитие аграрных отношений как в регионе, так и в стране. Кооперативное движение в Вологодской губернии стало почвой для саморазвития, самосохранения и самозащиты каждого крестьянина.

Являясь феноменом народной жизни, кооперация органично сочетала в себе элементы традиций (артельность, коллективизм, взаимовыручку) и новаторство (рынок, широкий масштаб товарно-денежных отношений и т. д.). Ее разнообразная и разносторонняя деятельность способствовала сочетанию личных и общественных интересов, выработке механизма хозяйствования, в наибольшей степени соответствующего национальным представлениям о характере труда и нравственным канонам православия с его верой в духовное богатство людей и торжество справедливости, удовлетворению широких материальных и духовных потребностей людей.

Примечания

1. Карнишин В. Ю. Политический аспект Российской модернизации в начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5. С. 91–94.
2. Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М.: Наука, 1974.
3. Дубровский С. М. Столыпинская аграрная реформа. М.: Наука, 1963. С. 212.
4. Коновалов И. Н. Крестьянская кооперация в России (1900–1917 гг.) Саратов: Изд-во ФГОУ ВПО Саратовский ГАУ, 1998.
5. Статистика землевладения 1905 г. СПб., 1905. Вып. 17.
6. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 287. Оп. 1.
7. Статистика землевладения 1905 г. ... С. 10.
8. Там же.
9. Там же.
10. Обзоры Вологодской губернии за 1906–1914 гг.: сб. ст. / под ред. В. Воровского. Вологда, 1914. С. 37.
11. Там же. С. 37–38.
12. ГАВО. Ф. 287. Оп. 1. Д. 132, 276, 431 и др.
13. Там же. Д. 237.
14. Там же. Д. 86. Л. 74–81.

15. Там же. Д. 529. Л. 7–8.

16. Богданов Б., Воровский В. Маслодельные артели в Вологодской губернии: по данным анкеты ВОСХ. Вологда: Изд-во «Русское слово», 1915. С. 34.

17. Там же. С. 36.

18. Там же. С. 47.

19. Коновалов И. Н. Крестьянская кооперация в России (1900–1917 гг.) ... С. 120.

20. Там же. С. 124–145.

УДК 94(470.342)“1901/1905”:070

А. С. Масютин

ГАЗЕТА «РЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ» ОБ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ И ВЯТСКИХ ССЫЛЬНЫХ (1901–1905 гг.)

В статье рассматриваются корреспонденции центрального органа партии социалистов-революционеров – газеты «Революционная Россия», посвящённые общественно-политической жизни Вятской губернии начала XX в.

The article are devoted to all correspondences in the central body of the SR party – the newspaper “Revolutionary Russia” (1901–1905), whose are confidered to political and public life in Vyatka’s region at the beginning of XX century.

Ключевые слова: эсеры, социалисты-революционеры, 1905 г., революция, Вятка.

Keywords: SR, socialist revolutionaries, 1905, revolution, Vyatka.

Первичным партийным признаком всякой организации, пытающейся влиять на умы сограждан, до недавних пор служил центральный печатный орган. В царской России накануне революции 1905 г. при формальном отсутствии политических партий газеты, выступавшие под партийными флагами, могли выходить только нелегально. Издавались они в основном в Швейцарии. Ведущими левыми изданиями были социал-демократическая «Искра» и «Революционная Россия» («Р. Р.») партии социалистов-революционеров. «Искре» посвящён огромный пласт исторической литературы, в т. ч. и на нашем местном уровне [1]. Однако традиционно материалы «Искры» использовались крайне однобоко, вычленились лишь статьи В. И. Ленина и упоминания о тех, кто в дальнейшем стал твёрдым большевиком. Периодической же печати эсеров отводился ещё более жалкий удел – отрывочные цитаты, подчёркивающие идейную немощь и реакционность народничества. А отражение вятских событий в эсеровской прессе – вопрос и вовсе доселе не поднятый. Задача данной статьи – рассмотреть и

© Масютин А. С., 2012

проанализировать общественно-политическую жизнь Вятской губернии, выведенную на страницах «Революционной России».

Эсеровская «Революционная Россия» (с 1901 по 1905 г. в Женеве вышло 76 номеров) – это газета без материалов о науке, искусстве, литературе, погоде, природе... В самом заголовке конкретно указано: «Революция!» Значит, почти наверняка читатель заинтересуется этим изданием, если разделяет революционные идеалы. В нём встретит и философию подъёма масс, и технику террористических актов, и основы воодушевления тех или иных представителей народа, и списки заключённых [2].

Действительно, вятские читатели «Р. Р.» были люди весьма своеобразные: состоящие под гласным надзором, подозрительные сельские учителя, горластые пролетарии – элемент неблагонадёжный. Номера «Р. Р.» нередко обнаруживали при обысках «политиков», попадались вятским жандармам и отдельные оттиски газеты, превращённые в листовки.

Но вятские читатели были не только пассивными потребителями информации, они выступали и агентами, и корреспондентами «Р. Р.», равно как и современной ей «Искры», поэтому в данной статье целесообразно по-возможности делать ссылки и на «Искру».

21 декабря 1900 г. в Нолинске умерла Е. А. Дьяконова – жена ссыльного воронежца И. Я. Жилина. Товарищи по ссылке решили устроить ей торжественные похороны 23 декабря в субботу, в людный базарный день. На гроб было возложено 2 венка с красными лентами, на одном была надпись «Борцу-изгнаннице от товарищей» и на втором «Дело всегда отзовется на поколениях живых». Нолинский исправник Золотухин безуспешно попытался сорвать эту демонстрацию. 26 декабря 1900 г. пятерых наиболее активных участников мероприятия губернатор разослал по глухим вятским сёлам, а Золотухин за нерадение был уволен от должности [3]. Из содержания заметки, да и позднейших работ краеведов, упомянувших политический подтекст похорон [4], явствует, что Дьяконова пала жертвой тирании царских сатрапов. Дело же обстояло куда прозаичней и горше. Дьяконова скончалась от родовой горячки. Вскоре умер и новорожденный мальчик. Смерть жены и сына наложила на характер Жилина постоянный оттенок угрюмости и нелюбимости. «Суровый и беспощадный к классовым врагам пролетариата» Жилин в Гражданскую войну возглавлял политические отделы в начале 8-й (1919 г.), а далее Кавказской армий (1920–1921 гг.) [5].

Хотя партия эсеров и считалась современниками более крестьянской, нежели рабочей, «Р. Р.» первенствующее внимание уделяла борьбе город-

ского пролетариата: летопись рабочего движения в общем счёте составила примерно 300 корреспонденций, около 180 корреспонденций было связано с крестьянской жизнью [6]. Были материалы и о вятских пролетариях.

21–22 марта 1902 г. на Воткинском заводе произошёл бунт, вызванный самодурством начальника завода Трояна, мошенничествами при расчётах с рабочими, грубостью и дерзостью цехового начальства. Бунтовщики избили особо ненавистных представителей администрации, а у Трояна взяли подписку, что он соглашается на все требования рабочих. К вечеру 22 марта из Сарапула пришла на «утишение» воинская команда, а 25 марта прибыл в Воткинск и встревоженный вятский губернатор Хомутов с войсками из Перми. Приехавшее начальство провело массовую показательную экзекуцию – было выпорото до 40 рабочих [7]. Подвергся наказанию розгами и главный «поджигатель» воткинцев – Зосман, «интеллигентный рабочий с юга, бывавший за границей». Дословно тождественное сообщение появилось и в «Искре» [8]. Позже в советских книгах по истории революций начала XX в. на Вятке имя Зосмана (варианты – Зюсман, Зисман) никогда не всплывало. Исключительными организаторами воткинской «забастовки» объявлялись рабочие из местного кружка, руководимого социал-демократами из Вятки и Перми [9]. Это замалчивание идеологического противника вполне понятно. Арон Зисман, уроженец г. Оренбурга, ремесленник-часовщик, позже с 1904 г. состоял в партии эсеров, после Февральской революции с мая по июль 1917 г. являлся членом исполкома Воткинского Совета, далее был избран от Пермской губернии депутатом Учредительного Собрания и входил в нём в рабочую группу фракции партии социалистов-революционеров [10].

В том же № 7 «Р. Р.» в рубрике «Из провинциальной хроники» на с. 21 описывалась проделка членов вятского революционного кружка во главе с Н. Н. Бушеном, сорвавших в январе 1902 г. постановку в Вятском городском театре пьесы «Контрабандисты» с «чисто черносотенно-идеологическим направлением». Вятские «голуби» устроили химическую сероводородную обструкцию в зале, ещё и перерезав электропроводку в момент поднятия занавеса [11]. Срыв пьесы «Контрабандисты» (другое название «Сыны Израиля») для юдофильствующей русской интеллигенции был делом чести. Уже первый показ пьесы в театре Литературно-художественного общества А. С. Суворина в Петербурге 23 ноября 1900 г. ознаменовался большим переполохом. Вот как описывает премьеру «Контрабандистов» тогдашний популярный драматург П. П. Гнедич. «Слух о готовящемся скандале распространился. Театр

был полон. Едва подняли занавес, разразились шиканья, свистки, гудки, крики. Это продолжалось несколько минут подряд. Занавес опустили. В зале все утихло, но никто не тронулся с места – все ждали продолжения. Опять подняли занавес, – и опять свистки, крики “вон, долой со сцены!” В актеров полетели калоши и бинокли. Адский шум не прекращался и когда спустили занавес. Пробовал говорить Карпов (режисёр. – А. М.). Он выходил перед занавесом, старался успокоить страсти, – но и из его попыток не вышло ничего. В крайней ложе сидела Яворская-Барятинская (примадонна. – А. М.), рядом с ней старик Данила Лукич Мордовцев. Говорят, они тоже что-то кричали, насчет чего-то протестовали. Так тянулось часа полтора» [12]. Автор «Контрабандистов» С. К. Эфрон, писавший под псевдонимом Литвин, сюжетом утверждал ценности неприятные революционерам: еврей-контрабандисты на российско-прусской границе, неподкупный русский следователь, выстрелы с обеих сторон, торжествующая справедливость и наказанный порок [13]. Само имя Эфрона в оппозиционных кругах было крайне ангажировано: еврей-выкrest, приятель консерваторов Победоносцева и Каткова, редактор монархической газеты «Свет».

Редакторы «Р. Р.» имели слабость несколько преувеличивать народные страдания под игом самодержавия, видимо, для большего возбуждения противоправительственного пыла читателя. Летом 1902 г. в «Р. Р.» промелькнуло сообщение об ужасающих масштабах цинги и голодного тифа в Глазовском уезде. Лишь в двух волостях помощник врачебного инспектора нашёл более 40 000 больных [14]. В либеральном журнале «Русская мысль» в мае 1902 г. был помещён анализ отчёта земского отдела МВД – по этому отчёту за февраль-март 1902 г. в Глазовском у. Вятской губ. было обнаружено 57 случаев цинги [15]. По данным местной вятской печати, Глазовский уезд был наиболее неблагоприятным в губернии в смысле эпидемических заболеваний, однако массовые заболевания всё же не принимали размеров стихийного бедствия. В «Вятском крае» Петра Голубева за 1895–1898 гг. обнаруживается 5 корреспонденций о брюшном тифе, кочующем по волостям Люкской, Балахнинской, Ильинской и Кестымской. Напр.: «В апреле месяце в Глазовском у., Люкской вол., дерев. Сазановской и Коршуновской были обнаружены массовые заболевания брюшным тифом. Так в двух селениях из числа 30 человек заболело 16. В мае уездным земством была в этих селениях устроена временная больничка» [16].

Осенью 1902 «Р. Р.» вновь вернулась к событиям в Воткинске. В редакцию поступило письмо местного рабочего заключённого в Воткинскую

тюрьму. Этот анонимный страдалец подвергся побоям прикладами тотчас после ареста ещё в марте; узников постоянно страшали новыми побоями, а однажды ночью под вооружённым конвоем вывели в тюремный двор, где соорудили виселицу и под угрозой немедленной казни требовали повиниться в мятеже на заводе [17].

Там же, в № 12 «Р. Р.», рассказывается о крестьянском брожении в Малмыжском уезде, порождённом слухами о переделах, прирезке земли и отобрании земель у помещиков. Особо сильные волнения были в Савальской волости, где жили два местных «лендлорда» Александров и Граве. Крестьяне, страдая от малоземелья, вынуждены были арендовать у помещиков и луг, и выгон, и лес, и пахотную землю, платя за это втридорога. Мало того, Граве обязывал платить за найм его земель и угодий не деньгами, а отработками на помещицком поле, притом расценки назначал произвольно. Отсюда и причина слухов. Как на источник толков о переделе земли газета указывает на статистика Малмыжской управы Кислицына, при его обыске была найдена подпольная литература, а сам Кислицын отправлен в Вятку в губернскую тюрьму [18].

Действительно, крестьяне сёл Калинино и Гоньба (имение Граве) и села Савалей (имение Александровых) отличались редкостным для Вятской губернии малоземельем – по 4 дес. земли на душу. Зато сам Александров слыл либералом, а управляющий его имением П. А. Садырин был избран в I Государственную думу, где состоял во фракции «партии народной свободы» (кадетов). Малмыжский исправник Кошурников считал причиной возбуждения предосудительных толков между крестьянами в мае-июне 1902 г. обсуждение ими фельетона «Мужик» в № 6 газ. «Родина», где речь шла об образовании особого совещания «Для выяснения нужд и соображения мер на пользу с.-х. промышленности». Особо усердно на свой лад разъяснял селянам смысл фельетона кузнец Иван Токышев, а газеты в Савали поставлял брат старосты Иван Медведев – служащий уездного казначейства, который якобы получал какие-то бумаги от студентов, где говорилось о необходимости отобрания земли; Медведев же подбивал всё савальское общество держаться вместе, ибо всю деревню в Сибирь не вышлют [19].

Не пренебрегла описать двумя неверными мазками малмыжские события и «Искра»: «В Малмыжском уезде власти, перепуганные крестьянскими толками о разделе земель местных богачей, отправили в уезд местную команду, которая с барабанным боем обошла деревни». Статистика же Кислицына “искровцы” прописали в Уржумском уезде [20].

Вятской политической ссылке «Р. Р.» также уделяла внимание. Особо подробно освещалось

дело Н. М. Величкина, заметного социал-демократа, товарища В. Д. Бонч-Бруевича, Л. П. Радина и А. А. Богданова (Малиновского), побывавшего уже в ссылке в Орле и Туле, а в июне 1898 г. отправленного под надзор полиции в Малмыж и далее в село Слудку Орловского уезда [21]. 16 сентября 1902 г. Величкин с разрешения губернатора выехал паромом в г. Малмыж, но, задержавшись на обратном пути на сутки из-за мелководья на перекате под Котельничем, опоздал с возвращением в Орлов, где остановился на квартире у приятеля. Малмыжский исправник, у которого с Величкиным были неприязненные отношения, по отбытии Величкина из Малмыжа отправил телеграмму вятскому губернатору о побеге Величкина вниз по Вятке в Казань. Пока Величкин добирался из Малмыжа, губернатор начал формальное дознание о мнимом побеге, всюду разослав циркулярные извещения об исчезновении Величкина и его непременно аресте [22]. 2 октября 1902 г. по прибытии в Орлов Величкин был задержан полицией. Оскорбления Величкина и беззастенчивый обыск на квартире (не привёз ли с собой нелегалщины) побудили его дать пощёчину орловскому исправнику Синцову. «Тогда представитель власти и государственного порядка – исправник обругал ссыльного Величкина площадными словами (мерзавец, с... с...), велел скрутить ему руки, ударил его в лицо и приставил к связанному и избитому влой. Так, мнение орловского исправника о том, что “администрация у нас всё может”, было подтверждено на деле самим им наглядно и осязательно».

Тогда же товарищи Величкина по малмыжской колонии политических ссыльных подали протест на имя министра внутренних дел о произволе и насилии вятских администраторов [23].

В конце декабря 1902 г. малмыжцам пришёл ответ из МВД о том, «что прошение их по делу поднадзорного Величкина оставлено г. министром внутренних дел без последствий» [24].

Вечером 12 октября 1902 г. Величкин бежал из Слудки через ж.-д. станцию Юрья. Вскоре Величкин оказался в Женеве и устроился техническим сотрудником «Искры», которая из первых рук получила известие о его успешном побеге [25]. В конце 1902 г. Величкин опубликовал в женевской с.-д. газете «Жизнь», основанной его сестрой Верой Михайловной и её мужем В. Д. Бонч-Бруевичем, открытое письмо губернатору Хомутову. «Я должен был как-нибудь ответить на то насилие, которое производилось над мной... Вы слишком достаточно убедили меня, что никаких законных форм протеста в виде обращения к какой бы то ни было власти у нас нет. Следовательно, приходилось отвечать самому... Но дал я её ему (пощёчину исправнику. – А. М.)

только, только как исполнителю надо мной ваших незаконных распоряжений... и следовательно, в несравненно большей степени она предназначалась вам, как и вообще всей администрации с её произволом над нами, начиная с ваших министров и кончая последним урядником, соответственно заслугам каждого из вас» [26].

Дознание по делу о побеге Величкина выявило, что ему содействовали бывший ссыльный Казимир Лутович и орловский поднадзорный К. А. Попов. В конце марта 1903 г. их арестовали и переправили в вятскую тюрьму [27]. «Искра» давала иную причину взятия под стражу орловца К. А. Попова: «Какие-то мальчуганы расклеили здесь “преступные” прокламации. По этому поводу полиция сделала обыски у мальчуганов. У двух из них нашли две нелегальные брошюры и два листка. Один начал болтать, в конце концов произвели обыск у политического ссыльного К. Попова» [28].

Отметила «Р. Р.» и то, что вятский губернатор решил убрать под спуд труды всех без исключения уездных статистических комитетов за 1902 г. и велел прекратить их обработку губернским статистическим комитетом, так как, по мнению Хомутова, статистики работали «не на заданную тему» [29]. А тему статистикам задавал А. А. Гурьев – заведующий статистическим столом в Вятской губернской земской управе, обвинившийся в Петербурге к дознанию по обвинению в государственном преступлении ещё в апреле 1894 г. Статистика вообще почиталась вятскими властями как рассадник «крамолы». «Чтобы получить работу в земской статистике, не надо было утверждение губернатора, т. к. работа считалась подённой, поэтому в статистике работали главным образом политические ссыльные. Возглавлял статистику Гурьев – человек широко образованный, видный статистик... Гурьев гостеприимно раскрывал двери статистики, защищая как своё “стадо” от происков жандармерии. Последняя знала, что он “революционно настроен”, но внешне всё было в порядке, и придаться было не к чему» [30].

Новая заметка в «Р. Р.» о революционном брожении в Малмыжском уезде появилась в апреле 1903 г. 25 января 1903 г. при обыске у Вятскополянской учительницы Шатловой урядник обнаружил брошюру партии социалистов-революционеров «Воззвание к крестьянам». Следствие установило связь Шатловой с отбывавшим ссылкой в Вятских Пролянах харьковским слесарем Алексеем Бибином, едва ли не первым досоветским пролетарским писателем «от станка» [31]. Были по делу Шатловой обысканы и допрошены малмыжские ссыльные – Николай Воробьёв и Александр Сверчевский, ранее уличённые в агитации за подачу протеста против полицейского

насилия над Величкиным. С этой заметкой соседствовало указание на приговоры малмыжскому статистику Кислицину (4 г. Восточной Сибири) и Зайцеву – писарю Рожкинского волостного правления, давшему откровенные показания на пропагандиста Кислицина (3 г. Архангельской губ.) [32].

Наблюдая усиление в губернии «внутреннего врага», благотворительная администрация истребовала размещение в Вятке и Слободском, а также в заводах Ижевском и Воткинском Мокшанского полка, сообщала «Р. Р.» [33]. Однако в царской армии такого полка не было. Возможно, это была опечатка, следовало читать «Моршанский полк» (Московского военного округа). Но Моршанский полк стоял в Вологде. В Вятку же в 1903 г. был направлен 231-й Котельничский резервный батальон, относящийся к Одесскому военному округу [34]. Кому принёс больше пользы Котельничский батальон – царизму или революции, вопрос спорный. В 1903–1904 гг. в Вятке в нём служили на офицерских должностях братья Кадомцевы: Эразм (помощник начальника учебной команды) и Мефодий [35]. В Первую русскую революцию Э. С. Кадомцев входил в боевой центр при ЦК РСДРП, состоял начальником штаба большевистской боевой организации в Уфе, руководил маневренными занятиями уфимских боевиков летом 1906 г., ставил инструкторские школы боевых дружин в Финляндии, Киеве, на Урале [36].

Нашлось место в «Р. Р.» и циркулярному письму губернатора Хомутова от 5 апреля 1903 г. всем уездным начальникам и полицмейстерам. «До сведения нашего дошло, – говорится в нём, – что ссыльные вопреки статьи такой-то положения о поднадзорных дают уроки как взрослым обывателям, так и детям оных без надлежащего на то разрешения». Далее циркуляр напоминал, что ссыльным запрещено давать уроки и у себя на дому, и в посторонних помещениях – безразлично, а с виновными предполагается поступать на точном основании ст. 32 упомянутого положения [37]. Первой жертвой рвения уездных властей стал А. Ф. Сверчевский, дававший в Малмыже уроки детям агронома П. А. Садырина. Сверчевский был подвергнут 3-дневному аресту при полиции [38].

Живо прореагировала «Р. Р.» на публикацию в журнале «Разведчик» о недоразумении, случившемся на Сарапульской пристани осенью 1903 г. «Разведчик» рассказывал о том, как посланный в Вятскую губернию студент Андреев, встретив генерала А. И. Косича, с мальчишеским задором заявил, что все генералы сволочи и что их надо бить, а далее Андреев ударил Косича в спину. Андреева задержали стражники. Был суд, и Андреева из Сарапульской тюрьмы отправили на 2 года в Якутскую ссылку. «Р. Р.» давала своё

истолкование событий. «С приставшего в Сарапуле парохода, толпясь, стала выходить публика. На пароход была привезена больная женщина. Её несли на пристань, и публика участливо уступала нёсшим её дорогу. Когда женщину несли по сходням, навстречу двигался генерал Косич. Генерал расталкивал публику, требуя себе дороги, не обращая внимания на то, что несут больную. Наглое поведение “Его Превосходительства” возмутило студента, и он отодвинул генерала рукой, чтобы дать возможность нёсшим больную пройти. Такая дерзость, да ещё со стороны студента, вызвала глубокое негодование генерала». «Тайный застенок», восстанавливая поруганную генеральскую честь, по версии «Р. Р.», приговорил Андреева к 4 годам ссылки [39]. Имя-отчество ссыльного студента Андреева в «Р. Р.» не указаны. На осень 1903 г. в Вятской губернии состояло под надзором 3 бывших студента Андреевых: Иван Александрович, бывший студент Московского университета (Яранск), поднадзорный с 1899 г.; Александр Михайлович, Харьковский ветеринарный институт (Вятка), поднадзорный с 1901 г., – оба коренные вятчане – и тамбовец Порфирий Дамианович, Художественное училище при Императорской Академии в Санкт-Петербурге (Вятка), поднадзорный с 1898 г. [40] Добавочные сведения о кандидатах на место «героев» статьи скудны: П. Д. Андреев в 1904 г. проживал в Н.-Новгороде, состоя в местной с.-д. организации [41]; А. М. Андреев проходил по агентурному наблюдению за вятской организацией П. С.-Р. в 1913 г., выпав из жандармских архивов на 10-летний срок [42], генерал А. И. Косич (1833–1917) был саратовским губернатором в 1887–1891 гг. В официальных «Вятских Губернских Ведомостях» за 1903–1904 гг. о «деле Андреева-Косича» нет ни слова. «Р. Р.» вела борьбу с мифом?

«Р. Р.» ещё раз вернулась к крестьянскому движению в Вятской губернии, отмечая его успехи в Слободском уезде. «За последние два-три года, благодаря успешной социально-революционной пропаганде, народ в общественном отношении сильно подвинулся вперёд. Страдая от голода, бесправия и приниженности, он душой отдаётся живой струе пропаганды, сочувственно встречая листки, книжки, прокламации и выделяя из своей среды своеобразных пропагандистов, которые несут освободительные идеи в глубь крестьянской темноты. Идеи Социалистов-Революционеров встречают величайшее сочувствие. Издавания их быстро расходятся». Вятский жандармский начальник Александров по этому поводу рвал и метал: «Не я-де буду, если не очищу совершенно Вятскую губернию. Всех крамольников сошлю в Якутку!» [43] Трепет «охранителей» в наибольшей степени вызывала деятельность

руководителей открытого в 1902 г. Лукинского с.-х. общества в Ильинской волости – В. И. Усова и отца и сына Мерзляковых. Открытие названного с.-х. общества совпало с крайне настойчивым, не прекращающимся, несмотря ни на какие меры, распространением среди крестьян нелегальной литературы партии социалистов-революционеров. Не прошло и двух лет со времени возникновения с.-х. общества, как Василий Усов и Мерзляковы приступили к организации среди крестьян «сообщества для низвержения Царя и установления выборных властей» [44]. Но так как вятские жандармы не верили в крестьянскую самодеятельность, то заводчиком «крамолы» видели статистика Слободской земской управы Н. Н. Соколова. Ссылный «политик» Соколов значился почётным членом Лукинского общества, вёл знакомство с прочими ссылными, в Слободском его навещал Усов. В сентябре 1903 г. Н. Н. Соколов выехал в Киев [45]. Соколов был видным эсеровским работником и в 1917 г. был избран от Новгородской губернии в Учредительное собрание по списку П. С.-Р. Ещё одним видным «поджигателем» слободского крестьянства выступил владимирский кооператор И. В. Майоров, организовавший в 1902 г. Шуваевскую земледельческую общину в Ракаловской волости. 30 ноября 1905 г. на Вятском губернском Крестьянском Съезде, где председательствовал Майоров, от Шуваевской деревни прислали выборного, который больше всех других доказывал необходимость пользоваться землёй общинно. Выборный доказывал, что благодаря общине удобнее перейти к обработке земли сообща и тем избавиться от нужды и подвинуться к общенародному социалистическому хозяйству [46].

На стыке XIX–XX вв. в революционной среде был довольно популярен поэт Алексей Хавский (1869–1904), писавший под псевдонимом Ленцевич. Своеобразным *profession de foi* Хавского стало его программное стихотворение «Ночью товарищ погиб...», впервые напечатанное в нашей газете «Вятский край» [47]. Стихотворение, носившее нейтральный подзаголовок «с арабского», было посвящено безвременной гибели петербургского студента С. С. Костромина, всколыхнувшей прогрессивные круги. Арестованный по подозрению в революционной агитации, Костромин был заключен в петербургский дом предварительного заключения. Все хлопоты его жены об освидетельствовании здоровья нервнобольного Костромина и переводе его в больницу остались безрезультатными. 4 апреля 1898 г. Костромин пытался броситься вниз с лестницы и едва был удержан надзирателем, которому искушал руки, крича: «Убейте меня, я не могу больше жить!» Только 6 апреля явился врач, который нашел Костромина в состоянии близком к умопомешательству. Однако и

после этого было отказано в помещении Костромина в больницу. Через несколько дней он изрезал себе горло осколками разбитого блюдечка и скончался [48]. Позже, когда в 1905 г. «Р. Р.» опубликовала некролог самому А. Н. Хавскому, публикация гневного стиха «Ночью товарищ погиб...» указывалась как причина закрытия «Вятского края» губернатором Клингенбергом. «Искра» характеризовала этого губернатора как одного из редчайших мракобесов царской России. «Мерзавец, пьяница и развратник, он давил постоянно, систематично, с циничным презрением к подданным его величества. Цель его правления была – вытравить из обывателя даже мечту о свободном вздохе» [49]. Последний номер «Вятского края» вышел 2 июня 1898 г.

Хавский был деятельным сотрудником первой вятской частной газеты. За период в два с половиной года [50] Хавский поместил на страницах «Вятского края» 43 публикации: 40 стихов и 3 статьи. Что любопытно, стихи подписаны псевдонимом Ленцевич, а статьи – подлинным именем. Особо знаменателен № 24 от 27 февраля 1896 г., где на одной странице помещена статья Ал. Хавского памяти Н. А. Некрасова и стих «Песня» Ал. Ленцевича. У нас же в Вятке в 1898 г. вышла единственная книжка Ал. Ленцевича «Стихотворения», вобравшая 39 его стихов. Сборник этот носил характерный подзаголовок «Михайловский, Некрасов, Гл. Успенский и ещё многие, имена которых священны для автора, вдохновляли его». На выход сборника Ленцевича-Хавского откликнулся влиятельнейший легальный народнический журнал «Русское богатство», отметивший «большую зрелость мысли и заметное присутствие руководящей идеи» поэзии Ленцевича, о художественном же достоинстве стихов обозреватель журнала был невысокого мнения. «Да, мало в этих стихах “свободной” поэзии, нет в них “творящего” искусства! Самый стих, – этот лёгкий и звучный русский стих, – далеко не в совершенстве повинуется нашему поэту» [51]. Однако стихи Хавского ценились не за изящество рифм, а за идейность. Недаром Гершуни в прокламации от имени боевой организации партии социалистов-революционеров на казнь 16 мая 1902 г. Ст. Балмашева, ликвидировавшего министра внутренних дел Сипягина, закончил листовку стихом Хавского:

Ночью товарищ погиб, –
Жить ему стало невмочь.
Труп его свежий зарыт
В ту же зловещую ночь.

С другом надежным сойдись,
Острый клинок отточь,
Нужно не плакать, а мстить, –
Мстить за погибших в ночи [52].

Как в дальнейшем показала история, недостатка в мстителях «кровожадному самодержавию» не было.

Помимо пропаганды занимался Хавский и непосредственной агитацией. В 1892 г. в Москве он вёл народнический кружок, в котором начали свою противоправительственную деятельность В. Д. Бонч-Бруевич, а также Николай и Клавдия Величкины [53]. В 1894 г. Хавский был выслан в Вятку на 5 лет под гласный надзор полиции. В 1900 г. он вернулся в Санкт-Петербург, но уже в апреле 1901 г. был арестован и в январе 1902 г. выслан в Якутию на 5 лет. Вероятно, Хавского в равной мере считали своим и социал-демократы и социалисты-революционеры. Недаром «Искра» регистрировала, пусть и с существенной задержкой, и вынесение приговора Хавскому, и отправку его в Восточную Сибирь [54]. По пути в ссылку Хавский, по оценке «Р. Р.», стал убеждённым социалистом-революционером 3 июня 1904 г. в Тулунчинском выселке в окрестностях Якутска Хавский покончил с собой выстрелом в висок.

Что же произошло? Выведенные из терпения притеснениями местной администрации и невозможными условиями существования, ссыльные, расселённые по улусам вблизи Якутска, собрались в числе 59 человек в Якутске и на требование полиции возвратиться в улусы ответили отказом. Зная, что полиция не остановится перед насилием, 18 марта 1904 г. они собрались в одном частном доме и забаррикадировались с целью дать отпор угрожавшей полиции. Последняя, пригласив военный отряд, повела правильную осаду «Романовского форта», как называли эту своеобразную крепость, осыпая её градом ружейных пуль. Осаждённые также отвечали выстрелами. С обеих сторон оказались убитые. Истощённые долговременной осадой и не видя никакого выхода, осаждённые после упорного боя сдались. Начались суд и расправа [55]. Хавский, не участвовавший в этой бойне, предостерегал товарищей от повального самоубийства с целью отомстить администрации за расправу, за ужесточение режима ссылки. Хавский отправил письмо с соображениями о том, что коллективное самоубийство не в интересах революции. Но со стороны застрельщиков «романовки» Панкратова и Шебалина письмо Хавского вызвало крайне грубый ответ, и мнение Хавского было названо «делом ничтожных трусов». Когда же политические ссыльные Якутска в знак протеста против произвола полиции совершили попытку массового отравления (погибло 3 человека), Хавский застрелился – ведь его отказ принять яд товарищи могли считать малодушием. «Смерть его была лишена всяких эффектов, как и жизнь его» [56].

15 октября 1905 г. вышел последний выпуск «Р. Р.», эмигранты, издававшие её, не могли да-

лее оставаться за границей, когда в России вовсю полыхала революция. Редакторы «Р. Р.» считали, не без некоторых оснований, что и их газета сумела всклыхнуть народное море.

Следующая крупная центральная газета партии социалистов-революционеров «Знамя труда» также уделяла место крестьян-скому и рабочему движению в Вятской губернии. Неизменными были вятские корреспонденции и в столичной эсеровской печати 1917–1918 гг.

В настоящее время работа с откликами центральной прессы на события нашей местной жизни периода 3 русских революций поможет точнее вписать историю вятскую в общероссийскую канву; сопоставить достоверность освещения жизни глубинки Москвой и Питером. До сих пор столичная печать и газеты соседних губерний в вятском краеведении – terra incognita, ждущая своих исследователей. Как писалось в прокламациях вятских эсеров времён «Р. Р.»,

Светает, товарищ, работать давай,
Работы усиленной требует край [57].

Примечания

1. *Соболев В. А.* Ленинская «Искра» и политические ссыльные Вятской губернии // Ленинская «Искра» и местные партийные организации в России (1900–1903 гг.). Пермь, 1971. С. 388–397.
2. *Менделеев А. Г.* «Куда влечёт нас рок событий?»: газета эсеров «Революционная Россия»: пропаганда и терроризм. М., 2008. С. 5.
3. Из текущей жизни // Революционная Россия. 1901. № 2 (май). С. 21.
4. *Наймушин В. В.* Заре навстречу. Рабочее и социал-демократическое движение в Вятской губернии накануне революции 1905–1907 годов. Киров, 1961. С. 44.
5. *Невский В.* Иван Яковлевич Жилин (1870–1922) // Пролетарская Революция. 1922. № 5. С. 216.
6. *Бар-въ И. С.* Полный систематический указатель «Революционной России» // Памятная книжка социалиста-революционера. Вып. II. Б. м., 1914. С. 60.
7. В хронику рабочего движения // Революционная Россия. 1902. № 7 (июнь). С. 18–19.
8. Искра. 1902. № 22 (июль). С. 23.
9. Очерки истории Кировской организации КПСС. Ч. 1. (1898–1918) / под ред. Е. И. Кирюхиной. Киров, 1965. С. 36.
10. Дело народа. 1918. № 2 (247) (4 января). С. 2.
11. *Новосёлов А.* Вятская организация Р. С.-Д. Р. П. в 1903–8 гг. // 1905 год в Вятской губернии. Вятка, 1925. С. 148–149.
12. *Гнедич П. П.* Книга жизни. Воспоминания 1855–1918. М., 2000. С. 161.
13. *Дудаков Савелий.* История одного мифа: очерки русской литературы XIX–XX вв. М., 1993. С. 184.
14. Из текущей хроники // Революционная Россия. 1902. № 10 (авг.). С. 7.
15. К. Внутренне обозрение // Русская мысль. 1902. Кн. V. Отд. II. С. 239.
16. Хроника // Вятский край. 1897. № 67 (19 июня). С. 4.
17. В хронику рабочего движения // Революционная Россия. 1902. № 12 (окт.). С. 13–14.

18. Что делается в крестьянстве // Революционная Россия. 1902. № 12 (окт.). С. 16–17.
19. ГАКО. Ф. 582. Оп. 143. Д. 197. Л. 1, 2, 8–8об.
20. Письмо из Вятки // Искра. 1902. № 27 (1 ноября). С. 20.
21. Величкин Николай Михайлович // Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. Т. 5 (Социал-демократы. 1880–1904). Вып. 2 (В-Гм) / сост. Э. А. Корольчук и Ш. М. Левин. М., 1933. С. 745–746.
22. Луттов П. Политическая ссылка в Вятский край. М., 1933. С. 95.
23. Из общественной жизни // Революционная Россия. 1903. № 16 (январь). С. 11.
24. Из общественной жизни // Революционная Россия. 1903. № 17 (1 февр.). С. 12.
25. Искра. 1902. № 30 (15 дек.). С. 18.
26. ГАКО. Ф. 582. Оп. 163. Д. 83. Л. 110об.–112.
27. Хроника обысков и арестов // Революционная Россия. 1903. № 22 (15 апр.). С. 20.
28. Орлов Вятской губ. // Искра. 1903. № 37 (1 апр.). С. 25.
29. Из общественной жизни // Революционная Россия. 1903. № 17 (1 февраля). С. 12.
30. Франчески И. К. Приветливый огонь «буржуйки»: воспоминания И. К. Франчески. Киров, 2002. С. 7–8.
31. Бибик Алексей Палович // Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. Т. 5 (Социал-демократы. 1880–1904). Вып. 1 (А-Б). С. 337–339.
32. Что делается в крестьянстве // Революционная Россия. 1903. № 21 (1 апр.). С. 15; Хроника обысков и арестов // Там же. С. 20.
33. Из общественной жизни // Революционная Россия. 1903. № 23 (1 мая). С. 15.
34. 1905. Армия в первой революции: очерки и материалы / под ред. М. Н. Покровского. М.; Л., 1927. С. 149, 195.
35. Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1905 г. Отд. III. Адрес-календарь лиц, служащих в Вятской губернии. Вятка, 1904. С. 54.
36. Сулимов С. К истории боевых организаций на Урале // Пролетарская революция. 1925. № 7(42). С. 103–107.
37. Из общественной жизни // Революционная Россия. 1903. № 23 (1 мая). С. 16.
38. Луттов П. Политическая ссылка в Вятский край. С. 87.
39. Из общественной жизни // Революционная Россия. 1904. № 42 (1 марта). С. 17.
40. ГАКО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 250. Л. 3; Там же. Д. 318. Л. 5; Там же. Д. 363. Л. 5.
41. Андреев Порфирий Дамианович // Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. Т. 5 (Социал-демократы. 1880–1904). Вып. 1 (А-Б). С. 99.
42. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1295. Л. 1.
43. Рабочее движение в городах и деревнях // Революционная Россия. 1904. № 45 (15 апр.). С. 16.
44. Вятская речь. 1908. № 63 (13 мая). С. 3.
45. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 69. Л. 290–290об.
46. Майоров И. В. Трудовое товарищество (кооперация). СПб., 1907. С. 20.
47. Вятский край. 1898. № 48 (28 апр.). С. 2.
48. Бурицев В. А. Календарь Русской Революции. Пг., 1917. С. 81–82.
49. Из губернаторских нравов. I. «Клин» в Могилёв едет // Искра. 1902. № 24 (1 сент.). С. 10.
50. Первая публикация – стих. «На солнце» («В. к.» № 94. 10 октября 1895 г. С. 2–3), последняя – стих. «Дамаянти» («В. к.» № 59. 28 мая 1898 г. С. 2).
51. Новые книги: Р. Е. Лебяков. Стихотворения. – Ал. Ленцевич. Стихотворения // Русское богатство. 1898. № 11 (ноябрь). Отд. II. С. 73, 77.
52. Николаевский Б. История одного предателя: террористы и политическая полиция. Берлин, 1932. С. 57.
53. Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич // Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. Т. 5 (Социал-демократы. 1880–1904). Вып. 1 (А-Б). С. 432.
54. Искра. 1903. № 36 (15 марта). С. 25; Искра. 1903. № 39 (1 мая). С. 19.
55. Лавринович Ю. Н. В Архангельской ссылке // Былое. 1907. № 4/16 (апрель). С. 276.
56. Памяти А. Н. Хавского // Революционная Россия. 1905. № 74 (1 сентября). С. 9–12.
57. ГАКО. Ф. 582. Оп. 167. Д. 88. Л. 9.

УДК 94(470.342)“1905”

М. Ю. Лицарев

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИЛЬИНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА в 1905 г.

В статье предпринята попытка по-новому оценить деятельность Ильинского политического общества в контексте революционных событий в Вятской губернии в 1905 г. Используются материалы канцелярии вятского губернатора (ГАКО. Ф. 282), Вятского губернского жандармского управления (ГАКО. Ф. 714), прокурора Вятской губернии (ГАКО. Ф. 33).

An attempt to re-evaluate the activity of Pyinsky political society in the context of the revolutionary events in Vyatka province in 1905 is made in the article. The author used the materials of the Office of the Governor of Vyatka (GAKO, F. 282), Vyatka Province Gendarmerie (GAKO, F. 714), and the Prosecutor of Vyatka Province (GAKO, F. 33).

Ключевые слова: партия социалистов-революционеров, Ильинское политическое общество, партийная ячейка, вооружённое восстание, революционная деятельность, пропаганда, революционные настроения.

Keywords: Socialist Revolutionary Party, Pyinsky political society, the party cell, armed revolt, revolutionary activities, propaganda, revolutionary sentiments.

В научно-исследовательских работах, посвящённых изучению периода Первой российской революции 1905–1907 гг. в Вятской губернии, таких учёных, как В. В. Наймушин [1], А. А. Папырина [2], Ю. А. Балыбердин [3] и другие, рассматривались проблемы общественно-политиче-

ской составляющей революции, экономические и социальные предпосылки революции и контрреволюции, создавались биографические очерки о деятельности конкретных членов различных политических групп и партий.

На наш взгляд, отдельного изучения заслуживает партия социалистов-революционеров Вятской губернии, а особенно отделение партии в Ильинской волости Слободского уезда, где была даже своя дружина в составе, по разным сведениям, от 60 до 200 человек. Это общество приняло непосредственное участие в вооружённом выступлении в г. Вятке (декабрь 1905 г.).

Нами предпринимается попытка изучить историю формирования, деятельность и влияние Ильинского политического общества на революционное движение в регионе.

Ещё в 1895 г. партия социалистов-революционеров (эсеров) причислялась к числу «вымышленных», если верить циркуляру № 2031 от 2 марта 1895 г., где сообщалось о том, что участвовали случаи рассылки и распространения революционных прокламаций и воззваний от имени как бы несуществующих организаций. К сожалению, для государственного аппарата в 1905 г. отрицать существование этой партии было уже невозможно, ведь она успела о себе заявить достаточно громко. На время Первой российской революции 1905–1907 гг. пришелся пик террористической деятельности партии эсеров. В этот период было осуществлено 233 теракта. В числе прочих было убито 2 министра, 33 губернатора, в частности, дядя царя (был убит 4 февраля 1905 г. Иваном Каляевым, взорвавшим карету с великим князем Сергеем Александровичем), и 7 генералов.

В Вятской губернии ячейка партии окончательно сформировалась в 1903 г. под руководством дворянина А. А. Гурьева. Благодаря достаточно организованной пропаганде число отделений быстро росло и достигло 54 при 1291 члене к 1905 г.

Одним из таких отделений и стало Ильинское политическое общество, до конца июня 1905 г. носившее название Лукинского сельскохозяйственного общества.

В рапорте № 115 от 30 июня 1905 г. сообщается о том, что «года два тому назад» среди крестьян Лукинского общества Ильинской волости Слободского уезда стала заметно распространяться противоправительственная деятельность. Организатором этого рода деятельности в данной местности был живший в г. Слободском гласно-поднадзорный Николай Николаевич Соколов, который служил в Слободском земстве уездным статистиком после того, как окончился срок гласного надзора за ним. Он внушил революционные идеи крестьянам деревни Ермолаевской Василию

Игнатьевичу Усову и деревни Мерзляковской Алексею Гурьяновичу Мерзлякову, впоследствии успешно склонившему на свою сторону чуть ли не целое общество. Долгое время В. Усов и А. Мерзляков вели пропаганду в тесном кружке, стараясь действовать исключительно убеждением. Пропаганда в таком виде проводилась почти всегда после окончания собраний Лукинского сельскохозяйственного общества. Тут оставались наиболее близкие Усову и Мерзлякову люди, и в особенности те, кто ранее уже подозревался в распространении среди крестьянского населения преступных суждений и привлекался к ответственности. Когда таким путём в разных деревнях были подготовлены надежные лица, Мерзляков и Усов стали собирать в свои дома наиболее восприимчивых односельчан под предлогом совместного чтения телеграмм о войне. В таких поездках Мерзляков, переезжая из одного населённого пункта в другой, проводил недели по две. На собрания приезжали, к примеру, лица достаточно интеллигентные, такие как минчаковская учительница Анна Аркадьевна Бабилова, слободские мещане Сергей, Владимир и Любовь Макушины и другие. Телеграммы не читались, зато велись беседы и проводились чтения о крестьянской жизни в России. Все разговоры сопровождалась цифрами и диаграммами, отмечали высокий акциз на спички, чай, сахар, керосин и т. д. Говоря о главной задаче – помощи крестьянам, агитаторы просили их помочь партии, организовав местные отделения, которые бы привлекли как можно большее количество членов. Лиц, не желающих примкнуть к этой организации добровольно, рекомендовалось «теснить общими силами, грабить и разорять». Тем же из крестьян, кто числился в военном резерве, при начале войны и их призыве рекомендовалось на войну не ходить, а при подавлении беспорядков в бунтовщиков не стрелять. По «воспоследованию знака» о начале общего бунта участники партии повсеместно в России должны начать восстание с оружием в руках, разрушая церкви, казённые и общественные учреждения и убивать всех, кто будет препятствовать этому движению. Те, кто переставал посещать сходки, приравнивался к доносчикам и шпионам, которым грозила смерть, как и тем, кто распространялся об именах ораторов и их рассуждениях.

В тёплое время года сходки переносились под открытое небо и собирали большие толпы людей. После первого ареста Усова члены организации усилили пропаганду и стали действовать более насильственно. Были случаи, когда целились из револьвера в голову и заставляли записываться в общество. Кроме этого распространялись слухи о терроре, производимом эсерами, что оказывало деморализующий и панический

эффект. Своевременное расследование этого дела и обнаруженные факты дали возможность подвергнуть Усова предварительному заключению в Слободской тюрьме по постановлению штабс-ротмистра отдельного корпуса жандармов Засыпкина от 21 марта 1905 г. С арестом Усова пропаганда противоправительственной деятельности приостановилось и население остальных обществ Ильинской волости успокоилось. Хотя последователи Усова – Александр Гурьевич Мерзляков, Михаил Усов и другие – продолжали вести агитацию, но уже не так успешно и не с таким задором, как это происходило при Василии Усове. 31 мая, согласно распоряжению начальника ВГЖУ от 29 мая за № 3133, крестьянин Василий Усов был освобождён от тюремного заключения за прекращением дела о нём по недостаточности улик и водворён в жительство. Появление Усова на свободе произвело сильное впечатление как на его единомышленников, так и на остальных крестьян. В глазах первых он вернулся героем, невинно перенёсшим как бы незаслуженную кару. Вторые же были приведены в недоумение и, сопоставляя поступки Усова до его ареста с освобождением его от суда, не могли понять – запрещена или разрешена та пропаганда, которую распространял среди крестьян Усов до ареста. Пока население осматривалось, Усов и его сподвижники энергично возобновили агитацию. До его ареста таких наглых приёмов обращения не было, а равно и оружия не имелось [4]. Василий Игнатьевич Усов привлекался к уголовной ответственности не один раз. Так, на него было заведено дело за распространение листовок и другой пропаганды ещё в феврале 1905 г.

Порой методы «рекрутинга» были достаточно грубыми, если не сказать жёсткими. 16 января 1905 г. В. И. Усов, догнав вблизи деревни Кучкаловской Федосеевской волости крестьянина Ильинской волости, деревни Лукинской, Егора Павловича Лукина, стал бить его обломком жерди за то, что тот не поступает в их «кружок противоправительственного направления». Лукин об этом ранее не заявлял, боясь мести Усова. 25 февраля 1905 г. во время проведения ярмарки угрозы были адресованы стражнику Распопову. Ему было сказано: «Не вечно тебе стражником быть, работать в поле тоже когда-то будешь». Усов заметил, что Распопов вёл за ним слежку, поэтому стал угрожать убийством, если тот не перестанет следить [5].

Объятое страхом население не решалось заявлять о насильственной вербовке в противоправительственное общество. Только после произошедшего вечером 25 июня 1905 г. в селе Ильинском случая с выстрелами охотников Захаревича и других крестьяне этого села, а за ними и других селений при производстве дознания помощ-

ником начальника ВГЖУ и прокурором начали свидетельствовать о том, что у них происходило в течение последнего времени [6]... Справедливости ради стоит сказать, что на В. И. Усова жалобы всё-таки поступали и ранее. Вот только значения им не придавалось, и председатель общества, вышеупомянутый Усов, оправдывался, что «крестьяне завидуют, так как его общество процветает, ему выдаются субсидии и крестьяне улучшают своё хозяйство» [7].

После того как стали поступать всё новые и новые сведения относительно ильинских «политиков», власти приняли решительные меры. 29 июня требовалось задержать 8 лиц из числа Ильинского политического общества. 2 было задержано, 6 сбежало. Розыск сбежавших не представился возможным по причине собравшейся толпы сторонников В. Усова, которые не желали допустить полицию к розыску скрывшихся. 30 июня часть толпы дважды приходила в деревню Минчаковскую и производила буйства против тех лиц, которые, не сочувствуя пропаганде Усова, ходили в село Ильинское, где и изоблачали действия лиц, вступивших в число сообщников усовской пропаганды.

По прошению слободского уездного исправника до 80 человек урядников и стражников из соседних уездов должно было перейти под его временное командование [8].

Сам В. И. Усов был задержан только 12 июля 1905 г. в деревне Гурьинской Федосеевской волости. При нём в шароварах был найден револьвер, заряженный 4 патронами, перочинный нож, большой платок, сеточка для волос, зеркало и книга – карманный словарь иностранных слов [9]. Лукинское сельскохозяйственное общество было закрыто решением губернатора ещё в конце июня. После этого оно стало носить название «Ильинское политическое общество», и с его деятельностью связаны события ещё более существенные. В августе 1905 г. прошло не одно собрание членов ячейки под открытым небом.

4 сентября сыном чиновника Германом Цветковым было совершено покушение на полковника Александра. Первоначально следователи считали, что причинами нападения являлись, во-первых, выполнение им служебных обязанностей по «Ильинскому делу», после которого партии эсеров был нанесён значительный ущерб; во-вторых, из-за всех тех дознаний, производимых при управлении, в ходе которых о работе названной партии стало известно. *«Я должен убить жандармского полковника, этот гостинец мне от партии, к которой, как ты знаешь, я принадлежу. Если я не убью – то со мной раздается, как подобает, суд революционеров. А убью – то, по всей вероятности, пойду за высокую решётку. Теперь ты должен знать, зачем я*

уехал в Вятку. Кто знает, быть может, и тебе придёт такая участь. Прощай. Остаюсь верный соц.-рев. Г. Цвет» [10], – писал Герман одному из своих братьев.

По просьбе жены вятского губернатора Левченко Александров должен был дать несколько указаний относительно любительского спектакля, проходившего в пользу детского прихода ведомства учреждений императрицы Марии. 4 сентября 1905 г. Александров шёл по улице Спасской по направлению к своему дому, когда от проходившей рядом группы людей отделился один человек и двинулся в сторону полковника. Метров с 6–8 «отделившийся» произвёл 3 выстрела. Первая пуля, как потом выяснилось, разрезанная накрест для эффекта разрыва, прошла насквозь через левую руку, которой он защищал себя от выстрела (она прошла от локтя до предплечья и зацепила часть груди выше соска). Вторая пуля попала под крыло экипажа кучера, третья же прошла мимо. После произведённых выстрелов стрелявший скрылся. Врачи из-за позднего времени ехали около 30 минут. Тем не менее жизнь Александрову спасти удалось [11].

Герману Цветкову на момент покушения было всего 16 лет. Родился он в селе Медведки Ноллинского уезда Вятской губернии. Обучение проходил в Орловском городском училище, но курса не окончил – вышел с 3-го отделения. Отец Германа, Василий Степанович Цветков, являлся коллежским асессором и в 1905 г. служил помощником начальника Орловской почтово-телеграфной конторы, 42 лет от роду. Кроме Германа в семье были брат (Валентин, 12 лет) и сестры (Нина, 15 лет; Евгения, 13 лет; Фаина, 8 лет). Ещё в 14 лет Г. Цветков поставлен под гласный надзор за распространение противоправительственной литературы и прокламаций [12].

Деятельность самого Ильинского общества в сентябре – октябре 1905 г. проходила в русле агитационном. Стоит упомянуть тот факт, что ильинцы также призывали крестьян не платить податей. С уверенностью можно сказать: призывы возымели действие. Многие деревни и различные общества отказывались от выплат. И если до Манифеста 17 октября такие случаи были редкими, то с его опубликованием всё чаще стало сообщаться об отказе от выплат. В рапорте № 2259 от 14 ноября 1905 г. уездным земским начальником говорилось о том, что в связи с опубликованием манифеста подати население Слободского уезда уплачивать перестало. Назывался мотив отказа: «теперь свобода слова и совести». «Пусть исправник попробует взять с нас податей. Ничего он не получит и не возьмёт», – говорилось крестьянами [13].

Но уже после собрания в слободском Манеже 23 ноября 1905 г. было принято решение образо-

вать Крестьянский союз. Последнее собрание Крестьянского союза, которое проходило в здании фельдшерской школы 2 декабря 1905 г., было примечательно тем, что на нём присутствовало 30 солдат 4-й роты 231-го Котельничского батальона. Рядовой Фабричный влез на стол и, подняв кверху вынутый из ножен штык, сказал: «Отныне этот штык будет защищать крестьян и направлен против черносотенцев». После этого врач Масленников взял штык из рук Фабричного и обратился к солдатам: «Вы передаёте штыки, без сомнения, последуют и винтовки». На этом же собрании сообщалось о том, что почти вся Ильинская волость была включена в общество [14].

Слова врача Масленникова в какой-то степени стали пророческими. В ночь на 13 декабря 1905 г. с верхнего этажа Слободского уездного военного управления были выкрадены 273 ружья на общую сумму 6825 рублей, а кража приписана В. И. Усову и его сообщникам [15]. Уже ночью 15 декабря 1905 г. во двор дома вятского мещанина Самылова прибыло 18 подвод с крестьянами Ильинской волости, вооружёнными ружьями. Прибывшие заняли в доме Самылова квартиру вятского мещанина Куниченко и принялись, как удалось узнать полиции, за чистку привезённых с собою ружей. Возникло предположение, что ружья эти из числа тех, что похищены из слободского военного цейхауза, поэтому в дом Самылова был командирован под начальством местного пристава полицейский наряд человек в 30 для обезоруживания. Оцепив дом, где находились крестьяне, пристав через запертые изнутри двери объяснил осаждённым цель своего прибытия и потребовал их отпереться добровольно. В ответ на это в адрес полиции посылались брань и категорический отказ впустить в квартиру полицию и выдать ей оружие. Видя, что без военной силы обезоружить засевших в доме лиц не удастся, полицеймейстер пригласил на помощь полицию роту вооружённых солдат. По прибытии войска силой была открыта входная дверь. Солдат и чинов полиции встретила вооружённая винтовками казённого образца толпа людей. Загородив штыками вход, крестьяне заявили, что винтовок они «не выдадут без бою» и «что будут биться до последней капли крови». Когда все увещевания со стороны пристава и командира роты Коробицына оказались тщетными, солдатам было приказано, несмотря на штыковую преграду, двинуться вперёд. После не затяжного боя, во время которого трём нижним чином были нанесены штыковые раны, сопротивлявшиеся были обезоружены, причем винтовки приходилось отбирать у каждого почти насильно. Бой обошелся без большого кровопролития только благодаря случайности: никто из сопротивлявшихся не умел обращаться с винтовками, а все попытки заря-

дить ружья были безрезультатны. После этого все сопротивлявшиеся в количестве 25 человек были арестованы и отправлены в тюрьму [16].

Через три дня после описанного события, 18 декабря 1905 г., полиции стало известно, что в городской водокачке засела группа людей, вооруженная винтовками из Слободского склада. Вызвав роту солдат Котельничского батальона, полицеймейстер Люминарский, оцепив водокачку, вступил с осаждёнными в переговоры о сдаче ружей. Парламентёром к нему явился сын чиновника Н. А. Швецов, бывший семинарист, который от имени своих товарищей заявил, что они добровольно винтовки не сдадут. Желая во избежание кровопролития более или менее продолжительной осадой сломить упорство засевших в водокачке лиц, полицеймейстер расставил посты и стал выжидать, что будет дальше. В районе 11 часов утра он был извещён, что берегом реки Вятки движется на выручку осаждённым толпа людей, человек в 30, также вооруженных винтовками. Командир роты Коробицын послал один взвод солдат в обход приближающейся к водокачке толпе с намерением её окружить. В прогулке у духовного училища солдаты столкнулись с мятежниками. Последние остановились и, видя, что солдаты заряжают ружья, выкинули белый флаг. Начались переговоры. Коробицын обещал не стрелять до тех пор, пока не откроют огня мятежники и в том случае, если те добровольно выдадут все винтовки. Если же нет, то винтовки будут отобраны «во что бы то ни стало». Узнав от своего парламентёра о результатах переговоров и не желая, очевидно, выдать ружья, мятежники отступили и скрылись в стоящем на берегу реки Вятки доме Мышкина. Едва двери этого дома закрылись за последним из мятежников, как с их стороны грянул залп, напав убивший двух рядовых – Чулкина и Плетенёва. Последовал залп и со стороны солдат. После этого мятежники заявили, что сдаются. Стрельба прекратилась, но затем совершенно неожиданно снова была возобновлена мятежниками: ещё несколько солдат было выведено из строя. После второго залпа со стороны солдат мятежники окончательно сдались. Арестовано было 27 человек, отобрано 29 ружей, 9 револьверов и более полутора тысяч различных патронов, преимущественно ружейных... (Интересно, что был арестован подданный Китайской империи, Ли Динь Цу, малоумный и потому освобождённый из-под стражи.) В 20 часов вечера, когда весть о сдаче мятежников в доме Мышкина дошла до осаждённых в водокачке, сдались и эти в количестве 24 человек, выдали 37 казённых винтовок и все патроны [17].

Нами уже упоминалось о солдатах 4-й роты 231-го резервного Котельничского батальона. В

рапорте № 3176 от 12 июня 1906 г. губернатору Вятской губернии сообщалось о том, что 231-й Котельничский резервный батальон замешан в противоправительственных действиях. Об этом докладывалось ещё командиру батальона полковнику Нестеренко и сообщалось до этого губернатору. Было назначено расследование специально командированными для этого лицами военного ведомства, однако выявить крамолу не удалось. По их мнению, всё было в порядке. Но 28 ноября 1905 г. была подана петиция нижними чинами батальона, в которой выдвигались экономические и политические требования. В прокламациях местной революционной партии говорилось о надежде на их поддержку нижними чинами батальона, которые «покаялись защищать “народ”, т. е. собрания и съезды Крестьянского союза от Черной сотни и полиции». Собрания эти действительно посещались нижними чинами батальона (а также некоторыми офицерами) в составе целых рот [18].

Результатом таких настроений стала попытка вооруженного восстания 18 декабря 1905 г., во время которой командир батальона полковник Нестеренко был убит рядовым Фабричным. По результатам восстания нижние чины не перешли на сторону революционеров случайно, так как наиболее подвергнутая пропаганде 4-я рота была командирована для охраны дома губернатора, где она оказалась под пристальным вниманием вооруженной полиции и вышестоящих чинов. Стоит отметить, что найденные во время восстания ружейные патроны казённого образца не могли оказаться у революционеров без помощи чинов батальона [19].

Лишь немногие судьбы участников восстания удаётся проследить до конца. Василий Игнатьевич Усов в 1909 г. находился в заключении в Глазовской тюрьме. Затем его имя упоминается в 1917 г. как одного из руководителей Вятского губернского отдела Всероссийского крестьянского союза. Алексей Гурьянович Мерзляков в 1909 г. оказался в московской тюрьме, и дальнейшая его судьба неизвестна. Герман Васильевич Цветков после покушения на полковника Александра присутствовал на различных собраниях партии эсеров уже в ноябре, но в восстании непосредственного участия не принимал. Как сложилась его дальнейшая жизнь, неизвестно.

Куда больше сведений о судьбе Петра Аркадьевича Куниченко (в 1906 г. ему было 25 лет), учителя в г. Вятке, который был арестован за вооруженное сопротивление 15 декабря 1905 г. 5 июня он был помещён на лечение в Глазовскую земскую больницу, откуда 18 июля 1906 г. между 2 и 3 часами ночи бежал вместе с другим учителем-революционером Александром Алексеевичем Петровым (23 года). Ими была написана и оставлена следующая записка: «Божьей милостью мы

амнистированы. Хотя мы оба и больны и, быть может, вскоре же сляжем в больницу, но дальше сидеть теперь, ничего не делая, нет сил. Сидеть теперь, когда “работы усиленной требует край”, – преступно. Считайте нас как освобождённых на поруки. На суд (независимый) явлюсь. 17 июля 1906 г. А. Петров, П. Куниченко» [20]. Прошло почти полгода, когда в Вятку пришла телеграмма из Казани следующего содержания: 3 декабря, в доме Макаровой, где проживал нелегально по паспорту Иван Фёдорович Семёнов, произошёл взрыв. Был убит названный хозяин квартиры и ранено другое задержанное лицо. Убитым оказался П. А. Куниченко. Вторым же – его товарищ, вместе с ним бежавший учитель А. А. Петров [21]. Фамилия Куниченко была исключена из всех обвинительных дел, но материалы, найденные у него на квартире в декабре 1905 г., были оставлены как доказательства в обвинении других подлежащих суду лиц.

Итак, изучение истории организации и деятельности партии эсеров в 1905–1906 гг. свидетельствует о существенном влиянии членов Ильинского политического общества на революционные настроения жителей Вятской губернии. К декабрю 1905 г. в Вятской губернии существовало несколько ячеек эсеров: в Малмыже, Сарапуле, Ижевске, Воткинске, Елабуге и Орлове. Но ильинцы (Слободской уезда) вели самую активную революционную деятельность, отличались харизмой, дерзостью, неуступчивостью и склонностью к силовым методам ведения борьбы.

Примечания

1. Наймушин В. В. Заре навстречу // Рабочее и социал-демократическое движение в Вятской губернии накануне революции 1905–1907 гг. Киров: Киров. кн. изд-во, 1961.
2. Папырина А. А. Революционное движение в Вятской губернии в 1905–1907 гг. Киров: Киров. кн. изд-во, 1975.
3. Бальбердин Ю. А. Общественно-политическая жизнь в Вятско-Камском регионе в начале XX века (1900–1914 годы). М.: Изд-во «Прометей», 2005.
4. ГАКО. Ф. 582. Оп. 146. Д. 163. Л. 9–10.
5. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 897. Лл 4–4об.
6. ГАКО. Ф. 582. Оп. 146. Д. 163. Л. 9–10.
7. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 897. Л. 22.
8. ГАКО. Ф. 582. Оп. 146. Д. 163. Л. 9–10.
9. ГАКО. Ф. 582. Оп. 146. Д. 163. Л. 38–39.
10. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 114. Л. 390.
11. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 114. Л. 389–391.
12. ГАКО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 124. Л. 4–4об.
13. ГАКО. Ф. 582. Оп. 146. Д. 229. Л. 47–49об.
14. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 848. Л. 161–161об.
15. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 942. Л. 14–14об.
16. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 848. Л. 161об–163об.
17. Там же.
18. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 180. Л. 266–267.
19. Там же.
20. ГАКО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 848. Л. 243–243об.
21. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 1101. Л. 15.

УДК 377.35(47+57)[18/19]

С. А. Зубова

ВКЛАД РОССИЙСКИХ МЕЦЕНАТОВ В РАЗВИТИЕ НИЗШЕГО ПРОМЫШЛЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы представить возможности благотворительной деятельности российских меценатов в развитии промышленного образования в России второй половины XIX в.

The aim of this article is to present the significance of Russian patrons' charitable activity for the development of vocational education of the second half of the 19-th century – the beginning of the 20-th century.

Ключевые слова: благотворительность, феномен российского меценатства, формы и этапы благотворительности, общее и профессиональное обучение, частные фабричные школы, ремесленные училища, технические учебные заведения и их благотворители.

Keywords: charity, the phenomenon of Russian patronage, forms and stages of charitable activity, general and vocational education, private factory schools, technical schools, vocational schools, technical educational institutions and their patrons.

В России XIX в., как ни в одной другой стране, меценатство, меценатская деятельность получили исключительно широкий размах. Это социальное явление было тесно связано не только с промышленной революцией, но и с ростом национального самосознания в российском обществе. Меценатская деятельность многих выдающихся представителей нашего отечества в области культуры, образования и науки была проникнута потребностью укрепления национального духа, развития национальной идеи. Это было главной идейной пружиной необычайного размаха российского меценатства на протяжении длительного времени. Вначале стать меценатом было возможно лишь очень немногим богатым людям. Но их количество непрерывно росло наряду с вовлечением в экономическую, предпринимательскую деятельность представителей низших сословий. Феномен российского меценатства приобрел широкую мировую известность благодаря подвижническим усилиям деятельности отдельных ярких, выдающихся личностей. Эта деятельность носила отпечаток их вкусов, пристрастий и характеров, придававших особый национальный колорит отечественному меценатству. Поэтому история меценатства в России – это прежде всего история личностей, история русских людей – выходцев из различных сословий и групп (дво-

рянства, купечества и т. д.), посвятивших себя этому благородному делу, как утверждает Г. Е. Миронов [1].

Активность благотворителей оказалась не только востребованной, но и необходимой. Это было связано в первую очередь с тем, что рост населения городов происходил, главным образом, за счет притока в город сельского населения, чей жизненный уровень был очень низок. Растущее количество бедных и безработных было серьезной социальной, экономической и психологической проблемой, за решение которой пришлось взяться на всех уровнях: государственном, муниципальном, сословном. Одним из основных источников финансирования сферы помощи бедным явились благотворительные пожертвования.

Раскрыть сущность меценатства невозможно без обращения к благотворительности как к нравственной категории и феномену духовной жизни, без его этико-философского осмысления.

Кроме того, специфика мотивации меценатской деятельности, как и благотворительной, в целом основывается на тех же моральных принципах и взаимосвязана с теми же духовными ценностями и традициями, как отмечает И. С. Жданова [2].

В принципе, благотворительность и меценатство – синонимичные понятия. Не претендуя на оригинальность, основываясь на анализе источников и литературы, мы предлагаем свое определение благотворительности. Благотворительность в современном понимании – это социально ориентированная, бескорыстная деятельность, вызванная альтруистическим стремлением личности содействовать благу других людей из любви и сострадания к ним. Следовательно, меценатство можно рассматривать как бескорыстную помощь-покровительство, направленную к достижению более высоких интеллектуальных, культурных, нравственных, эстетических ценностей общественного значения путем обеспечения талантливым личностям или коллективам возможностей образования и самовыражения. Меценатство, так же как и благотворительность, – это некоммерческая, общественная деятельность, основанная на принципах добровольности и общественной инициативы.

Содержание понятия «благотворительность» складывалось постепенно, в течение веков, вместе с накоплением опыта благотворительной деятельности.

Благотворительность носит общечеловеческий характер, что подтверждается наличием этого явления во все исторические эпохи и представлением данной проблемы во всех этических и философских системах. В этом смысле благотворительность можно рассматривать как практическое воплощение универсальной моральной нормы человеческого общежития.

Выдающийся отечественный историк В. О. Ключевский в своей речи «Добрые люди древней Руси», впервые опубликованной в первом номере «Богословского Вестника», использует другое понятие – «благотворительность»: «Благотворительность – вот слово с очень спорным значением и с очень простым смыслом. Его многие различно толкуют, и все одинаково понимают» [3].

Какая же благотворительность ценилась и почиталась на Руси? В. О. Ключевский писал: «...древняя Русь понимала и ценила только личную, непосредственную, благотворительность, милостыню, подаваемую из рук в руки...» [4]

Милосердие – глубоко естественная потребность человека. Благотворительность – традиционная, веками складывавшаяся черта русского православного народа. Традиции, легшие в основу благотворительности православных дворян-предпринимателей, купцов, интеллигенции, корнями своими уходят в постулаты христианства, в традиции русского православия. Милосердие подразумевает целый комплекс нравственно-психологических качеств личности, являющихся основой бескорыстной благотворительной деятельности.

В своем историческом развитии благотворительность прошла различные формы – от милостыни на общественное призрение до организованной государственной системы, сочетающейся с различными видами общественной и частной благотворительной деятельности. Многовековой путь российской благотворительности можно разделить на несколько этапов: 1) личная, индивидуальная благотворительность; 2) церковная, монастырская, храмовая благотворительность; 3) государственная; 4) государственно-общественная. Как уже было отмечено выше, личная, индивидуальная благотворительность включает X–XVI вв.; далее идет монастырский период XVII в. (храмовая благотворительность), когда создаются приюты, больницы при храмах. Следующий этап – это период второй половины XVIII в. и начала XIX в., когда происходит организация благотворительных комплексов за счет государства и привлечение частных средств дворянского сословия (строительство и содержание зданий для больниц, богаделен, приютов других учреждений). Далее следует более значительный по своим масштабам и широте период, связанный главным образом с купеческой благотворительностью – это вторая половина XIX – начало XX в. Вместе с тем в конце XIX в. продолжало развиваться и дворянское меценатство, которое не прекратилось, а наоборот, дало немало громких имен.

Неизмеримо более действенным оказалось сочетание государственных форм благотворительности с общественными и частными формами, что стало характерным для последнего, четвертого,

этапа истории социального призрения в России, т. е. для времени с середины XIX в. и до 1917 г.

Развитие промышленности в России привело к противоречивым явлениям. С одной стороны, это усиление социальной поляризации и увеличение числа лишенных традиционных источников существования людей, требовавших особого внимания общества. С другой – выход на общественную арену разночинных слоев, появление национальных буржуазных деятелей, лишенных в условиях самодержавного государства политических прав, но достаточно обеспеченных и просвещенных для осознания необходимости лишенным возможности нормального существования людям на основе частной инициативы и на доходы, получаемые от промышленных предприятий.

Частная благотворительность в организованных формах начала развиваться со 2-й половины XVIII в., а особенно интенсивно с 1860-х гг. – до начала XX в. [5]. В 1781 г. частным лицам официально было разрешено открывать благотворительные заведения, а с 1862 г. право их санкционирования было передано от императора Министерству внутренних дел.

Первоначально среди меценатов преобладали представители аристократии, землевладельцы. Например, князь Д. М. Голицын финансировал строительство в Москве Голицинской больницы (1802 г.). В мае 1810 г. по завещанию князя А. М. Голицына при этой больнице была открыта картинная галерея [6]. Это был первый в России публичный художественный музей, доступный для всех. Правда, галерея просуществовала недолго. Но и сам факт окончания ее существования в 1816 г. – свидетельство проявления благотворительности московского дворянства: галерея была продана наследником князем С. М. Голицыным, чтобы употребить полученные деньги на расширение больницы. В выгоревшей в 1812 г. Москве это дело было, наверное, более насущным [7].

Благотворительность в России была разветвленной системой со значительными материальными средствами. Уже в начале XIX столетия только в Москве и Петербурге с большой пользой работали десятки благотворительных обществ. Среди них можно выделить и огромное ведомство императрицы Марии Федоровны, жены императора Павла I, пожертвовавшей из своих средств на женское образование и воспитание девочек-сирот около 4 млн руб. (для 1828 г. – огромная сумма). Это ведомство ежегодно брало на воспитание и обучение до 21 года 100 000 младенцев: оно имело 176 приютов для взрослых людей, 21 школу для слепых детей, Маринские институты и училище для девочек, 31 женскую гимназию – всего более 500 учреждений с годовым бюджетом в 13,5 млн руб. (около 25% из госбюджета).

Благотворительность в России до середины XIX в. носила больше материальный характер, чем просветительский, духовный. Крепостное право, самодержавие, сама система не могли обеспечить нормальное существование человека.

Частная благотворительность в России к середине XIX в. стала главным видом национальной благотворительности, так как составляла 75% от общих расходов на благотворительность. И только 25% принадлежали казне, земствам, городам, сословным учреждениям, церквям [8]. Вторая половина XIX – начало XX в. в России явились средоточием уникального социального опыта. Общество этого периода оказалось влиятельной силой в постановке образования, добившись функционирования широкой сети школьных и внешкольных учреждений. Значение и весомость внешкольного образования как альтернативы, тщательно структурированной и иерархизированной системы государственного народного образования, выразил видный педагог того времени П. Ф. Каптерев, который писал, что «если бы изъять из нынешнего педагогического дела все продукты свободного личного и общественного творчества и оставить школы лишь при государственно-казенной педагогике, то трудно представить, что произошло бы нечто вроде педагогического землетрясения, после которого остались бы лишь самые крепкие человеки в футлярах» [9]. Общее и профессиональное обучение работающих детей оказалось за пределами системы государственного начального и профессионального образования. В общественном движении сформировались условия для ликвидации неграмотности и повышения образовательного уровня малолетних рабочих, также формы профессиональной подготовки рабочих-подростков, учеников-рабочих. В основе общеобразовательной школьной политики лежала идея реализации потенциала личностного и социального развития.

Необходимо отметить, что первая частная фабричная школа была открыта в Москве в 1816 г. при Трехгорной мануфактуре по инициативе известного фабриканта Тимофея Васильевича Прохорова. Предлогом для ее открытия послужило желание самих фабрикантов приобрести необходимые общеобразовательные и специальные знания. Но они «дозволяли приходить к урокам и своим мастеровым мальчишкам». Такой «нечаянный опыт» открыл для Прохоровых большую пользу: «мальчишки посредством учения делались и благонравнее, и к мастерствам способнее» [10]. Это обстоятельство побудило их открыть при фабрике специальное училище, «назначая по вечерам и праздникам классы предметов, которые нужны были для образования сердца и рук воспитанников»; преподавались Закон Божий, чтение, чистописание, арифметика и рисование. С

этого времени в школе ежегодно обучались от 20 до 40 человек, большая часть из которых «две трети времени находилась в мастерствах». В 30 г. во время эпидемии холеры в Москве ученики были распущены по домам. Впоследствии Прохоровы приняли в школу около 80 мальчиков из мещан, родители которых умерли во время эпидемии [11].

Главной особенностью школы была связь с практическими потребностями производства. Это неоднократно отмечали как современники, так и авторы работ о деятельности Прохоровых, появившихся в более позднее время. В уже упоминаемой корреспонденции «Журнала мануфактур торговли» отмечалось, что «фабрика достигала своего совершенства по мере образования своих мастеровых». В 1827 г. должности красильщиков, рисовальщиков, приказчиков, конторщиков фабрики были заняты своими воспитанниками; окончившие школу были «искусны в своих должностях». Благодаря тесной связи с практикой ремесленная школа Прохоровых выгодно отличалась от начальных школ, подведомственных Министерству просвещения. В 1832 г. в школе Прохоровых был проведен открытый экзамен для учеников, на котором присутствовали представители фабрикантов [12].

В начале 30-х гг. Т. В. Прохоров, несмотря на неудачную попытку открытия технологического института в Москве, выступил с проектом создания технологического училища, по характеру приближавшегося к фабричным школам. Курс обучения, включающий общеобразовательные предметы и основы фабричных искусств, был рассчитан на два года; контингент учащихся должен был состоять из 200 детей купцов и мещан. Основную массу окончивших училище предполагалось направить работать на фабрики мастерами, и только части наиболее способных учеников разрешалось продолжить учебу [13]. Кроме технического практического училища Т. В. Прохоров намеревался создать «промышленный музей», надеясь на помощь и участие московских мануфактуристов. Однако этот проект Т. В. Прохорова не осуществился. По мнению брата Тимофея Васильевича Прохорова Константина Васильевича Прохорова, причина подобной неудачи – «холодное расположение фабрикантов к научному изучению своей фабрики» [14]. «Холодное расположение» фабрикантов к проекту Т. В. Прохорова объяснялось не только известной инертностью, стремлением сохранить нетронутыми патриархальные дедовские методы ведения дел, но также и тем, что в это время промышленники еще не располагали достаточным капиталом. А размеры производства не требовали широкого развития технического образования рабочих. Известная аргументация этого положения содержится в письме третьего брата –

Якова Васильевича Прохорова. «Вы изволите, – писал он братьям Ивану и Константину в 1833 г., – поддерживать мысль братца Тимофея Васильевича в рассуждении технологической школы и ставите в пример тому Тараса Марыгина. Точно я с вами согласен, но на Марыгина какие были употреблены расходы, какие ему были учителя? Никто как собственные ваши труды и его старание и способности». Далее он продолжал, что предложение Т. В. Прохорова изучать в школе механику, рисование, языки, модели «все хорошо и общепольно, но каково для кармана? Итак, надобно прежде сообразиться в расходах, а потом уже предвидеть собственные свои выгоды».

Фабричная школа, основанная в 1816 г., не прекратила своего существования и позднее. К. В. Прохоров в 1835 г. обратился с ходатайством «о дозволении иметь ему с братьями при фабрике приготовительную к мастерствам школу», и в феврале этого же года попечитель московского учебного округа князь Голицын сообщил, что «министр народного просвещения согласен, чтобы фабрикантам Прохоровым дозволено было иметь школу для бедных мещанских детей мужского пола на правах частных учебных заведений без предоставления учителям каких-либо преимуществ, но с тем, чтобы Закону Божию обучал священник и чтобы школа сия подчинена была надзору училищного начальства наравне с другими подобными заведениями» [15].

Увеличились расходы и на содержание школы: в 1840 г. – 17,6 тыс. руб. ассигнациями, через 2 года, в 1842 г., – 25 845 руб. ассигнациями [16]. Увеличение числа учащихся и расходов на содержание школы диктовалось, прежде всего, потребностями расширявшегося производства. В начале 40-х гг. оборотный капитал Трехгорной мануфактуры Прохорова составлял около 2 млн руб. ассигнациями, началось внедрение машин в процесс производства ситца. Характерно, что среди выпускников школы Прохоровых в этот период наряду со старыми профессиями – резчики, рисовальщики, набойщики, красковары – появляются и новые – печатные мастера, граверы – профессии, связанные с машинным трудом [17]. Перерастание мануфактуры в фабрику приводило к появлению новых специальностей, и школа Прохоровых достаточно чутко реагировала на потребности машинного производства.

Идея практической пользы технических школ нашла значительно больше сторонников среди владельцев промышленных заведений в последующие годы, чем в предшествующее десятилетие. Примеру Прохоровых последовали многие фабриканты.

Интересно отметить, что большинство фабричных школ возникало в этот период при хлопчатобумажных заведениях. Если сопоставить до-

вольно интенсивное развитие хлопчатобумажной промышленности, связанное с началом перехода мануфактуры в фабрику, с появлением частных фабричных школ в этой отрасли, то очевидной становится связь этих явлений. Фабричные школы готовили, главным образом, контингент низших служащих, так называемых «унтеров промышленности».

Так, во Владимирской губернии фабричные школы появились в конце 40-х гг. в селе Иваново. До этого здесь имелось только Ивановское вотчинное училище, открытое ещё в 1820 г. на средства гр. Шереметева, а в 1847 г. были открыты воскресные классы при ситцевой фабрике И. А. Бабурин для обучения работавших на предприятии мальчиков. Классы должны были посещать 15 человек. «Успехи школы вполне оправдали старания и заботливость фабриканта, — писал Я. П. Гарелин, — несколько учеников его школы первого же выпуска заняли места приказчиков и отличались знанием дела и прекрасным поведением» [18].

«Цель учреждения училища, — сообщалось в одном из документов Ивановского вотчинного правления, — есть распространение грамотности и развитие нравственных понятий между детьми ремесленников и людей, имеющих разные занятия по фабрикам». За 9 лет (1848–1856 гг.) общее число окончивших Покровское училище составило 850 человек. В 1853 г. фабричная школа открылась при бумагопрядильне Мальцова в селе Гусь Меленковского уезда. В конце 50-х гг. при Шуйском уездном училище предполагалось открыть класс технических наук, в котором должны были преподавать основы ситцевого, миткалевого и других производств. В 1859 г. в «Журнале мануфактур и торговли» сообщалось об утверждении программы обучения в этом классе [19].

Программа преподавания в фабричных школах в основном совпадала с программой ремесленной школы Прохоровых. В инструкции инспектору фабричных школ указывалось, «чтобы все фабричные школы были по общему направлению и по программам преподавания одинаковы», и в пример ставилась школа Прохоровых [20].

Помимо частных фабричных школ во второй четверти XIX в. существовали и другие формы начального технического образования, приспособленного к промышленной деятельности: школы технического рисования, специальные рисовальные или реальные классы при гимназиях, уездных и приходских училищах.

Основную массу учеников в частных фабричных школах и различных ведомственных технических училищах составляли выходцы из низших сословий — крестьян, в том числе и крепостных, мещан, разночинцев.

В 50-е гг. обсуждение проблемы технического образования приобретает более конкретный характер, более четко определяется позиция сторонников и противников его распространения.

Идею распространения технического образования среди рабочих довольно настоятельно пропагандировал Яков Васильевич Прохоров, который раньше не был большим энтузиастом фабричных школ. В одном из писем в Иваново в начале 50-х гг. он писал: «Теперь мы, русские, всеми силами должны стремиться к просвещению, и науку ни под каким видом не отвергать, иначе нас в грязь затопчут. Да к тому же полезно каждому по совести на своей фабрике открыть школу для научения малолетних и строго следить за нравственностью мастерового народа. Это богу угодно и царю будет приятно. В особенности вам в Иваново можно бы соединить капитал хороший на заведение подобного училища» [21]. Я. В. Прохоров видел ближайшие задачи в развитии промышленности в том, чтобы «наделить ее (промышленность) более способами к изучению технических наук: тогда бы она в четверть века чуть ли не опередила всех. Теперь видим, в чем Россия отстала, что в ней есть и как может скоро сравняться с другими». В конце 50-х гг. с большой статьей «Каким путем должно идти образование низших слоев общества» выступил Ф. В. Чижев [22]. Сторонник протекционизма в развитии отечественной промышленности, крупный предприниматель и владетель огромного капитала, Ф. В. Чижев защищал техническое образование и целесообразность его распространения.

«Мы, защитники технического образования, — подчеркивал он, — потому так стоим за него, что оно каждому дает опору независимого бесконтрольного существования» [23]. Таким образом, защита технического образования непосредственно смыкалась с выступлением против сословности в образовании, против тех, «которым кажется, что каждому сословию нужно строго отмерять предел его развития и что само развитие должно измеряться... сословным значением человека в известном обществе». Характерно, что эта критика шла от лица, тесно связанного с представителями торгово-промышленной буржуазии. В ряде статей, опубликованных в «Вестнике промышленности», проводилась мысль о том, что в вопросах развития технического профессионального образования пора уже не только от правительства ждать или иных нововведений, а самостоятельно решать эти проблемы.

Необходимо подчеркнуть, что в «Вестнике промышленности» рассматривался один из проектов развития технического образования, который исходил не от правительства, а от общества. Этот проект предусматривал создание специаль-

ных технических школ для подготовки квалифицированных рабочих на базе выпускников приходских училищ, т. е. распространение технического образования, главным образом, среди низших слоев населения.

Однако рост сети фабрично-заводских начальных школ стал особенно заметен в конце XIX в. в связи с быстрым развитием крупной машинной промышленности.

Это мы можем видеть на примере истории школьного дела при Никольской мануфактуре Морозовых. Начальная народная школа для работающих детей Никольской мануфактуры была открыта в 1864 г., вскоре после забастовки рабочих 1863 г., вызванной жесткой эксплуатацией, нищенской заработной платой и беспросветной жизнью рабочего населения в селе Никольском Покровского уезда Владимирской губернии (ныне г. Орехово-Зуево). Пойдя на вынужденную уступку, фабрикант Морозов выделил на школьное дело незначительную сумму. В 60–70-е гг. Никольское начальное училище влачило жалкое существование, получая от хозяина на весь учебный год 222 руб. 76 коп. В эти годы в Морозовской фабричной школе обучалось не более полсотни ребятишек – детей рабочих-текстильщиков.

Положение Никольского начального училища резко изменилось в лучшую сторону в 80-е гг., особенно после знаменитой Морозовской стачки 1885 г. Для училища в 1890 г. было построено большое трехэтажное здание стоимостью в 126 тыс. руб. В 1898 г. был достроен еще один этаж, на что израсходовали более 40 тыс. руб. В этом по тому времени «школьном дворце» в 1898/99 учебном году обучалось 1439, а в 1905/06 – 1881 ученик (1007 мальчиков и 874 девочки).

В начале XX в. Никольская начальная фабричная школа имела 25 классов (16 – для мальчиков и 9 – для девочек), в которых преподавали более 40 учителей, в том числе специальные преподаватели пения, рисования, гимнастики и рукоделия. Курс обучения был четырехлетним с несколько расширенной учебной программой. Занятия проходили по 4–6 часов в неделю по объяснительному чтению по истории, географии и других статей из книг для чтения, в частности книг К. Д. Ушинского «Родное слово» и «Детский мир». В училище имелось все необходимое и для внешкольного образования: библиотека (учительская и ученическая), склад учебников и учебных пособий, волшебный фонарь с коллекцией световых картин, пять скрипок и две швейные машины для обучения рукоделию [24].

Д. И. Тихомиров, руководивший учебной частью фабричных школ Морозовых (товарищества Тверской и Никольской мануфактуры), рассказывал, в каком убогом положении застал школы

и какими огромными усилиями он и фабричные учителя превратили их в образцовые народные школы. «Учебное начальство, – писал Д. И. Тихомиров в «Автобиографическом очерке», – стало приезжать учиться постановке в них учебного дела и присылало с той же целью учителей и учительниц разных школ, а в официальных отчетах ставило Морозовские школы образцом для подражания».

Инспекция Владимирского фабричного округа называла еще ряд передовых начальных фабрично-заводских школ: начальную школу при Соколовской мануфактуре Асафа Баранова, школу при ситцевой и бумагопрядильной фабрике А. Каретниковой в с. Тейково (с мужским и женским отделениями), мужскую и женскую начальные школы при Гусевском хрустальном заводе и бумагопрядильной фабрике Ю. С. Нечаева-Мальцова.

Владимирское земское ремесленное училище действительного тайного советника И. С. Мальцова, на правах частного учебного заведения состоящего в ведении Министерства народного просвещения, было открыто 14 ноября 1885 г. на средства в размере 500 000 руб., пожертвованные действительным тайным советником Иваном Сергеевичем Мальцовым с целью дать возможность детям беднейших родителей бесплатно получать правильное и рациональное обучение полезнейшим ремеслам и необходимым для хорошего ремесленника общеобразовательным и техническим наукам [25].

Владимирское ремесленное училище отличалось практическим направлением, изучение ремесел составляло главную цель училища, уделяющего некоторую часть времени на общеобразовательные предметы и технические сведения, необходимые хорошему ремесленнику, а также на рисование и черчение [26].

Училище было учреждено для 100 приходящих учеников всех званий и вероисповеданий, живущих в городе Владимире при своих родителях, родственниках или у лиц, известных начальству училища.

Ученики получали бесплатно от училища все нужные для учебных занятий инструменты и материалы, а также письменные и классные принадлежности. Для того чтобы дети из бедных семей могли посещать школу в зимнее время, выдавались бесплатно полушубки или другая какая-либо теплая верхняя одежда, а на время пребывания в училище – блузы.

Чтобы учащиеся не тратили время и силы нахождение домой на обеденный перерыв, училище в виде пособия выделяло учащимся бесплатно обед.

Мастерские училища были организованы для изучения обработки дерева и металлов. Первую группу составляла столярная мастерская в при-

менении к столярному искусству вообще и в приложении к машиностроительному и модельному искусству в особенности, имея отдел токарный по дереву. Вторую группу составляла слесарная с отделами металлоторным и кузнечным.

По завещанию пожизненным попечителем училища был назначен наследник покойного жертвователя – камергер Высочайшего Двора, действительный статский советник Юрий Степанович Нечаев-Мальцов. Заведовал училищем директор, который избирался попечительным советом. Учебные дела вел учебный совет, состоящий из директора и всех преподавателей.

Владимирское ремесленное училище по устройству помещений и по оборудованию мастерских не имело соперников среди существовавших в то время технических и ремесленных училищ.

В передовых фабрично-заводских училищах учебная работа находилась на более высоком уровне, чем в соседних и министерских училищах, не говоря уже о церковноприходских школах. Лучшие фабрично-заводские школы находились в благоустроенных помещениях, хорошо снабжались всеми необходимыми учебными пособиями.

Передовыми были и учителя подобных школ, которых привлекали хорошие условия работы и более благоприятное материальное обеспечение (повышенный оклад, фабричная квартира и прочее).

Передовыми учебными заведениями, на наш взгляд, можно считать заведения Ф. В. Чижова. Им был завещан капитал на устройство в Костромской губернии пяти промышленных училищ, который составил до 22 000 акций Московско-Курской железной дороги и достиг 5 000 000 руб. [27].

Неоценимый вклад в распространение профессиональных знаний внесла княгиня Мария Клавдиевна Тенишева. В 1894 г. княгиней Тенишевой на хуторе Фленове близ Топашкино Смоленской области была открыта сельскохозяйственная школа. В 1896 г. «Смоленский вестник» писал: «Княгиня М. К. Тенишева задалась целью осуществить одну из тех грандиозных и серьезных задач, о которых много говорят, признают важными и симпатичными, но которые почему-то не проникают в жизнь и гаснут перед слабыми попытками к их решению. Трудная задача: практическим и реальным путем прийти на помощь крестьянину в его борьбе с нуждой, уберечь его от необходимости покинуть землю и идти на фабрики и заводы, научить его справляться собственными силами на месте со своею бедою, путем приобретения наипрактичнейших знаний по земледелию и изучения способов к ведению прибыльного хозяйства при тех условиях и средствах, которыми он располагает».

Чтобы сделать свою школу образцовой, М. К. Тенишева в первую очередь занялась подготовкой учителей, 10 июля 1895 г. она открыла курсы плодоводства и огородничества для народных учителей.

В сентябре 1895 г. во Фленове было готово новое школьное здание. Набирали 100 человек, из них 20 сирот, которые брались полностью на обеспечение М. К. Тенишевой.

Основная цель школы состояла в том, чтобы путем практических и теоретических знаний подготовить учеников к более научному ведению собственного хозяйства, а также после окончания занимать разные места службы в имениях. Учебный курс составлял шесть лет: три класса пригготовительных и три специальных. Преподавались следующие предметы: земледелие, землемерие, Закон Божий, скотоводство, геодезия, химия, физика, огородничество, черчение, пчеловодство, геометрия, ботаника, география, русский язык, арифметика, русская история, чистописание, славянское чтение.

Занятия в школе сопровождались демонстрацией наглядных пособий, приборов, механизмов, коллекций трав, насекомых, семян, минералов, картин, фотографий. Для рисования использовались гипсовые модели. Самое главное – воспитание и обучение трудом. Дети находились в школе целый день, а те, кто жил в общежитии, проводили здесь все время учебы. Других же отпускали на время каникул на короткий срок.

Цель практических работ, как в сельском хозяйстве, так и в мастерских, – приучить учеников правильно и своевременно выполнять все хозяйственные работы, добросовестно и внимательно относиться к поручаемому делу, а также дать возможность ученикам, не обращаясь к специалистам, делать легкие починки и исправления своего инвентаря и в то же время сознательно относиться к достоинствам и недостаткам вновь приобретенного.

Устройство хутора обошлось Тенишевой в 537 руб. На нем было 6 десятин пахотной земли, 4 пастбища, дом и двор. 19 июня 1900 г. Министерством земледелия было разрешено преобразовать Талашкинское училище в «низшую сельскохозяйственную школу первого разряда с мужским и женским отделениями и трехлетним пригготовительным классом». Это позволяло расширить профиль подготовки учеников [28].

Мария Клавдиевна в том же Фленове открыла школу для девочек, а также трехклассную школу с ремесленными мастерскими в деревне Сож и училище в Бобырях.

Таким образом, дворянство и купечество России середины XIX – начала XX в. оказали большое влияние на распространение профессиональных знаний среди простого населения страны.

Однако и в этот период еще не все фабриканты уделяли должное внимание открытию школ на своих фабриках, поэтому многие школы находились в очень плачевном состоянии. Фабричный инспектор Н. А. Песков приводил факты весьма плачевного состояния фабрично-заводских школ. Например, школа при Дулевском фарфоровом заводе М. С. Кузнецова помещалась в молельной: в будни здесь обучались дети, а в праздники убирались столы и совершалась церковная служба для рабочих.

Не только добротные школы вроде Морозовских, но и школы-лачуги открывались далеко не при всех фабриках и заводах, рудниках и железнодорожных мастерских. С. Рыжков, автор статьи «Забывшие школы», опубликованной в «Вестнике воспитания», говоря о фабрично-заводских школах-дворцах, обставленных на уровне гимназии, справедливо замечал: «Но это все единицы, это все позолота, и, к сожалению, здесь все основано на рекламе и капризе». Часто по капризу или при смене директора, управляющего фабрикой или заводом дворец сменялся лачугой, приличный бюджет школы и оклад учителя – голодным бюджетом [29]. Более того, при многих промышленных предприятиях, в частности горнорудной промышленности, в начале XX в. совсем не было школ.

Тем не менее участие меценатов по распространению грамотности среди рабочего населения было значительным.

Итак, возникнув из практических потребностей производства, фабричные школы, технические училища, школы и классы технического рисования, как и реальные училища, в целом объективно играли существенную роль в общественно-культурной жизни России. Они способствовали распространению грамотности среди низших слоев населения, вооружали их профессиональными знаниями и тем самым готовили квалифицированные кадры для российской промышленности.

Примечания

1. *Миронов Г. Е.* История государства Российского: историко-библиографические очерки. XIX век / РГБ. М., 1995. С. 337.

2. *Жданова И. С.* Меценатство как социальный феномен и проблемы его развития в современной России: дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. С. 25.

3. *Ключевский В. О.* Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1996. С. 78.

4. *Каптерев П. Ф.* Народная школа как образовательно-воспитательное учреждение // Русская школа. 1902. № 3. С. 179.

5. *Нещеретный П. И.* Исторические корни и традиции развития благотворительности в России. М., 1993. С. 31.

6. *Власов П. В.* Обитель милосердия. М., 1991. С. 42.

7. *Журавлева А. С.* Талашкино: очерк-путеводитель. М., 1989. С. 42–43.

8. *Максимов Е. Д.* Особые благотворительные ведомства и учреждения. СПб., 1903. С. 58.

9. *Каптерев П. Ф.* Указ. соч. С. 265.

10. Обстоятельства и выгоды, руководившие братьями Прохоровыми к заведению и поддержанию ими фабричной школы // Журнал мануфактур и торговли. СПб., 1832. № 4. С. 12.

11. Там же. С. 17.

12. Материалы к истории Прохоровской Трехгорной мануфактуры и торгово-промышленной деятельности семьи Прохоровых. М., 1915. С. 79.

13. Краткий исторический очерк деятельности Прохоровской Трехгорной мануфактуры по техническому и общему образованию рабочих. М., 1899. С. 23.

14. РГИА. Ф. 146. Оп. 1. Д. 10. Л. 106.

15. Материалы к истории Прохоровской Трехгорной мануфактуры ... С. 151.

16. Там же. С. 154.

17. Там же. С. 151.

18. *Гафелин Я. П.* Город Иваново-Вознесенск: в 2 ч. Ч. 1. Шуя, 1884. С. 215.

19. Об открытии классов технических наук // Журнал мануфактур и торговли. 1859. № 12. С. 26.

20. Материалы к истории Прохоровской мануфактуры ... С. 215.

21. Там же. С. 188

22. *Чижев Ф. В.* Каким путем должно идти образование низших слоев общества // Вестник промышленности. 1859. Т. 2. № 5. С. 193–194.

23. Там же. С. 241.

24. Сведения о промышленных учреждениях товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К». М., 1882. С. 25.

25. Владимирское земское ремесленное училище действительного тайного советника И. С. Мальцова. Владимир. 1890. С. 314.

26. *Анопов И. А.* Владимирское земское ремесленное училище д. т. е. И. С. Мальцова // Техническое образование. 1893. № 1. С. 161.

27. Об материалах по техническому и профессиональному образованию: в 4 т. Промышленные училища имени Ф. В. Чижева. СПб., 1895. С. 212–218.

28. *Журавлева А. С.* Указ. соч. С. 318.

29. *Рыжков С.* Забытые школы // Вестник воспитания. М., 1912. № 8. С. 176.

УДК 338.48:94(470.51)(045)

А. В. Баталова

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЛЕЧЕБНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА В УДМУРТИИ

В статье рассматривается процесс зарождения и развития лечебно-оздоровительного туризма в Удмуртии, который пришелся на 60-е гг. XIX в. – начало XX в. Особое внимание уделяется становлению старейшей здравницы России – бальнеологического и грязевого курорта «Варзи-Ятчи». Изучаются виды и формы лечебно-оздоровительного туризма.

The article considers the process of emergence and development of health tourism in Udmurtia which covers the period from the 1860s up to the beginning of the 20th century. Particular attention is paid to the establishment of the oldest health resorts in Russia – fango-balneotherapeutic resort “Varzi Yatchi”. Types and forms of health tourism are studied.

Ключевые слова: лечебно-оздоровительный туризм, санаторно-курортное дело, грязевой курорт, Удмуртия.

Keywords: wellness tourism, health resort, fango-balneotherapeutic resort, Udmurtia.

Важное место в зарождении и развитии туристско-экскурсионной практики дореволюционной Удмуртии принадлежит лечебно-оздоровительному туризму. Туристско-рекреационный потенциал лечебно-оздоровительного туризма Удмуртии в 60-е гг. XIX в. – начале XX в. был представлен природной ресурсной базой, которую составляли минеральные воды, грязи и кумыс. Кроме природных ресурсов становлению санаторно-курортного дела способствовали культурно-исторические, социально-экономические, финансово-кредитные и производственно-трудовые ресурсы, благодаря которым в исследуемый период в Удмуртии зарождается санаторно-курортное дело, представленное бальнеологическим и грязевым курортом «Варзи-Ятчи», Танаевским кумысолечебным заведением и Ижевским (Спиридоновским) источником натуральной минеральной воды.

Согласно архивным данным, в Удмуртии находится старейшая здравница России, бальнеологический и грязевой курорт «Варзи-Ятчи». История возникновения Варзи-Ятчинского курорта уходит своими корнями в 40-е гг. XIX в. Заметим, что курорт как уникальное социально-культурное явление предопределяется самой природой. На территории Удмуртии, в пределах Алнашского района, вследствие особых природных обстоятельств формировались сероводородные торфяные болота. Сероводородные воды и грязи

этих болот широко применялись в народной медицине. Затем на базе сероводородной воды и сероводородных торфяных отложений Варзи-Ятчинского болота возник грязевой курорт Варзи-Ятчи.

Первое достоверно известное нам научное исследование минеральных источников и грязей «Варзи-Ятчи», как показывают архивные документы Елабужской земской управы, было проведено в 1872 (1874) г. химиком Казанского императорского университета Грабовским и лаборантом Ломаном. Результаты подтвердили лечебные свойства сернистых вод и грязей Варзи-Ятчинского болота, причем оказалось, что серные воды по их целебному свойству не уступают даже Пятигорским минеральным водам на Кавказе (как свидетельствует доктор медицины Розов) [1]. Последний анализ лаборатории технологического института в Санкт-Петербурге 5 января 1889 г. показал как в воде, так и в грязи содержание преимущественно серно-кислой магнезии, извести и сернистого калия и натрия [2].

Анализ сохранившихся до наших дней исторических документов показывает, что определяющую роль в возникновении и развитии курорта сыграли личностный и административный факторы. Способности осознать курортную предопределенность местности, организовать изучение лечебных факторов и дальнейшее их использование, изыскать для этого необходимые средства – важнейшие административные и личностные условия основания и становления курорта «Варзи-Ятчи», связанные с именем Петра Капитоновича Ушкова (1840–1898). Исследуя вопросы истории экономической, политической и общественной деятельности купеческой династии Ушковых, Н. П. Лигенко характеризует П. К. Ушкова как крупного российского предпринимателя, промышленника и торговца, владельца Бондюжского и Кокшанского химических заводов, потомственного почётного гражданина г. Елабуги, старейшего гласного Елабужского земства, впоследствии получившего почётное звание мануфактур-советника [3]. Следует отметить, что почётное звание мануфактур-советника удостоивались очень немногие, как правило, за исключительные заслуги перед отечеством, среди которых часто была значительная благотворительная деятельность. Важнейшим основанием для присвоения звания мануфактур-советника П. К. Ушкову стало строительство и передача в 1889 г. Елабужскому земству комплекса курортных зданий в Варзи-Ятчи. Но и до этого события Ушков активно участвовал в благотворительной деятельности [4]. И. В. Есиева, рассматривая основные направления благотворительной деятельности купеческой династии Ушковых, отмечает стремление Ушковых к общественному призна-

нию, так как благотворительная меценатская деятельность считалась делом государственным и регулярно поощрялась властью, награждавшей крупных благотворителей орденами и медалями, чинами, почетными званиями и сословными правами. Все это повышало имидж семьи, который мог повлиять на успех в бизнесе [5].

Исторические документы свидетельствуют, что 2 сентября 1885 г. П. К. Ушков арендовал за сумму 600 руб. (причем 300 руб. за первые 12 лет были уплачены сельскому обществу Варзи-Ятчи сразу при заключении договора) [6] у местных крестьян более семи десятин земли в районе Варзи-Ятчинского болота, в одной версте к северо-западу от села Варзи-Ятчи сроком на 24 года [7].

Ушков тогда же начал там, у серного «Павильонного источника», располагавшегося всего в 550 саженях от села, на собственные средства строительство семи зданий: небольшого ванного павильона на шестнадцать ванн для приема грязевых процедур и ванн, который состоял из пяти отдельных номеров, двух общих отделений для крестьян (мужского и женского) и зала; корпуса земской больницы на тридцать мест; дома для врачей; дома для фельдшера и акушерки; дома для смотрителя; платной гостиницы для состоятельных приезжих больных с 6 номерами и большим общим залом; павильона при источнике для внутреннего употребления серной воды и ряда других подсобных зданий [8]. В строительстве в основном принимали участие жители окрестных селений. Эта дата заключения договора об аренде земли для будущего курорта и начала строительства (2 сентября 1885 г.) считается датой его основания.

Ушков лично принимал самое активное участие в строительстве и закладке фундаментов всех основных сооружений. Он был архитектором всех курортных зданий. В феврале 1889 г. П. К. Ушков, закончив строительство, безвозмездно передал курорт и все постройки со всем имеющимся необходимым оборудованием стоимостью до 25 тысяч рублей в дар Елабужскому земству [9]. 18 июня 1889 г. состоялось официальное открытие серно-грязевого заведения [10].

Вот как описывались в конце XIX в. варзи-ятчинские воды и грязи в «Памятной книжке и календаре Вятской губернии»: «Варзи-Ятчинское серно-грязелечебное заведение находится в Елабужском уезде в 69 верстах от города Елабуги и в 35 верстах от Пьяноборской пристани на реке Каме. Расположено оно в соседстве с селом Варзи-Ятчи, на низменном, болотистом левобережье р. Большая Варзи, у подножия высокого и довольно крутого левого берега этой реки. Левобережье занято торфяными болотами. Болота эти занимают два разобщенные между собою участка; один из них вверх по речке,

по направлению к д. Кузюмовой, а второй, нижний, по речке, начинается против села Варзи-Ятчей и продолжается вниз по речке до кладбища и далее. Первый участок торфяных болот в настоящее время и эксплуатируется земством с врачебной целью. Пространство его в среднем около 106 сажен длины и около 60 ширины или до 6 360 квадратных сажен.

В упомянутый участок выпадают главнейшие ключи: Докторский, Овражный, Зыбун и Конопляный, первый из них вытекает из коренных пластов этой местности около квартиры врача, второй – выходит на поверхность из пермских песчаников в небольшом овраге, находящемся на северной стороне эксплуатируемого земством торфяного участка, на земле крестьян деревни Ляли; саженях в 40 к западу от Овражного ключа расположен третий ключ, “Зыбун”, последний же ключ впадает в болото на северо-западе участка» [11]. Добраться до Варзи-Ятчинского курорта можно было на пароходе до города Елабуги или села Пьяного Бора, а потом в экипажах на лошадях от гор Елабуги 69 верст, от Пьяного Бора (пароходная пристань на реке Каме) – 35 верст [12].

С открытием курорта земская больница была перенесена из села Варзи-Ятчи на территорию самого курорта [13].

Варзи-ятчинские воды и грязи с описанием грязелечения и результатов пяти лечебных сезонов в 1893 г. были представлены на первую Всероссийскую гигиеническую выставку в Казани, устроенную Русским обществом охранения народного здоровья, и на основании заключения экспертной комиссии 29 мая 1893 г. награждены похвальной грамотой и бронзовой медалью [14].

В 1897 г. профессор Казанского университета гидрогеолог А. И. Кротов занимается исследованием торфообразования, определением запасов торфа, разработкой мер по сохранению торфяного болота от усыхания, описывает серные источники. Для этой цели Елабужское земство выделяет специальные средства. Уже тогда Кротов указал на «замечательное сходство геологического характера района низовьев реки Иж с районом Варзи-Ятчинских серных вод, что неминуемо отражается на общем сходстве этих районов и в гидрогеологическом отношении» [15].

С точки зрения развития лечебно-оздоровительного туризма в дореволюционный период интерес представляет не только история открытия лечебных природных ресурсов (лечебных свойств минеральной воды и грязей) и постройка самого курорта; немаловажное значение отводится непосредственно функционированию вновь созданного бальнеологического и грязевого курорта, в частности: сезонность, стоимость, сопутствующая инфраструктура (питание, орга-

низация дополнительных услуг, развлечения), пропускная способность и т. д., т. е. те факторы, которые влияли на популярность и востребованность «Варзи-Ятчи» населением, тем самым способствуя развитию внутреннего и въездного туризма. Остановимся на этих вопросах более подробно.

Важным показателем в развитии внутреннего и въездного лечебно-оздоровительного туризма являются количественные статистические данные о посещаемости курорта, позволяющие судить о популярности курорта, об эффективности лечения, об его востребованности обществом.

Данные рукописи самого курорта «Варзи-Ятчи» свидетельствуют, что по имеющимся сведениям доктора Л. К. Зейделя в «Варзи-Ятчи» с 1889 г. по 1897 г. (т. е. за девять лет существования курорта) официально прошло лечение 637 больных. Интересно отметить тот факт, что за первые семь лет (1889–1895 гг.) курорт посетило 386 человек (в среднем около 55 человек в год), а за последующие два года – 251 человек (в среднем около 125 человек). Это говорит о том, что первые семь лет были годами зарождения и становления курорта.

Согласно официальным статистическим данным, опубликованным в «Памятных книжках Вятской губернии», ежегодная пропускная способность первоначально исчислялась несколькими десятками больных. Так, в 1889 г. на вновь открывшемся курорте побывало 24 человека, в 1890 г. – 45, а уже в 1895 г. – 96, 1896 г. – 108, 1897 г. – 143, 1898 г. – 157, 1899 г. – 157, 1900 г. – 178, 1901 г. – 178 [16]. Как показывают статистические данные, популярность курорта с каждым годом росла. Скорее всего, это можно объяснить эффективностью лечения и распространением информации о курорте среди местного населения.

В связи с этим отметим, что за первые семь лет существования курорта большая половина всех больных (61%) были жители Елабужского уезда, затем 28% общего числа больных составляли жители соседних с Елабужским уездом – Сарапульского, Малмыжского, Мамадышского, Чистопольского, Мензелинского, Белебеевского, Бирского, Оханского и Осинского, что вместе с елабужцами дает более 90% общего числа больных. Больные из других уездов Вятской губернии составляли менее 8%. При этом из уездов Уржумского и Котельничского за все шесть лет не было ни одного, из уездов Орловского, Яранского, Слободского за то же время было от одного до двух больных и только из уездов Нолинского, Глазовского и Вятского от четырех до десяти больных. Таким образом, Варзи-Ятчинской лечебницей из жителей Вятской губернии пользовались преимущественно елабужцы и сарапульцы [17].

Данные «Памятных книжек Вятской губернии» дают информацию о том, какие сословия лечились на курорте. Так, с 1889 по 1895 г. распределение по сословиям было следующее: крестьяне – 168 человек, мещане – 55 человек, купцы – 32 человека, чиновники – 33 человека, духовные – 14 человек, фельдшера, акушерки, сестры милосердия – 9 человек, учителя – 7 человек, врачи и провизоры – 4 человека, военные – 2 человека [18]. Как мы видим, из общего числа больных больше половины (52%) было крестьян; затем вторая по величине группа – мещане (17%). Крестьяне и мещане составляют более 2/3 (почти 69%) всех больных, остальное – люди привилегированных классов.

С годами число больных, ежегодно посещавших Варзи-Ятчи, росло. Согласно данным «Обзоров Вятской губернии», в 1903 г. Варзи-Ятчинскую грязелечебницу посетило уже 204 человека [19], в 1905 г. – 272 [20], в 1908 г. – 328 [21], в 1909 г. – 336 [22], в 1910 г. – 343 [23], в 1911 г. – 366 [24], в 1912 г. – 382 [25], в 1913 г. – 484, в 1914 г. (в 26-й сезон) уже 545 человек [26], естественно, что сам курорт не мог разместить такое количество больных. Большинство из них селилось на время лечения в ближайших селах без всяких удобств.

Варзи-Ятчинская серная грязелечебница из года в год приобретала все большую и большую популярность не только в пределах Вятской губернии, но и в соседних губерниях: Пермской, Уфимской, Казанской, Оренбургской. Необходимо отметить, что с ростом популярности курорта увеличивалась доля больных из отдаленных регионов России. Так, в 1914 г. в «Варзи-Ятчи» лечились грязями трое больных из Владивостока, двое – из Николаевска-на-Амуре, двое – из Ораниенбаума, один – из Андижана. Среди больных растет доля крестьян. К 1914 г. она достигла 70% (381 из 545 больных). В большинстве это были крестьяне Елабужского уезда (156 человек). Почти столько же (165) составляли крестьяне других уездов Вятской губернии, 28 человек – крестьяне соседних Пермской и 14 – Казанской губерний, 18 крестьян прибыло из других более отдаленных регионов. Таким образом, «Варзи-Ятчи» являлись курортом, доступным для простых слоев населения. Это, конечно же, было достоинством курорта.

Одним из факторов, способствующих популярности курорта, стало включение его в отечественные путеводители, как специализированные (непосредственно по курортам), так и региональные (по Уралу). Кроме того, следует отметить немаловажную роль в популяризации «Варзи-Ятчи» местной региональной дореволюционной периодической печатью, которая регулярно размещала статьи, сообщения рекламного характера

ра о лечебных свойствах минеральных вод, общем терапевтическом действии внутреннего и наружного употребления минеральных вод, предоставляли информацию о показаниях к лечению и о результатах лечения, печатали информацию об итогах лечебного сезона и т. д.

Немаловажную роль в развитии внутреннего и въездного лечебно-оздоровительного туризма играет интенсивность посещения курорта, которую можно подразделить на постоянную, т. е. круглогодичную, и сезонную. Анализ имеющихся в нашем распоряжении исторических документов показывает, что «Варзи-Ятчи» имел сезонное функционирование. Отметим, что курорт работал ежегодно с конца мая до середины-конца августа со средней продолжительностью сезона в 83 дня [27].

По имеющимся в нашем распоряжении документам просматриваются и другие важные составляющие курортной деятельности – стоимость лечения, проживания и питания.

Следует отметить, что с момента официального открытия «Варзи-Ятчи» предоставляли как платное, так и бесплатное лечение. За первые семь лет своего существования на курорте прошли лечение 386 человек, из них платных 183 и бесплатных 203.

Заметим, что бесплатно пользовались лечением в Варзи-Ятчинской грязелечебнице только крестьяне Елабужского уезда. Они как налогоплательщики Елабужского земства, в ведении которого находился курорт, обладали привилегией бесплатного лечения. Важно отметить, что значительную часть среди них составляли рабочие Бондюжского и Кокшанского химических заводов, принадлежавших П. К. Ушкову, основателю курорта. На основании вышеперечисленных фактов можно говорить о зарождении социального туризма в Удмуртии.

Лечение в Варзи-Ятчинской грязелечебнице для больных платных обходилось недешево. Так, в 1898 г. за каждую ванну из серной воды бралось 40 коп., за общую ванну грязевую – 50 коп., полуванна или детская стоила 30 коп., ванна из морской соли – 65 коп.; с крестьян (не Елабужского уезда) за общую ванну бралось дешевле – 30 коп. [28].

Что касается средств размещения для приезжающих лечиться в «Варзи-Ятчи», то для размещения платной публики имелось шесть номеров (на 28 человек) в особом здании, очень просто обставленных. Номера для привилегированных больных сдавались по 50 коп. в сутки [29]. Бесплатные же больные (крестьяне Елабужского уезда) размещались в общей земской больнице. Для платных больных данный тип размещения обходился в 30 коп. за сутки. Остальным приходилось самостоятельно заботиться о своем раз-

мещении и питании, останавливаясь на частных квартирах в селе Варзи-Ятчи, зачастую «очень грязных и неудобных» [30]. Когда пропускная способность «Варзи-Ятчи» составляла несколько десятков больных, курорт не испытывал острой нехватки помещений для приезжих. Но со временем, когда обороты посещаемости начали расти и в конце XIX в. количество приезжих на курорт достигало 200 человек, а в начале XX в. и 500 человек, существующих средств размещения катастрофически не хватало [31].

Кроме отсутствия удобных помещений для больных к недостаткам курорта следует отнести и отсутствие каких-либо культурно-досуговых мероприятий. Так, согласно данным «Журналов Вятского губернского земского собрания», приезжавшие на курорт «Варзи-Ятчи» не имели «никаких развлечений, даже сада или леса, где бы они могли гулять; окружающая природа имеет крайне монотонный вид, местность пустынная болотистая, больные скучают от крайнего однообразия жизни. Все это вызывает не удовольствие и жалобы со стороны больных» [32].

Все вышеперечисленные недостатки требовали определенных финансово-кредитных и производственно-трудовых ресурсов, которыми Елабужское уездное земство на тот период не обладало. Важно отметить, что на курорте «Варзи-Ятчи» преобладавшим было лечение, а не отдых и развлечения. «Варзи-Ятчи» просто стало местом для лечения природными лечебными ресурсами. Тем не менее известность и популярность курорта, а следовательно, и его востребованность обществом напрямую зависели исключительно от той пользы, которую получали приехавшие больные.

Преобладающими болезнями, от которых лечились посетители варзи-ятчинских грязей, являлись: хронический суставный ревматизм, хронический мышечный ревматизм и золотуха [33]. Лечебница приобретала доверие населения. Так, в 1903 г. 28 человек приехало во второй раз, двое больных приехали в третий раз, а один больной – в пятый раз [34].

До Октябрьской революции лечение на Варзи-Ятчинском курорте проводилось почти исключительно грязевыми разводными ваннами [35].

В связи с финансовыми проблемами на развитие курортной инфраструктуры, улучшение бытовых условий средств не выделялось. Для увеличения повторных посещений необходимо было создать благоприятные условия для пребывания на курорте. Курорт «Варзи-Ятчи» должен был стать не только лечебным местом, но и иметь полноценную транспортную и коммунальную инфраструктуру, развитую сферу отдыха и развлечений. Недостаток средств у Елабужского земства отрицательно сказывался на развитии ку-

порта вплоть до революции 1917 г. Курортное учреждение не было прибыльным, требовало постоянных вложений и не привело к инвестиционной привлекательности курортной инфраструктуры со стороны частного капитала.

Завершая тему зарождения и развития курорта «Варзи-Ятчи», отметим, что Елабужское земство, понимая лечебную значимость грязей Варзи-Ятчи, тем не менее старалось делать всё возможное для развития курорта. Земская больница Варзи-Ятчи получала приоритетное финансирование из шести больниц Елабужского уездного земства.

Согласно сохранившимся историческим документам, отметим, что кроме бальнеологического и грязевого курорта «Варзи-Ятчи» в XIX в. в Елабужском уезде Вятской губернии находился климатический курорт – Танаевская кумысолечебница, которую также можно отнести к типу санаторно-курортного учреждения зарождающегося и развивающегося лечебно-оздоровительного туризма дореволюционной Удмуртии.

Отметим, что кумысолечение исключительно российское изобретение в мировой курортологии. Использовать его как лечебное средство впервые стали уфимские врачи на рубеже XVIII–XIX вв. В 1914 г. было официально зарегистрировано 165 «кумысов» (так называли места лечения кумысом), из которых один из первых был устроен Н. Постниковым в шести верстах от Самары.

Обратимся к возникновению Танаевской кумысолечебницы. Танаевское кумысолечебное заведение (рассчитанное на 200 человек) находилось в шести верстах от уездного города Елабуги Вятской губернии, в трех верстах от паровой пристани на реке Каме; было расположено на южном склоне высокого берега реки Камы, в сосновом бору, в сухой и защищенной от ветра местности, против Святого Ключа, дачи г. Стахеевых, бывшей летней резиденции оренбургского генерал-губернатора Крыжановского. Танаевский табун насчитывал тогда до 100 кобылиц. «Два месяца кумыса равносильно двум годам климатолечения», – заявляли поклонники целебного пенного напитка.

Что касается размещения и питания, то больные помещались или в отдельных дачах-особняках, или в отдельных номерах в корпусах [36].

Кумыс готовился под наблюдением владельца заведения доктора Михаила Васильевича Кроткова. Бутылка кумыса стоила 20 коп. [37]. Студентам, учителям и учителям народных школ кумыс отпускался по 15 коп. бутылка. За отдельную плату можно было воспользоваться баней, прачечной, ванной, купальнями на реке Каме, лодками, верховыми лошадьми, экипажами, личной прислугой. В заведении также имелись рояль, газеты и журналы, кегельбан, бильярд.

Сезон длился с 15 мая по 15 августа [38]. Танаевское кумысолечебное заведение существовало с 1888 г., и ежегодный приток больных увеличился, чему способствовала дешевизна жизни на курорте, красивое местоположение на многоводной реке Каме.

Согласно сохранившимся историческим документам, отметим, что кроме курорта Варзи-Ятчи и Танаевской кумысолечебницы в исследуемый период XIX в. Елабужский уезд Вятской губернии прославился Ижевским (Спиридоновским) источником натуральной минеральной воды под названием Солёный ключ, расположенным на правом берегу реки Иж в одном километре выше ее впадения в Каму. Точное время открытия источника неизвестно [39].

Вскоре добрая молва о Солёном ключе дошла до местных врачей. По утверждению старшего врача по Вятской губернии А. Г. Крылова (в его письме от 08.09.1908 г.), он узнал от своего брата елабужского врача Н. Г. Крылова, еще в 1876 г., что тот уже в течение восемнадцати лет (т. е. примерно с 1858 г.) использует воду ключа как терапевтическое средство [40]. Таким образом, на основании данных сведений и других свидетельств можно заключить, что уже во второй половине XIX в. Ижевская минеральная вода применялась местными врачами при лечении ряда заболеваний, прежде всего желудочно-кишечного тракта. С самого же начала XX в. (приблизительно с 1903 г.) вода Ижевского источника использовались в комплексе лечебных мероприятий Варзи-Ятчинского курорта.

Дальнейшая история Ижевских минеральных вод до 1917 г. связана с именем малмыжского помещика Дмитрия Федоровича Спиридонова. Благодаря ему источник получил всероссийскую известность, стал активно использоваться врачами. Именно 1903 г. называется годом «официального открытия» Ижевского источника, который получил наименование Спиридоновский. Летом 1903 г. землемер Д. Ф. Спиридонов был в служебной командировке в районе Ижевского Устья и, уже имея некоторые сведения об источнике, обратил на него внимание. В то время, по описанию Спиридонова, источник представлял из себя простую лужу, ничем не огражденную, вода постоянно загрязнялась приходившей на водопой скотиной. В 1903 г. землемер Д. Ф. Спиридонов, испытав на себе его целебные свойства при лечении почек и желудка, арендовал источник, прекратил водопой скота, соорудил каптаж и начал рассылать воду врачам для проведения клинических испытаний.

Спиридонов понимал, что для того, чтобы Ижевская вода стала известна в России как лечебная, необходима ее популяризация, создание о ней благоприятного мнения прежде всего в

среде медицинской общественности. Спиридонов самым активным образом принялся за это. Несколько первые встречи в университетах и клиниках и у медицинских знаменитостей были сухи и официально вежливы, настолько вторые и последующие были восторженны и сердечно благодарны, так как испытания воды дали всюду результаты, превзошедшие самые смелые ожидания [41].

Кроме того, вода экспонировалась на целом ряде выставок (Полтавской – 1909 г., Петербургской – 1910 г., в Народном доме и др.). На международной Казанской выставке в 1909 г. по решению жюри, куда входили и профессора Казанского университета, Ижевская минеральная вода получила большую серебряную медаль. На Петербургской гигиенической выставке в 1913 г. Спиридоновская минеральная вода была награждена большой серебряной медалью за оригинальный состав [42].

«Скромный открыватель Ижевского источника последние 5–6 лет обивал пороги влиятельных лиц и канцелярий, ища поддержки. Этот русский источник вошел в жизнь только потому, что выдающиеся представители отечественной науки признали после добросовестных испытаний в лабораториях и клиниках, что его вода по своим физическим и химическим свойствам является безусловно лечебной» [43]. Благодаря этому с 1908 г. Ижевская минеральная вода стала поступать в продажу. В 1908 г. ее было продано на 129 руб., в 1909 г. – на 1322 руб., в 1910 г. – уже на 6 847 руб. (при цене бутылки 15 коп.). Следует отметить, что до революции в России существовало всего четыре завода по розливу натуральных минеральных вод: Ижевский, Боржомский, Ессентукинский и Железноводский [44].

Д. Ф. Спиридонов совместно с другими лицами обратился в Министерство торговли и промышленности с ходатайством об учреждении «АО Спиридоновских минеральных вод» с целью дальнейшего устройства и эксплуатации арендованного им Ижевского минерального источника («Спиридоновского») с прилегающим к нему и принадлежащим названному лицу участком земли в 60 десятин. Просители желали предоставления им права устроить общественный курорт, санатории, лаборатории, лечебные заведения, аптеки, гостиницы и другие торговые и промышленные заведения, открыть оптовые и розничные склады и производить торговлю названной минеральной водой.

Как показали результаты исследования, только в 1914 г. образовалось акционерное общество для эксплуатации источника под названием «Акционерное общество Спиридоновских минеральных вод», позже переименованное в «Акционерное общество «Ижевский источник»», с первоначаль-

ным капиталом в 300 000 рублей, которое и начало действовать 30 марта того же года. Общество энергично приступило к делу и за лето 1914 г., несмотря на кризис, вызванный во всех делах мобилизацией и войной, установило новое техническое оборудование источника, за навигацию успело вывезти на рынок один миллион бутылок воды. Так как спрос оказался значительным, то за навигацию 1915 г. было предназначено к вывозу не менее 4 миллионов бутылок и полубутылок.

Следует отметить, что приезд больных к источнику был незначительным, потому что как таковой курорт не был устроен и для больных, кроме крестьянских изб в деревне Ижевке (в 1/2 версте от источника) никаких других помещений не было [45].

Акционерное общество, взяв в свои руки эксплуатацию Ижевского минерального источника, ставило своими задачами экспорт воды для удовлетворения потребности в ней самых широких кругов населения; наилучшее техническое оборудование источника и постановку розлива вод на высоту современных требований; изучение свойств источника. Произведенный в Центральной химической лаборатории Министерства финансов, уже по поручению общества, 15 марта 1915 г. особенно тщательный и всесторонний, по новейшей методе, химический анализ воды источника свидетельствовал о замечательном постоянстве химического состава воды за шестилетний период его изучения.

Нельзя не отметить, что 1915 г. начался съездом курортологов, в тематике которого минеральные воды занимали центральное место: «Съезду по улучшению отечественных лечебных мест (7–11 января) надлежит взять на себя нелегкий труд – отделить пшеницу от плевел и своим авторитетным словом указать соотечественникам те лечебные места и источники, которые действительно заслуживают этого названия. Ведь за последнее время мы стали встречаться в газетах с рекламными объявлениями об источниках, мало до сих пор кому ведомых, но, судя по рекламам, обладающих чудодейственными свойствами против целого ряда болезней» [46].

В 1923 г. Ижевский источник с прилегающей местностью был вновь передан в состав Татарской республики. Именно в том году начала осуществляться давнишняя мечта Дмитрия Федоровича Спиридонова и его сподвижников об основании здесь санатория. Новый курорт получил название Ижевский источник. Начав принимать отдыхающих в 1924 г., курорт стал быстро расти. Уже в первые годы существования курорта определились его основной профиль (заболевания органов пищеварения) и статус (питьевой ку-

порт). Постепенно «Ижевский источник» приобрел общероссийскую известность.

Подводя итог, отметим, что зарождение и развитие лечебно-оздоровительного туризма в дореволюционной Удмуртии были обусловлены наличием природной ресурсной базы, которую составляли минеральные воды, грязи и кумыс. Совокупность природно-лечебных факторов и искусственно созданной инфраструктуры, предназначенной для лечебно-оздоровительных мероприятий, определила возможности и перспективы развития внутреннего и въездного лечебно-оздоровительного туризма в Удмуртии, выразившиеся в создании и функционировании бальнеологического и грязевого курорта «Варзи-Ятчи» (1885 г.), Танаевского кумысолечебного заведения (1888 г.), а также открытия Ижевского источника натуральной минеральной воды (1903 г.) и учреждения акционерного общества Спиридоновских минеральных вод (1914 г.). Успехи и темпы развития вышперечисленных заведений определялись личным отношением к делу непосредственно организаторов, а также чиновников и должностных лиц всех уровней. При этом имели большое значение образование, эрудиция, широта и масштабность мышления, организаторские способности, предприимчивость, инициативность, патриотизм. В создании первых санаторно-курортных учреждений дореволюционной Удмуртии принимал активное участие частный капитал.

Примечания

1. *Весновский В. А.* Путеводитель по курортам Урала. Екатеринбург, 1902. С. 14.
2. Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1898 г. Вятка, 1897. С. 148.
3. *Лигенко Н. П.* Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX – начало XX в. Ижевск, 2001. С. 126.
4. Предпринимательские династии Камско-Вятского региона. XVIII–XX вв.: коллективная монография / отв. ред., авт. предисл. Н. П. Лигенко. Ижевск, 2008. С. 51–52.
5. *Есиева И. В.* Купеческая династия Ушковых (первая половина XIX в. – 1918 год): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2004. С. 24.
6. Кама и Вятка. Путеводитель и этнографическое описание Прикамского края. Юрьев, 1904. С. 56.
7. Журналы Вятского губернского земского собрания XXXI-й очередной сессии и приложения к ним (заседаний с 27 ноября по 17 декабря 1897 г.). Вятка, 1898. С. 23.
8. Журналы Вятского губернского земского собрания XXIX очередной сессии и приложения к ним (с 17 по 21 декабря 1895 г.). Вятка, 1896. С. 573.
9. *Весновский В. А.* Путеводитель по курортам Урала. С. 13.
10. Журналы Вятского губернского земского собрания XXIX очередной сессии и приложения к ним (с 17 по 21 декабря 1895 г.). Вятка, 1896. С. 574.
11. Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1899 г. Вятка, 1898. С. 99.
12. Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1898 г. Вятка, 1897. С. 152.
13. Журналы Вятского губернского земского собрания XXIX очередной сессии и приложения к ним (с 17 по 21 декабря 1895 г.). С. 570.
14. Урал северный, средний, южный. Справочная книга. Петроград, 1917. С. 272.
15. Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1899 г. С. 188.
16. Журналы Вятского губернского земского собрания XXIX очередной сессии и приложения к ним (с 17 по 21 декабря 1895 г.). С. 576; Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1898 г. Вятка, 1897. С. 152; Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1899 г. Вятка, 1898. С. 101; Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1901 г. Вятка, 1900. С. 122; Календарь Вятской губернии за 1903 г. С. 261.
17. Журналы Вятского губернского земского собрания XXIX очередной сессии и приложения к ним (с 17 по 21 декабря 1895 г.). С. 578.
18. Журналы Вятского губернского земского собрания XXIX очередной сессии и приложения к ним (с 17 по 21 декабря 1895 г.). С. 78.
19. Обзор Вятской губернии за 1903 г. Приложение к всеподданнейшему отчету Вятского губернатора. Вятка, 1904. С. 87.
20. Обзор Вятской губернии за 1905 г. Приложение к всеподданнейшему отчету Вятского губернатора. Вятка, 1906. С. 89.
21. Обзор Вятской губернии за 1908 г. Приложение к всеподданнейшему отчету Вятского губернатора. Вятка, 1909. С. 80.
22. Обзор Вятской губернии за 1909 г. Приложение к всеподданнейшему отчету Вятского губернатора. Вятка, 1910. С. 76.
23. Обзор Вятской губернии за 1910 г. Приложение к всеподданнейшему отчету Вятского губернатора. Вятка, 1911. С. 102.
24. Обзор Вятской губернии за 1911 г. Приложение к всеподданнейшему отчету. Вятского губернатора. Вятка, 1912. С. 98.
25. Обзор Вятской губернии за 1912 г. Приложение к всеподданнейшему отчету Вятского губернатора. Вятка, 1913. С. 83.
26. Обзор Вятской губернии за 1914 г. Приложение к всеподданнейшему отчету Вятского губернатора. Вятка, 1915. С. 130.
27. Журналы Вятского губернского земского собрания XXIX очередной сессии и приложения к ним (с 17 по 21 декабря 1895 г.). С. 576.
28. Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1898 г. Вятка, 1897. С. 154.
29. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга / под ред. В. П. Семенова-Тянь-Шанского. Т. 5. Урал и Приуралье. СПб., 1914. С. 529.
30. Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1898 г. Вятка, 1897. С. 188.
31. Журналы Вятского губернского земского собрания чрезвычайной сессии 28 мая – 2 июня 1910 года с приложениями. Вятка, 1910. С. 420.
32. Журналы Вятского губернского земского собрания XXIX очередной сессии и приложения к ним (с 17 по 21 декабря 1895 г.). С. 731.
33. Журналы Вятского губернского земского собрания XXIX очередной сессии и приложения к ним (с 17 по 21 декабря 1895 г.). С. 581; Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. 5. Урал и Приуралье. С. 529.

34. Календарь Вятской губернии за 1903 г. С. 208.
35. Журналы Вятского губернского земского собрания XXIX очередной сессии и приложения к ним (с 17 по 21 декабря 1895 г.). С. 731.
36. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. 5. Урал и Приуралье. С. 543; Там же. С. 545; *Весновский В. А.* Указ. соч. С. 114.
37. Кама и Вятка. Путеводитель и этнографическое описание Прикамского края. С. 48.
39. *Весновский В. А.* Указ. соч. С. 116.
40. Ижевский источник. Известково-гипсовая и соляно-магнезиальная радиоактивная натуральная минеральная вода, заменяющая дорогие заграничные воды: Вильдунген, Контрексевиль, Виттель, Баден, Фахинген, Ракочи, Виши, Мариенбад и др. Петроград, 1915. С. 29.
41. Там же. С. 13.
42. Обзор Вятской губернии за 1914 г. Приложение к всеподданнейшему отчету Вятского губернатора. Вятка, 1915. С. 141; Ижевский источник. Известково-гипсовая и соляно-магнезиальная радиоактивная натуральная минеральная вода ... С. 18; Там же. С. 11.
43. Там же. С. 31.
44. Там же. С. 28.
45. Урал северный, средний, южный. Справочная книга. Петроград, 1917. С. 274.
46. Ижевский источник. Известково-гипсовая и соляно-магнезиальная радиоактивная натуральная минеральная вода ... С. 20.

УДК 902

Э. П. Дворников

ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ И ПРОСТРАНСТВЕННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НЕКРОПОЛЕЙ КАРАКОЛЬСКОЙ ДОЛИНЫ (РЕСПУБЛИКА АЛТАЙ)

В статье рассматриваются принципы расположения некрополей в условиях ландшафта. В работе дан анализ природно-климатических условий и их влияния на расположение и устройство курганных насыпей и погребальных камер.

The principles of an arrangement of necropolises, conditioned by the landscape, are considered in the article. The author analyses natural-environmental factors and their influence on the arrangement of mound embankments and funeral chambers.

Ключевые слова: ландшафт, терраса, некрополь, обряд.

Keywords: landscape, terrace, necropolis, ritual.

Горный Алтай, по данным географов, включает около 30 ландшафтов, характеризующихся как горно-долинные, степные и т. д. Энциклопедия сообщает, что ландшафт относительно однородный участок географической оболочки, отличающийся закономерным сочетанием её компонен-

тов (рельефа, климата, растительности и др.) и морфологических частей (фаций, урочищ, местностей), а также особенностями сочетаний и характером взаимосвязей с более низкими территориальными единицами. Структуру каждого географического ландшафта определяют процессы обмена веществом и энергией.

Одним из таких уникальных культурных, археологических ландшафтов является Каракольская долина, в настоящее время территориально входящая в этноприродный парк «Уч-Энмек» (Три вершины), расположенный в Онгудайском районе Республики Алтай.

Рельеф территории среднегорный, абсолютные высоты гор – 1500–2000 м. Долина простирается с запада на восток на расстояние до 40 км, а с севера на юг в пределах 3–5 км. Восточная часть ограничена полотно Чуйского тракта, западная часть – таёжной частью Терехтинского водораздела. Северная и южная части долины ограничены довольно высокими горными хребтами, такими как Аккем, Большой Каскак, Арая.

Климат резко континентальный, с продолжительной морозной зимой и коротким жарким летом. Почвенный покров относится к поясу степных почв среднегорных котловин, представлен маломощными черноземами и каштановыми почвами. Растительность состоит из типчаковых, ковыльных, мятликовых и поlynных формаций. Берега реки Каракол покрыты зарослями ивы, тальника, берёзы, хвойных различных пород и высоким разнотравьем. Травостой характерен для степного ландшафта. Основной закономерностью в распределении растительности является высотная поясность. По долинам рек Урсула, Каракол расположены горно-злаковые степи (ковыль, поlynь). По скалистым берегам Катуня часто попадаются ломонос, белокудренник. Широко распространены эдельвейсы. Степи являются хорошинами пастбищами. Урсульские степи – это в основном пашни и сенокосы.

Основной тезис предлагаемой работы заключается в том, что, по нашему мнению, ландшафты являются основой природных условий, неким ковром, на котором формируется та или иная культура.

Очевидно, что во все периоды ландшафты играли важную роль в выборе типа хозяйства. Следует также отметить влияние ландшафта на формирование менталитета человека. Люди, живущие в горах, несомненно, отличаются от степняков. Кроме того, тип хозяйства, основанный также на природных условиях, формирует особенности поведения человека. Как мы предполагаем, представители горного кочевого типа, вероятно, в своем характере имеют особые черты, такие как упорство, жёсткость, высокая потреб-

ность в коллективе. В целом это определяет тип поведения представителя кочевой культуры как жёсткий, агрессивный. Земледельческий тип хозяйства характеризуется, на наш взгляд, постоянством, плановостью, размеренностью и определяет более мягкий тип представителя земледельческой культуры. Мы считаем, что главным фактором поведения горца является именно ландшафт, а не традиции культуры. Любая культура видоизменяется, приспосабливается под ландшафтные, природные условия. Именно этот фактор формирует культуру поведения этноса. Связь ментальности и ландшафта нами будет рассмотрена в следующей статье, сегодня мы обратим своё внимание на соотношение обрядовой практики (погребальной архитектуры) и ландшафта.

Обрядовая практика как квинтэссенция мировоззренческих представлений представляет особую, сакральную составляющую культуры. Ландшафт и обрядность объединяются, прежде всего, в слове «где»? Где проводить обряд погребения, на какой террасе священной долины? Разумеется, на той, где покоятся дед, прадед и другие представители семьи, рода, но ведь был первый из них, кто погребен именно там, почему? [1].

Анализируя материалы полевых исследований, мы постоянно сталкиваемся с очень сложными комплексами объектов различных эпох в пределах одной долины или террасы. Соответственно, в разные исторические эпохи определённые ландшафтные свойства имели важные критерии при выборе мест погребения усопшего. Вероятно, не последним фактором выбора этого места являлась укромность, труднодоступность, удаленность от обитаемых мест. Кроме того, у слова «хоронить» есть важный синоним «прятать», а значит, не тревожить понапрасну и заходить в эти священные места в исключительных случаях, а именно для совершения обряда погребения или поминок. Сейчас для нас вполне обычно наблюдать, как археологические памятники совершенно органично вписываются в условия ландшафта и являются неотъемлемым атрибутом ландшафтной архитектуры. В наше время ландшафтная архитектура – искусство создавать гармоничное сочетание естественного ландшафта с освоенными человеком территориями, населенными пунктами, архитектурными комплексами и сооружениями. В задачи ландшафтной архитектуры входят охрана естественных ландшафтов и создание новых (садово-парковое искусство). Древнее население, оставившее многочисленные археолого-архитектурные комплексы, очевидно, руководствовалось приблизительно теми же принципами, придавало им важное значение и указывало на особое отношение к местам строительства усыпальниц.

Человек в древности вынужден был приспособиться к природе. Ещё в каменном веке собственно природные условия заставили человека научиться пользоваться огнём и шить из шкур одежду, чтобы согреться, изготовить лодку, чтобы поймать рыбу, и именно природные условия и врожденное человеческое любопытство побудили его мигрировать в поисках лучших условий обитания. Получается, что природа создала для человека трудности и в то же время стимулировала формирование культуры.

В Горном Алтае с незапамятных времён существует культ гор, рек, священных мест. Множество известных петроглифических памятников – Калбак-Таш, Бичикту-Бом, Елангаш, Турачакская писаница – лишь подтверждают особое отношение человека к природе и месту человека в этом мире. Каракольская долина в этом смысле не исключение, здесь практически всю вторую половину XX в. происходили уникальные археологические открытия: исследование погребально-поминальных комплексов Башадар и Туекта, впоследствии определивших хронологические особенности пазырыкской культуры, практически с 1960–70-х гг. планомерное изучение петроглифических комплексов Бичикту-Бом, Суттерлю и других и, наконец, случайное открытие в 1990 г. ярких образов, запечатлённых на плитах погребальных склепов каракольской культуры эпохи энеолита-бронзы.

В настоящее время научные исследования позволяют не только детально изучать материальную культуру археологических комплексов, но и устанавливать роль природных факторов, которые обусловили ландшафтные особенности расположения этих комплексов, характеристику каменных пород, из которых они сложены, и деревянные элементы погребальных конструкций. Соответственно, на основании этого мы можем определить те культурные и духовные предпосылки, которые послужили основанием для выбора данных природных условий для расположения в них археологических комплексов.

В нашей работе мы предлагаем подход, основой которого будет выяснение условий, формирующих особенности становления той или иной культурной традиции. Основу анализа природно-ландшафтных факторов составят не только памятники археологии, но и более широкая внешняя среда, на основе которой формировался обряд. К таким факторам относятся ландшафты, климат, температура, материальное производство, основанное в том числе и на природно-климатической обстановке. По нашему мнению, эти факторы являются основополагающими в развитии и становлении культуры и обряда, иллюстрирующего основы традиционного мировоззрения.

Совершенно очевидно, что ландшафты играли важную роль не только в выборе типа хозяйства, но и в особенностях оформления некрополей. Любая культура видоизменяется, приспосабливается под ландшафтные, природные условия. Именно этот фактор формирует культуру поведения этноса.

Еще в трудах А. Н. Гумилева было отмечено, что природные условия (географические, геолого-геофизические, солнечно-земные процессы) оказывают значительное влияние на формирование, расцвет и угасание этносов. В настоящее время в трудах отечественных географов и геологов развиваются идеи А. Н. Гумилева о влиянии природных условий на образование и функционирование этносов. В частности, отмечается, что большая роль в образовании крупных цивилизационных центров отводится месторождениям и проявлениям рудных полезных ископаемых, освоение которых также являлось этапом развития этносов [2].

В Горном Алтае по важности влияния на формирование ландшафтов и геосистем, в частности биогеоценозов, геолого-геофизический фактор стоит на втором месте после климатического. Более крупные, после ландшафтных зон, единицы ландшафтного районирования связаны с определенными тектоническими, особенно функционально важными в экологическом отношении неотектоническими структурами. Устойчивое закономерное существование человека в пределах геодинамических зон объясняется естественным стремлением к энергетически комфортным условиям и природным ресурсам, контролируемым этими зонами. Неоднородность земной коры при этом представляется как основа построения системы энерго- и массообмена в системе космос – недра Земли [3]. К таким зонам в историческом и настоящем времени приурочены максимальная плотность (концентрация) населения и его повышенная активность: циклично возникающая пассионарность, территориально обозначенная А. Н. Гумилевым, наибольшая миграция в процессе хозяйственной деятельности, например, для центральных регионов. Для данного процесса отмечаются положительные свойства, в то же время зафиксирована повышенная смертность и пониженное воспроизводство населения в данных зонах при обратных соотношениях за их пределами.

Механизмами взаимодействия человеческих популяций и природных процессов служат именно искусственные сооружения, возводимые каждым народом для данных целей на территории своего проживания. Такими сооружениями являются археологические некрополи (часто имеющие комплексное назначение).

С точки зрения природных условий долины реки Каракол в основном широкие с выражен-

ной двухуровневой поймой и одной или двумя надпойменными террасами. Нижняя пойма заливается ежегодно, высокая не каждый год. Склоны долин, как правило, ступенчатые, высота уступов два-три метра. Ландшафты центральной территории представлены луговыми, пойменными суглинисто-песчано-галечниковыми долинами с разнотравно-злаковыми и осоко-злаковыми заболоченными лугами в сочетании с древесно-кустарниковыми зарослями на луговых и лугово-болотных, аллювиальных почвах. В подавляющем большинстве на изучаемой территории присутствуют площадки, носящие эрозионно-аккумулятивно-террасированный характер с комплексом высоких песчано-валунно-галечниковых террас с ксерофитноразнотравно-типчаково-ковыльными степями на горных каштановых почвах. Часть долины представлена эрозионно-денудационными лесными глубоко расчленёнными скалистыми и каменно-осыпными среднегорьями с лиственничными и берёзово-лиственничными лесами на горно-лесных чернозёмовидных почвах в сочетании с сухими мелкодерновинно-злаковыми кустарниковыми степями на горно-степных чернозёмовидных маломощных почвах [4].

Расположение ритуальных комплексов Каракольской долины имеет очень строгую систему территориального и хронологического плана. На одной сравнительно небольшой террасе сосредоточены объекты разных эпох культур народов, традиций, тем не менее, их объединяет место построения некрополя. Ярким примером кросс-культурного восприятия сакральности места является погребально-поминальный комплекс Нижняя Соору, где находятся кромлехи афанасьевской культуры, скифские погребальные комплексы, древнетюркские погребально-поминальные объекты, представленные классическими прямоугольными оградками со стелами и балбалами. Соответственно, в разные исторические эпохи определённые ландшафтные свойства имели важные критерии при выборе мест погребения усопшего.

Как мы отмечали, археологические комплексы изучаемой нами территории сооружались на надпойменных террасах, как правило, в центральной части речной долины, хотя имеются случаи скрытного позиционирования некрополей в узких долинах, проникновение в которые затруднено даже сейчас, тем сложнее в древности. Отмечено, что могильники ранних кочевников сооружены в приустьевой части основной реки и притока и практически всегда их цепочки ориентированы перпендикулярно реке.

Практически все курганные группы могильников располагались в цепочках и микроцепочках, значительная часть которых имела меридиональную ориентированность. Расположение не-

крополей с севера на юг имитировало планиграфию реально существовавших поселений, соответственно, подобным образом оформлялись и «посёлки мертвых» [5]. В ходе раскопок курганов Пазырыка, Башадара, Туекты исследователи установили, что довольно просторные погребальные камеры с полом, покрытые шитыми кусками бересты, являются копиями жилищ пазырыкцев, а прямоугольный лаз в стене сруба является дверным проёмом [6]. Соответственно, цепочка курганов расценивалась в древности как ряд жилищ родственников в стойбище, во времени последовательность жизни деда, отца, сына и в мире потустороннем. Практически все цепочки состоят еще из микроцепочек с заметными различиями в ориентации и межкурганскими интервалами, что иллюстрирует погребальную летопись отдельного рода или семьи. Пазырыкские курганы отличаются наибольшей упорядоченностью и плотностью расположения насыпей. Довольно часто насыпи практически соприкасаются или очень близко расположены. Исследователи полагают, что развитие могильника планировалось заранее, после совершения первых погребений. Довольно часто меридиональная ориентированность цепочек курганов имела отклонение к востоку, реже к западу, семантика данной особенности пока не выявлена.

Отмечено, что в планиграфии пазырыкских могильников Горного Алтая, в Каракольской долине в частности, использовался принцип перпендикулярности, по которому продольная линия оси погребальной камеры всегда перпендикулярна направлению цепочки объектов.

Замечено, что сооружение курганов в цепочках шло с севера на юг, а каждая новая цепочка пристраивалась с западной стороны [7].

Отмечена любопытная особенность пристраивания некрополей ранних кочевников к более ранним погребальным памятникам, что является вполне закономерным и для памятников более поздних эпох, вплоть до этнографического времени. Некрополи, например, древних тюрков, по нашим многочисленным наблюдениям, располагались на более высокой точке террасы, тем самым занимая господствующее положение. Этнографические объекты также удивительным образом тяготеют к могильникам ранних кочевников, в данном случае следует объяснять восприятие скифских могильников с точки зрения культурно-генетического родства.

Сосредоточие на одном пространстве памятников различных эпох, по мнению И. А. Жерносенко и Д. И. Мамыева [8], следует воспринимать как сакральные центры древних цивилизаций, например храмово-погребальные комплексы Башадара, Ело, Каракола, где ставили свои храмы и алтари, хоронили своих вождей и жрецов за-

гадочные афанасьевцы и каракольцы, царские скифы, воинственные тюрки, а сегодня совершают свои молебны алтайские бурханисты; знаменитые сакральные центры Шибе, Боочи, Туекта с их грандиозными курганными и алтарными комплексами, с сопутствующими им наскальными рисунками и письменами; многочисленные каменные изваяния Чуйской долины, стелы и керексуры (ритуальные курганы с каменными выкладками) в долинах рек Юстыд и Бар-Бургазы, где самым знаменитым является урочище Туру-Алты с уникальным «олненным камнем» и сложнейшим комплексом курганов и керексуров – место святилища бронзового века, игравшего роль древней обсерватории загадочной чуйской культуры; многокилометровые скальные алтари с древними петроглифами урочищ Калбак-Таша (протяженностью около 10 км) и Куюса, знаменитая «Каракольская галерея» и алтарные плиты с петроглифами около с. Иня. Долина реки Каракол без преувеличения входит в вышеперечисленную систему сакрального Алтая.

В целом нахождение на террасе некрополей различных эпох следует трактовать как закрепление территорий за определённым родом в конкретный исторический период. Родовые кладбища ассоциировались с родной землёй, и именно некрополю-алтарю придавалось значение непреходящей ценности как символу могущества народа через оберегание покоя предков. Древние историки отмечают, что разорение могил прародителей считалось самым дерзким поступком врага. Приходящее новое население, естественно, закрепляло за собой новые территории, нарушая при этом гармонию и покой родовых кладбищ предшественников, которые наверняка не оставляли без боя родные кочевья и могилы предков.

Безусловно, сооружение некрополей разных эпох в определённом месте связано с устойчивыми мировоззренческими представлениями. Любопытные сведения о данном аспекте имеются в древнекитайском погребальном церемониале в вопросе выбора места для погребения усопшего. В основе предпочтения лежали представления о гармонии внешней среды и внутреннего мира человека, абсолютное равновесие, упокоение, комфорт, который должен быть присущ соответствующему месту. Следует отметить, что древним народам по им известным приметам удавалось находить такие укромные места, скрытые от лишних глаз, желательное с наличием водного источника реки или ручья и иными природно-геофизическими характеристиками. Памятники приняты было располагать на незатопляемых, хорошо прогреваемых террасах. В наше время данными проблемами гармоничного расположения объектов озадачены ландшафтные дизайнеры для созда-

ния садово-парковых зон, что совсем не исключает использования данного принципа в построении древних могильников. Некрополи древних обществ составляют в ландшафтных условиях некое гармоничное сочетание с расположением реки или озера, горной вершины, восхода и захода солнца. Если изъять из этого великолепия памятники археологии, то весь сюжетный комплекс территории теряет свою завершенность, величественную красоту, абсолют.

В Древнем Китае выбор хорошего места для могилы родственника было делом чести каждой семьи. Согласно древнему учению, фрагменты которого сохранились в знаменитом сейчас искусстве планирования пространства и соотношения предметов фэн-шуй, считалось, что если умерший будет лежать в месте с хорошей энергетикой, то его потомкам будет жить легко. Для могил китайцы выбирали самые лучшие земли, ведь душам предков должны открываться величественные пейзажи, покой их не должен быть нарушен. Китайцы интуитивно нашли оптимальное расположение любого строения, в том числе и погребальных сооружений. В частности, они возводили дома на полпути к вершине: достаточно низко, чтобы защититься от ветра, достаточно высоко, чтобы защититься от воды. Расположение некрополей Каракольской долины является подтверждением вышеизложенного тезиса. Хорошим местом для захоронения считалось такое, где рядом находилась вода, причём не стоячая, а проточная, обязательно искали землю, где Дракон, Тигр, Черепаха и Феникс (в ландшафте представляемые горами) образуют кресло, понимаемое нами как межгорная долина [9]. Удивительно, но, например, погребально-поминальный комплекс Башадар расположен в подобном ландшафтном «кресле», так же как и многие другие памятники, размещённые на террасах, окружённых со всех сторон горами. Следует полагать, что скифы обладали подобными знаниями, которые использовались и другими народами задолго до зарождения мировых религий.

Исследования последних десятилетий в области изучения уникальности мест расположения археологических некрополей с точки зрения геомагнитности участков, биофизического воздействия некрополей на состояние основных показателей деятельности человеческого организма дают весьма любопытные результаты. Как мы отмечали, ещё в трудах Л. Н. Гумилева было показано, что природные условия (географические, геолого-геофизические) оказывают значительное влияние на формирование, расцвет и угасание этносов [10].

Нами отмечалось выше, что механизмами взаимодействия человеческих популяций и природных процессов служат искусственные сооруже-

ния, возводимые каждым народом для данных целей на территории своего проживания. Таковыми сооружениями являются и археологические комплексы Центральной Азии, часто имеющие комплексное значение. Необходимо отметить, что на данный момент существует несколько предположений о функциях таких комплексов: путеводные знаки (стелы, оленные камни), археоастрономические комплексы, ритуальные объекты для различных целей. Путеводные знаки могли служить ориентиром для дальних путешествий или направляющими для попадания в определенное сакральное место. Известно, что пути многих народов, населяющих Горный Алтай и кочующих через него, проходили через Чуйскую котловину: в Монголию, Среднюю Азию, Туву, Хакасию, в предгорную часть Горного Алтая. Часто для ориентации в направлении пути использовали дорожные камни, столбы и др.

Археоастрономические комплексы представляют собой результат опыта изучения древним человеком закономерностей движения солнца, луны и звезд. Особенностью пространственной ориентации многих археологических комплексов является ориентация север – юг, что характерно не только для этносов, населяющих Центральную Азию, но и в целом для этносов, населяющих различные материи Земли.

Многие древние ритуальные сооружения, памятники Каракольской долины не исключение, приурочены к местам аномальных характеристик геолого-геофизического строения: тектонических разломов, месторождений полезных ископаемых, эманаций газов, электромагнитного излучения и других характеристик [11].

Другой интересной особенностью археологических комплексов Центральной Азии (особенно скифского времени) является использование горных пород, содержащих значительное количество железа при их сооружении. При магнитной съемке некоторых объектов Каракольской долины отмечено не случайное расположение аномалий магнитного поля на археологических объектах, которые слагают определенные геометрические рисунки (круги, овалы, квадраты, треугольники) [12]. Данная особенность говорит о том, что древнему человеку были знакомы магнитные свойства материалов, и он как-то их определял и использовал для ритуальных целей; следует, правда, отметить, что далеко не все объекты некрополя и даже не все из цепочки курганов имеют ярко выраженное магнитное свойство. Этот факт лишь подтверждает знание древних об основах магнетизма. Полученные материалы пока сложно соотносить с социальной и половозрастной дифференциацией, но в любом случае привнесение особенных пород камня для сооружения структуры кургана, вероятно, свидетельствует об

особенном статусе погребённого под необычной насыпью.

Обращает на себя внимание, что ряд археологических комплексов Горного Алтая являются также и этнографическими объектами или этнографические комплексы к ним приурочены. В непосредственной близости от погребально-поминальных комплексов древности расположены места для молений бурханистов, священные источники, представляющие сакральный элемент территории, также находятся в непосредственной близости от ритуальных объектов, осуществляя с ними пространственно-временную связь. Пространственный анализ расположения археологических памятников показал, что они находятся выше зоны вероятного затопления, которое было в древности. Кроме этого, судя по всему, в ряде случаев важную роль в расположении археологических комплексов играют вершины ближайших гор и холмов и их взаимное расположение.

Уникальное явление археологических комплексов эпохи ранних кочевников, расположенных в Каракольской долине, – это наличие мерзлоты в погребальных камерах, что тем более удивительно при высоте территории до 1000 метров от уровня моря по балтийской системе высот. Вообще, в Горном Алтае такие места представлены урочищем Пазырык, плато Укок и Кош-Агач, долинами Юстыд, Уландрык, Сайлюгем, Башадар, Балык-Соок и т. д. На сопредельных территориях подобные погребения встречаются в Восточном Казахстане, Западной Монголии, Синьцзяне, Туве.

Оледеневшие гробницы Горного Алтая дали учёным уникальный материал для суждения об особенностях хозяйства, быта, социального устройства и духовного мира одного из древних обществ Южной Сибири. Согласно гипотезе С. И. Руденко, проводившего исследования в Каракольской долине на памятниках Башадар и Тукта, кроме климатических условий значимую роль в образовании мерзлотной линзы играла каменная наброска, которая служила своего рода конденсатором холода в зимнее время за счёт более быстрого, по сравнению с почвенной поверхностью, охлаждения камня. В летнее время каменная наброска являлась слабо теплопроводным покровом, предохраняя замёрзшую под ней почву от прогревания. В результате этого внутри кургана создавался особый микроклимат, благоприятствовавший усилению и сохранению мерзлотного процесса. Образовывалась мерзлотная линза в течение нескольких лет в результате взаимного воздействия климата и конструктивных особенностей кургана [13].

Открытие мерзлотных курганов позволило учёным соприкоснуться со многими артефактами, впервые дошедшими до наших дней почти в

первозданном виде. Но, как показала история, мерзлотные курганы – явление на сегодняшний день довольно редкое и малоизученное. Большая насыпь играет роль термоса, не позволяя остывшей за зиму земле достаточно прогреться; в результате попавшая в погребальную камеру влага замерзала, образуя дополнительную защиту органики от разложения. Но в данном случае возникает закономерный вопрос: почему именно на Алтае, и в частности в Каракольской долине, и именно в курганах пазырыкской культуры? Как известно, ни в Хакасии, ни в Туве в курганах с большой и высокой насыпью мерзлоты нет и не было, хотя природно-климатические условия тех районов практически совпадают с алтайскими или являются еще более суровыми. На Алтае мерзлота или ее остаточные явления обнаружены в совершенно различных ландшафтно-климатических районах: высокогорные, более двух тысяч метров над уровнем моря, тундрово-степные плато Укок, долина Уландрык и соседние районы Монголии, высокогорная (более полутора тысяч метров) лесостепь долины Пазырык и в межгорных котловинах (с высотами до семисот метров) в долинах рек Урсул (Шибе, Тукта), Каракол (Башадар) [14], Бухтармы (Берель) [15]. Научные исследования по разрешению поставленных вопросов проводились археологической экспедицией Горно-Алтайского и Гентского университетов, правда, на территории Кош-Агачского района, обобщённые результаты которых использованы лишь в сопоставительном плане.

Территория Каракольской долины изобилует и петроглифическими комплексами, играющими в своё время роль природно-исторических святилищ. Там, где сливаются две горные реки – Каракол и Урсул, находится гора Бичикту-Бом с массой рисунков, нанесенных на обнаженные гладкие поверхности глинистого сланца. Большинство рисунков относится к разным периодам истории Горного Алтая и Центральной Азии: гуннскому времени, рубежу нашей эры, древнетюркскому периоду VI–VIII и IX–XI вв., периоду вхождения Горного Алтая в состав уйгурского ханства, борьбы с енисейскими кыргызами и истории Горного Алтая в составе империи Чингисхана и Джунгарии.

Ценность наскальных изображений в том, что в них косвенно отобразились события истории Горного Алтая, причудливо переплетаясь с представлениями традиционной тюркской, урало-алтайской и индоиранской мифологии, образами и сюжетами эпоса.

Это искусство своеобразное и связанное с его законами, несущее в себе традиции более древнего искусства, обязательное наличие многократно повторяющегося ведущего образа исторической эпохи. Для гуннской эпохи и последующего

времени всего первого тысячелетия нашей эры это образ конного или пешего воина, сцены борьбы, так же как и для предшествующей эпохи искусства скифосибирского мира определенным символом был стилизованный образ оленя.

Природа в данном случае играла большую роль. Нужны были обнаженные, достаточно гладкие и удобные для нанесения изображений поверхности. Камень должен быть достаточно мягким, а скальные выходы должны быть обращены к югу и хорошо освещены. Кроме этого сама местность – гора, скалы и окружающее пространство – должна быть носителем исторической или эпической памяти народа. Наконец, она должна быть зрелищной. Всеми этими качествами обладают скалы Бичикту-Бом.

Скалы обращены к живописной долине реки Каракол. Памятник не одинок, он находится в окружении различных весьма значительных археологических памятников разных времен. В долине Каракол, прямо в черте села, находится ставший знаменитым могильник энеолитической эпохи с уникальными полихромными изображениями на плитах стен погребальных вооружений.

Кругом на расстоянии нескольких километров расположены другие памятники наскального искусства, в том числе исследованный экспедицией Горно-Алтайского госуниверситета комплекс наскальных изображений в урочище Кызыл-Тал около села Кулада. Наскальные рисунки имеются и совсем рядом в долинах, отходящих от скал Бичикту-Бом: в долине Тенешь, на скале у ручья Талда, у села Боочи и по дороге в Боочи, на левом берегу реки Каракол прямо у дороги расположена знаменитая скала с рисунками Суттерлю [16].

На сегодняшний день дальнейший анализ развития этноса и этнокультурных памятников, в которые входят и археологические комплексы, может идти в направлении его изучения как психофизиологического комплекса, находящегося в постоянной взаимосвязи с природными ритмами. Эта взаимосвязь должна осуществляться посредством традиционных знаний о природопользовании, культуре, искусстве, мифологии. При этом предполагается важная роль ритуальных процессов и людей, осуществляющих эти процессы (шаманов, служителей культа и др.) [17]. Осуществляя психофизиологическое и волевое объединение этноса во время религиозных служений, эти люди настраивают всю группу на процесс гармоничного взаимодействия с силами природы, персонифицированными в каждой народной традиции по-своему.

Как известно, жизнь в традиционной культуре с детства до глубокой старости связана с окружающим миром, сторонами света, звездами, цикличностью солнца и луны, и это отношение к

природе определяет культурные особенности этноса. Они же, по всей видимости, и явились основой пространственного расположения археологических объектов.

Характеристика и картографирование этнокультурных комплексов различных эпох, расположенных на территории республики и Каракольской долины в частности, является крайне важной информацией в археологических, этнографических, географических и культурологических исследованиях. Комплексная информация об археологических комплексах позволит использовать ее для дальнейшего планирования и развития районов, на территории которых они расположены, а также способствует сохранению этих памятников для потомков.

В результате комплексного рассмотрения вопроса взаимодействия природной среды и археологических памятников следует сделать некоторые выводы.

1. Археологические комплексы имеют четкую ландшафтную приуроченность к территориям, долговременно не затопляемым водой, и связаны с общей геоморфологической структурой территории.

2. В ряде случаев к археологическим комплексам приурочены этнографические объекты или же археологические комплексы играют этнографоархеологическую роль, поскольку эти объекты очень важны в духовной культуре народа, проживающего на данной территории сейчас.

3. Для построения некоторых археологических комплексов использовались горные породы с повышенными магнитными свойствами, выявлено, что такие породы строителям приходилось в ряде случаев транспортировать за много километров.

4. Высокая плотность памятников различных эпох и различного семантического назначения свидетельствует об особой значимости изучаемой территории как места для упокоения вождей и воинов. Форма Каракольской долины с широким входом, закрытая со всех сторон горами, представляет уникальный участок для возведения грандиозных некрополей.

Примечания

1. Дворников Э. П. Погребальный обряд: истоки формирования и взгляд на проблему // Исторический вестник: сб. науч. тр. 2007. № 1. С. 13–17.

2. Гумилёв А. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.

3. Humboldt A. Cosmos: A sketch of physical description of the universe. L., 1949.

4. Атлас Алтайского края. Т. I. Барнаул; М., 1978.

5. Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984.

6. Руденко С. И. Второй Пазырыкский курган. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1948; Мыльников В. П. Погребальный комплекс Пазырык-5 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: м-лы VII Юдовой итоговой сессии

Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 1999. Т. V. С. 467–471., на рус. яз. (Myl'nikov V. P. Pogrebalnyj kompleks Pazyryk-5 // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnyh territorij: Materialy VII Godovoj itogovoj sessii In-ta arheologii i etnografii SO RAN. Novosibirsk, 1999. T. V. S. 467–471., in Russian).

7. Суразаков А. С. Раскопки на могильнике Айрыдаш // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск: Наука, 1990. С. 115–118; Мамадаков Ю. Т. Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул: АГУ, 1985. С. 173–191.

8. Жерносенко И. А., Мамыев Д. И. Сакральные центры Алтая как историко-культурный и геофизический ресурс формирования ноосферного типа сознания // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: материалы VIII междунар. конф. (Горно-Алтайск, 19–23 сентября 2007 г.) Т. I. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2007. С. 46–51.

9. Семёнова А. Н. Полная система фэн-шуй. СПб., 2006.

10. Гумилёв Л. Н. Этносфера: история людей и история природы. М.: Экспрос, 1993.

11. Рудник В. А. Влияние зон геологической неоднородности Земли на среду обитания // Вестник РАН. Т. 66. № 8. 1996. С. 713–719; Трифонов В. Г., Карахьян А. С. Геодинамика и история цивилизаций. М.: Наука, 2004.

12. Дмиртиев А. Н., Шитов А. В. О психофизической роли системы курганов Республики Алтай // Материалы к международному симпозиуму «Модели устойчивого развития Республики Алтай и стран Алтае-Саянского региона». Горно-Алтайск: РИО «Универ-Принт, 1996. С. 159–164.

13. Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960.

14. Руденко С. И. Второй Пазырыкский курган.

15. Самашев З., Джумабекова Г., Базарбаева Г., Ондар А. Перспективы изучения курганов с мерзлотой в Казахском Алтае // Погребальные комплексы с мерзлотой в горах Алтая: стратегии и перспективы. Горно-Алтайск, 2007. С. 62–65.

16. Мартынов А. И., Елин В. Н., Еркинова Р. М. Бичикту-Бом – святилище Горного Алтая. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006.

17. Дмиртиев А. Н., Шитов А. В. Указ. соч. С. 159–164.

СССР/Россия в XX в.: черты развития, региональное измерение

УДК 94(47)

В. И. Бакулин

МНОГОПАРТИЙНОСТЬ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ: УПУЩЕННЫЙ ШАНС

В статье рассматриваются политические события конца 1917 – первой половины 1918 г. в России в целом и в Вятской губернии в частности. Анализируются опыт зарождения советской многопартийности и причины, обусловившие неудачу этого опыта.

The political events of the end of 1917 – the first half of 1918 in Russia in general and in Vyatka Province in particular are considered in the article. The author analysts the genesis of the Soviet multiparty system and the reasons which caused its failure.

Ключевые слова: многопартийность, большевики, эсеры, причины неудачи.

Keywords: multiparty system, Bolsheviks, esers (Socialist Revolutionaries), the reasons of the failure.

Тема советской многопартийности явно не относилась к числу модных в историографии прошлых десятилетий, не получила она должного освещения и в литературе новейшего времени, хотя в той или степени затрагивается в трудах либо более общего характера, либо посвященных истории отдельных партий [1]. Между тем она вполне заслуживает отдельного разговора в современном российском обществе, вышедшем на второй (после периода 1917–1922 гг.) виток политического плюрализма. Речь в статье пойдет лишь о тех партиях (главным образом большевиках, меньшевиках, эсерах), которые были представлены в рожденных Февральской революцией Советах рабочих и солдатских депутатов и играли в них определяющую роль.

Выход на эту достаточно масштабную тему есть смысл начать с более узкой проблемы, которая нередко определяется как «политическая нетерпимость» широко известного большевистского лидера. Увлеченные этой версией публицисты от истории, как правило, избегают, в общем-то излишнего, уточнения – что именно выступало предметом такого рода нетерпимости. Сам В. И. Ленин еще в 1902 г. (особенно обстоятельно в солидной работе «Что делать?») достаточно популярно и недвусмысленно объяснил: никаких компромиссов в идеологических, мировоззренчес-

ких вопросах [2]. Эту линию он действительно последовательно выдерживал в отношениях как с иными партиями, так и со своими оппонентами внутри большевистского (с «отзовистами», «богостроителями» и проч.) течения. Что же касается его взглядов на политическое взаимодействие, на возможность тактических компромиссов в отношениях между советскими партиями, на допустимость выстраивания в России многопартийной системы власти, то здесь перед нами предстает далеко не столь однозначная картина.

Уже в «Апрельских тезисах» ленинская идея многопартийного советского правительства («Вся власть Советам!») как возможной и необходимой альтернативы Временному правительству [3] объективно задавала возможный вектор развития Российского государства и общества на целую историческую эпоху. Заметим, речь идет о Советах того этапа российской революции, когда в них практически безраздельно господствовали умеренные социалисты – эсеры, меньшевики. Входящие в Советы большевики далеко уступали им как количественно, так и в смысле реального влияния на ход событий. Во многих провинциальных Советах (в Вятском в том числе) представители этой партии в это время вообще отсутствовали.

Бурные события 3–4 июля в Петрограде, разгон – с применением вооруженной силы – демонстрантов, осуществленный с санкции не только Временного правительства, но и фактически – эсеро-меньшевистской «верхушки» Петросовета и избранного в июне Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) Советов, побудили В. И. Ленина временно отказаться от заявленного в апреле лозунга. Однако уже через пару месяцев, в изменившейся после провала корниловского мятежа ситуации (оформившийся de facto союз всех советских партий в противостоянии правому военному перевороту и реальной угрозе массовых репрессий в случае его успеха), он не просто вернулся к идее многопартийной советской власти.

В начале осени в открытой прессе (газета «Рабочий путь» за 6 сентября) статьей с выразительным названием «О компромиссах» лидер большевиков, по сути, предложил умеренным социалистам, порвав с либералами-кадетами, овладеть через Советы всей полнотой власти в стране. При этом он обещал им поддержку со стороны своей партии, даже без претензии большевиков на вхождение в состав сформированного в таком случае (в терминологии тех лет – одно-

родного социалистического) советского правительства [4].

Идея советской многопартийности приобретала все больше сторонников среди членов меньшевистских советских партий, следствием чего стало выделение левого крыла как в меньшевистском движении, так и в ПСР. В сентябре – октябре 1917 г. левые эсеры (лидер М. А. Спиридонова) пошли на прямой союз с большевиками, а в ноябре, организационно отделившись от правых, создали полностью самостоятельную партию – ПЛСР. Однако руководство правых эсеров и доминировавших пока в меньшевистской партии «центра» и правого крыла упорно открещивалось от носившейся в воздухе идеи левоцентристского блока, сохраняя союз с либералами, а в их лице – и с элитными слоями населения России. Результатом подобного политического курса, а также проводимой правящей коалицией внутренней и внешней политики стало быстрое падение авторитета этих партий, особенно меньшевиков, как в столице, так и в регионах страны [5].

Начавший работу 25 октября, в момент свержения большевиками и их союзниками Временного правительства, II Всероссийский съезд Советов высветил новую расстановку сил в самих Советах в центре и на местах. Среди его делегатов явно преобладали противники Временного правительства и либерально-социалистической коалиции. Оказавшись в меньшинстве, эсеры и меньшевики правоцентристской ориентации покинули заседание, демонстративно «хлопнув дверью». Вскоре их примеру последовали и левые меньшевики-мартовцы (что позднее было оценено их видными представителями, например Н. Н. Сухановым-Гиммером, как стратегическая ошибка [6]). Тем самым была упущена реальная возможность создания в процессе работы съезда многопартийного советского правительства. Оно, как известно, оформилось на том этапе как однопартийно-большевистское.

Но если Совнарком первоначально выглядел именно так, то в Советах, ставших волею съезда органами власти, выстраиваемой в стране по принципу «снизу – вверх», картина была иной. Там наряду с большевиками заседали левые (а иногда и правые) эсеры и меньшевики, анархисты, эсеры-максималисты, представители менее значимых левых и центристских, а также национальных партий и просто беспартийные депутаты. В сельских Советах, где большевики пока еще появлялись в виде исключения, преобладала именно последняя категория народных избранников. Достаточно отметить, что даже в прилежащем к губернскому центру Вятском уезде первая волостная большевистская ячейка появилась лишь во второй половине февраля 1918 г., а в июле того

же года в пяти выборочно взятых уездах (Глазовский, Малмыжский, Котельничский, Нолинский, Орловский) ячеек РКП(б) насчитывалось всего 13 [7].

В конце ноября – начале декабря 1917 г. существенную поддержку РСДРП(б) оказала более популярная в среде сельских жителей ПЛСР, делегировав своих представителей в состав Совета народных комиссаров. Объединение городских и сельских Советов на их III совместном Всероссийском съезде в середине января 1917 г., избрание форумом единого ВЦИКа, где почти поровну (но с некоторым перевесом в пользу большевиков) распределились мандаты между двумя ведущими левыми партиями, казалось, придавали необратимый характер процессу становления в РСФСР (так в ходе данного форума стала именоваться страна) многопартийной или хотя бы двухпартийной системы. Тем более что в принципиально важных для судеб страны вопросах (декреты о земле и о мире, конфессиональная государственная политика и др.) им пока еще удавалось находить компромиссные решения.

С другой стороны (отметим это, не вдаваясь в очень непростые причины данного явления), роспуск Учредительного собрания, также продемонстрировавший единую позицию большевиков и левых эсеров в этом вопросе, объективно сужал пространство политического плюрализма, загона процесс в более узкий коридор потенциальных возможностей. Разрыв не только с пока еще относительно многочисленными правыми эсерами, но и со значительно ослабленными меньшевиками (около 3% голосов избирателей на выборах в Учредительное собрание, 60 тысяч членов партии к маю 1918 г. [8]) повышал риск гражданской войны в России.

Но и сам левоэсеровско-большевистский двухпартийный правительственный блок оказался недолговечным. Первая серьезная трещина в нем, в перспективе переросшая в разлом, была связана с Брестским миром, категорически не принятым левыми эсерами. Возникший конфликт имел мировоззренческий и вместе с тем судьбоносный для страны характер. Если левые эсеры, а в унисон с ними и левые большевики-бухаринцы считали возможным принести Россию в жертву мировой революции, то сторонники ленинской линии в партии решительно повернули к более патриотической позиции.

Характеризуя ее в интервью корреспонденту газеты «Юманите» 24 июля 1921 г., нарком иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин констатировал: *«Только в первые месяцы нашего существования мы призывали к немедленной революции во всех странах. С момента, когда был подписан Брестский мир, наш метод изменился. С этого времени он принял форму политики, на-*

правленной на медленное и органическое укрепление нашего существования. Слишком быстро был предан забвению тот факт, что начиная с весны 1918 г. мы предлагали капиталистам всех стран оказать содействие восстановлению производства в России в виде концессий. С того времени мы вели переговоры с представителями норвежского банкира Ганневика... Тогда мы предложили одновременно немецким капиталистам и через посредничество полковника Робинса американским капиталистам целую систему экономического восстановления, которая должна была обеспечить нам подъем российского производства, а им прибыли, которые они сочли бы достаточными... мы были готовы платить, чтобы учиться» [9].

Отреагировав на подписание советской стороной мира с Германией и ее союзниками отзывом своих представителей из правительства, левые эсеры, тем не менее, продолжили сотрудничество со своими политическими партнерами в Советах. Это давало шанс на сохранение коалиции и упрочение ее в перспективе при наличии благоприятствующих тому условий. Однако события развернулись по-иному, а противоречия между партиями стали нарастать еще по нескольким направлениям. Наряду с Брест-ским миром в числе главных факторов обострения следует назвать политику продовольственной диктатуры и принципиальные вопросы государственного строительства, «вставшие ребром» в связи с обсуждением и принятием первой советской Конституции. Более детально тему отношений между партиями социалистического блока на протяжении первой половины 1918 г. есть смысл рассмотреть на региональном уровне, на материалах Вятской губернии.

В период первичного становления советской власти в регионе (конец ноября 1917 – февраль 1918 г.), острой борьбы с саботажем чиновников, направляемым деятелями правоцентристского толка (кадетами, эсерами, энесами, меньшевиками), местные большевики свои отношения с левыми социалистами выстраивали на вполне благожелательной основе, рассматривая таковых в качестве политических союзников и – в какой-то мере – идеологических единомышленников. Поэтому, например, в середине января 1918 г. большевистское руководство Вятского горсовета с пониманием отнеслось к просьбе организационного бюро анархистов города выдать ему аванс в сумме 1 тысячи рублей. Правда, дали анархистам (а заодно и эсерам-максималистам) лишь половину просимого, то есть по 500 рублей [10].

Идеологические баталии, развернувшиеся в губернии (как и в целом по стране) по вопросу о Брестском мире, внесли некоторую неопределен-

ность в межпартийные взаимоотношения, и состоявшаяся в конце февраля – начале марта 1918 г. губернская большевистская конференция постановила оставить открытым до всероссийского съезда РСДРП(б) вопрос «об отношении к левым партиям» [11]. Впрочем, расхождения на почве «Бреста» оказались здесь не столь глубокими, как в некоторых других регионах, поскольку упомянутая конференция встала на бухаринские позиции, по существу смыкавшиеся с платформой левых эсеров. Правда, следует принять во внимание и тот факт, что собранная наспех конференция вряд ли выражала волю большинства вятских большевиков.

В принятой ею 1 марта резолюции о международном положении говорилось: *«Мы не можем принять этих условий мира, мы не хотим класть оружия, поднятого на капитал и империализм всех стран... Мы приступим к формированию партизанских отрядов, могущих противостоят всей империалистической клике в лице их ударных батальонов, и вместе с тем агитировать среди пролетариата всех стран за войну, священную войну капиталу... Мы верим, что крестьянство даст хлеб для революционной армии... что революционные рабочие готовят для армии и штывки, и снаряды»* [12]. Резолюцию было решено огласить на крестьянском съезде Вятского уезда, напечатать в «Вятской правде» и в виде листовок, копию направить в ЦК РСДРП(б). Избранному делегатом от губернской конференции на 7-й чрезвычайный всероссийский партийный съезд (он состоится в Москве 6–8 марта 1918 г.) Чиркову было поручено проводить там именно эту линию [13].

Всероссийский коммунистический съезд, как известно, эту линию не одобрил. Левые эсеры остались при своем мнении, но разрыва между губернскими организациями РКП(б) и ПЛСР на этом этапе не произошло. Не отказались те и другие и от сотрудничества с маловлиятельной местной группой эсеров-максималистов. Например, в апреле 1918 г. Вятский горсовет ввел в состав своего исполкома ее представителя, командира очередного Летучего отряда Хупонэна, назначив его комиссаром станции Вятка-1 [14].

Гораздо более запутанный характер приобрели отношения большевиков с анархистами. Дело в том, что в поведении последних стала все более отчетливо проглядывать склонность к действиям криминального характера (в соответствии с известным анархистским лозунгом «Грабь награбленное!»), в то время как овладевшие властью большевики уже стремились упорядочить социальные процессы, в том числе ввода элементы правового регулирования [15]. Пересмотр межпартийных отношений намечился на рубеже зимы и весны 1918 г.

В конце февраля вятские анархисты, не сумев добиться помещения для своей организации законным путем, через квартирный отдел горисполкома, самовольно заняли Еврейский клуб, а затем, действуя в том же духе, перебрались в здание Общественного собрания. Правда, и на этот раз руководство горсовета к их выходкам отнеслось снисходительно, в качестве оправдания таковых выдвинув следующие аргументы: 1) ранее Общественное собрание использовалось лишь «для приятного времяпровождения» (выпивки, игра в карты, концерты, библиотека) «бюрократического чиновничества», а теперь анархисты будут там читать лекции для народа; 2) «анархисты на революцию смотрят всесторонне и не сделают вреда для общества»; 3) в конечном счете их поведение можно признать «не идущим в разрез с советской властью» [16].

Однако уже в начале марта исполкомовцы пересмотрели свою оценку ситуации, отказали анархистам (и эсерам-максималистам) в выделении очередной денежной суммы и потребовали отчета у первых из них о том, какое именно имущество и какие ценности прибрали они к рукам в Общественном собрании [17]. Наиболее злостных изредка начали привлекать к судебной ответственности [18]. Но вместе с тем еще не один месяц местной организации РКП(б) придется проводить сдержанную и осторожную линию по отношению к представителям этой партии. Хотя само объединение вятских анархистов (по имеющимся косвенным данным) было немногочисленным и маловлиятельным, но за его спиной маячили игравшие огромную роль в жизни региона так называемые Летучие отряды, ядро которых составляли анархизирующие матросы Балтийского флота. Лишь отправка последних в августе на Котласский фронт несколько разрядила обстановку в губернском центре [19].

Но все же определяющим фактором политической жизни губернии в весенне-летний период оставались взаимоотношения между большевиками и левыми эсерами. А они все более обострялись. Вслед за Брестским миром камнем преткновения стала проблема хлебазаготовок. В то время как большевистские руководители, следуя установкам центра и продолжая линию предыдущей администрации Временного правительства, пытались проводить в жизнь государственную хлебную монополию и политику твердых закупочных цен, левые эсеры эту политику фактически саботировали. Проходивший в апреле 1918 г. 2-й губернский съезд Советов под давлением левых эсеров повысил закупочные цены на хлеб в 3–4 раза выше установленных правительством, фактически приравняв их к рыночным. В начале лета продовольственные органы губернии закупали зерно у крестьян по цене 20 рублей за

пуд, на «черном» рынке оно стоило лишь на 2 рубля дороже. Решение продовольственных проблем таким способом было явно не по карману как советским органам, так и, зачастую, рядовым гражданам [20].

В отличие от некоторых, даже соседних, регионов (например, на проходившем в марте 1918 г. 4-м крестьянском съезде Нижегородской губернии при голосовании резолюции левые эсеры получили 19 голосов против 241 у большевиков [21]), в Вятской губернии левые эсеры имели прочные позиции в уездах и волостях. В исполкомах Советов Вятского, Котельничского, Уржумского уездов левые эсеры в начале лета 1918 г. имели более половины мандатов, в прочих уездах губернии – от 12,5% в Малмыжском до 47,3% в Елабужском. Они же преобладали в Глазовском Совете РСД [22] и имели более половины мест в губернском исполкоме Советов [23]. Сопrotивление левых эсеров политике государственной хлебной монополии и тем более вводимому с мая 1918 г. ее ужесточенному варианту продовольственной диктатуры явилось одной из главных причин фактически полной неспособности губернских властей выполнить соответствующие установки правительства страны. Задание по отправке хлеба в голодающие районы страны на май местные продовольственные органы выполнили в размере 1%, а за вторую половину месяца, по их собственному признанию, вообще ни одного фунта хлеба заготовлено не было [24]. Между тем вопрос хлебного снабжения голодающих городов и создаваемой Красной армии был в буквальном смысле вопросом жизни и смерти страны и народа.

Принципиальный характер носили и расхождения РКП(б) и ПЛСР по вопросам государственного строительства. Большевики находили нужным усиливать централизм в управлении страной, рассматривая его в качестве важнейшего условия преодоления процесса ее распада и противодействия нарастающей анархии. Этот принцип отстаивался ими в работе подготавливавшей проект Конституции (будет принята 10 июля 1918 г. V Всероссийским съездом Советов) комиссии. В качестве текущего мероприятия руководителям российских регионов было предложено сосредоточить львиную долю властных и управленческих полномочий в руках узких органов – президиумов губернских исполкомов Советов. Однако и эта идея оказалась в конечном счете «торпедированной» левыми эсерами [25], в силу чего большевикам пришлось искать иной вариант централизации управления регионом. Так родилась идея Военно-революционного штаба. Но практически реализована она будет уже после разрыва с левыми эсерами.

Инициаторами разрыва межпартийного союза и в центре, и в Вятской губернии выступили имен-

но они. В Москве 6 июля, во время работы V Всероссийского съезда Советов левозэсерские боевики Николай Андреев и Яков Блюмкин, выполняя решение ЦК своей партии, убили германского посла Мирбаха. Преследовалась цель возобновления войны между Советской Россией и Германией. Возникший на этой почве межпартийный вооруженный конфликт (понимаемый как мятеж левых эсеров) был подавлен верными РКП(б) военными формированиями, а левые эсеры превратились в политических противников большевизма.

Вятскими эсерами в качестве повода для разрыва с местными большевиками был использован расстрел за воровство четырех красноармейцев. По этому поводу местная организация ПАСР выпустила антибольшевистскую прокламацию. В самом исполкоме 6 июля левозэсерская фракция предъявила ультиматум большевикам, потребовав отказа от безоговорочного выполнения распоряжений центра, в том числе в вопросе о создании комитетов бедноты. Большевики ультиматум отвергли, а губвоенкомат разоружил городскую организацию ПАСР. В ответ на это левые эсеры 7 июля вышли из губисполкома и перенесли свою штаб-квартиру в Глазов [26].

Размежевание большевиков с бывшими союзниками давало им определенный тактический выигрыш: упрощались управленческие процедуры, облегчилось принятие нужных решений в соответствующих органах, ситуация становилась более прозрачной и предсказуемой. Таким способом обеспечивался прорыв из, казалось, безнадежно кризисного состояния управленческой сферы. Но обеспечивался он за счет ущемления демократического потенциала молодой советской власти. На смену фактически парализованному, после выхода из него левых эсеров, губернскому исполкому Советов пришел чрезвычайный орган – Военно-революционный штаб, чисто большевистский по своему составу.

Конечно, подобные меры были оправданы целым рядом факторов – голодом в городах и северных регионах России, развертывавшимися иностранной военной интервенцией и Гражданской войной, необходимостью подавления анархических тенденций и разгулявшегося еще в прошлом году криминала. Конечно, они были смягчены как осуждением частью левых эсеров авантюрной политики своего партийного руководства и переходом их на сторону большевиков, так и способностью последних даже в условиях войны идти на определенные политические компромиссы. Уже 22 августа 1918 г. в одном из своих постановлений Вятский горисполком оговорил право местных организаций левых эсеров, эсеров-максималистов и меньшевиков-интернационалистов, «стоящих на платформе советской власти»,

участвовать в предстоящих выборах и быть представленными в местных Советах [27]. Но рана, нанесенная летом 1918 г. самой идее создания в нашей стране многопартийной политической системы, как это выяснится уже в ближайшей исторической перспективе, увы, оказалась смертельной.

Примечания

1. См., например: Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: энциклопедия. М., 1996; Политические партии России: история и современность. М., 2000; Сапон В. П. Терновый венец свободы: либертаризм в идеологии и практике российских левых радикалов (1917–1918 гг.). Н. Новгород, 2008; Суслов А. Ю. Социалистические партии в Советской России: отечественная историография. Казань, 2007; Медведев А. В., Слепченкова А. А. Партия социалистов-революционеров в Нижегородском крае (1895–1923). Н. Новгород, 2012; Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997; Орлов Б. С. Социал-демократия как объект научных исследований в России: научно-аналитический обзор. М., 2000 и др.
2. Ленин В. И. Что делать? // Полн. собр. соч. Т. 6. С. 6–10, 24–27, 41–42 и др.
3. Ленин В. И. О задачах пролетариата в данной революции // Полн. собр. соч. Т. 31. С. 115.
4. Ленин В. И. О компромиссах // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 135.
5. См., например: Смирнова А. А. Петроградские меньшевики: от триумфа к поражению // Социал-демократия в российской и мировой истории. Обобщение опыта и новые подходы: материалы науч. междунар. конф. М., 2009. С. 263; Дмитриев П. Н. Организации РСДРП на севере Удмуртии в 1917 г.: поиск идентичности // Там же. С. 273; Бакулин В. И. Драма в двух актах: Вятская губерния в 1917–1918 гг. Киров, 2008. Гл. 7; Медведев А. В., Слепченкова А. А. Указ. соч. С. 136–138, 177 и др.
6. Суханов Н. Н. Записки о революции. М., 1992. Т. 3, кн. 7. С. 342–343.
7. ГАСПИ КО. Ф. П–45. Оп. 1. Д. 111. Л. 4; Быстрова А. С. И. В. Попов. Киров, 1972. С. 18.
8. Орлов И. Б. Оценки Октябрьского переворота в меньшевистской печати конца 1917 – начала 1918 г. // Социал-демократия в российской и мировой истории. Обобщение опыта и новые подходы: материалы науч. междунар. конф. М., 2009. С. 299.
9. Цит. по: Отечественные записки. 22 нояб. 2012 г. (№ 22). С. 8
10. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Л. 34об.
11. ГАСПИ КО. Ф. 1. Оп. 1 Д. 4. Л. 8.
12. ГАСПИ КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 4, 5.
13. Там же. Лл. 5, 9, 10.
14. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Л. 93об.
15. Подробнее об этом: Бакулин В. И. Драма в двух актах ... С. 148–149.
16. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Л. 54, 54об.
17. Там же. Л. 56.
18. Там же. Л. 152 и др.
19. См.: Бакулин В. И. Летучие отряды – тяжелая кавалерия революции в Вятской губернии // Военно-исторический журнал. 2012. № 11.
20. Очерки истории Кировской организации ... Ч. 1. С. 502; Быстрова А. С. Комитеты бедноты в вят-

ской деревне. Киров, 1956. С. 10; См.: *Алексеев Ю. П.* Экспедиция А. Г. Шлихтера и С. П. Середы за хлебом в 1918 г. // *История СССР.* 1966. № 3. С. 138.

21. *Медведев А. В., Слепченко А. А.* Указ. соч. С. 190.

22. *Быстрова А. С.* Указ. соч. С. 8; ГАСПИ КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.

23. ГАСПИ КО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Л. 124; См. также: *Китаев Д. Н.* Борьба за хлеб в Вятской губернии летом 1918 г. // *Вятская земля в прошлом и настоящем: сб. материалов регион. науч.-практ. конф.* Киров, 2012. С. 133–139.

24. *Быстрова А. С.* Указ. соч. С. 11.

25. ГАСПИ КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 15.

26. *Новоселов А. Н.* Указ. соч. С. 118; ГАСПИ КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 13; *Загвоздкин Г. Г.* Гражданская война // *Энциклопедия Земли Вятской.* Киров, 1995. Т. 4. С. 352.

27. *Бакулин В. И.* Драма в двух актах ... С. 161.

УДК 93.908

Е. Е. Шеремеев

ОППОЗИЦИОННЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ ПАРТИИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ (НА ПРИМЕРЕ СУДЬБЫ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ЛИБЕРАЛА А. К. КЛАФТОНА)

Проблема русского либерализма в начале XX в. является дискуссионной как для отечественной, так и зарубежной историографии. Автор на примере судьбы секретаря Самарской губернской земской управы 1897–1918 гг. А. К. Клафтона, который в 1918–1919 гг. был лидером кадетов Сибири, пытается интерпретировать политическое кредо конституционно-демократической партии (народной свободы) как оппозиционный либерализм, в рамках определения Б. Н. Чичерина (1862 г.).

The problem of Russian liberalism in the early XX century is debatable both in Russian and foreign historiography. The paper reviews the life of A. K. Klaftona, who was the secretary of Samara provincial Zemstvo (County) Council in 1897–1918 and the leader of cadets of Siberia in 1918–1919. The author tries to interpret the political credo of Constitutional-Democratic Party (the Party of National Freedom) – as oppositional liberalism, within the limits of B. N. Chicherin's definition (1862).

Ключевые слова: русский либерализм, земство, конституционно-демократическая партия (народной свободы), либералы в провинции, А. К. Клафтон, оппозиционный либерализм, диктатура адмирала А. В. Колчака.

Keywords: Russian liberalism, zemstvo, Constitutionally-Democratic Party (of national freedom), liberals in province, A. K. Klafton, oppositional liberalism, dictatorship of admiral A. V. Kolchak.

140-летию со дня рождения уроженца г. Вятки и видного земского деятеля г. Самары А. К. Клафтона (1871–1920) посвящается

Начальным шагом современной российской исторической науки в области изучения конституционно-демократической партии (народной свободы) [1] стала статья Ш. Галай в журнале «Вопросы истории» (1991. № 12), где КДП впервые в СССР провозглашалась «левоцентристской и надклассовой партией» [2].

Это вызвало пересмотр принятой в советской историографии классификации политических партий, что совпало с системной трансформацией нашей государственности [3]. В. В. Шелохаев подчёркивает, что в 1990-е гг. «начался качественно новый этап в изучении и осмыслении проблемы либерализма. ...Существенно изменились теоретические и методологические подходы к проблеме...» [4]. Об этом весьма репрезентативно свидетельствует новейшее диссертационное исследование А. Н. Егорова [5].

В настоящее время в исторической науке очевиден научный плюрализм, что является бесспорным завоеванием конца XX столетия. Но наряду с этим следует признать, что негативные элементы в области изучения российской многопартийности начала XX в., отмеченные в 1998 и 2007 гг. В. В. Шелохаевым применительно к проблеме российского либерализма (отсутствие единой методологической основы изучения, категориального аппарата, «автономный режим» исследований, хронологический разрыв, пренебрежение принципом историзма, появление работ конъюнктурного характера и др. [6]), сохраняют своё присутствие и в настоящее время. Это выражается, в частности, в непрекращающемся стремлении, вслед за отдельными представителями западной историографии, сделать кадетов «авторами теории конвергенции» между капитализмом и социализмом (В. А. Кувшинов, Т. В. Кисельникова, Ф. А. Селезнёв) [7].

Одной из практических мер для объективного репродуцирования социокультурной среды и политических процессов начала XX в. в настоящее время предлагается «изучение эволюции партийных структур либералов в российской провинции», «исследование повседневной жизни провинциального либерала... исходя из норм и ценностей изучаемой культуры» (М. М. Кром, И. В. Нарский, В. Ю. Карнишин) [8].

Постижение прошлого, согласно Л. Фейхтвангеру, – это всегда «укол в сердце», так как оно невозможно без изучения противоборства прогресса с реакцией, что всегда сопряжено с жертвами.

Объектом исследования статьи является комплекс научной и историко-публицистической литературы, посвящённый русскому либерализму и конституционно-демократической партии.

Предметом изучения выступает проблема идентификации идеологии КДП на примере судьбы её видного регионального деятеля, секретаря Самарской губернской земской управы в 1897–1918 гг., участника Московского Государственного совещания 1917 г., председателя Восточного отдела ЦК ПНС и директора-распорядителя «Русского бюро печати» – «Русского общества печатного дела» А. К. Клафтона.

Александр Константинович Клафтон родился в г. Вятке (ныне г. Киров) 15 (28) декабря 1871 г. в семье обрусевших немцев – купца Константина Клафтона и Елизаветы (Элизабеты) Фабер. Помимо него в семье воспитывались ещё двое детей: Эдуард (1870 г.) и Юлия (1875 г.). По вероисповеданию они были лютеранами, приверженцами религии, призывающей не к бегству от «мира», а к «мирской» повседневной деятельности [9].

Фамилия Клафтон (в исконном английском варианте написания “Cloughton”) образована от аналогичного прозвища, которое восходит к двум древнеанглийским корням: “cloh” (ущелье, овраг, лощина) и “tun” (дом, усадьба, поместье). Возможно, основателем рода был человек, дом которого находился близ некоего оврага или лощины. Существуют и иные транскрипции этимологии этой фамилии [10].

Однако, на взгляд автора, к биографии А. К. Клафтона более применим избранный Александром Константиновичем в 1895 г. литературный псевдоним «Сфинкс», так как, несмотря на широкий перечень мемуарной литературы, в которой встречается его имя [11], значительное исследовательское внимание к его личности [12], многие сюжеты его жизни так и остаются ещё не до конца раскрытыми. К наиболее значимым из них можно отнести: имя его супруги; арест за

Фотографии (слева направо):

А. К. Клафтон (г. Самара, 1910 г.); среди арестованных министров А. В. Колчака (г. Омск, 1920 г.)

агитацию среди рабочих в начале XX в. и месяц странствий между эвакуацией из Омска в 1919 г. и арестом в 1920 г. Публикации государственного обвинителя А. Г. Гойхбарга, равно как и протоколы стенографических отчётов с судебного процесса над колчаковскими министрами 1920 г. [13], по которому А. К. Клафтон был расстрелян 23 июня 1920 г., также не восполняют отмеченные пробелы в его жизни.

Анализ изученной литературы позволяет согласиться с А. Н. Егоровым в том, что «политическая ангажированность либеральной проблематики отражалась на всех этапах развития исторической науки, диктуя многим исследователям заранее заданные установки, исходные методологические позиции» [14]. Это в полной мере выразилось в освещении биографии А. К. Клафтона.

В роковые майские дни 1920 г., когда Чрезвычайный революционный трибунал при Сибирском революционном комитете рассматривал вопрос об его участии, Александру Константиновичу, наряду с другими обвиняемыми, было отказано в произнесении «биографических подробностей». В последующем, если о нём и упоминали, то исключительно в контексте «Обвинительного заключения по делу самозванного и мятежного правительства Колчака и его вдохновителей» – как о негативном персонаже отечественной истории. Во многом этому содействовала характеристика, данная А. К. Клафтону как лидеру Восточного отдела Центрального Комитета Партии народной свободы (далее – ЦК ПНС) левым кадетом, автором термина «конституционная диктатура» Л. А. Кролем, который именовал своих товарищей по партии в г. Омске не иначе как «азиатским отделом» «матёрых реакционеров» типа Жардецкого и «обезумевшего от ненависти» Клафтона [15].

Иная же оценка А. К. Клафтона как человека, олицетворявшего «лучшие традиции» конституционно-демократической партии, «благородного, умного либерала предреволюционной эпохи», «лишённого узкоинтеллигентских шор и предрассудков», высказанная его ближайшим сподвижником по «Русскому бюро печати» профессором Н. В. Устряловым, долгое время была сокрыта от широкого круга читателей, так как не соответствовала канонам советской историографии.

«Реинкарнация» стадийно-отсталого капитализма в России в конце XX – начале XXI в. содействует идеализации антибольшевистского движения 1917–1922 гг., подменяет одних «героев» национальной трагедии на других, забывая, что судьба каждого человека многогранна.

Окончив 8 июня 1889 г. Вятскую классическую гимназию, Александр Клафтон поступил на медицинский факультет Казанского император-

ского университета. Согласно воспоминаниям его современника, «студенческая жизнь, – тогда, – складывалась из двух элементов: наука – с одной и политика – с другой стороны. Даже самые аполитичные студенты не могли остаться в стороне от политики...» [16]. В 1894 г. из-за политического доноса студента Острянина в числе многих Клафтон был привлечён к дознанию по делу клуба Износковой, где обсуждался вопрос согласования социал-демократической теории с народовольческой. Отсидев в предварительном заключении казанской тюрьмы несколько месяцев, 25 мая 1894 г. он был освобождён с приговором суда о гласном надзоре полиции сроком на 3 года.

Благодаря внесённому денежному залому в размере 1 тыс. руб., Клафтону удалось получить высшее образование и выехать 21 июня в Самару, становившуюся в то время обителью многих представителей освободительного движения России.

Первый год своего поселения он пытался подрабатывать частными уроками. Благодаря яркому журналисту Н. П. Ашешову, редактировавшему с 15 января 1894 г. молодое издание «Самарская газета», Александр Константинович был вовлечён в журналистику, которая станет делом всей его жизни.

В 1895 г. началось знакомство и последующая дружба А. К. Клафтона с членом местной губернской земской управы, почётным мировым судьёй, дворянином Н. К. Реутовским, издателем и редактором газеты «Самарский вестник», и вскоре он с группой единомышленников покинет «Самарскую газету», объясняя свою позицию так: «Ушли потому, что не поладили с “хозяйскими” аппетитами и “талантом” г. Ашешова, и потому, что литератор – не приказчик, не купеческий “молодец”. Его работа, его мысли и убеждения должны быть всегда свободны». В 1895–1896 гг. «Самарский вестник» уже редактировался Клафтоном [17].

Согласно воспоминаниям русского эмигранта Я. А. Тейтеля (Париж, 1925), «Самарский вестник» в это время был единственным социал-демократическим печатным органом в провинции [18]. В газете постоянно проводилась мысль о том, что Россия страдает не от капитализма, а от недостаточности его развития. Возглавляемые Клафтоном публицисты восхищались быстрыми темпами экономического роста Самарской губернии. Именно им принадлежит знаменитая фраза о том, что Самара конца XIX столетия – это русский Чикаго.

В это время А. К. Клафтон вступил в открытую полемику с «Иегудилой Хламидой» (М. Горьким – А. Пешковым), представлявшим Самару исключительно в «рваных» и «голодных» тонах. Избрав себе литературный псевдоним

«Сфинкс», он объявил, что «Хламида» есть «опасный элемент разложения в прессе». Краелюбцы Демидовы отмечают, что Клафтон выступал против нигилизма Горького [19], тогда как Тейтель связывал это с тем, что «многие влиятельные и видные деятели, узнававшие... себя...», были раздражены едкими фельетонами «Хламиды» [20]. Похожего мнения придерживался и директор местного публичного музея Смирнов-Треплев, который считал, что Клафтон на протяжении всей своей жизни пребывал «в состоянии идеологического брожения...» [21].

Духовный наставник А. М. Горького (Пешкова) В. Г. Короленко просил его в своём письме из Нижнего Новгорода «не переходить на личности», а полемику «направлять лишь туда, где она нужна по существу дела». Однако «Иегудиил Хламида» в своём ответе учителю вновь не смог сдержать эмоций: «Я зол, как зверь... Сегодня вызову Клафтона на дуэль».

Даже в 1933 г., как и прежде, Горький (Пешков) вспоминал об Александре Константиновиче не без раздражения: «Клафтон – молодой щёголь, английского типа... вместе с Вале де Баром вели довольно “весёлую жизнь”... с купеческой молодёжью... Они казались мне слишком высокомерными» [22]. Демидовы допускают любопытную гипотезу-гиперболу: «Вероятно, своё представление о личности А. К. Клафтона писатель реализовал в литературном образе интеллигента Климата Самгина».

Определённым подтверждением «весёлой жизни» Клафтона, подмеченной Горьким, выступает тот факт, что только за один 1895 г. он трижды сменил адрес проживания в г. Самаре, что отчасти свидетельствует также о нестабильности его материальных доходов.

После кратковременной службы в управлении Самаро-Златоустовской железной дороги (1895–1896 гг.) Александр Клафтон приступил к работе в канцелярии уездного предводителя дворянства, хотя в Самарском губернском жандармском управлении (далее – ГЖУ) отмечали, что фактически Клафтон «состоял на службе в губернской земской управе, получая жалованье 40–50 рублей». В 1896 г. с него был снят гласный надзор полиции [23].

Земство вбирало в себя в этот период наиболее энергичную и демократически настроенную интеллигенцию, непосредственно связанную, с одной стороны, с народом, а с другой – с интеллектуальными высшими сферами. 3 мая 1897 г., после длительных хлопот председателя Самарской губернской земской управы (далее – ГЗУ) В. А. Племянникова, А. К. Клафтон занял должность секретаря Самарской ГЗУ. Одновременно с этим назначением он стал заведовать делопроизводством уездного продовольственного сове-

щения с окладом 840 руб. в год и был удостоен самого низкого по «Табели о рангах» (1722 г.) чина – коллежского регистратора [24].

В 1899 г. Клафтону была выдана «бессрочная паспортная книжка», которая позволила ему начинать с 1901 г. совершать длительные путешествия за границу. В ходе этих вояжей он приобретал произведения искусства разных народов мира. Интерес к антикварным ценностям сблизил его с другим собирателем – «пивным королём» Самары А. Ф. фон Вакано, который спонсировал его многочисленные турне. Благодаря этой дружбе Самара обогатилась уникальной коллекцией японских миниатюр, изданных с января по май 1905 г. в гравюрных мастерских Токио (24 изящных рисунка на тему Русско-японской войны). Александр Константинович не просто приобрёл их, но и передал в дар местному публичному музею вместе со 122 картинами русского издания и 3 английскими по аналогичной тематике [25].

В конце XIX столетия, вопреки сословным предрассудкам и запретам родителя, он вступил в неравный брак. В 1900 г. у него родилась дочь Вера. Но даже для потомков Клафтона эта страница в его биографии остаётся пока нераскрытой. «О жене Александра Константиновича мне ничего неизвестно, по семейным рассказам она была “простолюдинка” и прапрадед не хотел поддерживать с ней связь... даже имени её не знаю», – сообщила автору правнучка А. К. Клафтона М. Суслова [26].

30 октября (12 ноября) 1905 г. Клафтон был избран председателем Самарского бюро «Союза союзов», по сути, первым главой местных профсоюзов. Помимо этого он вошёл в городской «Комитет общественной безопасности». Благодаря последнему ему удалось 10 декабря выступить в роли посредника между осаждёнными в Пушкинском народном доме революционерами и командиром Березинского полка полковником П. М. Барановым, что предотвратило кровопролитие. Заметим, что, согласно наблюдениям жандармов, Клафтон предполагался восставшими, в случае успеха их акции, на должность самарского губернатора [27]. В первых советских изданиях подчёркивалось, что Самара в 1905 г. оказалась одним из немногих городов России, где количество жертв черносотенных погромов и революционной «иллюминации» было минимальным [28], тогда как в более поздних работах это обстоятельство игнорировалось.

«Опасаясь ареста и высылки, Клафтон примкнул к Партии народной свободы», – отмечалось Самарским ГЖУ в 1910 г. [29]. Однако это утверждение, скорее всего, есть лишь жандармская эклектика, что заставляет относиться к архивным материалам подобного рода крайне настороженно.

Декабрьский революционный опыт России 1905 г. оказался удручающим для тех, кто до этого, так или иначе, надеялся на революцию. В их числе был и Клафтон. Не случайно левые либералы Самары организационно объединились в конституционно-демократическую партию не после опубликования Манифеста 17 октября 1905 г., а лишь после того, как прошёл неудачный революционный подъём в Самаре. До этого среди них были широко распространены следующие рассуждения: «...почему же не вступить в существующие крайние партии? В чём же, в сущности, различие?» [30].

15 января 1906 г. на учредительном съезде Самарского отдела конституционно-демократической партии А. К. Клафтон был избран в состав местного губернского комитета КДП, в котором состоял вплоть до 1918 г. Правда, в 1912–1913 гг. он не являлся на его заседания из-за конфликта с редактором кадетской газеты «Волжское слово» В. В. Ветровым, который сделал издание печатным рупором октябриста М. Д. Чельшова [31]. Начиная с мая 1906 г. Александр Константинович Клафтон эмоционально вопрошал у коллег по партии: «К чему теория компромиссов и лавирования?» Он предлагал им быть более последовательными в политической борьбе [32].

Уже на выборах в III Государственную думу конституционно-демократическая партия стала отмежёвываться не только от реакционных, но и от революционных сил: «...у нас – и у всей России – есть враги слева...» (П. Н. Милюков). Попытки КДП легализоваться в 1906 и 1908 гг. не возымели успеха. Вместе с тем кадеты переориентировали себя в системную партию власти: «...русская оппозиция останется оппозицией Его Величества, а не Его Величеству» (П. Н. Милюков) [33].

Не обладая возможностью проведения исключительно самостоятельной политики, кадеты Самары были вынуждены лавировать и искать соглашений с другими общественными силами. Но если при руководстве «самарского знакомого Ульяновых» А. Н. Хардина в 1906–1910 гг. они ориентировались на левые политические силы как гегемон революции [34], то осенью 1912 г. новые руководители Самарского губкома КДП Г. Н. Костромитинов (1910–1911 гг.), Н. А. Гладыш (1911–1916 гг.) и оппонирующие им А. К. Клафтон, П. П. Побдельский и С. А. Елачич, развиваясь в рамках общепартийной тенденции, пошли на сближение с более умеренными, чем конституционные демократы, политическими силами [35]. Всё это свидетельствовало о том, что «маятник» конституционно-демократической партии стремительно склонялся вправо, так как ситуация определялась не на баррикадах, а в кулуарах тайных договорённостей.

1 февраля 1908 г. произошло тожественное открытие «Самарского общества народных университетов» (далее – СОНУ). Самара переставала быть «городом Окуровым» (Т. Г. Шевченко); городом «героев первоначального накопления» капитала, «индифферентных ко всему, кроме этого накопления, невежественных и неприхотливых в своих потребностях» (Д. Д. Протопопов); оставшимся «с миллионами всё тем же мужиком», которому ничего не нужно, «кроме пристани для загрузки пшеницы, амбара для её ссыпки и мельниц, чтобы её молоть» (Н. В. Шелгунов). Показательно, что во главе СОНУ, последовательно сменяя друг друга, вставали представители КДП, партии русской интеллигенции: Н. А. Шишков, Е. А. Кавецкий, С. Е. Пермяков.

А. К. Клафтон входил в лекционную, редакционную и астрономическую комиссии «Самарского общества народных университетов», а в 1911 г., при избрании С. Е. Пермякова его председателем, стал у него заместителем («товарищем»). В своей просветительской работе СОНУ опережало даже более ранние свои аналоги в Великобритании и США [36].

За все годы существования СОНУ в нём насчитывалось 333 участника (из них 32 иногородних). В пределах 300 человек колебалась и численность членов конституционно-демократической партии в Самарской губернии в период её расцвета (в апреле – мае 1906 г.) [37]. Соответственно, можно предположить, перефразируя масонскую терминологию, что «Самарское общество народных университетов» стало легальной основой для «заснувших» кадетов, которые опасались нарушать циркулярное распоряжение председателя Совета министров России П. А. Столыпина от 14 сентября 1906 г., запрещавшее государственным служащим вступать в нелегальные политические партии.

По инициативе А. К. Клафтона и под его началом в 1909 г. было создано «Общество содействия открытию высшего учебного заведения в Самаре». Вместе с тем местное губернское земское собрание заказало в Санкт-Петербургской педагогической академии проект устава и смету расходов для открытия высших женских педагогических курсов в губернском центре. В этом же году они были организованы при СОНУ. По ходатайству Клафтона земство обеспечило уездных учителей бесплатным проездом до Самары.

20 августа 1911 г. был открыт Самарский учительский институт, директором которого стал статский советник Н. П. Кильдюшевский. Институт относился к типу средних учебных заведений и предназначался для подготовки учителей городских начальных школ. В 1913 г. он был преобразован в Самарский земский женский педагогический институт в память 19 февраля 1861 г.,

ныне Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (в 1994–2009 гг. Самарский государственный педагогический университет). Это было первое в истории российского земства высшее учебное заведение, организованное при нём [38].

В годы I Мировой войны (до 1917 г.) у КДП состоялся один общеимперский съезд и четыре региональные конференции: в Киеве, Саратове, Самаре и Москве [39]. Среди них особое место занимают региональные форумы кадетов Поволжья, проведённые при непосредственном участии депутата IV Государственной думы и по совместительству «Генерального секретаря» масонов России А. Ф. Керенского [40], которые стали подвергаться серьёзному научному изучению лишь в последние десятилетия [41].

В настоящее время установлено, что в Самаре с 1911 г., с приездом князей А. Н. Букейханова и В. А. Кугушева, была образована масонская ложа «Великого Востока народов России» [42]. Согласно В. С. Брачеву, «кадеты... составляли большинство в (масонских. – *Е. Ш.*) ложах по сравнению с представителями других партий» [43]. На наш взгляд, это была своеобразная политическая коалиция нелегальных политических сил, которые стремились к консолидации из-за репрессий господствующего режима и личной малочисленности. Весьма конкретно формула этого «надпартийного объединения» выразилась региональным совещанием кадетов Поволжья в Самаре (20–21 октября 1915 г.) в следующей резолюции: «Войти в блок с меньшевиками... в борьбе с бюрократизмом (читай: самодержавием. – *Е. Ш.*)» [44].

Если Н. П. Фомичёвой удалось показать роль А. Ф. Керенского и лидера левого крыла ЦК КДП Н. В. Некрасова по вовлечению секретаря Самарского губернского комитета конституционно-демократической партии А. Г. Ёлшина (1906–1916 гг.) в масонское «братство», то А. В. Сыпченко установила, что «в начале мая (1915 г. – *Е. Ш.*) А. Ф. Керенский побывал в Самаре, где посетил квартиру народного социалиста, члена II Государственной думы от НСП (народно-социалистической партии. – *Е. Ш.*) Ивана Егоровича Маркова. 2 мая на квартире князя В. А. Кугушева состоялось собрание, на котором присутствовали А. Ф. Керенский, И. Е. Марков, И. А. Цодиков, Шоломович и другие. Цель собрания – организация общественных сил для предъявления по окончании войны правительству требований о проведении реформ» [45].

Мы специально столь подробно останавливаемся на этом эпизоде в деятельности Самарской партийной организации КДП, так как он не только вносит определённые коррективы в конфликт Клафтона и группы его сторонников с лидерами местных кадетов: Гладышем, а затем и Ёлшиным

(1916–1918 гг.), но и объясняет, как человек, являвшийся инородцем по отношению к титульной нации, в годы Гражданской войны стал мыслить себя как «русский писатель и землец», поборник «единой и неделимой России», содействовать созданию дружин «Святого креста», «Святого полумесяца» и т. д. [46]

С 1915 г. А. К. Клафтон стал уполномоченным «Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам» по Самарской губернии. Именно он сопровождал в свой первый рейс из Самары до Астрахани теплоход «КашгарЪ», на борту которого находилось 90 раненых русских воинов. На этом судне, превратившемся в плавучий госпиталь, они должны были пройти курс лечения. «Плывём благополучно... солдаты довольны, всюду относятся с большим вниманием и предупредительностью», – спустя три дня после отплытия напишет Клафтон в телеграмме из Царицына [47].

В марте 1917 г. Александр Константинович Клафтон на съезде партии кадетов Самарской губернии провозгласил требование республики, что в том числе весной этого же года предопределило переименование конституционно-демократической партии в Партию народной свободы.

Самарская интеллигенция и вместе с нею А. К. Клафтон, невзирая на все перипетии социальных потрясений в России, не оставляли практической и благородной идеи – открытия в городе университета. А. В. Храмов отмечал: «Ходатайства и депутации... об открытии университета... посылались и в органы власти императорской России, Временному правительству, и... в Совет народных комиссаров (в апреле... 1918 г.)». Но реализация этого замысла неожиданно разрешилась в Самаре [48].

«Залог... возрождения... Родины... лежит в народном образовании...»; «Будущие строители России должны... приобщиться к той высшей культуре духа, без которой нет настоящих граждан...» – сообщалось в декларации захватившего летом 1918 г. власть в Самаре Комитета членов Учредительного собрания (Комуча) от 18 августа 1918 г. Секретарь Комуча С. Н. Николаев называл как «крупнейшее дело» в области народного образования «открытие в Самаре университета. День открытия... явился днём всеобщего торжества» [49].

Столь важное для Самары событие, к которому непосредственно был причастен и Клафтон, состоялось 10 августа 1918 г., когда Комуч удовлетворил очередное ходатайство самарских просветителей и своим распоряжением № 216 постановил преобразовать местный педагогический институт «в Самарский университет, со всеми правами... российским университетам присвоенным». Так Самара вслед за Казанью (1804 г.),

Саратовом (1909 г.) и Нижним Новгородом (1916 г.) стала университетским городом Поволжья [50].

В 1917–1918 гг. А. К. Клафтон входил в состав самарского губернского «Земельного комитета», стал участником Московского совещания общественных деятелей России и делегатом Государственного совещания в Москве (которое окрестили несостоявшейся «коронацией» А. Ф. Керенского), был избран гласным Самарской городской думы и благодаря миссии «Красного Креста» при посредничестве ВЦИК РСФСР попал в Сибирь.

Не удовлетворившись «розовой демократией» Комуча, он, в рамках общепартийной идейной трансформации кадетов, пришёл к «белой» диктатуре А. В. Колчака. Именно здесь его ждали наиболее острые разочарования. Это был сибирский эндшпиль его судьбы. Даже его юная 18-летняя дочь Вера, окончившая в г. Севастополе гимназию, была вовлечена в эту борьбу.

«Гражданская война, – замечал Клафтон в мае 1919 г., – отбросила русскую политическую мысль... к двум главным полюсам подобно магниту, на одном конце которого расположились большевики с их социалистической идеологией, а с другой стороны мы – кадеты... Все остальные политические группы как бы распределились между этими двумя полюсами, подобно опилкам, брошенным на магнит» [51].

С декабря 1918 по октябрь 1919 г. А. К. Клафтон руководил Восточным отделом Центрального Комитета Партии народной свободы, а 2 мая 1919 г., в связи с развернувшимся ещё в марте наступлением 400-тысячной колчаковской армии, через «Русское бюро печати» – «Русское общество печатного дела», осуществил крупнейшую информационную реформу на территории «белой» России. А. А. Молчанов подчёркивает: «Целью создания РОПД... являлось стремление правящих кругов колчаковского режима... создать в глазах международного общественного мнения имидж демократического органа власти» [52].

Гражданская война, по словам историков, не оставляла места для возвышенных идеалов, которые в своё время легли в основу кадетской партии. ...В «белых правительствах» на передний план выдвигались из кадетской среды главным образом личности жёсткие, непримиримые. Вполне очевидно, что Александр Константинович Клафтон относился к данной категории кадетов.

Это он 27 декабря 1918 г. возглавлял делегацию Восточного отдела ЦК ПНС, которая требовала от правительства Колчака «вверить муниципальное дело зрелым и политически опытным... слоям населения... увеличить возрастной ценз как для активного, так и для пассивного избирательного права до 25 лет... установить для

избирателей имущественно-налоговый ценз...» [53]. Н. В. Устрялов, который на «эмигрантском досуге» желал облегчить работу будущих историков, сообщал о том, что кадеты Сибири, за исключением В. А. Виноградова и Л. А. Кроля, были решительными противниками демократизации режима А. В. Колчака [54]. Об этом же свидетельствует и его «эпистолярное наследие» периода Гражданской войны: «Партия народной свободы относилась и относится отрицательно к идее законосовещательного и законодательного органа, ибо это ослабит... диктатуру. Наша точка зрения заключается в необходимости (её. – Е. Ш.) укрепления», – писал он в «Правительственном вестнике» (Омск) № 253 за 1919 г.

20 мая 1919 г., открывая III Восточную конференцию Партии народной свободы, А. К. Клафтон с пафосом именовал партию кадетов «партией государственного переворота», который «избавил» 18 ноября 1918 г. контрреволюцию от Директории с помощью «точной формулы» – диктатуры [55]. Признавая режим Колчака и Восточный отдел ЦК ПНС «передовым отрядом борьбы», он призывал к спасению буржуазной цивилизации: «...возродить в России новое правовое государство, покоящееся на началах национальной демократии» [56] – и подчёркивал, что колчаковщина привлекает в свой правительственный аппарат всё большее количество деятелей ПНС [57].

Сподвижник Клафтона по нереализованной миссии «Красного Креста» и ВЦИК Советов по обмену заложников 1918 г. Бородин вспоминал, как незадолго до государственного переворота 18 ноября 1918 г. в Омске В. Н. Пепеляев убеждал члена ЦК ПНС В. А. Виноградова изгнать социалистов из Директории. Иначе, грозил он, не миновать катастрофы, которую готовят в офицерских кругах [58]. Аналогичные воззрения, согласно дневнику последнего премьера Колчака Пепеляева, были и у Клафтона. Он выражал опасение, что «реакция перекатится через наши (кадетские. – Е. Ш.) головы» [59].

Являясь по совокупности функций министром пропаганды при «Верховном правителе России», Александр Константинович понимал несовершенство сложившегося в Сибири политического режима и инициировал протесты против разгула реакционной военщины [60]. В своём письме к члену ЦК ПНС Н. И. Астрову он отмечал: «Случилось так, что лучшие офицеры и лучшие политические вожди там, у вас на Дону (у А. И. Деникина. – Е. Ш.), а серая масса здесь и эта серая масса должна складывать государство»; «Здесь полное безлюдье, все должны учиться, чтобы подняться над губернским масштабом до государственного горизонта, а учиться нет времени, работать приходится... в полном хаосе психоло-

гического и государственного разложения и усталости» [61].

«Это были вопли из Сибири, обращенные к югу. Это было в то самое время, когда с юга многие с надеждой взирали на Сибирь, вместе с Клафтоном исповедуя веру, что надлежащий фундамент будущей российской государственности закладывается именно в Сибири. Таковы были aberrации (ошибки, погрешности изображений. — *Е. Ш.*) с той и другой стороны», — с горечью констатировал адресат Александра Константиновича [62].

А. К. Клафтон находился в том роковом поезде сибирского диктатора, в котором они оба стали арестантами умеренных социалистов и земских деятелей («Политического центра»). Весьма показателен диалог между Клафтоном и последней любовью Колчака А. В. Тимирёвой-Сафоновой: «Мы стоим в коридоре у замерзшего окна... Вдруг Клафтон спрашивает меня: “Анна Васильевна, скажите мне, как по Вашему, просто по Вашему женскому чутью, — чем всё это кончится?” — “Чем? Конечно, катастрофой”» [63].

Сакраментально и трагично звучит мысль, выраженная Н. В. Устряловым, сменившим в октябре 1919 г. А. К. Клафтона в статусе лидера Восточного отдела ЦК ПНС: «Окончательно рушится привычная идеология... большевизм... побеждает... Он объединит Россию... Боже. Как глубоко все ошибались, ничего не поняли...»; «Допустим, можно будет уехать на Восток отмечал он в своём дневнике под 3 января 1920 г. в Иркутске, — но зачем ехать? Служить делу, в которое не веришь, которое считаешь вредным, безвозвратно проигранным?»; «...диалектика истории неожиданно выдвинула Советскую власть с её идеологией Интернационала на роль национального фактора современной русской жизни... наш национализм... потускнел и поблек на практике вследствие своих хронических альянсов... с так называемыми “союзниками”...» [64]

Практически об этом же станет говорить и А. К. Клафтон на скамье подсудимых. Он будет именовать «безумцами» тех, «которые могут идти с поляками, или немцами против России»; «С ними никто не пойдёт. Они будут бороться не только против Советской власти. Они будут бороться против всей России, ибо те люди, которые веруют в единую Россию... они будут по эту сторону, но не по ту» [65].

После судебного процесса на Атаманском хуторе (ныне Ленинский район г. Омска) в мае 1920 г., в обращении к главе Совета народных комиссаров РСФСР В. И. Ульянову-Ленину, А. К. Клафтон писал: «...ради всей жизни, отданной публицистике и земству, на служение народу, ради любви к Родине, увлекшей нас фатально на путь политической борьбы, молю...

ВЦИК пощадить меня, Шумиловского, Ларионова и Червен-Водали, приговорённых трибуналом к расстрелу. ...Мы ждём милосердия и великодушия трудового народа...» [66] Ходатайство о помиловании было отклонено, и 23 июня 1920 г. Клафтона не стало [67].

Жизнь Александра Константиновича Клафтона неотделима от общественно-политических процессов, сотрясавших наше отечество в начале XX в. Благодаря им он вознёсся из провинциального самарского земского деятеля и мецената на политический олимп «белой» Сибири и был низвергнут на долгие десятилетия в историческое небытие.

Догоняющий тип капиталистического развития страны, архаичная политическая модель управления, незавершённость процесса классового образования, маргинальность русского общества наряду с его общей низкой культурой и уровнем образования, коррупция, нравственное разложение государственной элиты, неразрешённость аграрной проблемы создавали питательную почву для социально-экономических мечтаний и потрясений в стране.

В работе Б. Н. Чичерина «Различные виды либерализма» (1862 г.) говорится о так называемом «оппозиционном либерализме», который, не отказываясь «от доходных мест и чинов», желая придать себе важность, заявляет: «Мы до протестов большие охотники. Оно, правда, совершенно бесполезно, но зато и безвредно, а между тем выражает благородное негодование и усладительно действует на огорчённые сердца публики» [68]. Именно к этому типу либерализма можно отнести тактическую линию поведения А. К. Клафтона и конституционно-демократической партии (народной свободы).

Автор солидаризируется с тезисом В. В. Шелохаева о том, что «нет оснований для наметившейся... тенденции... вывести кадетов... влево, за пределы “либеральной семьи”» [69]. Ещё в начале 1990-х гг. ведущие историки России определили, что кадеты, являясь в своей основе европейски образованными людьми, подразумевали под своими «розовыми» лозунгами, востребованными русским обществом, как и на Западе, лишь подчинение интересов собственников общегосударственным задачам [70]. Не следует забывать о том, что Н. Г. Думова убедительно показала, как Партия народной свободы в июне 1917 г. на своём IX съезде провозгласила незыблемость принципа частной собственности [71], одного из основополагающих критериев либерализма. Только ему в своей практической деятельности кадеты проявили преданность. Они не сохранили верность буржуазным свободам, так как подъём гражданского самосознания общества после февраля 1917 г. ниспроверг буржуазно-«обрезанную» псевдодемократию, при которой «угнетённые

классы получают право один раз в несколько лет решать, какой представитель имущих классов будет “представлять и подавлять”... народ в парламенте» [72]. Они не сохранили верности России и её мнимым «союзникам», в измене которых регулярно обвиняли большевиков, так как постоянно балансировали между «Антантой» и кайзеровской Германией. Диктатура для сохранения политической власти капитала под буффонадой «национальной демократии» – вот что стало смыслом деятельности партии, прикрывающейся флёром «народной свободы».

На судебном процессе над колчаковским окружением в мае 1920 г. Александр Константинович Клафтон в рамках доктрины кадетов об «общенациональном» характере партии позиционировал себя как представителя «трудовой интеллигенции» [73]. Однако он всю свою сознательную жизнь принадлежал к так называемой «цензовой», то есть имущей, интеллигенции. В то время как средняя годовая заработная плата рабочего составляла чуть более 300 руб. [74], он зарабатывал не менее 840 руб. в год. Происходя из вполне обеспеченной семьи, он не испытывал лишений и тягот подавляющего большинства населения страны. Свои заграничные турне он осуществлял за счёт самарского «пивного короля» А. Ф. фон Вакано. Даже являясь директором-распорядителем «Русского бюро печати», он получал жалование в 4 тыс. руб. [75], тогда как в Совете министров П. В. Вологодского (правительстве Колчака) самый высший министерский оклад составлял лишь 2 тыс. 250 руб. [76]

В 1917 г. Клафтон оказался не способен, подобно члену ЦК КДП, входившему с 1906 по 1917 г. в Государственный совет Российской империи, академику В. И. Вернадскому, вырваться из шор социально-классового сознания, как он это сделал, когда вопреки воле отца выбрал себе жену. Согласно свидетельствам левого кадета Л. А. Кроля, его душа настолько была испепелена ненавистью к Октябрьской революции 1917 г., что в ней не было места для воплощения её созидательного потенциала во имя Родины.

Заметим, что опыт работы А. К. Клафтона в «Русском бюро печати» мог бы быть полезен Советской России, когда она 8 августа 1930 г. создавала «Объединение государственных книжно-журнальных издательств РСФСР». На наш взгляд, в статусе руководителя этой организации он выглядел бы гораздо более органично, чем, скажем, М. П. Томский [77]. Также подчеркнём, что возникшее через 21 год после гибели Клафтона 24 июня 1941 г. «Советское информационное бюро» во многом напоминало РБП.

«Я защищал дорогие мне идеи, которым я служил всю жизнь», – произносил Александр Константинович Клафтон, обращаясь к суду

29 мая 1920 г. в своём последнем слове [78]. Однако идеи, которые были присущи кадетам до 1917 г., когда они занимались культурно-нравственным просвещением демократических слоёв общества, и после февраля 1917 г., когда они «вошли во вкус» власти, принципиально различны. В мае 1919 г. А. К. Клафтон сам заявлял об этом. Вызывает лишь сожаление, что он не увидел своей идейной трансформации из освободительного движения страны, а указывавшего на это Л. А. Кроля именовал «белой вороной» [79].

Таким образом, вся биография А. К. Клафтона как бы подтверждает марксистский постулат о том, что «общественное бытие определяет... сознание» [80]. Наша современность указывает на справедливость концептуального положения В. И. Ульянова-Ленина: «Люди были и будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, – пока... не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать интересы тех или иных классов» [81]. В контексте рассматриваемой темы целесообразно подчеркнуть абсолютную научную и практическую актуальность методологического тезиса известного советского историка Л. М. Спирина о том, что «нельзя судить о партиях только по их названиям... нельзя и изучать их только по программам, декларациям, уставам и другим официальным документам. Партии, как и люди, оцениваются не по тому, что они говорят о себе, а по тому, как они действуют» [82].

Примечания

1. С момента своего учредительного съезда (г. Москва, 12–18 октября 1905 г.) именовалась конституционно-демократической партией (далее – КДП). В январе 1906 г., на своём II общеимперском съезде, КДП добавила к своему основному названию подзаголовок: «народной свободы». На VIII делегатском съезде КДП (май 1917 г.) кадеты переименовались в Партию народной свободы (далее – ПНС). Но в целях узнаваемости они и в дальнейшем использовали прежнее название и аббревиатуру.

2. *Галай Ш.* Конституционалисты-демократы и их критики // Вопросы истории. 1991. № 12. С. 4.

3. *Давыдов М. А.* Оппозиция его величества. М., 1994; *Секиринский С. С., Шелохаев В. В.* Либерализм в России. М., 1995; *Селезнёва Л. В.* Западная демократия глазами российских либералов начала XX века. Ростов н/Д, 1995; *Осипов И. Д.* Философия русского либерализма XIX – начала XX в. СПб., 1996; *Леонид С. В.* Партийная система России (конец XIX в. – 1917 год) // Вопросы истории. 1999. № 11–12. С. 29–48 и др.

4. *Шелохаев В. В.* Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 27.

5. *Егоров А. Н.* Отечественная историография русского либерализма начала XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010.

6. См., более подробно: *Шелохаев В. В.* Русский либерализм ... С. 26–40; *Он же.* Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 3–16.
7. *Кувшинов В. А.* Кадеты в России и за рубежом (1905–1943). М., 1997; *Кисельникова Т. В.* Проблема социализма в либеральной общественно-политической мысли России на рубеже XIX–XX вв. Томск, 2001; *Она же.* Общественно-политическая мысль в России в конце XIX – начале XX в.: идеи либерального социализма. Томск, 2010; *Селезнёв Ф. А.* Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917 гг.). Н. Новгород, 2006; *Он же.* Либералы и социалисты – предшественники кадетской партии // Вопросы истории. 2006. № 9. С. 22–35 и др.
8. *Кром М. М.* Повседневность как предмет исторического исследования // История повседневности: сб. науч. работ. СПб., 2003. Вып. 3. С. 9; *Нарский И. В.* К вопросу о социально-моральной среде российского либерализма в начале XX века // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы: материалы междунар. науч. конф. М., 1999. С. 412; *Кафнишин В. Ю.* Провинциальное пространство российского либерализма в начале XX века // Российский либерализм в региональном измерении: идеи, структуры, тактики, лидеры. М.; Ярославль, 2008. С. 7, 8.
9. Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 3. Оп. 233. Д. 1264. Л. 31, 33; *Кожевникова М. В.* Самарский общественный деятель и коллекционер А. К. Клафтон (1871–1920) // Наследие – современность: сб. материалов науч.-практ. конф. Самарского областного художественного музея. Самара, 2009. С. 240; *Шеремеев Е. Е.* Самарский «Сфинкс» при правительстве Колчака: А. К. Клафтон (1871–1920 гг.) – биография на фоне эпохи. Самара, 2011. С. 9–10; Из личной переписки Е. Шеремеева с М. Сусловой, правнучкой А. К. Клафтона, от 16 декабря 2010 г.
10. Происхождение фамилии Клафтон. URL: <http://www.ufolog.ru/names/order>
11. *Кроль Л. А.* За три года: воспоминания, впечатления и встречи. Владивосток, 1922; *Колосов Е. Е.* Сибирь при Колчаке: воспоминания, материалы, документы. Пг., 1923; Последние дни колчаковщины: сборник. М.; Л., 1926; *Устрялов Н. В.* Под знаком революции. Харбин, 1927; *Мельгунов С. П.* Трагедия адмирала Колчака: в 2 кн. М., 2005; *Бородин Н. А.* Идеалы и действительность. Сорок лет жизни и работы рядового русского интеллигента (1879–1919). М., 2009; *Гинс Г. К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. М., 2008; *Иванов Вс. Н.* Исход: из воспоминаний. Хабаровск, 2008 и др.
12. *Стирлин А. М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 гг.). М., 1977. С. 274, 277; *Голинков Д. А.* Крушение антисоветского подполья в СССР: в 2 кн. М., 1986. Кн. 2. С. 20–21; *Думова Н. Г., Трухановский В. Г.* Черчилль и Миллюков против Советской России. М.: Наука, 1989. С. 68, 84, 90, 117, 175; *Алексушина Т. Ф.* «Индивидуалист с анархическим уклоном» (А. К. Клафтон) // *Она же.* Коллекционеры старой Самары. Самара, 2005. С. 174–203; *Шеремеев Е. Е.* Трагедия земского либерализма России в начале XX столетия, на примере судьбы самарского «Сфинкса» А. К. Клафтона (1871–1920 гг.) // Муниципальное управление в России. Теория и практика: сб. науч. тр. Самара, 2005. С. 50–66; *Звягин С. П.* А. К. Клафтон: российский либерал в условиях революции и Гражданской войны // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России: материалы Всерос. науч. чтений. Кемерово, 2006. С. 23–29; *Дроков С. В.* Адмирал Колчак и суд истории. М., 2009. С. 238, 253, 268, 272; *Хандорин В. Г.* Идеино-политическая эволюция либерализма в Сибири в период революции и Гражданской войны (1917–1920 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2011. С. 4 и др.
13. *Гойхбарг А. Г.* Обвинительное заключение по делу самозванного и мятежного правительства Колчака и их вдохновителей // Советская Сибирь (Омск). 1920. 12 мая; Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М.: Демократия, 2003. С. 6, 21, 29 и т. д.
14. *Егоров А. Н.* Указ. соч. С. 3.
15. *Кроль Л. А.* Указ. соч. С. 163.
16. *Бородин Н. А.* Указ. соч. С. 7.
17. *Шеремеев Е. Е.* Самарский «Сфинкс» при правительстве Колчака: А. К. Клафтон ... С. 11–13.
18. *Тейтель Я. А.* Из моей жизни за сорок лет // Путешествие в прошлое. Самарский край глазами современников. Самара, 1991. С. 214.
19. *Демидов А., Демидова И.* Люди и мундиры. URL: <http://samarkraeved.samara.ws/People>
20. *Тейтель Я. А.* Указ. соч. С. 208.
21. *Треплев А.* Максим Горький в Самаре // Максим Горький и Самара. Куйбышев, 1968. С. 52, 54.
22. Цит. по: *Алексушина Т. Ф.* Указ. соч. С. 178, 179.
23. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 233. Д. 1264. Л. 35; Ф. 468. Оп. 1. Д. 1390. Л. 40.
24. Там же. Ф. 3. Оп. 233. Д. 1375. Л. 198.
25. *Алексушина Т. Ф.* Указ. соч. С. 186–194.
26. Из личной переписки Е. Шеремеева с М. Сусловой, правнучкой А. К. Клафтона, от 16 декабря 2010 г.
27. *Шеремеев Е. Е.* Самарский «Сфинкс» при правительстве Колчака: А. К. Клафтон ... С. 23–27.
28. *Блюменталь И. И.* Буржуазия в дни свободы // 1905 год в Самарском крае. Самара, 1925. С. 231–245.
29. ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1390. Л. 41.
30. *Протопопов Д. Д.* Из недавнего прошлого (Самара в 1904–1905 гг.) // Русская мысль. М., 1907. № 12. С. 6.
31. Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп Конституционно-демократической партии: в 6 т. М., 1997. Т. 2. С. 322–323, 327.
32. Второй съезд Партии народной свободы Самарской губернии // Вестник партии народной свободы. СПб., 1906. № 12. Стб. 812.
33. Цит. по: История политических партий России. М., 1994. С. 124.
34. *Шеремеев Е. Е.* Предвыборные технологии кадетов Поволжья в период избирательной кампании в I Государственную Думу России // Вестник Самарского муниципального института управления. 2004. № 2. С. 36.
35. *Шеремеев Е. Е.* Кадеты Самары на выборах в IV Государственную Думу России // Наука и культура России: VIII Междунар. науч.-практ. конф. 26–27 мая 2011 г. Самара, 2011. С. 54–57.
36. *Мартиновская А. И.* Самарское общество народных университетов // Самарский краевед: в 2 ч. Самара, 1991. Ч. I. С. 65–79; *Алексушина Т. Ф.* Указ. соч. С. 196.
37. *Шелохаев В. В.* Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–

- 1907 гг. М., 1983. С. 304; Шеремеев Е. Е. Кадеты Поволжья в Первой русской революции 1905–1907 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2002. С. 18.
38. Колтаков А. Н. История высшей школы Самары. Кн. 3: Педагогическое образование в Самаре. Самара, 2010. С. 121.
39. Седугин В. И. Кадеты Поволжья в начале XX века (1905 – март 1917 гг.). Новомосковск, 1993. С. 130; Шелохаев В. В. Либералы и массы в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 130.
40. Брачев В. С. Масоны у власти. М., 2006. С. 353.
41. Кузнецов В. Н. Либералы Среднего и Нижнего Поволжья в 1907 – начале 1917 года // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2010. № 3. С. 158; Он же. Политические партии в Поволжье в 1907 – начале 1917 г. (на материалах Симбирской, Самарской, Саратовской и Астраханской губерний) // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. № 2. С. 97; Семёнова Е. Ю. Роль Партии народной свободы и социалистов-революционеров в формировании мировоззрения городского населения Поволжья в годы первой мировой войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурологи и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 4. С. 52.
42. Старцев В. И. Русское политическое масонство 1906–1918 гг. Документы из архива Гуверовского института войны, революции и мира // История СССР. 1989. № 6. С. 119–134; М., 1990. № 1. С. 139–155; Аврех А. Я. Масоны и революция. М., 1990. С. 45; Фомичёва Н. П. А. Г. Ёлшин (1878 – 1928) // Самарский краевед. Самара, 1995. С. 178–179.
43. Брачев В. С. Указ. соч. С. 345.
44. Цит. по: Семёнова Е. Ю. Указ. соч. С. 151.
45. Сытченко А. В. Объединение неонароднических сил в годы Первой мировой войны // Вестник СамГУ. 2002. № 3. С. 57.
46. Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 ... С. 205, 422, 424.
47. Волжский день (Самара). 1916. 23 мая.
48. Храмов А. В. Рождение Самарского государственного университета. URL: http://www.universite.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=295&Itemid=67
49. Николаев С. Н. Политика «Комуца» (Опыт характеристики) // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сборник первый. Ргана, 1930. С. 159.
50. Шеремеев Е. Е. Самарский «Сфинкс» при правительстве Колчака: А. К. Клафтон ... С. 137–139.
51. Клафтон А. К. Доклад о деятельности Восточного отдела ЦК ПНС на III Сибирской краевой конференции ПНС, от 20 мая 1920 г. // Съезды и конференции Конституционно-демократической партии: в 3 т. М., 2000. Т. 3. Кн. 2. С. 70.
52. Молчанов А. А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917–1920 гг.). М., 2002. URL: <http://evartist.narod.ru/text9/04.htm>
53. Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп Конституционно-демократической партии. М., 1998. Т. 3. С. 472–473.
54. Устрялов Н. В. Под знаком революции. Харбин, 1927. URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/ustrjalov_pod/01.aspx
55. Клафтон А. К. Указ. соч. С. 68.
56. Там же. С. 69.
57. Там же. С. 72.
58. Бородин Н. А. Указ. соч. С. 233.
59. Цит. по: Дневник В. Н. Пепеляева // Сибирь. Иркутск, 1990. № 1. С. 75.
60. Клафтон А. К. Указ. соч. С. 76.
61. Н. А. (Николай Астров? – Е. Ш.). А. К. Клафтон // Памяти погибших / под ред. Н. И. Астрова, В. Ф. Зеелера, П. Н. Милюкова, кн. В. А. Оболенского, С. А. Смирнова и Л. Е. Эльяшева. Париж, 1929. С. 168.
62. Там же.
63. Милая, обожаемая Анна Васильевна... / сост.: Т. Ф. Павлова, Ф. Ф. Перченко, И. К. Сафонов. М., 1996. С. 91.
64. Устрялов Н. В. Былое – революция 1917 г. (1890-е – 1919): воспоминания и дневниковые записи. М., 2000. С. 230–231.
65. Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 ... С. 422.
66. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 130. Оп. 4. Д. 500. Л. 25.
67. Информация председателя Чрезвычайного революционного трибунала Сибири И. П. Павлуновского // Советская Сибирь (Омск). 1920. 24 июня.
68. Б. Н. Чичерин. Различные виды либерализма // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 43–46.
69. Шелохаев В. В. Дискуссионные проблемы ... С. 15.
70. См.: Гражданская война в России: «Круглый стол» // Отечественная история. 1993. № 3. С. 106; Шеремеев Е. Е. Партия народной свободы и социализм (на примере кадетов Поволжья в 1905–1907 гг.) // Управление в XXI веке: материалы III междунар. науч.-практ. конф. Киров, 2009. С. 262–266.
71. Думова Н. Г. Кончилось ваше время ... М., 1990. С. 200.
72. Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1969. Т. 37. С. 493.
73. Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 ... С. 337.
74. Зырянов П. Н. Русская православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1984. С. 34.
75. ГАРФ. Ф. Р-4910. Оп. 1. Д. 11. Л. 9об.
76. Гинс Г. К. Указ. соч. С. 406.
77. См.: Юрелов О. И. Цугцванг Михаила Томского. Штрихи к портрету. М., 2000. С. 220.
78. Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 ... С. 422.
79. Кроть Л. А. Указ. соч. С. 163.
80. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: в 3 т. М., 1980. Т. 1. С. 541.
81. Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1973. Т. 23. С. 47.
82. Спириин Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М., 1977. С. 37.

А. С. Коробец

**УСИЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛИСТСКОЙ ТЕНДЕНЦИИ
В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ
ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИЕЙ
ВЕСНОЙ – ЛЕТОМ 1918 г.**

В статье анализируется политическая ситуация, сложившаяся в Вятской губернии в конце весны – летом 1918 г. Выявлены специфические для региона формы реализации взятого большевистским руководством страны курса на централизацию государственного управления.

The political situation in Vyatka province in the end of spring and in the summer of 1918 is analysed in this article. The specific forms of realization of the Bolshevik policy of government centralization are revealed.

Ключевые слова: Вятская губерния, Гражданская война, централизация, государственное управление.

Keywords: Vyatka province, the Civil war, centralization, state management.

Май-июнь 1918 г. с полным основанием можно считать переломным, поворотным моментом в жизни Советской России. В это время катастрофические для страны масштабы приобрела продовольственная проблема. Производящие регионы Украины, Дона, Кубани, Западной и Южной Сибири, Северного Кавказа были отрезаны или находились под контролем враждебных советской власти сил. В ряде губерний владельцы хлеба не признавали решений съездов Советов и их исполкомов об ограничении свободной продажи и мерах контроля, отвечая на попытки учета и реквизиции излишков прекращением подвоза провианта. Города Центральной и Северной России снабжались недостаточно, над их жителями нависла угроза вымирания от голода. «Петроград в небывало катастрофическом положении. Хлеба нет. Выдаются населению остатки картофельной муки, сухарей. Красная столица на краю гибели от голода», – телеграфировал 9 мая 1918 г. председатель СНК В. И. Ленин [1]. Уже в мае-июне 1918 г. карточная норма обеспечения населения стремительно падала с 25 до 3–4 фунтов в месяц [2], во избежание чего большевистским властям пришлось прибегнуть к политике продовольственной диктатуры.

К концу весны 1918 г. не в пользу большевиков изменилась и военно-политическая ситуация. Вооруженное выступление чехословацкого корпуса, начавшееся 25 мая 1918 г., положило начало большой Гражданской войне. Летом 1918 г. и Вятская губерния стала частью театра ее воен-

ных действий. По некоторым южным ее уездам прокатились антибольшевистские мятежи и восстания части местного населения.

Между тем сложившаяся в Вятской губернии (как, впрочем, и по всей России) на основе двух партий советская система власти и управления неслы в себе серьезные противоречия и в условиях набиравшей силу Гражданской войны явно начала давать сбои. Если в первое время внутри блока большевиков и левых эсеров принципиальных разногласий не наблюдалось, то весной – в начале лета 1918 г. они появились и начали углубляться.

Настоящим камнем преткновения между двумя политическими силами стал Брестский мир, после заключения которого левые эсеры в знак протеста вышли из состава правительства. Сохранив за собой прочные позиции в местных Советах, левые эсеры играли важную роль в жизни Вятской губернии. В апреле – июле 1918 г. в Вятском губернском исполнительном комитете Советов (ГИК) левые эсеры располагали 39% мандатов. В уездных исполкомах на долю левоэсеровских фракций приходилось от 30,6 до 69,1% [3] от общего числа членов этих органов.

Представители ПАСР выступали противниками проводимой большевиками продовольственной политики, особенно введенной в мае 1918 г. продовольственной диктатуры. Под влиянием их взглядов, вопреки установкам центра, Советы ряда губерний, в том числе Вятской, приняли постановления об отмене твердых цен на хлеб, фактически приравняв их к рыночным [4].

Значительные разногласия наблюдались и по вопросу о принципах управления. С началом интервенции и Гражданской войны, в условиях продовольственного кризиса и слабости местных властей большевистское руководство страны взяло курс на большую, чем прежде, централизацию государственного управления.

В весенне-летние месяцы 1918 г. большевики Вятской губернии начали искать конкретные формы реализации нового внутривластного курса. Его первоочередная попытка свелась к повышению роли президиумов исполкомов Советов. Соответствующий вопрос впервые обсуждался на секретном совещании президиумов губисполкома, городского Совета РСД и Вятского уездного исполкома крестьянских депутатов, состоявшемся 20–21 мая 1918 г. Большевики во главе с председательствовавшим на совещании членом горсовета П. П. Капустиным делали упор на то, что при существующей системе управления из состояния хаоса и анархии, а также решить важные социально-экономические и иные проблемы, настаивая, что в сложившихся обстоятельствах установки центральной власти целесообразно

проводить через узкие коллегии – президиумы советских органов и, если понадобится, вопреки воли их исполкомов [5]. И хотя большинство участников являлись членами РКП(б), попытка сосредоточить в руках большевиков всю полноту власти путем создания «коллектива президиумов» провалилась. Причин тому было несколько.

На ситуацию существенно влияло кризисное состояние губернской организации РКП(б) и отсутствие общерегионального органа партийного руководства. Еще одной причиной выступала политическая неоднородность высшего в губернии управленческого органа – губисполкома, в состав которого входили левые эсеры – принципиальные сторонники децентрализации управления [6]. Однако столкновение мнений происходило не только на межпартийной основе, но и между большевиками – членами Горсовета и ГИКа. Маневрируя, представители ГИКа, в частности его председатель большевик И. Я. Носков, свои колебания и сомнения оправдывали недостатком политического опыта [7]. Как справедливо подчеркивал Ю. Н. Тимкин, создание коллектива президиумов было направлено не только против левых эсеров, но и против большевиков-«демократов» [8].

Несмотря на безрезультативность первого совещания в плане выработки конкретных решений, оно выявило взгляды местных лидеров по вопросу о власти и принципах управления. Проявив настойчивость в проведении линии на жесткую централизацию, большевики Горсовета на следующий день создали очередное собрание, на котором тридцатью голосами «за» (при одном «против» и четырех «воздержавшихся») был создан чрезвычайный орган – коллектив президиумов [9]. Левые эсеры отказались войти в его состав, и орган был сформирован исключительно из большевиков, главным образом – членов Горсовета (И. В. Попов, Д. Крупин, П. П. Капустин, В. И. Лалетин); Вьюгов и М. Корчемкин делегировались Вятским уездным исполкомом; И. Я. Носков – губисполкомом.

В принятой на совещании резолюции говорилось, что коллектив президиумов ответственен перед СНК и ВЦИК, губернским комитетом РКП(б) и «местными Советами». И если советский контроль над этим чрезвычайным органом был весьма условным, то партийный – вполне реальным.

Новый орган наделялся широкими полномочиями. В его руках оказалось полное руководство военными силами региона, право создавать военные отделы Советов, распускать уездные и волостные Советы, не проводящие распоряжения центральной власти, привлекать к ответственности и арестовывать бездействующих представителей советской власти, а также вводить воен-

ное положение (правда, последнее – с согласия центральной власти) [10].

Приказом коллектива президиумов от 29 мая воинские части Вятской губернии приводились в боевую готовность [11]. Вслед за этим появилось постановление, направленное на наведение порядка и укрепление дисциплины в советских учреждениях. В последнем случае непосредственным поводом стало поведение И. Носкова, который в условиях сухого закона был уличен в пьянстве (за что Носков был исключен из коллектива президиумов, лишен всех постов и привлечен к суду). 14 июня 1918 г. было издано постановление, в соответствии с которым все жители г. Вятки в трехдневный срок были обязаны зарегистрировать имеющееся у них на руках оружие [12].

Появление чрезвычайного органа, наделенного широкими полномочиями и принимавшего решения через голову губисполкома, стремление к наведению строжайшего порядка и определенное «закручивание гаек» обострили отношения между большевиками и левыми эсерами Вятской губернии. Как и прежде, веской причиной для разногласий оставалось проведение продовольственной диктатуры и непризнание последними Брестского мира.

В конечном счете нараставшие между советскими партиями противоречия привели к их окончательному разрыву. О том, что период относительно дружной работы фракций большевиков и левых эсеров в Вятском губисполкоме окончательно завершился летом 1918 г., свидетельствуют протоколы заседаний периода конца мая – начала июля, многие из которых заходили в тупик. Разногласия возникали по поводу кооптирования в состав ГИК новых членов, отправки кандидатов на V Всероссийский съезд Советов и иным вопросам. Отношения усугублялись взаимными обвинениями, личными оскорблениями.

Межпартийный вооруженный конфликт, разыгравшийся в Москве 6 июля 1918 г. после убийства левыми эсерами в столице германского посла Мирбаха, превратил их в политических противников большевизма. Лезвоэсеровская фракция в Вятском губисполкоме (Вылегжанин, Губин, Зыкин, Курилов, Леванов, Лобовиков, Метелев, Пономарев, Решетников, Соболев, Сырчин, Чирков [13]) предъявила большевикам ультиматум, потребовав отказа от безоговорочного выполнения распоряжений центра, выпустила антибольшевистскую прокламацию. Большевики в свою очередь отвергли ультиматум, а губвоенкомат разоружил городскую организацию ПЛСР. Действуя в духе своего ЦК, вятские левые эсеры 7 июля 1918 г. добровольно вышли из состава ГИК и перенесли свою штаб-квартиру в Глазов [14].

В этих условиях продолжался процесс концентрации власти в регионе. В тот же день на

заседании Вятского ГИК, осудившего политическое поведение левых эсеров, «с целью быстрейшего разгрома контрреволюционных сил» был создан Вятский губернский чрезвычайный военно-революционный штаб (ВРШ), в руках которого была сосредоточена вся полнота власти в губернии [15]. Возглавил штаб председатель губисполкома И. В. Попов, его членами стали председатель губЧК П. П. Капустин, военком С. И. Малыгин, а также Я. Урановский и Круль в качестве представителей от РКП(б).

Создание компактного политически однородного органа значительно упростило управленческие процедуры, облегчило принятие нужных решений, сделало ситуацию более прозрачной и предсказуемой для большевиков. С другой стороны, размежевание с левыми эсерами почти полностью парализовало работу губисполкома [16]. Зато теперь появилась возможность осуществить «большевизацию» этого органа путем оптации.

Первые назначения в состав губисполкома (взамен выбывших левых эсеров) были произведены в день учреждения ВРШ. Товарищем председателя ГИК был назначен И. И. Бабинцев, комиссаром земледелия – Лагунов, здравоохранения – И. Ф. Родигин, часть членов губисполкома возглавили несколько отделов одновременно [17]. В последующие дни происходило дальнейшее пополнение состава ГИК и его отделов коммунистами.

В начале августа состав ВРШ был дополнительно расширен за счет большевиков М. М. Попова, А. С. Трубинского и И. Я. Шубина. В условиях нависшей угрозы со стороны интервентов и белочехов, двигавшихся со стороны Архангельска и Казани, штаб принял на себя военные функции. В числе важнейших его решений было объявление 2 августа 1918 г. Вятки и губернии на военном положении, постановление о призыве на военную службу мужчин 1896 и 1897 годов рождения, введение военного обучения [18].

Если дата создания ВРШ достоверно известна, то на вопрос, когда произошло его упразднение, мы с точностью ответить не можем. Документы, относящиеся к деятельности штаба, сохранились лишь частично «в виде обрывков», написанных «на клочках бумаги», что, по мнению А. Новоселова, свидетельствовало о его «спешной, лихорадочной боевой деятельности» [19]. Очевидно, ВРШ как чрезвычайный орган был ликвидирован в первой половине августа 1918 г.

Поскольку губисполком довольно оперативно восполнил кадровые потери за счет кооптированных в его состав коммунистов, вскоре возник вопрос о целесообразности существования ВРШ. Губернский исполком Советов, возглавляемый И. Ф. Родигиным, больше не нуждался в

существовании штаба. В то же время губернский комитет РКП(б), который как субъект власти и управления оформился на второй губернской партийной конференции (30 июля – 2 августа 1918 г.), принял сторону ВРШ. Этому способствовало персональное взаимодействие их членов: кадровое ядро того и другого органа составляли авторитетные большевики М. Попов (председатель губкома и член ВРШ) и И. Попов (председатель ВРШ и заместитель председателя губкома).

За разрешением спорной ситуации местные лидеры обратились в Комиссариат внутренних дел. НКВД в своих разъяснениях сослался на принятую в июле 1918 г. Конституцию, отметив, что полнота власти на местах принадлежит исполкому Совета и лишь обстоятельства чрезвычайного характера могут вызвать временную передачу власти специально созданному военно-революционному комитету или штабу [20].

Подводя итоги, отметим, что в весенне-летние месяцы 1918 г. большевики Вятской губернии осуществляли интенсивный поиск конкретных форм реализации задаваемого Москвой внутриполитического курса, направленного на централизацию государственного управления. Процесс концентрации власти в руках немногих прошел в регионе два краткосрочных этапа: вслед за созданием коллектива президиумов исполкомов Советов реальная власть и вовсе перешла к неконституционному, чрезвычайному органу – Военно-революционному штабу, а то и другое явилось следствием слабой советской управленческой системы, не способной на том этапе достаточно эффективно реализовывать принципиально важные установки центральной власти. Идея компактного, политически однородного, оперативно действующего в чрезвычайной обстановке органа тем более не потеряла своей актуальности в условиях набравшей обороты Гражданской войны и наиболее ярко воплотилась в создании в январе 1919 г. губернского Военно-революционного комитета.

Примечания

1. Установление и упрочение советской власти в Вятской губернии: сб. док. Киров, 1957. С. 491.
2. Бордюгов Г. А., Козлов В. А. История и конъюнктура. М., 1992. С. 293.
3. Очерки истории Кировской организации КПСС. Ч. 2. (1918–1968 гг.). Киров, 1969. С. 11.
4. Установление и упрочение советской власти в Вятской губернии. С. 483–485.
5. Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Л. 123об.
6. Бакулин В. И. Драма в двух актах: Вятская губерния в 1917–1918 гг. Киров, 2008. С. 156–158.
7. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Л. 123об.
8. Тимкин Ю. Н. Смутное время на Вятке. Киров, 1998. С. 66.
9. ГАКО. Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 145. Л. 1.
10. Там же.

11. Октябрь и гражданская война в Вятской губернии: сб. ст. и материалов. Вятка, 1927. С. 34; ГАКО. Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 145. Л. 4.

12. ГАКО. Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 145. Л. 4–7.

13. ГАКО. Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 52. Л. 144.

14. Бакулин В. И. Указ. соч. С. 160.

15. Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии. С. 288–289.

16. Бакулин В. И. Указ. соч. С. 160

17. ГАКО. Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 52. Л. 161об.

18. Загвоздкин Г. Г. Гражданская война // Энциклопедия Земли Вятской. Т. 4. История. Киров, 1995. С. 353.

19. Октябрь и гражданская война в Вятской губернии. С. 119.

20. Советы в эпоху военного коммунизма (1918–1921): сб. док. Ч. 1. М., 1928. С. 410.

УДК 94(470.342)“1918/1919”

А. С. Позднякова

ДОЛЖНОСТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ в 1918–1919 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ВЯТСКОГО ГУБЕРНСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА)*

Статья посвящена анализу должностных преступлений сотрудников правоохранительных органов в 1918–1919 гг. на основе дел, принятых под рассмотрение Вятским губернским революционным трибуналом.

The article, based on the cases tried by the Vyatka Province Revolutionary Tribunal, is devoted to analyzing the misconduct of law enforcement personnel in 1918–1919.

Ключевые слова: должностные преступления, советская милиция, ЧК, революционный трибунал.

Keywords: official misconduct, the Soviet militia, emergency commission, revolutionary court.

С момента начала деятельности Вятского губернского революционного трибунала одним из важнейших предметов его деятельности, наряду с уголовным преследованием лиц, причастных к контрреволюционной деятельности, стало расследование должностных преступлений сотрудников новообразованных советских органов, в том числе и органов, призванных «встать на защиту завоеваний революции», т. е. советской милиции, органов ВЧК и комиссий по борьбе с дезертирством,

которые по роду своей деятельности также тесно взаимодействовали с ревтрибуналом.

В рассматриваемый период для сотрудников названных органов были характерны должностные правонарушения (всего зарегистрировано 42 факта), состав которых можно разделить на три условные группы: корыстные преступления, преступления против интересов службы (без признаков корыстных проявлений) и преступления, совершённые в связи с превышением должностных полномочий («неправильные действия по службе»).

Последние встречались наиболее часто (16 случаев). Значительная часть в этой группе правонарушений представлена противоправными действиями, в ходе которых должностные лица «органов» признавались по итогам судебного разбирательства виновными в оказании неправомерного насильственного воздействия как физического, так и вербального характера (убийства, нанесение побоев, насилие, связанное с нарушением половой неприкосновенности, оскорбления и пр.). Представляется целесообразным привести ряд довольно характерных примеров.

Выдвиженец из среды военнослужащих 8-й роты 106-го пехотного запасного полка В. Н. Ларионов (предположительно из нижних чинов указанной воинской части, малограмотный, дополнительные персональные данные в деле отсутствуют), назначенный 6 декабря 1917 г. председателем вятского уголовного отделения, успел проработать на этой должности лишь до 20 декабря 1917 г. [1] В этот период Ларионов «постоянно приставал с нахальными предложениями к арестованным женщинам, приводил с собой массу женщин, с которыми засиживался допоздна, а потом оставался с ними на ночь», поощрял избиение арестованных, присваивал конфискованные у них деньги и ценные вещи [2]. В ряде случаев Ларионов позволял себе поступки совершенно возмутительного свойства: «...находясь в нижнем белье в своём кабинете, требовал доставить [к нему] арестованную Плотникову для допроса» [3]. В судебном заседании по данному делу, которое состоялось 27 июля 1918 г., губернский ревтрибунал вынес приговор о расстреле виновного лица [4]. Это был единственный случай на протяжении всего 1918 г., когда вердикт о высшей мере наказания был реально приведён в исполнение.

Комиссар по особым поручениям Вятской губЧК А. Г. Иванов (24 года, выходец из крестьян, коммунист), командированный в Яранский уезд для помощи в работе уездной ЧК, при производстве обыска и ареста избил гражданина Подузова, обвиняемого в уклонении от мобилизации, сокрытии оружия, связи с контрреволюционными бандами. После неоднократного нанесения побоев в ходе допроса Подузов был убит

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.132.21.1025 «Формирование и деятельность Вятского губернского революционного трибунала в 1918–1922 гг.»

«при попытке бегства». Ревтрибунал привлёк Иванова к ответственности «за избиение арестованных и несоблюдение формальностей при обыске». В приговоре по делу было указано, что «действия Иванова... подрывают авторитет советской власти и должны караться по всем строгостям революционного времени, но, принимая во внимание, что гр. Иванов избил Подузова при вызывающем поведении самого Подузова, который являлся организатором контрреволюционной банды, хранителем оружия этой банды и что Подузов бывший полицейский стражник...», суд постановил приговорить Иванова к лишению свободы с применением общественно-принудительных работ на 5 лет условно [5].

Обращает на себя внимание тот факт, что совершение такого рода преступлений, как правило, происходило на фоне употребления спиртных напитков, дополнительно стимулировавших хулиганские проявления, склонность к дебошам и т. д. у соответствующих должностных лиц. К этой же группе правонарушений, квалифицированных как «неправильные действия по службе», можно отнести незаконное проведение обысков и конфискаций, а также наложение штрафов. В отдельных случаях незаконные насильственные действия правоохранителей дополнительно провоцировались «некорректными» действиями самих потерпевших.

Агенты Уральской областной ЧК Кусакин и Пестов прибыли по служебной необходимости к председателю комитета деревенской бедноты Вшивцеву, владевшему тремя двухэтажными домами с флигелями, и, обнаружив на стене в помещении одного из них портрет бывшего царя и его жены, взяли в ЧК ордер на обыск всех квартир в домах указанного лица. При обыске, в ходе проведения которого жене Вшивцева нанесли оскорбление действием (толкнули), было обнаружено значительное количество мануфактуры, сахара, муки и других товаров. Чекисты сделали вывод, что «сокрытие в таком большом количестве продуктов, когда ощущается острый продовольственный кризис, хранение портретов царя на стене служит доказательством сочувствия монархизму», и оштрафовали Вшивцева на 5000 рублей [6]. На основании поданной оштрафованной жалобы в отношении чекистов было возбуждено дело с обвинением в «неправильных действиях по службе». Следственная комиссия революционного трибунала, однако, уголовное преследование Кусакина и Пестова прекратила за отсутствием с их стороны признаков преступления [7].

Имели место случаи «присвоения судебных функций», приводившие к незаконному лишению свободы лиц, чью вину в совершении преступлений общеуголовного характера либо админист-

ративных правонарушений отдельные сотрудники правоохранительных органов самостоятельно определяли, исходя из собственных умозаключений и представлений. Начальник 1-го района вятской городской милиции П. И. Фоминых (26 лет, член РКП) незаконно заключил в концентрационный лагерь с применением принудительных работ задержанного в нетрезвом виде гражданина Олюнина. Суд учел чистосердечное раскаяние и неопытность Фоминых и лишил его права занимать ответственные должности [8]. Милиционеры Селезневской волости П. М. Перминов и С. В. Дресвянников арестовали группу граждан, участвовавших в драке в деревне Алтын. Нанесли им побои ногайками и содержали под арестом две недели, не снимая с них допроса. По приговору суда обоим милиционерам было дано по 5 лет лишения свободы с применением общественно-принудительных работ при Вятском рабочем исправительном доме [9].

В отдельных случаях сотрудники милиции привлекались к уголовной ответственности за действия, хотя и оправданные чрезвычайными обстоятельствами, но, тем не менее, имевшими признаки противоправности либо, по крайней мере, вызывавшими подозрения на сей счет. Так, к суду губернского трибунала был привлечен начальник вятской уездной милиции А. Ф. Трефилов по обвинению в неправильных действиях по службе, выразившихся в проведении в первых числах апреля месяца 1919 г. частичной временной мобилизации лошадей. Действия Трефилова вызвали острую негативную реакцию населения, однако выяснилось, что он руководствовался постановлением Вятского уездного исполкома от 3 апреля 1919 г. (о принятии экстренных мер по эвакуации в связи с приближением белых формирований), ввиду чего следственная комиссия постановила дело прекратить за отсутствием факта преступления [10].

Зарегистрирован также факт признания судом виновным служителя Фемиды: народный судья 2-го участка Вятского уезда А. Ф. Сраевский был предан суду революционного трибунала за незаконный вычет денег из жалования своего секретаря для канцелярских нужд. По приговору Сраевский был лишен политических прав на полгода и обязывался возместить финансовый ущерб, причиненный им сослуживцу [11].

Следующая по количественному критерию группа должностных преступлений (15 от общего количества 42), попавших под рассмотрение ревтрибунала, включала в себя преступления корыстной направленности. Здесь необходимо отметить, что рассматриваемый период, несомненно, оказался временем наименьшего с начала XX в. социального благополучия в стране, что и обусловило совершение особенно большого чис-

ла такого рода правонарушений, когда объектом посягательств выступали различного рода материальные ценности. Для некоторых сотрудников правоохранительных органов, в массе своей происходивших из социальных низов и изначально лишённых многих жизненных благ, испытание властью и широкими полномочиями, границы которых зачастую чётко очерчены не были и понимались индивидуально произвольно, оказалось непосильным. Революционное же правосудие, часто относившееся весьма либерально к иным категориям должностных преступлений, воровство и хищения сотрудников, как правило, карало жестоко.

Так, помощник заведующего железнодорожным отделением ЧК на станции Зуевка Н. Г. Мокеев (32 года, член РКП) в стоворе с весовщиком И. А. Боговаровым (32 года, член РКП) похитили из опечатанного хранилища шерстяной костюм, фракный костюм, суконные черные брюки, цветной жилет, прорезиненный плащ цвета хаки и белую простыню. В приговоре от 28 мая 1919 г. говорилось, «что указанным преступлением обвиняемые дискредитировали Советскую власть, ответственными сотрудниками каковой они являлись, и опозорили имя коммунистической партии, членами которой они состояли» [12]. С учетом того обстоятельства, что подобные действия «в момент напряженной войны и транспортной разрухи в стране со стороны тёмных лиц, проникших в ряды коммунистов и советских работников», заслуживают «самой суровой кары», Мокеев был приговорен к расстрелу (единственный случай применения высшей меры наказания в 1919 г. по факту совершения должностного преступления), Боговаров к 15 годам принудительных общественных работ при Вятском исправительном рабочем доме [13].

Агент ЧК станции Зуевка И. Н. Гаврилов (32 года, ранее член партизанского отряда анархистов-коммунистов) в феврале 1919 г., вскоре после изобличения Мокеева и Боговарова, совершил кражу из шкафа тех же предметов одежды с целью их перепродажи. 28 сентября 1919 г. трибунал Вятки осудил Гаврилова на 15 лет лишения свободы с применением общественно принудительных работ (08.12.1920 срок был сокращен до 3 лет и 4 месяцев) [14].

Привлекает внимание относительно низкий уровень преступлений коррупционной направленности, ставших предметом рассмотрения трибуналом, что в числе прочего может свидетельствовать о высокой степени латентности данного вида правонарушений. Тем не менее наличествующие в общей статистике факты взяточничества и вымогательства являют собою замечательную иллюстрацию нравов и реалий эпохи. Председатель Орловской комиссии по борьбе с дезертирством

П. И. Солоницын (26 лет) за взятку в виде 80 штук яиц и 3 фунтов меда помог мобилизованному на фронт Торопову остаться в Орлове в составе 4-го инженерного батальона. Во время следствия было установлено также, что Солоницын направлял сотрудника комиссариата Зубарева под видом командировки за медом в уезд. По приговору революционного трибунала Солоницын был осужден на 2 года принудительных работ при Вятском исправительном рабочем доме, однако по амнистии был сразу же освобожден [15].

Значительное место в группе корыстных преступлений занимают факты проведения сотрудниками «органов» следственных действий (обысков), в ходе которых у потерпевших изымались деньги, продукты, иные материальные ценности и присваивались сотрудниками, проводившими эти самые действия, а также случаи мнимого проведения следственных действий, фактически направленных на корыстное изъятие ценностей у законных владельцев.

Милиционер Вятской уездной милиции Т. С. Рябов изъясил у гражданина без составления протокола 2 бутылки кумышки. Напиток он забрал к себе на квартиру, а затем передал помощнику начальника милиции М. С. Панишеву. Последний во время обеда распил алкоголь на рабочем месте с начальником милиции 2-го района Вятского уезда П. Ф. Мышкиным. В приговоре было особо отмечено, что, «состоя на службе в советской милиции, они должны были особенно наблюдать за порядком в вверенном им районе, т. к. при приближении врага возникновение каких-либо беспорядков или нарушение распоряжений властей может принести неисправимый вред для Республики, сами нарушили распоряжения властей, отбирая у граждан кумышку и напиваясь допьяна» [16]. Милиционеры были осуждены на 3 года принудительных работ при Вятском исправительном рабочем доме, но на основании постановления ВЦИК от 5 ноября об амнистии были отпущены, и дело было прекращено [17].

Милиционер Бобинской волости А. А. Максунув, узнав, что у рассыльных ревтрибунала [лица, выполняющие функции курьера] есть папиросы, произвел их обыск без каких-либо на то оснований. Обнаружив папиросы, он их присвоил. По приговору суда Максунув был лишен права занимать ответственные должности в течение двух лет, ему также было предложено отправиться на фронт [18].

Наряду с делами такого рода ревтрибуналом рассматривались случаи должностного подлога с целью получения промышленных товаров и продуктов питания для собственного потребления. Сотрудник Сарапульской ЧК Е. Соболев без

ведома своего руководства на бланке ЧК исполнил требование в упродком для выдачи ему «150 папирос, помадки 3 фунта, мыла 5 фунтов, 10 коробок спичек» [19]. По приговору ревтрибунала от 13 января 1920 г. Соболев, накануне исключенный из РКП(б), был осужден на один год принудительных общественных работ при Вятском рабочем исправительном доме. Менее чем через полгода, 18 мая 1920 г., его амнистировали и направили на работы в Комтруд [20].

Под рассмотрение суда попадали также случаи прямого использования служебного положения должностными лицами в целях извлечения материальной выгоды. Субъектами такого рода деяний, совершаемых без признаков насилия либо угрозы его применения, становились, по понятным причинам, работники руководящего звена, наделённые властными полномочиями и имеющие в подчинении сотрудников, в ведении которых находились материальные ценности.

Е. И. Михалаш (42 года, эвакуированный из Перми в Глазов, а затем в Вятку), председатель Вятской губЧК, 26 июля 1919 г. обратился к заведующему хозяйственной частью Б. П. Суровцеву «со словесным требованием выдать из склада необходимые ему вещи», что и было сделано. «Неудовлетворившись полученными вещами в количестве 35 предметов, в начале августа Михалаш снова обратился к заведующему складом М. В. Ничкову, в чем ему не было отказано» [21]. Таким образом, Михалаш, пользуясь своим служебным положением, «без предъявления ордера и предварительной оплаты получил около 200 аршин разной мануфактуры и разные вещи домашнего обихода». Будучи привлеченным к суду, он признал себя виновным, заявив, что крайняя нужда побудила его совершить данное деяние, а уплатить в кассу стоимость вещей, за неимением в тот момент наличных денег, намеревался после получения жалования. В приговоре трибунала от 12 сентября 1919 г. особо отмечалось, что Михалаш «нуждался в вещах и в одежде как пострадавший от белогвардейского нашествия», что и послужило основанием его оправдания судом [22].

Несомненный интерес, несмотря на относительно малочисленность по сравнению с другими материалами (11 из общего количества 42), представляют дела ревтрибунала о преступлениях, совершённых сотрудниками советской милиции и ВЧК против интересов своей службы. Несмотря на культивируемый в сознании последующих поколений образ чекиста, сотрудника советской милиции как образца бескомпромиссного, жертвенного служения своему делу, по крайней мере, в отдельных случаях это было не совсем так. Архив ревтрибунала содержит материалы, свидетельствующие о привлечении сотрудников названных органов к уголовной ответствен-

ности за деяния, которые в более поздний период будут квалифицироваться как измена родине в форме выдачи врагу сведений, составляющих государственную тайну [23]. Примечательно, что в двух из трёх приводимых ниже случаях фигурантам дел удалось уйти от ответственности. Единственное же лицо, признанное решением суда виновным, получило смехотворное по меркам недалёкой уже сталинской эпохи наказание.

Машинистка Вятской губЧК В. И. Кононенко (19 лет, беспартийная), вопреки известным ей правилам, передала по просьбе знакомой записку арестованному. Она также предоставила счетоводу финансового отдела И. В. Отруганьеву сведения о деле жены его квартирного хозяина, которому тот желал оказать любезность. Кроме того, Кононенко, несмотря на неоднократные предупреждения секретаря – члена коллегии ГубЧК, отказывалась ходить на обязательные для машинисток вечерние занятия и подговаривала к этому других машинисток. В приговоре от 4 ноября 1919 г. указывалось, что «такие действия служащих в советских учреждениях, а тем паче в Чрезкомиссии, наводят беспорядок и дезорганизуют работу в учреждениях в тот момент, когда требуется высшая степень напряжения и планомерная работа...» [24]. Отруганьев по суду был оправдан, Кононенко отправлена на месяц в концлагерь [25].

Член Слободской ЧК И. С. Фридрих «состоял в соглашении с местным капиталистом, предупреждая его о реквизициях и конфискациях, помогал укрывать принадлежавшие ему товары» [26]. Дело по решению суда было прекращено «за недостаточностью обвинения» [27].

Отдельные случаи совершения должностными лицами «органов» преступлений против интересов службы без признаков выдачи служебной тайны носят детективно-авантюрный характер. Так, начальник Советской уездной милиции А. А. Сунцов (32 года, беспартийный) явился 2 января 1919 г. в театр в пьяном виде. Задержанный красноармейцами и помещённый под арест, Сунцов 6 января бежал из дома заключения, захватив с собой 1763 рубля «народных денег». Новому аресту Сунцов подвергся лишь 6 июля 1919 г., при предъявлении подложных документов. По приговору революционного трибунала Вятки от 22 августа 1919 г. он был отправлен на один год общественных работ в тыловом ополчении при концлагере, однако уже в ноябре 1919 г. был освобожден по состоянию здоровья [28].

В ряде случаев фигуранты дел привлекались к судебной ответственности за преступно-недобросовестное отношение к служебным обязанностям, а в отдельных случаях и за нарушение этических норм поведения на рабочем месте. По версии председателя Нолинской уездной ЧК,

сотрудник В. Н. Пайвин крайне медленно вел расследование по делу об обвинении гражданина Лапкина в присвоении конфискованных вещей: не произвел обыск в квартире Лапкина, передал свое заключение по делу обвиняемому, что считалось недопустимым. Однако инициированное им дело «развалилось». Юридический отдел Вятской губЧК пришел к выводу, что оно было заведено председателем Нолинской ЧК на почве личных разногласий с Пайвиным. Суд революционного трибунала 12 сентября 1919 г. Пайвина оправдал [29].

Председатель уголовно-следственной комиссии 1-го участка Сарапульского уезда Н. П. Власов (31 год) и его секретарь Е. А. Феликсов (60 лет) отказались от заведения дела на гражданку Евдокимову, распространявшую «ложные контрреволюционные слухи». Власов отпустил обвиняемую и выдал документ для беспрепятственного проезда ее домой в свою волость. По итогам судебного разбирательства Власов был приговорен к двум годам общественно-принудительных работ при Вятском рабочем исправительном доме, Феликсов – к 1,5 годам, но по амнистии они были сразу же освобождены [30].

Е. Е. Королёв, начальник милиции 3-го участка Котельничского уезда, в августе 1918 г., «в бытность свою старшим агентом на ст. Котельнич по охране железной дороги, освободил из дежурной комнаты задержанного китайца, который вез из Петрограда: табак, синку, одеколон и кокаин. На табак и синку у него имелось удостоверение на право покупки... а на остальные ничего не имелось» [31]. Приняв во внимание, что преступление Королёвым было совершено почти годом ранее, следственная комиссия ревтрибунала, вернувшись к этому делу в июне 1919 г., применила к Королеву амнистию 6-го Всероссийского съезда Советов [32].

Председатель железнодорожной ЧК ст. Зуевка Черепанов был обвинен «в диктаторстве по отношению к агентам и в допущении присутствия в кабинете своих знакомых и жены». Следственная комиссия нашла, что «состав преступления не является серьезным и опасным для революции... дело за маловажностью преступления прекратить» [33].

Не избежали сотрудники «органов» и обвинений в преступной халатности, выразившейся в небрежном несении караульной службы. Вместе с тем и в этом случае привлекаемые к ответственности сотрудники либо полностью оправдывались, либо признавались лишь косвенно виновными в произошедшем.

Милиционер-сторож [надзиратель] при арестном помещении 1-го района Вятской городской милиции Я. В. Боровик (51 год) в марте 1919 г. допустил по неосторожности побег двух лиц об-

виняемых в совершении уголовных преступлений. Следствием была доказана невиновность Боровика, на основании чего 26 августа 1919 г. дело за отсутствием состава преступления было прекращено [34]. Во время дежурства младшего милиционера А. С. Домнина (38 лет) при арестном помещении 1-го района Вятской городской милиции был совершен побег арестованного через ватер-клозет. Комиссия для выяснения обстоятельств побега, созданная из представителей ГубЧК, Губ и Гормилиции, пришла к выводу, что Домнин не является прямым виновником побега. Дело в отношении милиционера 14 августа 1919 г. было прекращено [35]. Железнодорожный милиционер станции Вятка П. В. Глухих (32 года) во время дежурства допустил побег арестованного дезертира. При допросе Глухих оправдывал себя тем, что в милиции нет арестного помещения, а дезертир содержался в канцелярии. Дело было также прекращено за отсутствием состава преступления [36].

Таким образом, анализ составов должностных преступлений, рассмотренных Вятским губернским революционным трибуналом в 1918–1919 гг., свидетельствует о том, что в указанный период практика данного судебного органа оказалась достаточно многообразной как по количественным показателям – рассмотрено сорок два дела по обвинению пятидесяти одного лица, так и по качественным – рассматривались дела, связанные с превышением должностных полномочий («неправильные действия по службе»), преступлениями корыстной направленности, а также различного рода правонарушения, направленные против интересов службы. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что к ответственности привлекались все категории сотрудников милиции и органов ЧК – от рядовых работников до руководителей региональных структур. В отсутствие достаточной и единой нормативной базы к уголовной ответственности привлекались сотрудники как за совершение тяжких преступлений, так и виновные в деяниях, находящихся не столько в правовой области, сколько в области нравственно-этической. Последнее в большинстве случаев вытекало из повышенных требований, предъявляемых к членам большевистской партии.

Высокий относительно других выделенных категорий уровень преступлений, связанных с превышением должностных полномочий, обусловлен, как представляется, не столько упомянутым выше отсутствием нормативной базы (объективный фактор), но в гораздо большей степени низким профессиональным и культурным уровнем сотрудников, из которых лишь единицы имели образование выше начального. В меньшей степени здесь имел значение и фактор «революционной эйфории», оправдывающей употребление

любых средств во имя достижения «святых» целей революции (субъективный фактор). В отдельных случаях можно говорить о психической патологии (Ларионов). Наконец, фоном для совершения этой категории правонарушений (и не только этих) часто выступало неумеренное употребление алкогольных напитков, что также в целом ряде случаев являлось причиной обвинения должностных лиц милиции и губЧК.

Что же касается высокого уровня правонарушений корыстной направленности, то он в значительной мере обуславливался низким уровнем материальной обеспеченности сотрудников «органов». Подтверждением этому служит тот факт, что избалованные в этом грехе даже руководители целых подразделений и структур, совершая преступление, преследовали цель не столько обогащения и приобретения для себя избыточного, сколько получения того жизненно необходимого, без чего было трудно обойтись. По крайней мере, это так трактовалось.

Как видно из приведенного в статье материала, борьба с должностными преступлениями велась с переменным успехом. Важно то, что она носила систематический и упорный характер, не позволяя этому социальному злу перейти определенные, губительные для государства и общества, пределы. Вместе с тем ее эффективность нередко снижалась попустительством, излишне мягкими приговорами, особенно в случаях, связанных с недобросовестным исполнением служебных обязанностей и соблюдением воинской (милицейской, чекистской) дисциплины.

Примечания

1. Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 279. Л. 1.
2. Там же. Л. 1об.
3. Там же. Л. 1об.
4. Там же. Л. 34.
5. Там же. Д. 858. Л. 43.
6. Там же. Д. 893. Л. 29.
7. Там же. Л. 52.
8. Там же. Д. 1410. Л. 48.
9. Там же. Д. 777. Л. 37.
10. Там же. Д. 1393. Л. 69.
11. Там же. Д. 1411. Л. 25.
12. Там же. Д. 650. Л. 102.
13. Там же. Л. 102.
14. ГАКО. Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 727. Л. 74.
15. ГАКО. Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 1282. Л. 65.
16. Там же. Д. 1599. Л. 120.
17. Там же. Л. 120.
18. Там же. Д. 1062. Л. 27.
19. Там же. Д. 1279. Л. 1.
20. Там же. Л. 32.
21. Там же. Д. 1260. Л. 1.
22. Там же. Л. 75.
23. См. УК РСФСР, введенный 22 ноября 1926 г. постановлением ВЦИК, с последующими изменениями.
24. ГАКО. Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 933. Л. 48.
25. Там же. Л. 48об.

26. ГАКО. Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 533. Л. 41.
27. Там же. Л. 41.
28. ГАКО. Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 1313. Л. 46.
29. Там же. Д. 1166. Л. 52.
30. Там же. Д. 717. Л. 48.
31. Там же. Д. 963. Л. 62.
32. Там же. Л. 62.
33. Там же. Д. 1439. Л. 57.
34. Там же. Д. 641. Л. 49.
35. Там же. Д. 774. Л. 36.
36. Там же. Л. 61.

УДК 94(470.342)“1919/1920”

Д. Н. Китаев

ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ РАЗВЕРСТКИ В ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ в 1919–1920 гг.

Текст статьи посвящен проблемам становления и функционирования системы реализации продовольственной разверстки в Вятской губернии в 1919–1920 гг.

The article is devoted to the problems of formation and functioning of the system of food requisitioning in the Vyatka province in 1919–1920.

Ключевые слова: продовольственная разверстка, Вятская губерния.

Keywords: food requisitioning, the Vyatka province.

Важнейшей вехой в эволюции продовольственной политики Советской России периода Гражданской войны и «военного коммунизма» явилось введение продразверстки, декретированной СНК и ВЦИК 11 января 1919 г. Продовольственная разверстка представляла собой государственное задание, облеченное во время войны в форму боевого приказа. Этот приказ обязывал производящие губернии заготавливать для государственных нужд установленное количество продуктов (в первую очередь хлеба) по твердой цене к определенному сроку [1].

Наркомат продовольствия спустил на Вятскую губернию хлебофуражную разверстку в размере 13,7 млн пудов [2]. Далее эту цифру губернские власти раскладывали по уездам (8 из 12 уездов были признаны производящими по хлебу и 9 по фуражу) [3], уезды – по волостям, волости – по деревням, а жители деревни на основании произведенного учёта должны были произвести развёрстку по отдельным дворам. Объектом развёрстки являлся общинный коллектив, который становился ответственным в порядке круговой поруки за выполнение продовольственной развёрстки каждым его членом [4].

© Китаев Д. Н., 2012

Выполнение разверстки требовало громадных усилий, сопряженных с целым рядом трудностей; сюда входили: разъяснительная работа с населением о причинах и сущности разверстки, правильный учёт хлеба, его транспортировка и хранение на ссыпных пунктах, погрузка в вагоны и пароходы и пр. Для проведения этих мероприятий необходима была выстроенная система по заготовке продовольствия. Под ней мы понимаем слаженную работу и конструктивное взаимодействие трёх основных элементов: продовольственных органов во главе с губпродкомом, исполкомов Советов различных уровней и продовольственных отрядов, как правило, присланных из голодающих губерний. Отладить взаимодействие внутри этого треугольника означало в значительной степени подобрать ключ к крестьянским амбарам.

Как показал опыт хлебозаготовительной кампании 1918 г., при проведении разверстки ни в коем случае нельзя было рассчитывать на ее добровольность. При этом наиболее организованное сопротивление государственным заготовкам было оказано в тех волостях, где местные власти, т. е. исполкомы Советов, заняли позицию саботирования разверстки. Поэтому одним из важнейших направлений в организации продовольственной кампании 1919–1920 гг. являлось максимальное давление на местные Советы.

В многочисленных постановлениях, посвященных продовольственной разверстке, красной нитью проходит тезис о прямой ответственности за ее выполнение исполнительных комитетов. Эта же мысль содержалась и в телеграмме на места от 20 августа 1919 г. наркома продовольствия А. Д. Цурюпы и наркома внутренних дел Ф. Э. Дзержинского [5], в ряде региональных директивных документов.

Процитируем характерную инструкцию губпродкома по уездам: «Работа продовольственного аппарата должна протекать в форме обязательных предупреждений как волостных исполкомов, так и селенных Советов о тех последствиях, которые будут вытекать из несвоевременного выполнения приказов». Несколько конкретизирует эти последствия приказ Уржумского уездного продкома в октябре 1919 г.: «...как мера демонстративная производится арест, предание суду, отстранение от должности или более репрессивные меры, если это потребует для психологического воздействия на население в интересах выполнения разверстки». Уже вскоре приказ пришлось применять на практике. Как сообщил уржумский продовольственный комиссар Попов, в том же октябре были арестованы председатель Елымбаевского селенного Совета Бияморской волости Ардашев и его секретарь Осипов за упорное нежелание произвести разверстку данного на свое селение наряда [6].

В отличие от остальных хлебодержателей, члены местных Советов несли не коллективную, а персональную ответственность за выполнение личной разверстки [7]. В разосланной в октябре 1919 г. по уездам телеграмме из Вятки читаем: «Предъявляйте требования председателям волостных, селенных Советов немедленно и безоговорочно сдать все продукты, причитающиеся с них по разверстке. Не сдавших немедленно арестовывать и препровождать в губернскую тюрьму до исполнения разверстки [8]». Кроме того, ко дню второй годовщины революции все члены Советов в обязательном порядке должны были сверх разверстки сдать на ссыпные пункты еще по 6 пудов хлеба [9].

Местные Советы попадали в крайне незавидное положение. С одной стороны, огромное давление на них оказывали продовольственные власти, наделенные широкими полномочиями и располагавшие реальной силой, но, с другой стороны, не стоит забывать и о давлении «снизу». Речь идет о том, что Советы, избираемые на местах, безусловно, отражали интересы крестьян данного селения, особенно их зажиточной верхушки, тем более что, как показывают сводки губЧК, бедняки зачастую по разным причинам не проявляли политических амбиций и сами голосовали на выборах за зажиточных односельчан [10].

Реагируя на настроения значительной части крестьянства, местные власти далеко не всегда были покорными проводниками государственной политики. Нередко исполкомы принимали сторону крестьян и выказывали свою полную солидарность с ними. Это хорошо видно из сводок губЧК [11]. Такая солидарность выражалась, например, в том, что ответственные за проведение разверстки должностные лица помогали своим односельчанам укрывать хлеб от продотрядов [12].

Более того, иногда сами депутаты местных Советов, отвечавшие за выполнение заданий «центра», становились во главе крестьянских мятежей, как это произошло в самом конце октября 1919 г. в Байсинской волости Уржумского уезда. В ходе вспыхнувших волнений трехтысячная толпа крестьян во главе с председателем селенных Советов окружила здание уездного ЧК, убив несколько продовольственных работников, в том числе и райинструктора Груздовского [13].

Одних бумажных санкций, пусть даже самых жестких, разумеется, было недостаточно для эффективного контроля над деятельностью низовых властей по проведению разверстки. Чтобы держать руку на пульсе происходивших событий, коллегия губпродкома в сентябре командировала из своего состава по одному представителю в каждый уезд. Так, Афанасьев был направлен в Яранский, Петухов – в Уржумский, Трофимов – в Малмыжский, а Овечкин – в Нолин-

ский уезды. Кроме того, во все волости губпродком также рассылал по одному своему агенту более низкого ранга [14]. Такие волостные инструкторы, как и большинство продовольственных работников того времени, отличались мобильностью и в интересах дела могли периодически перебрасываться из волости в волость [15].

В районы, образованные в мае 1919 г. и объединявшие несколько волостей, направлялись Наркомпродом инструкторы для координации и контроля над деятельностью своих коллег, присылаемых в волости [16]. Кроме того, они должны были вести подготовку продовольственных работников на местах через организацию специальных курсов, лекций и пр. Однако специалисты Наркомпрода не могли занимать продовольственные должности на местах и непосредственно включаться в заготовительную практику. Все они работали под общим руководством губернского инструктора Гаврилова [17].

В 1919–1920 гг. в Вятском уезде под началом районных работали 22, а в Котельничском 29 волостных присланных специалистов по продовольствию. В некоторых уездах, как, например, в Нолинском, подавляющее большинство из них (19 из 21) являлись членами РКП(б). В других случаях их процент не был так внушителен, например, в Котельничском уезде коммунистов насчитывалось только 6 из 29 [18]. Среди инструкторов встречались и исключенные из партии по разным мотивам. Например, в Чепецкой волости Вятского уезда эту должность занимал Я. Фёдоров, выгнанный в свое время из комячейки за пьянство [19].

Районные и волостные инструкторы взаимодействовали не только с исполкомами Советов, но и с продотрядами, развернувшими осенью – зимой 1919–1920 гг. свою деятельность по всей губернии. Масштабы их деятельности впечатляют. В одном только Глазовском уезде на протяжении 1919–1920 гг. зафиксированы 20 продовольственных отрядов. Правда, в менее хлебных местностях их количество было заметно ниже. Например, в Котельничском уезде работало всего два отряда по 25 человек [20].

Помимо присланных извне действовали и сформированные на территории губернии отряды. Уездные продовольственные комитеты наделялись правом самостоятельно формировать таковые. Местные отряды отличались от приезжих более пёстрым социальным составом. Кроме членов профсоюзов рабочих в них участвовали также крестьяне голодающих волостей, причем соотношение численности было не в пользу первых. Так, в Слободском уезде в продотрядах рабочих насчитывалось 30 человек, тогда как крестьян было в два раза больше [21].

Продовольственные отряды, прибывавшие в Вятскую губернию из других регионов страны, в большинстве своем отличались более высокой активностью, нежели местные волисполкомы. Поэтому нередко дублировали функции последних, превращая их в безучастных регистраторов происходивших процессов в деле заготовок. Об этом в августе 1920 г. в ретроспективе упоминал председатель губернского исполнительного комитета П. И. Шиханов [22].

Правда, теневой стороной энергичной деятельности продотрядовцев являлись различного рода злоупотребления по отношению к крестьянскому населению. Конечно, исследователю не составит особого труда отыскать факты, когда продовольственные отряды «убеждали» крестьян не словом, а прикладом. Но вместе с тем нельзя не отметить, что с таковыми проявлениями шла самая серьёзная борьба, с привлечением виновных к суду Ревтрибунала [23].

Важную роль в придании стройности системе заготовок по продразверстке играли партийные кадры. Из их числа осенью были образованы районные боевые продовольственные тройки, носившие временный чрезвычайный характер. Они были призваны минимизировать возникавшие трения между исполкомами, с одной стороны, и продовольственными органами – с другой. Благотворное влияние продовольственных троек на увеличение ссыпки хлеба и усиление работы исполкомов на «продовольственном фронте» было отмечено на Нолинском уездном съезде Советов в ноябре 1919 г. [24]

Партийные работники входили в руководство не только чрезвычайными, но и уже установившимися, организационно оформленными продовольственными органами. Так, все шесть членов коллегии Нолинского упродкома являлись коммунистами, на сто процентов из партийных кадров состояли коллегии упродкомов в Глазовском и Котельничском уездах, в Слободском – на 50% [25].

Самое активное участие вятские и приезжие коммунисты приняли в агитационной работе с населением, проходившей параллельно с хлебозаготовками и являвшейся неотъемлемой частью кампании продразверстки. Агитация отнюдь не воспринималась ответственными за ее выполнение лицами как простое сотрясение воздуха. На эту мысль наводят сетования местных властей по поводу нехватки агитаторов в уездах [26], особенно владевших татарским языком [27]. Агитационно-пропагандистской работой непосредственно руководил ЦК РКП(б), который спускал на места тезисы о текущей продовольственной кампании, содержащие соответствующие идейно-политические установки [28]. Особо подчеркивалось, что агитация не должна носить «просительного характера», так как это не сочета-

лось с требованием выполнения разверстки как боевого задания [29].

Оборотной стороной деятельного участия «партийцев» в проведении разверстки являлся рост негативных настроений крестьян по отношению к коммунистам. На декабрьском заседании губернского Совета по работе в деревне его делегат из Нолинского уезда К. П. Метелёв отмечал, что отношение населения к коммунистам враждебное, так как члены партии выполняют постановления центра по продовольственному вопросу [30]. О невысоком авторитете РКП(б) в деревне в рассматриваемый период говорит тот факт, что, например, в составе волостных Советов Слободского уезда в августе 1919 г. на каждые 50 депутатов приходилось только два партийных [31].

Реализация такой масштабной задачи, как выполнение продразверстки, да еще и в форме боевого задания, требовала единого штаба, распределявшего по мере необходимости наличные средства и ресурсы, координирующего действия всех участников процесса. Такая роль была отведена Губернскому продовольственному совещанию, созданному 3 ноября 1919 г. постановлением коллегии Наркомпрода. О чрезвычайной важности этого органа говорит его состав. В Губернское продовольственное совещание входили председатель губернского исполкома П. И. Шиханов, губернский продовольственный комиссар А. Изюмов и уполномоченный по продовольствию в Вятской губернии, представитель ВЦИК, председатель губпродсовещания Н. Осинский (В. В. Оболенский). Подобной структурой обладали и уездные продовольственные совещания. Председательствовал на них губернский уполномоченный по продовольствию (от президиума губисполкома), членами являлись председатель уездного исполкома, председатель уездного комитета партии и уездный продкомиссар [32]. Таким образом, видно, что с ноября 1919 г. в решении продовольственного вопроса были непосредственно задействованы высшие должностные лица как губернского, так и на уездного уровня.

Придание разверстке статуса первостепенной задачи отразилось в постановлениях и телеграммах продовольственных совещаний, выдержанных в самых жестких тонах и адресованных должностным лицам. Например, агент по реквизициям Сахаров получил 8 февраля 1920 г. из Котельничского упродсовещания телеграмму следующего содержания: «Если в течение 5 дней не представите просимого акта, будете преданы Суду Ревтрибунала как за злостное нерадение к службе [33]».

Важнейшим аспектом функционирования и развития продовольственной системы по реализации разверстки, её узловой проблемой явля-

лось кадровое наполнение. Она имела не только количественное, но и качественное измерение, превращаясь в настоящую головную боль для продовольственных властей.

По этой причине губпроком вынужден был нередко устанавливать сверхурочные работы для своих служащих, причём заведующие отделами сами выбирали привлекаемых к сверхурочным работам сотрудников [34]. Кроме того, продовольственным работникам могли отказывать в отпусках [35]. И. о. заведующего организационно-секретарским отделом М. С. Дрягин в конце августа 1919 г. сетовал на то, что «подавляющее большинство работников неопытные и не специалисты, а скорее ученики... знающих и понимающих свою работу очень незначительное число». Но даже с учётом невысокого качества работников их всё равно не хватало. Тот же Дрягин отмечал, что нехватка служащих в его отделе составляет примерно 40% от требуемого количества [36]. А ведь организационно-секретарский отдел был одним из важнейших в губпродкоме.

Особенно в штатах продовольственных служащих не хватало бухгалтеров и счетоводов. Была даже создана специальная комиссия по учёту и распределению этой категории работников. Так, 16 сентября 1919 г. решением этой комиссии в губпродком было переведено три бухгалтера из губкожа и один из льнобуро [37].

Некоторый свет на одну из причин дефицита бухгалтеров проливает заявление помощника главного бухгалтера губпродкома Ларионова, написанное им в августе 1919 г. В нем он просил освободить его от занимаемой должности в губпродкоме для перехода в другое советское учреждение, где труд оплачивался более высоко. В противном случае, по уверению помощника главного буха, его семью ждет «неминуемый голод, неизбежный при получаемом в губпродкоме жаловании [38]».

Кадровый голод предельно обострился после отъезда в конце лета «уральцев» (эвакуированные жители Уральского региона, которые занимали в Вятской губернии в первой половине 1919 г. многие ответственные посты, в том числе и продовольственные). Об этом прямо говорилось в Котельничском и других упродкомах [39]. В одном из документов губернского продовольственного комитета в связи с отъездом с Опродкоммармом 166 продовольственных работников и мобилизацией в армию ещё 120 работников сложившаяся кадровая ситуация констатировалась следующим образом: «Остаётся только повесить замок на двери губпродкома и уйти [40]».

Дефицит квалифицированных работников не мог не сказаться на их общем качестве, причем эта проблема остро стояла в губернии на всех уровнях, в том числе и на самом высшем. Н. Осин-

ский (ответственное лицо за выполнение продразвёрстки в Вятской губернии) в сентябре 1919 г. в телеграмме из Вятки наркому продовольствия А. Д. Цурюпе сетовал: «Не хватает действительно дельных ответственных работников. Губпродколлегия раздута до 16 человек, но половина из них совершенно не годится» [41]. В других телеграммах в ноябре 1919 г. уже председателю СНК В. И. Ленину Осинский неоднократно и настоятельно требовал посылки ответственных продработников. «Из Тульской губернии ни разу не просил работников, отсюда всё время настаиваю на присылке людей...» [42]

Однако не на высоте положения оказались и некоторые прибывшие с Осинским кадры. Так, курские продовольственники Дутов и Чайков были арестованы губЧК за должностные злоупотребления, а их земляк Алюшин попался на спекуляции привезённой им для товарообмена мануфактурой [43]. Видимо, в силу общегосударственного дефицита толковых продработников все просьбы Осинского оставались гласом вопиющего в пустыне. В конце концов, сам адресант печально констатировал: «Нет ни людей, ни ответа...» [44]

В поисках выхода из сложного положения и губисполком вслед за Осинским обращался в «центр» с просьбой направить в губернию продовольственных работников. В ответном письме из Москвы сообщалось, что там также очень тяжёлая кадровая ситуация и работники присланы быть не могут [45]. Вместо ожидаемых опытных заготовителей Наркомпрод (как уже отмечалось выше) присылал в губернию своих инструкторов с заданием вести подготовку продовольственных кадров на месте [46].

Соответственно, опытные и грамотные продовольственные работники были на вес золота. Интересна в этом смысле дискуссия в октябре 1919 г. в президиуме губисполкома между его членом А. С. Целищевым и председателем П. И. Шихановым о праве губпродкома переводить таковых из одного уезда в другой без согласования с уездными исполкомами. При этом оба оппонента исходили из исключительной важности продовольственников в ряду советских служащих.

Целищев полагал, что уездные руководители сами должны выдвигать продкомиссаров, так как своих кандидатов исполком будет лучше поддерживать в работе. Шиханов возражал в том смысле, что вся работа упродкомов должна вестись с точки зрения общегосударственных интересов, а именно губпродкому видна работа уездных продовольственных комиссаров (в силу их подотчётности) и известно продовольственное положение уездов. Именно поэтому губпродком должен иметь право в соответствии с этими данными перемещать ценных работников туда, где они более всего нужны [47].

Способом некоторого смягчения кадровой проблемы являлось предоставление отсрочки от мобилизации в действующую армию тому или иному служащему «как необходимому продовольственному работнику». Подобной чести удостоился, например, помощник Котельничского продовольственного комиссара Виноградов [48]. Понятно, что подобными полумерами проблема решится не могла и она оставалась острой в течение всего 1919/1920 операционного года.

Но, несмотря на организационно-технические трудности, кадровые проблемы, отсутствие опыта и порожденные этими обстоятельствами ошибки в проведении развёрстки, эффективность деятельности продовольственной системы заслуживает положительной оценки. Поручкой тому служат высокие (97%) итоговые показатели выполнения задания по развёрстке на 1919–1920 гг. [49]

Примечания

1. Декреты советской власти. М., 1968. Т. 4. С. 293–294.
2. Давыдов М. И. Борьба за хлеб: продовольственная политика коммунистической партии и Советского правительства. М., 1971. С. 146.
3. Деревенский коммунист. 1919. № 18 (1 февр.) С. 3.
4. ГАКО. Ф. 875. Оп. 1. Д. 11. Л. 161.
5. ГАСПИ КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 29.
6. ГАСПИ КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 182. Л. 11.
7. ГАКО. Ф. 881. Оп. 1. Д. 13. Л. 59об.
8. ГАКО. Ф. 881. Оп. 1. Д. 13. Л. 50об.
9. ГАСПИ КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 61. Л. 175.
10. ГАСПИ КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 142. Л. 31.
11. ГАСПИ КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 142. Л. 266.
12. Деревенский коммунист. 1919. № 232 (12 окт.). С. 2.
13. ГАСПИ КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 142. Л. 264.
14. ГАКО. Ф. 737. Оп. 1. Д. 829. Л. 26.
15. ГАСПИ КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 61. Л. 4.
16. ГАКО. Ф. 737. Оп. 1. Д. 829. Л. 26.
17. Деревенский коммунист. 1919. 01 ноября. С. 2.
18. Вятская правда. 1920. № 24 (29 мая). С. 2–3.
19. Деревенский коммунист. 1919. № 207 (13 сент.). С. 2.
20. Вятская правда. 1920. № 24 (29 мая). С. 2–3.
21. Там же.
22. Вятская правда. 1920. № 95 (22 авг.). С. 2.
23. Вятская правда. 1920. № 65 (07 июля). С. 4.
24. ГАКО. Ф. 886. Оп. 2. Д. 1. Л. 139–140.
25. Вятская правда. 1920. № 24 (29 мая). С. 2–3.
26. ГАСПИ КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 61. Л. 51–52.
27. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД М., 2000. Т. 1. С. 186.
28. Давыдов М. И. Указ. соч. С. 156.
29. Вятская правда 1920. № 37 (14 июня). С. 3.
30. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 160. Л. 20.
31. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД Т. 1. С. 186.
32. ГАКО. Ф. 875. Оп. 1. Д. 56. Л. 301.
33. ГАСПИ КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 258. Л. 9.
34. ГАКО. Ф. 737. Оп. 1. Д. 548. Л. 13.
35. ГАКО. Ф. 875. Оп. 1. Д. 56. Л. 224.
36. ГАКО. Ф. 875. Оп. 1. Д. 56. Л. 16–17.

37. ГАКО. Ф. 875. Оп. 1. Д. 56. Л. 215об.
38. ГАКО. Ф. 737. Оп. 1. Д. 829. Л. 11об.
39. ГАСПИ КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 61. Л. 51–52, 81.
40. ГАКО. Ф. 875. Оп. 1. Д. 56. Л. 181.
41. ГАКО. Ф. 737. Оп. 1. Д. 548. Л. 14.
42. ГАКО. Ф. 875. Оп. 1. Д. 14. Л. 18.
43. ГАКО. Ф. 737. Оп. 1. Д. 531. Л. 24.
44. ГАКО. Ф. 875. Оп. 1. Д. 14. Л. 18.
45. ГАКО. Ф. 875. Оп. 1. Д. 56. Л. 215об.
46. Деревенский коммунист. 1919. № 250 (3 ноябрь). С. 3–4.
47. ГАКО. Ф. 875. Оп. 1. Д. 56. Л. 282.
48. ГАСПИ КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 204. Л. 34.
49. Вятская правда. 1920. № 24 (29 мая). С. 2–3.

УДК 338(091)(470.342)

С. В. Березин

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ И ЛИЧНОМ СОСТАВЕ ОРГАНОВ ВЯТСКОГО ГУБЕРНСКОГО ФИНАНСОВОГО УПРАВЛЕНИЯ В 1921–1922 гг.*

Статья посвящена проблемам реструктуризации финансовых органов Вятской губернии и привлечения на службу в них квалифицированных сотрудников в рамках проведения общегосударственной финансовой реформы. Характеризуется положение, в котором оказались финансовые ведомства губернии к концу Гражданской войны, и их дальнейшая эволюция. Дается анализ степени профессиональной подготовки сотрудников губернских и уездных финансовых учреждений.

The article is devoted to the problems of restructuring of provincial financial authorities and attracting qualified specialists in the framework of the national financial reform. The author describes the conditions in which the financial departments of the province functioned at the end of the Civil War, and traces their evolution. The paper also analyzes the degree of training of provincial and district financial institutions' personnel.

Ключевые слова: новая экономическая политика (нэп), Губернский финансовый отдел (губфо), финансовая реформа, реструктуризация финансового управления.

Keywords: New Economic Policy (NEP), Provincial Finance Department (Gubfo) financial reform, restructuring of financial management.

Введение новой экономической политики поставило перед руководством финансовых управлений на всех уровнях целый ряд проблем и вопросов. В одночасье в стране была введена новая налоговая система – явление, с которым советская власть в предшествующие годы почти

не сталкивалась. За три года экстренной, чрезвычайной политики военного коммунизма страна отвыкла от самого понятия «финансы» и всего, что с ним было связано: цены и зарплаты, пенсии и налоги, страхование и кредитование. Теперь же были задействованы: тарифная сетка заработной платы и социальных выплат, система льгот и премий. В стране, взбудораженной и опустошенной годами войны и потрясений, с чистого листа восстанавливалась упорядоченная финансовая жизнь. Понятие «твёрдые деньги», постепенно сошедшее на нет после начала мировой войны, снова входило в оборот.

Столь масштабные перемены в финансово-экономической жизни страны потребовали масштабной перестройки финансовых органов на местах. Одним из первых мероприятий такого рода стала реорганизация Вятского губернского казначейства. Существовавшее ещё до установления советской власти и перестроенное в 1917 г. согласно потребности распределительной системы, оно явно не справлялось с задачами, поставленными новой экономической политикой [1]. По сути, это учреждение несло целый ряд черт учреждений, существовавших при Временном правительстве, то есть изначально казначейство создавалось для выполнения качественно иных задач. Его основными функциями на том этапе были хранение и распределение губернского бюджета, а также кратковременное финансовое планирование [2].

К 1921 г. некоторые из этих функций были переданы финансовым отделам городских и районных исполкомов, созданных в 1918 г. [3] Те же функции на подведомственных им территориях поручались губернским и уездным финансовым отделам (губфо и уфо). Хранение и обмен денежных знаков, а также их перечисление организациям и частным лицам – все это должно было принять на себя Вятское отделение Госбанка РСФСР, созданное осенью 1921 и открывшееся для населения в феврале 1922 г. [4] За счёт реорганизации вятского казначейства была внесена большая ясность в дело распределения финансов [5]. Ряд функций казначейства (в частности, планирование и составление бюджета) были перераспределены среди других учреждений, таких как уфо и Губплан. В результате местная власть получила более действенный механизм, способный в полной мере заниматься различными отраслями финансовой жизни.

В связи с относительной экономической отсталостью Вятской губернии большая часть новшеств в экономической жизни страны проявлялась на её территории с некоторым отставанием. Так, например, отмена пайковой системы распределения и снабжения и полный переход на денежное довольствие произошли в Вятке спустя

* Статья подготовлена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг.

более чем год после начала реализации этой меры в целом по стране [6]. В связи с затягиванием подготовительного этапа некоторые последующие мероприятия реализовывались, что называется, по ходу событий.

Так, в начале 1922 г. происходит реорганизация вятского отделения Губплана. Явление, которое скорее можно отнести к подготовительному этапу (в масштабах страны состоявшемуся в 1921 г.), чем к непосредственному осуществлению реформирования финансово-экономического аппарата. В феврале 1922 г. финотдел Губисполкома принимает решение о введении в отделение Губплана финансовой комиссии в составе трёх специалистов из штата финотдела и одного представителя Госбанка [7]. Данная мера должна была способствовать лучшему планированию ценовой обстановки в губернии и регулированию оплаты труда, а также прогнозированию основных результатов реформы бюджета.

В первых числах января 1922 г. также начинается работа по созданию приходно-расходной кассы при губфо. 3 января 1922 г. по данному ведомству был отдан приказ: «Ввиду грядущей реорганизации губфинорганов и создания в составе Губфинотдела приходно-расходной кассы назначить завкассой т. Латкина М. М. и поручить ему немедленно приступить к созданию таковой кассы» [8]. В феврале 1922 г. при кассе создаётся комиссия по обревизованию ценностей, поступающих и хранящихся в губфо. В эту комиссию вошли завгубфинотделом, представитель Губисполкома и представитель Рабоче-крестьянской инспекции [9]. Создание такой структурной единицы, как приходно-расходная касса, предполагало скорый отказ от системы распределения и переход на формирование бюджета за счёт финансовых поступлений с мест.

В связи с вышеперечисленными нововведениями в губфо также была введена должность завналогов [10]. Стоит сказать, что губерния перешла на взимание налогов в денежном эквиваленте (в первую очередь это касается трудгужповинности и продналога) только спустя 8 месяцев после введения этой должности. Всё это время завналогов, которым 8 января 1922 г. был назначен фининспектор 3-го участка города Вятки Л. И. Софийский, тщательно изучал складывающуюся в губернии налоговую обстановку. На этот период при губфо был оставлен пост управляющего госдоходами, в ведении которого оставались теперь только натуральные налоги [11].

На протяжении всего временного отрезка 1921 г. – первых месяцев 1922 г. в ответах на запросы о помехах в реорганизации и работе различных финансовых ведомств фигурировала одна и та же кадровая проблема. Так, в феврале 1922 г., в ответе на запрос НКФ о нуждах страхового

подотдела при губфо, говорилось: «Подотдел испытывает крайнюю нужду в работниках... Введение новых ставок невозможно ввиду малого количества пайков» [12]. За месяц до этого на подобный запрос управляющий приходно-расходной кассы при Губфо ответил: «...Функционированию кассы препятствует недостаток сотрудников. Число сотрудников по штатному расписанию считаю недостаточным» [13].

Ситуация нехватки рабочих кадров ещё долгое время мешала осуществлению планов по оздоровлению финансовой системы. Стоит отметить, что речь идёт не столько о недостатке подготовленных, опытных сотрудников, сколько о нехватке сотрудников вообще. В некоторых случаях созданию надлежащего для работы штата мешал недостаток средств на выплату зарплат сотрудникам и обеспечение их всем необходимым. Зачастую число сотрудников было чётко регламентировано штатным расписанием, и введение новых ставок было невозможно по этой причине.

Порой и без того скудные штаты приходилось сокращать. «В связи с невозможностью содержать штат из 26 сотрудников приказываю: уволить со службы 2 (двух) делопроизводителей, 1 (одну) переписчицу, 2 (двух) сотрудников караула», – распорядился заведующий сметным отделом губфо Плёткин в марте 1922 г. [14]

Осенью 1922 г. СТО были утверждены новые штатные расписания для финансовых органов, составленные сообразно нуждам на местах. Этот шаг стал возможен только после того, как в стране начался переход к твёрдой валюте, в общих чертах проведена налоговая реформа, введено страхование, а пайковая система окончательно заменена заработной платой. Иными словами, была создана база для нормального социального обеспечения служащих в финансовых ведомствах.

18 октября 1922 г. было издано «Положение о губернских и уездных финансовых органах», реализация которого позволила создать стройный управленческий аппарат, почти без изменений существовавший до конца 1920-х. В этом документе, занимающем целый том канцелярского дела, прописывалось штатное расписание, а также иерархия всех подведомственных НКФ органов – уфо, губфо, кассы НКФ и банковских контор [15].

С октября 1922 г. минимально необходимым для работы главного финансового органа губернии – губфо был установлен штат в 401 человек. При разбивке по отделам штат выглядел следующим образом:

Заведующий – 1 чел.
Секретариат – 9 чел.
Бухгалтерия – 7 чел.
Отдел кредитования – 19 чел.

Управление делами – 35 чел.
Управление сметно-расчётной частью – 90 чел.
Подотдел прямых налогов – 69 чел.
Подотдел акцизов – 67 чел.
Подотдел косвенных налогов – 32 чел.
Приходно-расходная касса – 29 чел.
Подотдел страхования – 16 чел. [16]

Для 10 уездных финансовых отделов было предусмотрено расписание из 41 сотрудников в каждом [17]. Следовательно, весь штат финансовых отделов губернии составлял 811 человек. Это число сотрудников считалось минимально необходимым для полноценного функционирования финансовой системы региона. Нужно сказать, что изначально к моменту реорганизации губернского финансового управления его штат составлял 335 человек [18]. Новая экономическая политика с её богатой финансовой жизнью потребовала увеличить штаты сотрудников всех вместе взятых финансовых органов губернии почти в два с половиной раза.

«Положение о губернских и уездных финансовых органах» подробно регламентировало всю систему иерархии в структуре финансовых органов и расписывало схему деятельности этих учреждений. Не считая нужным давать её в подробностях, остановимся на вопросе квалификации ответственных работников.

Проблема нехватки в регионе квалифицированных кадров на протяжении первых лет советской власти неоднократно поднималась в различных исследованиях в связи с различными аспектами строительства советского управленческого аппарата [19]. Поэтому ограничимся лишь проблемой уровня профессиональной подготовки руководителей финансовых органов Вятской губернии в первые годы нэпа.

Экономическая сфера жизни региона на этом этапе может по праву считаться одной из самых сложных и запутанных. Дело осложнилось также тем обстоятельством, что вызванный годами войны и разрухи и царивший в денежном хозяйстве региона полнейший хаос требовал для своего преодоления не только огромных усилий, но и определенного промежутка времени. Так, например, даже летом 1922 г. начальник сметно-расчётного подотдела губфо В. Г. Домрачев констатировал: «Принимая во внимание смену тарифов, в совокупности с непрерывным ростом цен и следовавшими за ними деминациями, мы вынуждены переходить к счислению то в довоенных рублях, то в червонцах» [20]. О путанице в денежном хозяйстве говорит хотя бы список дензнаков, находившихся в кассе Вятского уфо при его ликвидации в феврале 1922 г. Среди них были серебряные, золотые, медные монеты и бумажные червонцы, марки (ходившие наравне с монетой), суррогатные деньги, совзнаки и правитель-

ственные обязательства [21]. Для ведения расчётов в различных денежных единицах и сведения их курсов требовались колоссальный опыт и навыки.

Чтобы разобраться со столь сложными расчётами, нужен был целый штат специалистов, имеющих высокую квалификацию. В Вятке профессиональных экономистов было немного и до войны, в первые же годы советской власти старый управленческий аппарат во многом был утрачен. Ряд специалистов и служащих были мобилизованы на фронт, некоторые работники выехали из губернии [22]. Новых специалистов взять было неоткуда, в Вятке не было даже необходимых для их подготовки учебных заведений. В связи с этим отделы страхования и налогообложения неоднократно рассылали по уездам циркуляры: «Сделать всё возможное для привлечения к работе в качестве агентов и инспекторов специалистов, имевших опыт финансовой работы при царском режиме» [23]. Подобная практика была применима и к высшим в регионе руководящим должностям. Практически вся верхушка Вятского губфо обладала определенным опытом работы в области финансов. Многие руководители имели стаж работы на нижних и средних управленческих должностях ещё в дореволюционный период.

Наиболее полное представление о степени подготовленности кадров даёт открывшийся в Вятке 26 июля 1922 г. губернский съезд финансовых работников.

На съезде среди прочих присутствовали 32 представителя правлений губернского и уездных финансовых отделов, имевших достаточно высокие должностные разряды (от 14-го до 16-го по тарифной сетке) [24].

В соответствии с данными анкет, которые в обязательном порядке заполняли все участники съезда, средний возраст управленцев составлял 35–40 лет (в общем возрастном диапазоне от 22 до 70 лет). Все, кроме самых молодых – зав. Котельничского уфо Н. Н. Шубина и исполняющего обязанности зав. Орловского уфо Крюкова, которым было всего по 22 года, начинали службу в должностях письмоводителей, столоначальников, агентов и инспекторов ещё при царском режиме. Опыт работы компенсировался недостаток образования. Только два участника съезда (старший инспектор финансов Уржумского уезда В. А. Синцяров и старший инспектор финансов Малмыжского уезда М. И. Столбов) имели высшее образование. Глава сметно-бухгалтерского управления губернии, выходец из простой рабочей семьи К. И. Лалетин окончил бухгалтерские курсы при Санкт-Петербургском университете. У прочих 15 участников съезда было среднее образование (земская школа или гимна-

зия), 10 человек имели образование в рамках 3–5 классов земской школы, двое не имели начального образования, но обучались на специальных курсах при учреждении.

В отношении Вятской губернии не находят своего подтверждения распространённый стереотип о партийце-управленце, занимавшем свой пост исключительно в силу своего членства в РКП(б). Только трое – Лалетин, Шубин и зав Слободским уфо Е. С. Леонтьев – были членами партии (все – с 1919 г.) [25].

Ситуация же с рядовыми служащими финансовых органов власти была ещё более плачевной. Там, где не удавалось привлечь старые, опытные кадры на службу, приходилось брать людей с 1–2 классами образования, а то и без образования вообще. Подобная картина как следствие низкого образовательного уровня населения губернии в целом наблюдалась в уездах повсеместно [26]. Из общей численности сотрудников уездных финансовых ведомств примерно 2/5 не имели полноценного специального образования [27].

Картина тотального недостатка образования среди финансовых работников губернии стала немного меняться в лучшую сторону, пожалуй, только к 1925 г., когда внеочередной съезд финработников подтвердил, что не менее трёх четвертей персонала (против указанных 40% в 1922 г.) прошли обучение на соответствующих курсах [28]. Однако и этот уровень профессиональной грамотности оставался пока далеким от идеала.

Примечания

1. ГАКО. Ф. Р. 381. Оп. 1 Д. 17 Л. 60.
2. ГАКО. Ф. Р. 381. Оп. 1 Д. 17 Л. 2.
3. ГАКО. Ф. Р. 342. Оп. 1 Д. 49.
4. Загвоздкин Г. Г. Под знаком серпа и молота // Энциклопедия земли вятской. Т. 4. Киров, 1995. С. 363.
5. Осенью 1922 г. Вятское губернское казначейство было ликвидировано ввиду дублирования ряда его функций другими учреждениями.
6. Бакулин В. И. Трудный переход от войны к миру: Вятская губерния в 1920–1921 годах. Ч. 2. Киров, 2009. С. 68.
7. ГАКО. Ф. Р. 340. Оп. 1 Д. 256. Л. 10–11.
8. ГАКО. Ф. Р. 340. Оп. 1 Д. 257. Л. 1.
9. ГАКО. Ф. Р. 340. Оп. 1 Д. 257. Л. 42.
10. ГАКО. Ф. Р. 340. Оп. 1 Д. 257. Л. 3.
11. Там же.
12. ГАКО. Ф. Р. 340. Оп. 1 Д. 260. Л. 90.
13. ГАКО. Ф. Р. 340. Оп. 1 Д. 258. Л. 18.
14. ГАКО. Ф. Р. 340. Оп. 1 Д. 258. Л. 22.
15. ГАКО. Ф. Р. 340. Оп. 1 Д. 272. Л. 1.
16. ГАКО. Ф. Р. 340. Оп. 1 Д. 272. Л. 8–10.
17. ГАКО. Ф. Р. 340. Оп. 1 Д. 272. Л. 10.
18. ГАКО. Ф. Р. 340. Оп. 1 Д. 272. Л. 8–10.
19. См.: Бакулин В. И. Указ. соч. Ч. 2; Он же. Управление Вятской губернией в 1920 году: организационный и кадровый аспекты // Вестник ВятГГУ. 2008. № 4(1)
20. ГАКО. Ф. Р. 340. Оп. 1 Д. 272. Л. 11.
21. ГАКО. Ф. Р. 340. Оп. 1 Д. 260. Л. 15.

22. ГАКО. Ф. Р. 340. Оп. 1 Д. 261. Л. 5
23. ГАКО. Ф. Р. 340. Оп. 1 Д. 261. Л. 8.
24. ГАКО. Ф. Р. 340. Оп. 1 Д. 260. Л. 8; ГАКО. Ф. Р. 340. Оп. 1 Д. 257. Л. 87.
25. ГАКО. Ф. Р. 340. Оп. 1 Д. 260. Л. 48–80.
26. Там же. Л. 48–50.
27. ГАКО. Ф. Р. 340. Оп. 1 Д. 255. Л. 107.
28. Там же.

УДК 342(470):61

С. Н. Русаков

ЭВОЛЮЦИЯ СОВЕТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО РАБОЧЕГО КЛАССА в 1930-е гг.

В статье освещено развитие советского законодательства в области здравоохранения СССР в 1930-е гг. Показана эволюция правовой базы системы медицинского обслуживания промышленных рабочих, выразившаяся в ее практической реализации в указанный период.

The development of legislation in the sphere of the USSR public health service in the 1930s is highlighted in this article. The author describes the evolution of legal base in the system of health service of industrial workers which was put into practice in this period.

Ключевые слова: законодательство, система здравоохранения, государственная политика, прогресс.

Keywords: legislation, health service, state policy, progress.

К началу третьей пятилетки в СССР уже сложилась определенная система охраны здоровья промышленных рабочих. Её основу составляли пункты первой помощи на промышленных предприятиях, к каждому из которых прикреплялись рабочие и служащие в количестве 1000 человек и выше. Местным органам здравоохранения, в соответствии с утвержденным еще 1 декабря 1926 г. Народным комиссариатом здравоохранения РСФСР положением, предписывалось, чтобы функциональные обязанности по медицинскому обслуживанию работников предприятия исполнялись врачом [1].

В дальнейшем развитии системы медицинского обслуживания работников промышленного производства историческая роль принадлежит постановлению ЦК ВКП(б) «О медицинском обслуживании рабочих и крестьян» от 18 декабря 1929 г. Центральный комитет обязывал органы здравоохранения усилить работу по преимущественному квалифицированному лечебно-профилактическому обслуживанию рабочих

© Русаков С. Н., 2012

промышленных предприятий, выделяя основные индустриальные районы страны, с преобладанием в них объектов горной, угольной, металлургической и других ведущих отраслей промышленности. Эта установка была конкретизирована приказом Наркомздрава РСФСР, изданным в феврале 1931 г., в соответствии с которым к предприятию с числом рабочих и служащих 200 и более прикреплялись врачи ближайших амбулаторий и больниц [2], а с мая того же года Наркомат дополнительно предписал органам здравоохранения организовать медицинские пункты непосредственно на предприятиях с числом 250 рабочих [3].

9 сентября 1931 г. вышло постановление Совнаркома СССР о создании в местных органах здравоохранения специальной санитарной инспекции [4]. Появление этого постановления было связано с антисанитарным во многих случаях состоянием мест проживания работников и членов их семей. 23 декабря 1933 г. оно было дополнено решением постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР об организации государственной санитарной инспекции [5].

По мере развития промышленности врачебные здравпункты, амбулатории и поликлиники, функционировавшие на предприятиях, стали перерастать в комплексные лечебно-профилактические учреждения при заводах, где позднее они получили название медико-санитарных частей. Первые комплексные медико-санитарные учреждения, так называемые медико-санитарные цехи, были организованы на некоторых предприятиях Москвы, Урала, Украины в 1933–1934 гг. [6]

В основу работы по перестройке деятельности органов здравоохранения был положен принцип приближения учреждений здравоохранения к промышленным предприятиям, к рабочим местам. Большое внимание уделялось Наркомздравом СССР усилению профилактики заболеваемости и укреплению здоровья как рабочих и служащих, так и иных слоев населения. В подобном ключе Совнарком предписал в октябре 1936 г. производить медицинские осмотры рабочих и служащих за счет предприятия [7]. В числе документов, регламентирующих меры борьбы с заболеваниями, следует упомянуть и постановление СНК СССР от 9 августа 1937 г. «Об отпусках для санаторно-курортного лечения».

Его основные положения сводились к следующему.

1. Трудоспособным рабочим и служащим отпуск для санаторно-курортного лечения с выплатой пособия за счет средств государственного социального страхования предоставлялся при условии, что необходимость санаторно-курортного лечения была установлена санаторно-курортной комиссией, а путевка выдана бесплатно фабрич-

но-заводским или местным комитетом профессионального союза.

2. Указанный отпуск давался на время, необходимое для санаторно-курортного лечения и для проезда к месту лечения и обратно, с зачетом очередного и всех дополнительных оплачиваемых отпусков.

3. Нетрудоспособным рабочим и служащим, которые согласно заключению санаторно-курортной комиссии направлялись в санатории и на курорты в период, когда они уже имели больничный листок по болезни, требующей санаторно-курортного лечения, отпуск для этого лечения и время проезда предоставлялись с выплатой пособия независимо от того, за чей счет была получена путевка, и без зачета очередного и дополнительных отпусков. В тех случаях, когда у нетрудоспособного рабочего или служащего общая продолжительность очередного и дополнительных отпусков превышала один месяц, часть отпускного времени, превышающая один месяц, засчитывалась в срок отпуска для санаторно-курортного лечения [8].

Безусловно, этот документ имел огромное значение в борьбе с заболеваниями рабочих и служащих промышленных предприятий, кроме того, достаточно определенный по своей сути, он позволил многим гражданам укрепить свое здоровье на курортах и санаториях страны.

К концу второй пятилетки в деле развития системы здравоохранения на промышленных предприятиях можно выделить некоторые уже в основном выполненные задачи медицинского обслуживания рабочих. Во-первых, вошло в систему оказание первой помощи и поддержание санитарного минимума работниками здравпунктов. Во-вторых, проводились мероприятия по снижению травматизма, проводимые медицинским персоналом. В-третьих, осуществлялось повышение квалификационного уровня самих медиков [9].

Принципиальное значение в плане рассматриваемой проблемы имел приказ Народного комиссариата Здравоохранения СССР от 4 августа 1938 г. за № 748/1017 «Об улучшении работы учреждений внебольничной помощи и мерах по снижению заболеваемости», обозначивший начало перехода к системе участково-территориального медицинского обслуживания населения страны. Отныне каждая поликлиника, амбулатория, диспансеры прикреплялись к стационарному учреждению, больнице, в которой госпитализировалось местное население. На основании этого приказа все лечебные учреждения были обязаны оказывать медицинскую помощь рабочим и служащим по месту работы независимо от их места жительства. По мере развития промышленности число здравпунктов продолжало расти: в 1937 г. в СССР их было 7298, а в 1940 г. – уже 8261.

Кроме здравпунктов на промышленных предприятиях с числом рабочих, равным или превышающим 5000 человек, создавались фабрично-заводские амбулатории, а на предприятиях с 10 000 рабочих и более – закрытые поликлиники [10]. На здравпункты, помимо оказания неотложной медицинской помощи при травмах, внезапных заболеваниях и профессиональных отравлениях, возлагались более широкие задачи по проведению санитарно-гигиенических и лечебно-профилактических мероприятий, направленные на оздоровление условий труда и на снижение заболеваемости. Амбулатории и поликлиники на промышленных предприятиях оказывали рабочим и служащим обслуживаемого предприятия специализированную лечебную помощь и одновременно с учетом специфических условий данного производства осуществляли весь комплекс профилактической работы [11].

Грандиозный размах модернизационных процессов диктовал необходимость совершенствования органов управления системой здравоохранения. 3 октября 1938 г. вышло постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР «О положении и структуре Народного Комиссариата Здравоохранения Союза ССР». В нем утверждалась структура центрального аппарата Наркомздрава, а также лечебно-санитарного управления Кремля, действующего на основе особого положения. При этом в непосредственное подчинение Народного комиссариата здравоохранения СССР передавались медицинские учебные учреждения, управление курортами, санаториями и т. д., которые ранее были в подчинении Наркомтруда СССР.

В соответствии с положением Народный комиссариат здравоохранения СССР выполнял следующие задачи: организовывал лечебную помощь населению на началах её общедоступности и бесплатности; координировал деятельность учреждений, занимающихся профилактикой заболеваний; непосредственно управлял лечебными учреждениями союзного подчинения; через народные комиссариаты здравоохранения союзных республик осуществлял общее руководство больницами, поликлиниками, амбулаториями, диспансерами, здравпунктами на предприятиях, сельскими врачебными участками; проводил мероприятия по систематическому улучшению лечебного дела; внедрял наиболее эффективные методы распознавания, лечения и предупреждения болезней на основе достижений медицинской науки и техники; и т. д. [12]

Важным направлением социальной политики государства оставалась охрана материнства и детства. Советским правительством ещё в первые послеоктябрьские дни (декрет от 1 декабря 1917 г. «О восьмичасовом рабочем дне») были

разработаны и закреплены мероприятия по охране труда и здоровья рабочих, в том числе женщин и подростков, где запрещалось использование труда лиц женского и мужского пола в возрасте до 16 лет в ночное время; к подземным и сверхурочным работам не допускались женщины, а также подростки, не достигшие возраста 18 лет [13].

В период 3-й пятилетки внимание правительства СССР к этой проблеме нашло свое отражение в постановлении СНК СССР от 1 ноября 1938 г. «Об изменении списка особо тяжелых и вредных работ и профессий, к которым не допускаются женщины». Теперь он был расширен за счет таких профессий:

- а) паровозные машинисты,
- б) помощники паровозных машинистов,
- в) паровозные кочегары,
- г) слесари текущего ремонта паровозов [14].

Помимо особо вредных работ и профессий, связанных с железнодорожным транспортом, советское правительство в сентябре 1940 г. вводит в список профессий с вредными условиями труда и специалистов занятых в электротехнической промышленности. В данном случае для рабочих, занятых в прокатке тонколистовой электротехнической стали, устанавливался шестичасовой рабочий день [15].

В связи с тем, что в рассматриваемый период в лесной промышленности возникли проблемы с набором рабочей силы на лесозаготовки, союзные власти приняли меры к повышению уровня социальной защищенности этой категории трудящихся. Решение по данному вопросу было оформлено постановлением правительства СССР от 15 ноября 1938 г. «Об улучшении работы лесозаготовительной промышленности СССР».

В этом указе местным органам власти предлагалось организовать в леспромхозах и механизированных лесопунктах фельдшерские пункты для трудовых коллективов, насчитывавших в своем составе от 200 до 400 постоянных работников. Врачебные пункты – от 400 до 500 человек и свыше 500 человек – больнично-амбулаторные пункты [16], а 23 декабря 1938 г. Наркомздрав СССР обязал соответствующие инстанции оказывать медицинскую помощь рабочим лесосплава на территории СССР во всех тех местах, где имеется медицинская сеть, обслуживающая работников водного транспорта. В случае отсутствия медицинских учреждений водного транспорта работники лесосплава должны были получать медицинскую помощь в местном здравпункте, поликлинике или в больнице [17].

Реализация указанных мер ложилась на плечи местных органов здравоохранения и социальной защиты, что отразилось, например, в содержании отчета заведующего горздравотделом

г. Кирова за 1938 г. М. Городилова. Он отмечал, что наблюдается рост культуры медицинского обслуживания не только рабочих и служащих, но и окружающего населения, проживающего в районе больниц и поликлиник. Положительный эффект достигается путем расширения зданий поликлиник, а вместе с этим – использованием в работе нового медицинского оборудования и оформлением специализированных врачебных кабинетов [18].

Если качество медицинской помощи, оказываемой медицинскими учреждениями населению, в рассматриваемый период постепенно росло, то санитарно-эпидемическое состояние в жилом секторе города далеко не всегда соответствовало санитарным нормам.

С учетом этого обстоятельства местные власти начали привлекать горздравотделы и санитарные инспекции к мероприятиям по устранению антисанитарного состояния как городских улиц и дворов, так и общежитий рабочих промышленных предприятий. Ещё в марте 1938 г. появилось постановление президиума Кировского городского Совета рабочих и крестьянских депутатов «О санитарном состоянии города и общежитий», где говорилось об ответственности директоров хозяйственных организаций за места проживания работников предприятий [19].

В последующие годы перед региональными органами здравоохранения продолжала стоять задача оказания первой помощи и поддержания санитарного минимума на промышленных предприятиях. Приказом Кировского облздравотдела от 5 марта 1941 г. в обязанность всем медицинским работникам вменялось широко проводить санитарную просветительскую работу среди рабочих и служащих на промышленных предприятиях, в общежитиях, в лечебных учреждениях. Каждый медицинский работник должен был прочитать не менее одной лекции или провести хотя бы одну беседу в неделю на радио, в Доме культуры, избе-читальне, выступить в печати, использовать другие методы са-

нитарного просвещения населения. На предприятиях города и области организовывались дополнительные врачебные приемы-филиалы консультаций [20].

Тем не менее даже к концу исследуемого периода не удалось полностью снять угрозу эпидемий опасных заболеваний. Правда, тенденция к улучшению соответствующих показателей имела место по большинству показателей. Это прослеживается в отчете заведующего Кировским облздравом Метелева за период с 1938 – 4 месяца 1941 г. В этом документе отмечалось, что инфекционная опасность заболеваемости в ряде районов оставалась значительной. Главным образом сказанное касалось таких районов, как Слободской, Уржумский, Пижанский, Омутнинский, Молотовский, Малмыжский, Кировский и город Киров. Сравнительно благополучными, по данным отчета за четыре месяца 1941 г., можно считать Богородский, Верхошижемский, Кырчанский, Шабалинский, Шарангский районы.

На решение проблемы эпидемической заболеваемости начиная с 1938 г. облздравотделом дополнительно направлялись врачи и специалисты из городских и районных медицинских учреждений в сельскую местность области. При росте инфекционных болезней важной проблемой оставался недостаток медицинских кадров (всего было 468 специалистов, а должно быть 1093), что отразилось на высокой нагрузке врачей по борьбе с вирусными заболеваниями населения [21].

Эпидемическое состояние области по сводным показателям за три с лишним года (1938 – начало мая 1941 г.) выглядело следующим образом (см. таблицу).

Из отраженных данных видно, что уже к маю 1941 г. произошло заметное снижение показателей заболеваемости населения Кировской области.

Достаточно сложное положение Кировского облздравотдела в вопросе количества имеющихся в наличии медицинских работников, а также

Заболевание	Кол-во человек			
	1938 г.	1939 г.	1940 г.	4 мес. 1941 г.
Брюшной тиф	1657	791	914	416
Паратиф	201	308	55	–
Дизентерия	10 356	1690	3468	52
Гемоколит	3345	7690	385	–
Гастроэнтероколит	43 882	35 123	37 935	20
Сыпной тиф	1610	915	613	486
Дифтерия	1276	1083	1195	349
Скарлатина	7141	4014	2540	917
Корь	6120	8434	15 634	4401
Коклюш	4524	3726	4803	1258 [22]

Источник: ГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 1. Д. 613. Л. 95.

лечебных учреждений было учтено советским правительством. 9 июля 1939 г. принимается постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по Кировской области». Руководством страны выделялись деньги на строительство объектов социальной сферы в Кировской области и городе Кирове. Речь шла о кинотеатрах, районных домах культуры, детских яслей, а также о больнице в областном центре, рассчитанной на 150 коек. Кроме того, было дано распоряжение о направлении в область 90 врачей из числа лиц, оканчивающих медицинские институты в 1939 г. [23]

Именно врачи совместно с администрацией и фабрично-заводскими комитетами предприятия разрабатывали мероприятия по улучшению санитарно-гигиенических условий труда, а также улучшению социальной защиты рабочих и работников на производстве.

Летом 1939 г. Совет Народных Комиссаров СССР утвердил разъяснения ВЦСПС к отдельным статьям постановления СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 г. «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины и улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле».

В нем также наблюдалась тенденция к повышению уровня социальной защищенности таких категорий населения страны, как беременные женщины и военнослужащие. В частности, в приложении № 1 от 21 июля 1939 г. давалось следующее разъяснение ВЦСПС к процедуре выдачи больничных листов по беременности и родам работницам и женщинам-служащим, не имеющим 7-месячного непрерывного стажа работы в одном предприятии или учреждении:

1. За ними сохранялся непрерывный стаж работы на одном предприятии или учреждении, если они после родов возвращались на прежнее место работы.

2. Лечебные учреждения, имевшие право выдавать больничных листов, должны были выдавать указанным выше работницам и женщинам-служащим больничные листки по беременности и родам на общих основаниях, но заработная плата за время беременности в этом случае не выплачивалась.

В приложении № 2 к тому же правительственно-профсоюзному постановлению ВЦСПС обращал внимание соответствующих ведомств на то, что при назначении рабочим и служащим пособий по временной нетрудоспособности следовало исходить из того факта, что служба в рядах Красной армии и Военно-морского флота не прерывала стаж (но и не зачитывалась в него) [24].

К 1941 г. в стране была создана современная материально-техническая база здравоохранения, располагавшая развитой сетью стационарных,

амбулаторно-поликлинических и санитарно-противоэпидемических учреждений, службой охраны материнства и детства, лечебно-профилактической сетью охраны труда рабочих и служащих промышленных предприятий, значительным числом врачей и средних медицинских работников [25]. По сравнению с дореволюционным уровнем число врачей увеличилось более в чем 6 раз, до 130,4 тыс. человек; средних медицинских работников – до 412 тыс.; объем больничной помощи вырос в пять раз, а количество амбулаторий и поликлиник с 1230 в 1913 г. до 13 тыс. в 1940 г. Вместе с имевшимися до революции 4282 сельскими врачебными участками и 5111 фельдшерскими пунктами к 1941 г. врачебных участков стало 13 500, а фельдшерских пунктов 18 тыс. За предвоенные годы создана мощная сеть санаториев и домов отдыха, число мест в них достигло внушительной цифры – 45 тыс. Ничего подобного в количественном отношении тогда не было ни в одной развитой стране мира [26].

Оценивая эволюцию советского законодательства в области здравоохранения СССР в 1930-е гг., особенно в период предвоенной пятилетки, следует признать, что она обеспечила необходимую правовую базу для мощного развития системы медицинского обслуживания промышленных рабочих. От медпункта до профилактория и поликлиники при предприятии – вот факт исторического значения, выразительно характеризующий важную грань социальной политики и ее практической реализации в указанный период.

Примечания

1. Здравоохранение в годы восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства СССР. 1925–1940: сб. док. и материалов. М., 1973. С. 44.
2. Там же. С. 151.
3. Там же. С. 155.
4. Собрание законов и распоряжений СССР. 1931. № 59. Ст. 382.
5. Собрание законов и распоряжений СССР. 1933. № 74. Ст. 450.
6. Захаров Ф. Г. Организация медицинской помощи промышленным рабочим России и СССР. М., 1969. С. 148.
7. Собрание законов и распоряжений СССР. 1936. № 50. С. 410.
8. Собрание законов и распоряжений СНК СССР. 1937. № 1333. Ст. 225.
9. Виноградов Н. А. Здравоохранение в предвоенный период. (1935–1940 гг.). 1955. М., С. 16.
10. Сорок лет советского здравоохранения / гл. ред. М. Д. Ковригина. М., 1957. С. 149.
11. Там же. С. 148.
12. Собрание законов и распоряжений СНК СССР. 1938. № 1057. Ст. 267.
13. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства. 1917. № 1. Ст. 10.
14. Собрание законов и распоряжений СНК СССР. 1938. № 1182. Ст. 282.
15. ГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 1. Д. 460. Л. 111.

16. Собрание законов и распоряжений СНК СССР. 1938. № 1182. Ст. 282.

17. Здравоохранение в годы восстановления и социалистической реконструкции ... С. 287.

18. ГАКО. Ф. Р-2248. Оп. 9. Д. 4. Л. 22.

19. ГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 1. Д. 330. Л. 137.

20. ГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 1. Д. 613. Л. 25, 26.

21. ГАКО. Ф. Р-2248. Оп. 4. Д. 6. Л. 7.

22. ГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 1. Д. 613. Л. 95.

23. ГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 1. Д. 351. Л. 200.

24. ГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 1. Д. 351. Л. 222, 223.

25. Семьдесят лет советского здравоохранения. 1917–1987 / под ред. Ю. П. Лисицина. М., 1987. С. 46.

26. Лисицин Ю. П. История медицины: учеб. для медицинских вузов. 2-е изд. перераб. и доп. М., 2008. С. 211.

УДК 94(47).084.6

О. Н. Леконцев

УКРЕПЛЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ И УДМУРТИИ В СЕРЕДИНЕ 1930-х гг.

Статья посвящена анализу развития материально-технической базы в середине 1930-х гг. За время коллективизации сельское хозяйство Кировской области и Удмуртии получило тысячи единиц техники, что позволило значительно механизировать ход работ в деревне и улучшить эффективность сельского хозяйства. В то же время уровень техники не позволял преодолевать тяжелые климатические условия и резко увеличить поставки продукции государству.

The article is devoted to analyzing the material and technical conditions of agriculture in the middle of the 1930s. In the period of collectivization, agriculture of Kirov region and the Udmurt republic got thousands of machinery items, which allowed considerably to mechanize agricultural processes and to increase the efficiency of agriculture. At the same time, the level of machinery equipment did not allow to overcome heavy climatic conditions and to increase considerably the output of production.

Ключевые слова: государство, крестьянство, техника, урожай, повышение уровня.

Keywords: state, peasantry, machinery equipment, harvest, increase of the level.

Середина 1930-х гг. была для СССР временем дальнейшего экономического развития. Продолжала развиваться промышленность, укреплялось колхозное сельское хозяйство, изменялась социальная структура советского общества. В строй вступили такие гиганты сельскохозяйственного машиностроения, как Сталинградский, Челябинский и Харьковский тракторные заводы, завод сельскохозяйственных машин в Ростове-на-Дону и др.

В деревню нарастающим потоком шла разнообразная техника, прежде всего тракторы, комбайны, грузовые машины, молотилки, тракторные плуги и сеялки и т. д. Только в 1935 г., по официальным данным, сельское хозяйство СССР получило 21 тыс. комбайнов, 99 тыс. тракторов, 30 тыс. грузовых автомобилей и т. д. [1] В 1934–1936 гг. в рамках Кировского края (край был создан в 1934 г. в составе Удмуртской АССР и будущей Кировской области) капиталовложения в деревню выросли с 11 373 тыс. рублей до 21 683 тыс. Главным образом средства вкладывались в МТС и другие государственные организации деревни. Поэтому в колхозы капиталовложения сократились с 10 095 до 9 589 тыс. руб. [2]

Всего в крае в 1935 г. имелась 71 МТС (зерновых – 27, льноводческих – 44). Из них 15 МТС были организованы весной 1935 г. и 10 МТС осенью [3]. В Удмуртии на протяжении первой половины 1930-х гг. также шло постоянное увеличение МТС. Особенно ярко это видно к середине десятилетия: в 1934 г. образовано 6 МТС, в 1935 г. – 7. В результате к концу 1933 г. существовало 9 МТС, в 1934 г. – 17, в 1935 г. – 24 [4].

Тракторный парк Кировского края носил отпечаток развития промышленности. В нем находилась как устаревшая техника, так и современные образцы (табл. 1).

Таблица 1

Обеспеченность сельского хозяйства Кировского края тракторами*

Марка	На 1.01.1935 г.	На 1.11.1935 г.	Завоз в 1935 г.
Ф. П.	352	352	–
СТЗ-ХТЗ	1 028	1 855	1 177
ЧТЗ	68	187	160
У-2	–	17	17
Всего	1 448	2 411	1 354

Источник: ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 642. Л. 35.

* Подсчеты сделаны автором документа.

Из этого числа в МТС Удмуртии в 1934 г. находился 501 трактор, в 1935 г. – 661 [5].

Обеспеченность другими видами техники сельского хозяйства Кировского края также указывала на быстрое развитие сельского хозяйства. Если на 1 января 1935 г. на весь край было всего 3 комбайна, то на 1 ноября – 52, количество льноводческих районах, увеличилось с 198 до 365, молотилок – с 124 до 195, плугов 2–4-корпусных тракторных – с 1 311 до 2 252. При этом увеличение плугов шло главным образом за счет более эффективных 4-корпусных. В 1935 г. их было завезено 941. Поставлялись и другие виды тех-

ники. В середине 1930-х гг. на 100 тракторов всех марок приходилось инвентаря: плугов – 321,6; сеялок – 22,1; молотилок всех марок – 25,2; культиваторов – 5,8; комбайнов – 2,1; сноповязалок – 5; борон – 40, дисков – 8,5 [6].

В последующее время шло дальнейшее развитие технической базы. В созданной в 1936 г. Кировской области число действующих МТС с 47 в 1935 г. увеличилось к концу 1936 г. до 64 [7]. Специальным решением ЦК ВКП(б) Кировской области в 1936 г. было поставлено 2 400 тракторов, 450 комбайнов, 600 молотилок, 400 льнотеребилков. Это привело к более чем удвоению машинооруженности сельского хозяйства области [8].

В целом же в двух регионах к весне 1936 г. количество МТС выросло до 91, в них было 4 295 тракторов в переводе на 15-сильные, мощность тракторного парка достигла 64 413 л. с. Количество комбайнов достигло 103, льнотеребилков – 606, молотилок – 1 024 [9]. Тракторный парк МТС с 1 января 1935 г. до 1 января 1937 г. увеличился почти в три с половиной раза: если на 1 января 1935 г. в МТС насчитывалось 1 042 трактора с общей мощностью в 16 171 л. с., то на 1 января 1937 г. насчитывалось 3 566 тракторов с общей мощностью 63 540 л. с. По другим данным, машинооруженность сельского хозяйства на 1 января 1937 г. составляла 3 943 трактора с общей мощностью 74 003 л. с., 269 комбайнов [10]. В 1937 г. значительные поставки техники способствовали тому, что к концу года в Кировской области и Удмуртии в совокупности тракторный парк возрос до 4,5 тыс. тракторов с общей мощностью в 83,5 тыс. л. с. [11]

Собственно, в будущей Кировской области в 1935 г. в сельском хозяйстве работало 956 тракторов мощностью 17 350 л. с., в конце 1937 г. 3 897 тракторов мощностью 72 460 лошадиных сил. В 1935 г. было 45 комбайнов, 431 молотилка, 297 льнотеребилков, 315 сеялок. В 1936 г. – 163 комбайна, 655 молотилок, 297 льнотеребилков, 315 сеялок. В 1937 г. – 558 комбайнов, 919 молотилок, 551 льнотеребилков, 929 сеялок [12].

Как видно, данные архивных документов расходятся, но не сильно. Общим же критерием был рост уровня материально-технической базы.

Кроме того, в МТС Кировской области находилось автомашин: на 1 января 1935 г. – 128, на 1 января 1936 г. – 136, на 1 января 1937 г. – 239 [13].

В Удмуртии техническая вооруженность сельского хозяйства за 1936 г. также сильно возросла. Работало 32 МТС. Тракторный парк вырос с 760 до 1 707 машин (рост в 2,2 раза). Происходит увеличение комбайнов – с 60 до 131 (в 2,2 раза), льнотеребилков – с 230 до 367 (в 1,6 раза), сложных молотилок – с 185 до 376 (в 2 раза), сеялок

с 160 до 410 (в 2,5 раза). По мнению республиканских органов, «такой огромный рост машинооруженности дал возможность увеличить механизацию сельскохозяйственных работ и провести их в более сжатые сроки» [14].

В целом развитие материально-технической базы сельского хозяйства УАССР было быстрым (табл. 2).

Таблица 2
Развитие технической базы сельского хозяйства Удмуртской АССР за вторую пятилетку

Техническая база	1932 г.	1933 г.	1937 г.
МТС	8	9	43
В них тракторов	226	265	2477
Мощность, тыс. л. с.	2,6	3,2	52,6
Процент обслуживаемой тракторами земель	18,8	16,6	96,5

Источник: ЦГА УР. Ф. Р-567. Оп. 1. Д. 812. Л. 2.

В весеннюю посевную 1937 г. в республике должны были работать 58 МТС с 2 759 тракторами, 740 тракторных сеялок, 197 автомашин в МТС, 375 в колхозах [15].

Рост материально-технической базы расширял сферу деятельности МТС. В 1935 г. в Кировском крае они обслуживали 4 172 колхоза (30% от общего количества) с удельным весом посевных площадей 39% [16]. А вместе с совхозами в зоне МТС было 1 429 550 га (40,6% всех посевов колхозов) [17]. Механизация отдельных сельскохозяйственных работ в колхозах зоны МТС достигала: пахота – 37,5%, культивация – 2,0%, уборка – 3,5%, молотьяба – 17,7%. В Удмуртии МТС обслуживали в 1933 г. 459 колхозов из 2 759 (17%), а в 1934 г. – 838 из 2 856 (29%). В 1934 г. МТС обрабатывали 142 тыс. га посевных площадей из 682,4 тыс. (21%), а в 1935 г. 261 тыс. из 769 тыс. га (34%) [18].

Механизация с/х работ в Кировском крае по сравнению с другими краями, областями и задачами явно отставала [19]. И только после специального решения ЦК ВКП(б) в 1936 г. ситуация изменилась. Удельный вес механизации увеличился (табл. 3).

Таблица 3
Произведено сельхозработ тракторами в Кировском крае 1935–1936 гг.

Сельхозработы	1935 г.	% механизации	1936 г.	% механизации
Посев яровых	16 890	1,1	56 889	3,4
Весноспашка	87 484	8,4	279 170	19
Посев озимых	55 492	4,8	127 710	10
Подъем зяби	245 289	38,9	440 785	67,2

Источник: ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 2. Д. 348. Л. 68.

В переводе на мягкую пахоту за 1936 г. тракторных работ в Кировском крае было сделано на 650,2 тыс. га против 285,3 тыс. га в 1935 г. (рост в 2,3 раза). Некоторые виды работ в колхозах, обслуживаемых МТС, проводились в основном тракторами. Например, тракторами было поднято пара 42,4% от общей площади, боронование пара достигло 31,4%, предпосевная вспашка – 46,4% и зяби поднято 68,6% [20].

В образованной Кировской области подъем зяби и обработка пара по области также производились преимущественно машинным способом. 60% зяби под посев яровых 1937 г. и 41,4% паров под посев озимых урожая 1937 г. были подняты механической тягой. Число обслуживаемых МТС колхозов увеличилось до 5 394 (47,1% от общего их количества по Кировской области), которые занимали 59,9% обобществленной посевной площади [21]. Улучшение ситуации хорошо видно по направлениям деятельности (табл. 4).

Таблица 4

Удельный вес тракторных работ в колхозах Кировской области, обслуживаемых МТС, %

Работы	1935 г.	1936 г.	1937 г.
Весновспашка	5	15,3	33,6
Подъем паров	21,1	42,5	71,6
Зяблевая вспашка	49,7	37,2	71,1
Молотьба	10,8	7,0	33,3
Льнотеребление	1,0	3,4	2,8
Уборка комбайнами	0,5	1,2	5,0

Источник: ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 349. Л. 13.

В Удмуртии в 1937 г. 52 МТС вспахали в переводе на мягкую пахоту 1 631 тыс. гектаров пахоты [22], обслуживая 2 340 колхозов общей посевной площадью 930 тыс. га, тогда как в 1932 г. было обслужено 445 колхозов с площадью 128 тыс. га [23]. В целом ряде колхозов уборка зерновых производилась исключительно комбайнами [24]. В Кировской области в 1938 г. техникой было скошено хлебов на площади в 1 728 800 га – 99,9%, в т. ч. убрано комбайнами 105 065 га [25].

Статистические данные показывают большую долю ручного труда в сфере земледелия. Вместе с тем следует отметить, что уже через несколько лет после начала коллективизации техника стала играть большую, а местами преобладающую роль в сфере растениеводства.

В середине 1930-х гг. кроме количественного роста техники государство обращает внимание на качественные показатели ее использования. По решению ЦК ВКП(б) от 19 декабря 1936 г. на колесный трактор была установлена годовая выработка в 450 га. В Кировском крае средняя выработка составила на трактор 545 га, на ком-

байн – 306 га (183 га в 1935 г.), на тракторную сеялку – 83 га (47 га). Трактористов, выработавших на 15-сильном тракторе свыше 500 га за свою смену, в 1935 г. было 6, в 1936 г. – 102 человека. План тракторных работ по краю в 2 166 000 га в переводе на вспашку мягкой пашни был выполнен на 109,5% (91,5%). По свидетельству краевых органов, Кировский край имел самые лучшие показатели выработки по нечерноземной полосе на 15-сильный трактор – 545 га против 471 га в 1935 г. – и самую низкую себестоимость работ [26].

Обеспеченность тракторного парка прицепным инвентарем имела свои проблемы. К середине 1930-х гг., как показывают документы, ощущался недостаток в орудиях поверхностной обработки почвы и уборочном инвентаре. Из-за этого трактора не догружались, а в отдельные периоды сельскохозяйственных работ простаивали. Например, на 2 832 трактора, из них 288 ЧТЗ, имелось 1 799 плугов (при потребности 3 070 плугов), обеспечивающих 90,0%-ное участие тракторов в пахоте, 532 сеялок, 142 культиваторов, 52 комбайнов, 122 сноповязалок, 686 молотилок. Но эти недостатки не снижали общего развития материально-технической базы [27].

Подводя итоги механизации, следует отметить коренное изменение сельского хозяйства благодаря этому процессу. Колхозная деревня, несмотря на ряд недостатков, в благоприятные годы имела серьезный материально-технический уровень, как это видно из анализа состояния отдельных районов Удмуртской АССР (см. табл. 5).

Особенности развития коллективизации определяли не только развитие материально-технической базы, но и положение с рабочим скотом. Попытки создать колхозное животноводство к середине 1930-х гг. больших успехов не принесли. Как правило, на 1 лошадь приходилось 10–15 и даже более га пашни, что, безусловно ставило колхозы в прямую зависимость от МТС. Колхозы в большинстве случаев не справились бы с обработкой почвы без машинной техники.

В основном в районах к этому времени существовало по 2 МТС. Основным видом техники являлись тракторы. Преимущественно их количество было пропорционально размерам пашни, однако были и исключения. Автомобили и комбайны наличествовали в небольшом количестве. Недостаточно было тракторной прицепной техники. Существовал заметный дисбаланс между тракторной техникой и конной. Так, в Барышниковском районе тракторных молотилок было 25, тракторных сеялок – 29, в то же время конных жаток – 313, конных молотилок – 190, конных плугов – 2 755 [28]. К началу войны эта диспропорция несколько сгладилась за счет поставок техники, но за годы войны вновь возросла.

Благодаря механизации значительно вырос уровень агротехники. В Кировской области с середины 1930-х гг. посев озимых осуществлялся по окультивированной пашне и ранним парам, посев осуществлялся рядовыми сеялками и в некотором количестве (до 5%) протравленными семенами. В 1937 г. сортовыми семенами засева-лось почти 90% пашни [29]. В Удмуртии удельный вес сортовых посевов в 1936 г. был доведен: по пшенице на 90%, ячменю – 64%, овсу – 68%. Было положено начало посевам сортового льна (25% от общей площади посева льна). В засушливые месяцы была проведена поливка посевов на 66 039 га, что ранее никогда не практиковалось. Почти на 100% были проведены такие мероприятия, как триерование и протравливание семян, прополка посевов, причем во многих колхозах она проводилась два раза. В части колхозов проводилось устройство дымовых завес от заморозков. Было проведено весеннее боронование озимых на 61,7 тыс. га. 50% яровых культур было посеяно по зяби. Зябь, как правило, культивировалась или перепаживалась. Вспашка всего пара была закончена в мае, в то время как в 1935 г. на 1 июня было поднято пара только на 75,5%. Почти по всей площади пара проведены две культивации [30].

Все это способствовало росту урожайности, особенно по зерновым культурам. По Кировскому краю с 1931 по 1935 г. урожай вырос по озимой ржи с 8,1 до 11,3 ц, овсу – с 7,5 до 10,6, яровой пшенице – с 7,3 до 7,8 ц. В 1934 г. районов с урожайностью озимой ржи 13 ц с га и выше впервые имелось в 6,6% всех районов края, в 1935 г. их число выросло до 9,6%. Рост урожайности ячменя также приводит к появлению и увеличению числа районов с урожайностью 13 ц с га и выше. В 1934 г. таких районов было 9,7% от общего количества по краю, в 1935 г. – 12% [31].

В Удмуртии урожайность зерновых в среднем выросла с 8,3 ц с га в 1931 г., до 10,4 ц в 1934 г., 10,9 ц в 1935 г.

Однако не по всем культурам положение было столь благополучным. Перегибы в развитии льноводческой культуры привели к сохранению низкой урожайности льна, ее медленному повышению и даже снижению. Это выглядело особенно контрастно на фоне повышения урожая по зерновым культурам. В 1931 – 1935 гг. урожай льна (семя) повысился с 2,2 до 2,3 ц, льна (волокно) сократился с 1,9 до 1,7 ц с га. При этом урожай колебался по отдельным районам от 1,1 ц до 3 ц с га. Показательны данные по льну в Удмуртии. Урожайность льна-волокна в 1932 г. составляла 1,7 ц с га, в 1934 г. – 2,1, в 1935 г. – 1,7 ц с га [32].

Невысокая урожайность в Кировском краю была по картофелю, хотя она поднялась с 79 ц с га в 1931 г. до 87,2 ц с га в 1935 г. В 1935 г. урожайность до 110 ц с га была в 15,3% районов края, до 120 ц с га – в 5,1% районов, чего в предыдущие годы не наблюдалось [33]. В Удмуртии в 1932 г. урожайность картофеля оставила 75 ц с га, 1934 г. – 85 ц, 1935 г. – 95 ц [34].

На фоне развития растениеводства восстанавливалось пострадавшее в первые годы коллективизации животноводство. В 1934 г. в будущей Кировской области общее количество поголовья крупного рогатого скота составило 527,6 тыс. голов, свиней – 132,7 тыс., овец – 585,6 тыс. Ведущее место в содержании скота занимало личное подворье колхозников. Им принадлежало 282,3 тыс. голов крупного рогатого скота (54% от общего количества), 65,8 тыс. голов свиней (50%), 411,1 голов овец (70%) [35]. В Удмуртии поголовье скота в 1934 г. составило: крупного рогатого скота – 238,4 тыс. голов, в т. ч. коров – 133,1 тыс., свиней – 127,1 тыс., овец – 309,4 тыс. голов [36].

Таблица 5

Материальная и техническая база отдельных районов УАССР в 1935 г.

Район	Площадь (в том числе пашни), га	Колхозов (в них дворов)	Лошадей раб. (в том числе в колхозах)	КРС (в том числе в колхозах)	МТС	Тракторов	Автомобилей/комбайнов	Урожайность зерновых, ц
Аланашский	102 641 (71 641)	126 (7 109)	7 662 (7 442)	10 999 (3 309)	2	62	7/5	14
Балезинский	117 935 (50 749)	131 (5 175)	5 737 (5 709)	8 070 (3 732)	2	96	6/9	11,8
Барышниковский	200 612 (52 837)	151 (4 121)	4 557 (4 504)	7 231 (2 163)	2	101	6/14	10,3
Бемьжский	78 312 (42 856)	68 (4 154)	3 458 (3 418)	6 227 (1 692)	1	56	3/0	10,4
Глазовский	93 257 (53 017)	96 (4 021)	5 025 (4 995)	7 122 (2596)	2	114	5/11	Нет сведений

Источник: ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2448. Л. 1–49.

В 1935 г. происходит дальнейший рост животноводства. В будущей Кировской области поголовье крупного рогатого скота достигло 601 тыс. голов, свиней – 169,9 тыс. овец – 585,6 тыс. [37] По сравнению с 1932 г. поголовье лошадей составило 101,8%, крупного рогатого скота – 120,1%, свиней – 135,6%, овец и коз – 103,2% [38]. В УАССР поголовье крупного рогатого скота выросло до 305,3 тыс. голов, в т. ч. коров – 143,1 тыс., свиней – 185,5 тыс., овец – 406 тыс. голов [39].

Рост растениеводства и животноводства способствовал повышению товарной продукции, это очевидно при анализе сельского хозяйства Удмуртии (см. табл. 6–7). Обращает на себя внимание стабильный рост валовой продукции молочных продуктов (в пересчете на молоко). За 5 лет – с 1932 по 1937 г. – их производство выросло в два раза. При этом натуральные поставки выросли в гораздо меньших размерах. В отличие от этого валовые поставки мяса и его натуральные поставки в целом росли практически одинаковыми темпами. Годичные колебания были вызваны неблагоприятными и голодными годами.

Расчет роста производства в денежных ценах (1926/27 г.) показывает рост продукции растениеводства в два раза, а животноводства – почти в три раза.

Середина 1930-х гг. пятилетки оказалась, за исключением голодных лет, более благоприятным временем, чем эпоха массовой коллективизации первой пятилетки. Происходит улучшение материально-технического уровня. Развитие отечественного сельскохозяйственного машиностроения позволило отправить в деревню миллионы

единиц техники, что дало возможность к концу 1930-х гг. повысить удельный вес машинной обработки почвы. Повысился уровень агротехники путем более рационального использования севооборота, увеличения минеральных удобрений. Все это привело к росту урожайности в растениеводстве и поголовья скота в животноводстве.

Однако, с одной стороны, окончательно переломить положением в деревне в лучшую сторону не удалось, а с другой стороны, не были ликвидированы недостатки массовой коллективизации прежних лет. Поэтому деревня Кировской области и Удмуртии не вышла из полосы периодических кризисов и неурожайных лет, что остро сказалось и на крестьянстве, и на сельском хозяйстве.

Примечания

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Издание девятое. М., 1983. Т. 6. С. 219.
2. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО). Ф. 1255. Оп. 2. Д. 348. Л. 17.
3. Там же. Оп. 1. Д. 642. Л. 35.
4. Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики (ЦДНИ УР). Ф. 16. Оп. 1. Д. 1985. Л. 27.
5. Там же.
6. ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 642. Л. 35–36.
7. Там же. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 296. Л. 65.
8. Там же. Ф. 1255. Оп. 2. Д. 23. Л. 6.
9. Там же. Д. 348. Л. 63, 66.
10. Там же. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 296. Л. 65.
11. Там же. Л. 26.
12. Там же. Оп. 2. Д. 349. Л. 13.
13. Там же. Ф. 1255. Оп. 2. Д. 348. Л. 17.

Таблица 6

Валовая продукция сельского хозяйства УАССР, тыс. ц

Продукция	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.
Молоко	1086	1054	1127	1312	1585	2064
В т. ч. сдано гос-ву	100	126	142	162	194	118
Мясо (живой вес)	232	278	187	212	397	611
В т. ч. сдано гос-ву	45	52	69	64	67	74
Яйца, млн штук	34	36	34	43	61	90

Источник: ЦГА УР. Ф. Р.-567. Оп. 1. Д. 18. Л. 7.

Таблица 7

Валовая продукция сельского хозяйства УАССР в неизменных ценах 1926/1927, тыс. руб.

Продукция	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.
Зерновые	28 803	32 182	21 238	42 402	45 437	48 710
Овощекартофельные	14 448	12 162	12 256	17 155	20 131	24 066
В т. ч. картофельные	6 006	6 720	5 565	8 839	10 363	12 600
Мясо и сало	7 358	9 048	6 073	7 255	12 800	19 839
Молоко	7 493	7 272	7 776	9 052	10 936	14 241
Растениеводство	52 572	52 680	67 345	78 711	90 652	105 622
Животноводство	17 547	18 617	18 385	24 500	24 654	48 622
Всего по сельскому хозяйству	70 119	72 297	85 931	103 211	125 307	154 244

Источник: ЦГА УР. Ф. Р.-567. Оп. 1. Д. 18. Л. 8.

14. Там же. Д. 26. Л. 36.
15. ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2501. Л. 27.
16. ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 642. Л. 35.
17. Там же. Л. 12.
18. ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1985. Л. 27–27об.
19. ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 642. Л. 34.
20. Там же. Оп. 2. Д. 26. Л. 36–37.
21. Там же. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 296. Л. 65.
22. 25 лет Советской Удмуртии (1920–1945). Ижевск, 1945. С. 130.
23. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР. Ф. Р-567). Оп. 1. Д. 812. Л. 2.
24. ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 296. Л. 26.
25. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. Р-2676. Оп. 3. Д. 157. Л. 15об.
26. ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 2. Д. 348. Л. 56.
27. Там же. Оп. 1. Д. 642. Л. 36.
28. ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3183. Л. 30.
29. ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 296. Л. 34, 36–38.
30. Там же. Ф. 1255. Оп. 2. Д. 26. Л. 19.
31. ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 642. Л. 26–30.
32. ЦГА УР. Ф. Р-567. Оп. 1. Д. 812. Л. 2.
33. ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 642. Л. 27–31.
34. ЦГА УР. Ф. Р-567. Оп. 1. Д. 812. Л. 3.
35. ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 2. Д. 348. Л. 19.
36. ЦГА УР. Ф. Р-567. Оп. 1. Д. 18. Л. 10.
37. ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 2. Д. 348. Л. 19.
38. Там же. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 357. Л. 35об.
39. ЦГА УР. Ф. Р-567. Оп. 1. Д. 18. Л. 10.

УДК 655.11

С. Н. Русских

ДЕТГИЗ В КИРОВЕ: ИЗ ИСТОРИИ КНИЖНОГО ДЕЛА ВОЕННЫХ ЛЕТ (АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ)

В статье публикуются документы, сохранившиеся в Российском государственном архиве литературы и искусства, о работе Государственного издательства детской литературы во время эвакуации в г. Киров.

This article includes the documents concerned with the the State Publishing House of Children's Literature ("Detgiz") activities in the period of its evacuation to the city of Kirov. These materials are kept in the Russian State Archive of Literature and Art.

Ключевые слова: Детгиз, полиграфическая фабрика «Детская книга», эвакуация.

Keywords: Detgiz, printing factory "Children's Book", evacuation.

С 1941 по 1942 г. в Кировской области находилось эвакуированное из Москвы Государственное издательство детской литературы (Детгиз). За это время им было выпущено не менее 42 книг. Вместе с издательством в область была перевезена и полиграфическая фабрика «Детская книга». Часть ее оборудования хранилась на складах, а часть использовалась местными типографиями: в связи с увеличением объемов печати им нужны были дополнительные мощности.

В литературе имеется очень мало информации о работе Детгиза в Кирове. Между тем это важный период деятельности издательства, сведения о котором могли бы восполнить лакуны не только в истории книжного дела Кировской области, но и в книгоиздании для детей в масштабах страны.

В фонде Детгиза, хранящемся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), нами был выявлен ряд важных сведений, существенно дополняющих картину деятельности издательства в Кирове. Среди материалов, отложившихся в архиве, имеются протоколы совещаний по разным вопросам, тематические планы издания детской литературы, отзывы детей о книгах, выпущенных издательством в 1941–1942 гг., переписка различного рода и др.

Ниже публикуются документы, повествующие о материально-технической базе издательства и его кадровом составе. Это важный историко-книжный источник, повествующий о таких сторонах книжного дела, как материально-техническая база и кадровый состав Детгиза, а также

материально-техническая база и кадровый состав кировских типографий.

Тексты приводятся без сокращений с несущественными исправлениями, не влияющими на содержание материалов. Очевидные опечатки исправлены без особых оговорок. Расшифровки, данные автором статьи, приводятся в квадратных скобках.

Отчет о работе государственного издательства детской литературы НКП РСФСР (Детгиза) в Кирове за время эвакуации [1]

В соответствии с решением СНК СССР и по непосредственному распоряжению Наркомпроса РСФСР Детгиз 16 октября 1941 года эвакуировался в гор. Киров в составе 23 сотрудников и 18 членов их семей. Издательство прибыло в г. Киров 2 ноября и с первых дней пребывания в г. Кирове начало организовывать работу по изданию книг для детей.

За время с ноября 1941 г. по 1 апреля 1942 г. было издано в Кирове 25 названий, из них 12 книг, 12 листовок и один номер бюллетеня прессы ЦК ВЛКСМ.

Перечень книг, изданных в гор. Кирове (см. таблицу).

Из 12 листовок, изданных в Кирове, 8 – на темы сельскохозяйственных работ школьников, тиражом 20–25 тысяч экз. каждая.

Крайне незначительная производственная мощность Кировской полиграфической базы и низкое качество ее продукции заставили Детгиз пойти на два следующих мероприятия:

1) передать часть из эвакуированного оборудования фабрики «Детской книги» Кировской типографии и

2) попытаться организовать издание книг для детей в других городах в частности, в Горьком.

Передача оборудования была согласована с Кировским Исполкомом Облсовета депутатов трудящихся (постановление Исполкома от 2 февраля 1942 г. за № 54) и произведена на основе разрешения СНК РСФСР и Наркомпроса РСФСР (распоряжение СНК РСФСР от 16 марта 1942 г. за № 388).

Кировский типографии передано следующее оборудование:

1. Матрицы – 1 комплект.
2. Корректурный станок «Молния» – 1.

Плоскопечатные машины «Пионер» с само-накладами – 3: № 4, 5 и 6 (№ 4 – двенадцать мест, № 5 – четырнадцать мест, № 6 – пятнадцать мест – наименование всех частей и запасных деталей к переданным машинам указаны в акте приемки передачи).

3. Фальц[евальная] машина «Макс Гельц» – 1.
4. Позолотный пресс – 1.
5. Станок для выгибки шпаций – 1.
6. Ручной паковальный пресс – 1.

Автор	Название	Объем, печ. л.	Тираж, (тыс. экз.)
Сборник	Наш старший товарищ	2	15
Маршак	Стихи о войне	2	10
Сборник	Советским детям	3	25
Гарбузов	Фронтовые ребята	1,5	15
Благинина	Петрушка на крыше	2	25
Сборник	Коричневый хищник	3	25
Благинина	Подарок	1	10
Кононенко	Товарищи	2	25
Аксаков	Аленький цветочек	2	100
Мстиславский	Случай в лесу	2,5	30
Сборник	Будь героем	3	25
Л. Толстой	Два рассказа	1	25

Решением Кировского Облисполкома от 2/II-42г. Кировская типография обязывалась перевезти оборудование из Слободского в Киров к 20 февраля, установить и пустить его в эксплуатацию не позднее 1 апреля. Несмотря на неоднократное напоминание со стороны Детгиза и предложение Детгизом помощи в лице квалифицированных рабочих для монтажа машин, Кировская типография до сих пор машин не установила (кроме одной фальц. машины). Вопрос о таком безответственном отношении руководства типографии к использованию переданного ценнейшего оборудования (как «Пионеры» с само-накладом и др.) был поставлен Детгизом перед Наркоматом Госконтроля РСФСР. Со стороны зам. Наркома Госконтроля т. Жукова было дано Кировскому Исполкому соответствующее указание телеграммой от 22 апреля 1942 г.

На основе решения Госуд[арственного] Комитета обороны основная часть оборудования фабрики «Детская книга» была эвакуирована в [город] Слободской, Кировской области: в ноябре 1941 г. отгружено из Москвы – 11 вагонов с оборудованием, в декабре 1941 г. – 5 вагонов, в январе 1942 г. – 8 вагонов. Всего – 24 вагона.

Издательство рассчитывало (имея на это согласие руководства Наркомпроса РСФСР) использовать часть эвакуированного оборудования для создания в Кировской области постоянного полиграфического предприятия Детгиза.

Из-за отказа местных органов власти в предоставлении необходимого для типографии помещения эта задача не могла быть разрешена.

Для сохранности эвакуированного оборудования Детгизом был выстроен в Слободском деревянный склад облегченного типа при ж. д. станции, площадью 420 кв. метров. Все оставшееся в настоящее время оборудование в соответствующем порядке сложено в этом складе. Обеспечена пожарно-сторожевая охрана склада и создана бригада из числа оставшихся в Слободском рабочих фабрики «Детская книга» и членов их семей для ухода за оборудованием (протирка, смазка частей машин и т. д.).

Большинство рабочих фабрики, в свое время вместе с оборудованием эвакуированных из Москвы, в марте-апреле мес[яцев] 1942 г. возвращены из Москвы. За время их пребывания в Слободском рабочие использовались, главным образом, на транспортировке и складировании оборудования и отчасти на работах в помощь Кировской типографии (в Кировской типографии работали два печатника, слесарь-монтажник, электромонтер и некоторые другие).

В связи с изменившейся обстановкой в Москве, на основе решения Государственного Комитета обороны от 24 февраля 1942 г., часть оборудования фабрики «Детская книга» возвращена в Москву. В течение февраля-марта месяцев в Москву было переадресовано 5 вагонов и заново погружено и отправлено из Слободского 6 вагонов с оборудованием.

До 1 мая 1942 г. прибыло в Москву и перевезено на фабрику 9 вагонов оборудования. В настоящее время проводится монтаж оборудования фабрикой «Детская книга». Основная часть плана изданий Детгиза уже выполняется фабрикой «Детская книга».

В связи с перенесением выполнения основной части плана издательства в Москву и возвратом части из эвакуированного оборудования фабрики, возвращены в Москву и основные кадры работников Детгиза. В Кирове в настоящее время осталось 6 человек, из которых 5 чел[овек] продолжают работать в Кировском отделении Детгиза. С 1 апреля в Кирове создано Кировское отделение Детгиза со штатом в 11 человек. Для работы этого отделения за время пребывания Детгиза в Кирове созданы все необходимые условия: решен вопрос с бумагой, заключен договор с Кировской типографией, арендовано складское помещение и пр.

За счет фондов IV квартала 1941 г. в Киров завезено 108,9 тонн бумаги, из которых 69,8 тонн находятся в настоящее время на складе, 27,1 тонна израсходована на печатание книг и до 12 тонн даны взаимнообразно организациям Наркомпроса (Учпедгиз, Гос. институт школ, Управление политпросветительной работы Главучпрома и др.). За время пребывания издательства в Кирове налажена связь с рядом школ (школа № 20, школа № 9) и детской библиотекой путем читки книг и рукописей Детгиза в детской аудитории, привлечения педагогов к обсуждению плана Детгиза, передача указанным школам и библиотеке подобранных из числа лучших изданий Детгиза библиотечек книг.

В процессе работы над книгой «Петрушка на крыше» в школе № 20 создан кукольный театр.

К работе Детгиза были привлечены все лучшие силы писателей и художников, из числа местных и эвакуированных. Так, был привлечен к работе местный фольклорист Л. В. Дьяконов, который проделал большую работу: составил

сборник «Песенки-байки» для дошкольников и сборник «Храбрые и ловкие» для детей дошкольного и школьного возраста.

Дьяконов проделал также большую работу по подбору материала и составлению книги «Исторические песни русского народа».

Издательством были привлечены из числа эвакуированных писателей Е. Шварц, Н. Никитин, В. Каверин, Е. Благинина, З. Александрова, Н. Гернет, В. Смирнова и др.

Большое участие в работе издательства приняли эвакуированные в Киров сотрудники: Е. Чарушин и В. Лебедев. Художник Лебедев проиллюстрировал Короленко «Без языка», Куприна «Белый пудель», дал обложку «Слепому музыканту». Художник Чарушин сделал две части «Моей первой зоологии» («Домашние животные» и «Звери в лесу»). Принята к изданию книга сказок писателя Е. Шварца.

В Кирове в течение января-февраля мес[яцев] проведена большая работа по выработке основных установок к годовому тематическому плану Детгиза. К этой работе были привлечены работники Наркомпроса и общественность.

Для обсуждения проекта основных установок и годового тематического плана было проведено специальное совещание педагогов, писателей, художников и библиотекарей.

15/V – 42 г.
(Любимова)
(Тамасян)
(Вебер)

**Список сотрудников
Государственного издательства
детской литературы Наркомпроса РСФСР,
подлежащих возврату из г. Кирова в г. Москву
в первую очередь [2]**

1. Дубровина Людмила Викторовна – директор издательства. Прибыла в Москву 6/II–42 г. по командировке Наркомпроса. Включена на прописку в лимит Наркомата. Пока не прописана. Должна остаться в Москве для общего руководства работой издательства.

2. Наумова Анна Иосифовна – гл. редактор, зам. директора. Прибыла в Москву 10/II–42 г. по командировке Наркомпроса. Не прописана. Должна быть оставлена в Москве для установки связи с авторами и художниками, для пополнения редакционного портфеля изд-ва и общего руководства работой всего состава редакторов.

3. Кон Лидия Феликсовна – редактор литературы для младшего и дошкольного возраста. Прибыла в Москву 6/II–42 г. по командировке Наркомпроса. Не прописана. Должна остаться в Москве, так как кадры авторов и художников для этого возраста находятся главным образом в Москве, и дошкольная цветная книжка может и будет печататься только в Москве.

4. Любимова Серафима Тимофеевна – зам. директора. В настоящее время работает в Кирове. Отвечает за хозяйственно-производственные и планово-финансовые вопросы. По г. Кирову круг основных вопросов, вызванных временной эвакуацией туда издательства и оборудования фабрики «Детская книга», в основном разрешен. Оставлять там зам. директора не вызывается необходимостью. Имеется работник т. Товмасьян, который в курсе всех дел и должен остаться в Кирове в качестве уполномоченного Детгиза. В Москве же именно в настоящее время очень много вопросов, требующих присутствия зама, – рассмотрение годового и квартального планов, утверждение штатов, реализация готовой продукции, пуск в эксплуатацию фабрики, реализация бумажных фондов и вопросы снабжения, обеспечение выполнения графика производства книжной продукции Детгиза, получение топлива и др.

5. Косая-Эмден Эсфирь Моисеевна – ст. редактор дошкольной литературы. В настоящее время работает в Кирове. Мотивы вызова в Москву те же, что и редактора т. Кон (см. выше). Является квалифицированным редактором, хорошо знающим кадры писателей для дошкольного возраста. Для обеспечения годового плана для дошкольного возраста одного редактора т. Кон, к тому же обслуживающий одновременно и младший возраст, недостаточно.

6. Дороватовский Николай Сергеевич – ст. редактор научно-художественной литературы. В настоящее время работает в Кирове. Должен быть вызван в Москву, так как в Кирове нет совершенно кадров писателей и художников по данному разделу литературы. Тов. Дороватовский фактически работает по данному разделу один, так как второй редактор т. Абрамов работает по линии МПВО.

7. Резникова Ида Максимовна – и. о. ст. редактора литературы. В настоящее время рабо-

тает в г. Горьком по размещению заказов Детгиза (откомандирована из г. Кирова). Должна быть возвращена в Москву по тем же соображениям, что и остальные редактора. Лично редактирует целый ряд книг и возглавляет работу редакции литературы для среднего и старшего возраста.

8. Фомичев Андрей Петрович – зав. художественной редакцией. В настоящее время работает в Кирове. Подлежит неперемennomu вызову в Москву, так как в Москве должна быть сосредоточена основная работа по иллюстрированию детских книг и ни одного другого работника на этом участке сейчас нет.

9. Кутузова Мария Алексеевна – техредактор. С первых дней приезда в Киров была мобилизована на спецработы и работала там до последних дней. Должна быть возвращена в Москву, как квалифицированный техред, хорошо знающий специфику детской книги, одновременно исполняющий обязанности диспетчера по фабрике «Детская книга» (наблюдение за ходом выполнения графика и пр.).

10. Назаренко Николай Иванович – управляющий делами, работник снабжения. В настоящее время работает в Кирове. Хорошо знает вопросы снабжения (специалист по бумаге). Должен привести в Москву в порядок все оставшееся хозяйство Детгиза.

Кроме того, должна быть прописана по лимиту Детгиза в Москве работница фабрики «Детская книга» т. Богданова Зинаида Ивановна, прибывшая в Москву уже месяц тому назад из Кирова, в связи с тем, что цех глубокой печати возобновляет свою работу в Москву.

Директор Детгиза (Л. Дубровина)

Примечания

1. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 630. Оп. 1. Д. 42. Л. 45–50.
2. Там же. Л. 106–108.

Всеобщая история

УДК 37(09)(470.342)

Ю. М. Рябов

В. С. АРУТЮНЯН: ПЕДАГОГ, УЧЁНЫЙ, ЧЕЛОВЕК

Статья посвящена педагогической, научной и общественной деятельности кандидата исторических наук, доцента КГПИ В. С. Арутюняна, руководившего кафедрой всеобщей истории и историко-филологическим факультетом.

The article is devoted to pedagogical, research and social activities of V. S. Arutyunyan, Cand. Sc. (History), Assistant Professor, who was the Head of the General History Department and the Dean of the Faculty of History and Philology.

Ключевые слова: В. С. Арутюнян, Кировский государственный педагогический институт, кафедра всеобщей истории.

Keywords: V. S. Arutyunyan, Kirov State Pedagogical Institute, General History Department, World War II, the society "Knowledge", training of teachers and researchers.

На каждого человека следует смотреть с определённого расстояния. Иных можно понять, рассматривая их вблизи, другие же становятся понятны только издали.

Франсуа де Ларошфуко

Жизнь и плодотворная деятельность Вараздата Сумбатовича Арутюняна в полной мере подтверждает приведённые слова великого французского писателя.

В. С. Арутюнян родился 1 октября 1912 г. в бедной крестьянской семье в селе Франганц, вошедшем после создания в 1920 г. Армянской ССР в состав Эчмиадзинского района. Недалеко от этого села в Эчмиадзине располагался престол «католикоса всех армян», а в монастыре – крупнейшее в мире хранилище уникальных древнеармянских рукописей, книг и документов V–XVIII вв. Именно здесь, в центре района, в 1921 г. был основан первый в Армении историографический центр – Культурно-исторический институт. Несколько лет спустя в Ереване был создан Институт древних рукописей Матенадаран, и коллекция рукописей из Эчмиадзина переведена в столицу Армении. Всё это было на слуху у жителей села, в котором жила семья

мальчика Вараздата. Одарённый школьник, с детства тянувшийся к книгам, впервые узнал о будоражившем ум Матенадаране от своих родителей и учителей. Он не мог и предположить тогда, что юные впечатления о легендарном хранилище рукописей будут сопровождать его жизнь. Трудности, которые испытывала семья мальчика, особенно после смерти его отца в 1923 г., скорее научили его преодолевать их, чем помешали успешно окончить семь классов и поступить в Ереванский педагогический техникум. Завершив трёхлетнюю учёбу, Вараздат Сумбатович два года работал учителем средней школы и заведующим клубом. За отличную работу на «культурном фронте» Министерство просвещения Армянской ССР в 1934 г. направило его в Москву для продолжения учёбы. Он выбрал Московский государственный библиотечный институт, по окончании которого в 1938 г. получил направление на работу зав. отделом армянской литературы и консультантом по истории закавказских народов в главной национальной библиотеке страны – Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина. И это направление не было случайным. Вараздат Сумбатович, как специалист, уже много знал о важнейших источниках изучения истории и духовной культуры Армении, а также соседних народов Кавказа, Ближнего и Среднего Востока. Он осознавал большую научную и историческую ценность рукописей Матенадарана V–XVIII вв., первопечатных и старопечатных армянских книг XVI–XVIII вв., сочинений армянских историков, писателей, философов и учёных разных отраслей знания. Он с интересом изучал сочинения и практическую деятельность выдающихся армянских просветителей Иосифа Эмина, Хачатура Абовяна, Микаэла Налбандяна. Всё, что было создано интеллектуальным трудом и талантом армянского народа, находилось в поле зрения Вараздата Сумбатовича.

В 1939 г., продолжая работу в библиотеке, он поступил в аспирантуру при кафедре новой истории Московского государственного педагогического института. Однако начавшаяся Великая Отечественная война призвала В. С. Арутюняна выполнить свой патриотический долг. Он записался добровольцем в ряды московского ополчения и в июле 1941 г. ушёл на фронт, участвовал в битве под Москвой и других боевых действиях, был дважды ранен. После излечения он продолжал военную службу до демобилизации в 1946 г. О том, как воевал В. С. Арутюнян, красноречиво говорят двенадцать его наград: Орден Отечествен-

ной войны I степени, медали «За отвагу», «За оборону Москвы», «За победу над Германией», «За победу над Японией» и другие.

Продолжив учёбу в аспирантуре, Вараздат Сумбатович полностью отдался исследовательской работе на тему «Экспансионистская политика Англии по армянскому вопросу в Турции во второй половине XIX в.». Исследование было основано на приоритетном исследовании новых архивных и литературных источников и, по признанию специалистов, стало новым словом в армянской историографии. В июне 1948 г. Вараздат Сумбатович успешно защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Высокую научную оценку его диссертации дал известный в стране историк академик АН Армянской ССР Ашот Гарегинович Иоаннисян. Через год Вараздату Сумбатовичу было присвоено учёное звание доцента.

С марта по октябрь 1948 г. В. С. Арутюнян работал в Москве заместителем директора по научной части Государственной публичной исторической библиотеки РСФСР.

В октябре 1948 г. Министерство просвещения РСФСР направило молодого учёного на работу в должности заведующего кафедрой всеобщей истории Кировского государственного педагогического института им. В. И. Ленина.

За сорок лет многогранной деятельности Вараздата Сумбатовича в нашем вузе полностью раскрылся его талант руководителя, педагога, учёного. Более двадцати четырёх лет он заведовал кафедрой всеобщей истории и заложил традиции одной из лучших кафедр вуза по организации учебной и научной работы вплоть до настоящего времени. Будучи деканом историко-филологического факультета в течение шести лет, он вывел его по большинству показателей на передовые позиции в институте. Его отношения со студентами и коллегами отличали доброжелательность, чувство справедливости и истинный демократизм. Он был близок к студентам и в праздники, и в будни, отзывчив в моменты их радостей и несчастий. Общение студентов со своим деканом вселяло в них уверенность, вдохновляло. Благодаря обширным знаниям и разнообразным методическим приёмам Вараздат Сумбатович очень скоро стал одним из самых любимых преподавателей. Его лекции по новейшей истории Европы, Америки, Азии и Африки, спецкурсы и спецсеминары по актуальным проблемам международных отношений и внешней политики СССР вызывали восхищение. Они были насыщены интересными фактами, отличались образностью и эмоциональностью. Студенты любили его, прежде всего, за то, что он сам с любовью относился к работе с ними. Внимательное и уважительное отношение особенно проявлялось к тем

студентам, которым повезло выполнять курсовые работы или заниматься в научном кружке под его руководством. Благоприятное влияние научного наставничества Вараздата Сумбатовича посчастливилось уже в студенческие годы ощутить и мне.

Как заведующий кафедрой, он проявлял постоянную заботу о повышении научно-педагогической квалификации своих молодых коллег, любовно выращивал новые кадры учёных-историков. Под научным руководством Вараздата Сумбатовича прошли аспирантскую подготовку на кафедре и защитили кандидатские диссертации Кавый Газизович Газизов (1955), ставший впоследствии ректором Кустанайского педагогического института, и Георгий Андреевич Глушков (1956), ставший ректором нашего института (1969–1979). Многие члены кафедры получили от Вараздата Сумбатовича путёвку в научно-педагогическую жизнь. Он добился, чтобы меня направили в целевую аспирантуру Московского государственного педагогического института с включением в программу годичного обучения в Берлинском университете. И в дальнейшем он относился ко мне с поистине отеческой теплотой и заботой.

Наряду с большой организаторской деятельностью В. С. Арутюнян продолжал активную исследовательскую работу. Им опубликовано более двадцати научных и научно-методических работ. Значительным вкладом в научную разработку истории армянского освободительного движения во второй половине XIX в. стали, в частности, его статьи по этой проблеме. Многие годы он занимался изучением армяно-русской дружбы и сотрудничества. Были опубликованы две статьи. Одна из них рассматривала вопрос об исторических корнях дружбы и сотрудничества армянского и русского народов, другая была посвящена истории армяно-русских отношений во второй половине XIX в. На основе изучения широкого круга архивных документов и историко-литературных источников В. С. Арутюнян убедительно показал, почему армянский народ в борьбе за свою независимость, за национальное существование всегда опирался на помощь и поддержку русского народа.

Необычайно широк был диапазон общественной деятельности В. С. Арутюняна в институте в г. Кирове и Кировской области. Он неоднократно избирался членом парткома института, курировавшим научную и учебную работу в вузе. В качестве председателя руководил местным профсоюзом института. Однако особое значение имела его просветительская работа среди различных категорий населения Кировской области в качестве лектора-международника и организатора лекционной пропаганды научных знаний. С

1956 г. более тридцати лет Вараздат Сумбатович был председателем научно-методического совета по международным отношениям и внешней политике СССР Кировской областной организации общества «Знание». Любимый населением области, он сам читал до 150–200 лекций в год о международной жизни и политике нашего государства на мировой арене. На нашей Вятской земле, ставшей ему родной, он выступал как настоящий патриот и интернационалист. И это было очень важно в условиях «холодной войны» двух мировых систем, когда люди едва ли не в каждом доме часто повторяли: «Лишь бы не было войны». В институте он организовал школу по подготовке лекторов-международников и руководил ею многие годы. Благодарен Вараздату Сумбатовичу, что он и меня приобщил к лекторской работе по линии общества «Знание».

Следует отметить, что В. С. Арутюнян стал душой всей армянской диаспоры Кирова, часто встречался со своими земляками, выступал перед ними, помогал нуждающимся. Его удивительная, человечность не могла не влиять положительно и на отношение вятчан к талантливому, испытывавшему много страданий армянскому народу.

Профессиональная и общественная деятельность В. С. Арутюняна была отмечена многими наградами: с медалью «За трудовую доблесть» и другими медалями, ведомственными знаками «Отличник народного просвещения», «Отличник просвещения СССР».

Вместе женой Ираидой Николаевной, проработавшей сорок лет на кировской студии телевидения, Вараздат Сумбатович создал замечательную семью. Их сын Герасим стал кандидатом физико-математических наук, работает учителем в одной из гимназий и вузовским преподавателем в Москве. Дочь Люси, окончив наш институт, работала учителем в школе и научным сотрудником кировской диорамы. Выросли вполне благополучные внуки, растут правнуки.

Активная жизненная позиция гражданина, чувство долга, высокие человеческие качества остаются в памяти тех, кто знал В. С. Арутюняна, педагога, учёного, человека. А для тех, кто пришёл позднее, его жизнь и труд являются прекрасным примером.

УДК 94(470):68

Т. И. Лыпка

ЭМИЛЬ РАТЕНАУ – ПИОНЕР ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ГЕРМАНИИ

Статья посвящена выдающемуся промышленнику Германии Эмилю Ратенау и его деятельности в области техники, технологий, организации производства.

The article is devoted to an outstanding German industrialist Emil Rathenau and his activities in the field of technics, technology and organization of industry.

Ключевые слова: Эмиль Ратенау, электротехническая промышленность.

Keywords: Emil Rathenau, electrotechnical industry.

Прошло более двух столетий с того момента, когда с получением патента на паровую машину и ее постепенным внедрением в производство начался век промышленной революции. Наряду с материальным прогрессом, наступившим с появлением этой машины в 1789 г., в обществе стали наблюдаться и духовные изменения, которые были отмечены сначала в Западной Европе, несколько позже – в Северной Америке. Тогда было много споров по поводу того, являлись ли духовные изменения следствием материального прогресса или судьбе было угодно подвергнуть человечество одновременно воздействию нескольких процессов. Независимо от этого взгляда в развитии человечества существуют определенные, четко ограниченные периоды, которые каждый человек может расценивать, исходя из собственного опыта. Французская революция 1789 г. принесла с собой новые либеральные идеи и сопровождалась невиданным до тех пор проявлением духовного потенциала народа, что способствовало возникновению нового, свободного и гуманистического мировоззрения. Все эти события сопровождалось исключительно быстрым ростом населения, впервые отмеченным английским экономистом Р. Мальтусом (1766–1834).

Все эти технические, экономические и социальные факторы оказали существенное влияние на современное общество. И хотя в течение двух столетий и произошли определенные изменения в сторону улучшения, мы все еще далеки от совершенства в смысле разумного решения этих проблем. Импульс промышленной революции, продолжается до нынешнего времени, исходил из Западной Европы. Обессиленная и политически

разобшенная Германия после 1806 г. и вплоть до 1870 г. оставалась аграрной страной. До середины XIX в. в мировом техническом прогрессе она была представлена лишь небольшим количеством ученых-изобретателей. Тем заметнее был вклад немцев, внесенный ими в область культуры и музыки. В этом мире больших духовных и экономических перемен и родился Эмиль Ратенау, дело жизни которого стало значительным вкладом в промышленную революцию Германии.

Эмиль Ратенау родился 11 декабря 1838 г., когда промышленная революция в Германии началась, умер в 1915 г., когда она осуществилась, и экономика и общество в Германии получили новое лицо: железные дороги соединили различные города и континенты; по улицам двигались первые автомобили и трамваи, химическая и фармацевтическая промышленности вышли на рынок с новой продукцией, и электротехническая промышленность изменила основательно повседневную жизнь человека. Массовое производство продукции и её сбыт определили деятельность бизнеса в индустрии. Новые организационные структуры в экономике, как, например, акционерное общество, создавали множество возможностей финансирования, инвестиций, производства и сбыта. Здесь мы видим подходы к изучению личности Ратенау.

Эмиль Ратенау происходил из еврейской зажиточной семьи. Его дед по материнской линии Йозеф Либерманн имел металлургический завод в Шпроттау в Нижней Силезии, железоделательный завод с доменной печью, прокатный завод и машиностроительный завод. На этих фабриках изготавливали сельскохозяйственные машины по английскому образцу, насосы, железнодорожные стрелки, колесные пары для железных дорог, аппараты для газовых установок, оборудование для кирпичного завода, мельниц и многое другое. Во время континентального эмбарго Либерманн стал первым производить фабричным способом ситец, таким образом, английская монополия на хлопчатобумажное производство была разрушена [1]. На приеме у короля Фридриха Вильгельма IV он представился следующими словами: «Я – Либерманн, который изгнал с континента англичан» [2]. Отец Эмиля Ратенау сначала торговал зерном, в конце жизни был рантье. Мать Эмиля Ратенау была умной, духовно богатой и очень элегантной женщиной. Ратенау занимались торговлей, а Либерманны были сконцентрированы на фабричном производстве. Семья Либерманнов была известна благодаря двум именам: художника Макса Либерманна и химика Йозефа Либерманна [3]. Эмиль Ратенау был средним сыном в семье. Он получил школьное образование в Берлинской детской школе маркграфа, а затем учился в гимназии, после окончания

оберсекунда покинул учебное заведение. При пожаре 5–8 мая 1842 г. в Гамбурге семья Ратенау потеряла большую часть своего состояния. Юность Эмиля была тяжелым периодом его жизни. В начале 1855 г. начались годы его учения на фабрике деда в Шпроттау. На фабрике он проработал 4,5 года. «Мой уход произошел из-за мобилизации в армию, причиной которой была итальянская война. Я должен был вступить во второй гвардейский полк [4], когда мир был заключен в Виллафранке июле 1859 г., эта обязанность была исключена» [5], – писал в биографии сам Эмиль Ратенау. В том же году он начал посещать политехнический техникум в Ганновере. Его независимость от родительского дома и решение получить техническое образование были облегчены получением наследства от деда Йозефа Либерманна – 5 000 талеров. Ратенау продолжил образование в Высшей технической школе в Цюрихе, в 1862 г. сдал выпускные экзамены и получил диплом инженера. После окончания учебы он поступил на должность конструктора на предприятия Борзига в Берлине, затем уехал в Англию, где работал инженером на заводах. Решая на английских предприятиях различные технические задачи, Ратенау овладел фундаментальными знаниями в области машиностроения. Из опыта, полученного в Англии, он извлёк значительные преимущества перед своими коллегами, обучавшимися только на континенте [6]. В 1863 г. Эмиль вернулся в Германию. Полагая, что приобретенные знания при работе на фабрике Борзига и в Англии сможет реализовать на практике, Ратенау вместе с другом юности Джулиусом Валентином купили у М. Вебера за 75 000 талеров машинную фабрику в северной части Берлина [7].

Эмиль Ратенау женился на Матильде Нахманн, дочери банкира из Франкфурта-на-Майне, потомка испанских евреев, бежавших в Пруссию от преследований инквизиции. Матильда была натурой богатой, музыкально одаренной. Она получила хорошее воспитание, серьезно увлекалась философией, искусством, особенно музыкой и живописью, была очень начитана и набожна. Принятие Эмиля Ратенау в семью богатых евреев-сефардов было знаком доверия ему и признания его личного авторитета [8].

Дом, который принадлежал фабриканту Эмилю Ратенау и его жене Матильде, находился в северной части Берлина, в рабочем квартале. Это был «милой жилой дом с палисадником, который благодаря красивому внешнему виду обращал на себя внимание» [9]. Рядом находилась маленькая фабрика. На фабрике работало человек 50, паровой котел и средней величины паровая машина приводили в движение при помощи вала трансмиссии несложную инструментальную

машину. К фабрике прилегал сад, в котором между старыми липами и каштанами были расположены: кузница котлов, литейный цех и ангар для сборки машин. Соседний участок – кладбище – был отгорожен от фабрики забором в рост человека [10]. Веберская машиностроительная фабрика по-прежнему изготавливала различную продукцию: машины для королевской сцены, паровые машины и оборудование для газовых установок и водопроводных станций. Эмиль Ратенау расширил производственную программу маленькой фабрики, начал изготавливать передвижные паровые машины, а также отопительные котлы для квартир и вагонов. Большую часть продукции он как инженер проектировал сам, но использовал базовые положения других изобретателей и конструкторов. В начале франко-прусской войны 1870 г. гражданская продукция не имела сбыта, тогда Ратенау перевёл свою фабрику на производство вооружения, изготавливая торпедные мины, броневые башни. После окончания войны наступила эпоха грюндерства, он построил новую фабрику на Мартиникенфельде. Ратенау купил участок земли стоимостью в 70 000 талеров на Хюттенштрассе, где построил чугунолитейное производство, кузницу котлов и токарный цех [11].

В 1872 г. под давлением банка Пройсишен Боден-Кредит-Актиенбанк ("Preussischen Bodenkredit-Aktienbank") фабрика Вебера была преобразована в акционерное общество «Берлинский союз» ("Berliner Union") с основным капиталом 1 000 000 талеров. Сначала Эмиль Ратенау противился этому преобразованию, но затем ему пришлось уступить. Ратенау следовал духу времени и видел в акционерном обществе более доходную форму предпринимательства, что в принципе соответствовало истине.

Сначала Пруссия, а затем Германский рейх были раем для свободного предпринимательства. Возведение капиталистической экономики в патриархальном обществе и военно-бюрократическом государстве привело к коррупции, фантастическим финансовым спекуляциям и невероятному обогащению группы авантюристов – олигархов («грюндеров»). Затем мыльный пузырь лопнул, заводы остановились, множество людей, доверчиво купивших акции дутых предприятий, разорились.

Принципы экономического либерализма «доказали свою ограниченность», и настал звёздный час для державников-протекционистов, борцов за социализм справа (катедер-социалистов) и слева (социал-демократов), идеологических антисемитов (среди грюндеров было много евреев и прочих пролагателей новых путей).

Эмиль Ратенау был одним из фаворитов периода грюндерства, но вскоре стал жертвой кри-

зиса. В 1873 г. банк Пройсишен Боден-Кредит-Актиенбанк стал неплатёжеспособным, он не мог оказать обещанную финансовую поддержку «Берлинскому союзу» ("Berliner Union"), который был ликвидирован в 1875 г.

Репутация 35-летнего Эмиля Ратенау как преуспевающего предпринимателя пострадала. Германский финансовый крах 1873 г. поделил жизнь Эмиля Ратенау надвое. Оба компаньона оставляют производство уже в 1873 г. После оплаты всех обязательств у Ратенау осталась сумма в 900 000 германских марок, для того времени значительное состояние. Таким образом, берлинский предприниматель Эмиль Ратенау пережил кризис удачнее других, он разорился наполовину, мог положить деньги под проценты и жить в достатке. Однако полный сил и всё ещё довольно богатый человек, он оставил бизнес и 10 лет посвятил раздумьям, изучению новейших технологий, менеджмента и поездкам за рубеж, в том числе и в США. Эмиль Ратенау не хотел и не мог сидеть без дела, его энергия, творческие силы не были исчерпаны, он искал нового применения своим знаниям, опыту. У него не было общественных и политических интересов, он много путешествовал, посещал международные выставки и развился до создателя проектов в духе новейших технических открытий. Он не рисковал, вкладывая свои деньги в какие-то новые предприятия, производство определенных машин или приборов на основе новых изобретений, а направил все силы на всестороннюю реорганизацию всех сфер жизни и деятельности с помощью технических новшеств. Его планы охватывали, таким образом, не касаясь утопий мирового улучшения, в целом индустриализации Германии [12].

Эмиль Ратенау едет в Вену, в 1876 г. – в Филадельфию, через два года в Париж. На выставке он первый раз увидел электрический дуговой свет, но это его не захватило, он ещё не почувствовал всю важность этого изобретения. Тем не менее в 1881 г. он вновь оказывается в Париже и знакомится с изобретением Эдисона – электрической лампой накаливания, которое подействовало на него как озарение. Он приобрел у Эдисона патент на использование электрической лампы накаливания [13]. Эмиль Ратенау обладал системным мышлением, поэтому ему было достаточно знакомства с первыми электрическими лампами, чтобы представить электрическую систему в целом со всеми её составляющими. Феликс Пиннер – современник и биограф Эмиля Ратенау – писал о нём: «Он обладал редким даром молниеносно оценивать и в совершенстве продумывать до конца любое изобретение, даже если оно находилось в зачаточном состоянии. Именно поэтому Ратенау ещё в Париже увидел в лампе накаливания Эдисона значительно больше, чем другие, может быть, даже больше, чем сам изоб-

ретатель» [14]. При посещении эдисоновских заводов он понял, что использование электричества изменит жизнь людей значительно, чем все предшествующие этому открытия и изобретения. Это очаровало его не только как инженера, но и как фабриканта: он видел перед собой гигантский рынок сбыта электрических ламп, строительства линий электропередач и электростанций. Нужно было создать совершенно новую отрасль промышленности и насытить рынок. Э. Ратенау не был игроком, но он без колебаний поставил на эту карту свое состояние и репутацию инженера. Эмиль Ратенау вернулся в бизнес, и его возвращение было триумфальным. Принятое решение превратило его в одного из самых удачливых людей того времени. Риск, на который пошел Э. Ратенау в августе 1881 г., был очень велик, так как ему предстояло иметь дело с малоизученными токами высокого напряжения, революционной новинкой с сомнительными возможностями на рынке. На ссуженные деньги он основал «Опытное общество» (“Studien Gesellschaft”) в 1882 г. и в следующем году на выставке в Мюнхене продемонстрировал результат работы «Опытного общества» – первое устройство лампы накаливания, которое привлекло значительное внимание.

Банк поддержал проект Ратенау, ему был предоставлен кредит. В апреле 1883 г., договорившись с фирмой «Сименс и Гальске» по принципиальным вопросам, Э. Ратенау основал «Немецкое Эдисоновское общество» (Deutsche Edisongesellschaft, DEG) с капиталом 5 миллионов германских марок [15]. Договоренность с «Сименс и Гальске» касалась патентов, лицензий на право строить в Германии электростанции. Это соглашение для «Немецкого Эдисоновского общества» имело исключительно важное значение, можно сказать, что оно стало принципиальной основой его существования. Со своей стороны «Немецкое Эдисоновское общество» брало на себя обязательство закупать все технические материалы – за исключением эдисоновских ламп накаливания – у фирмы «Сименс и Гальске» [16]. Это соглашение вызвало позднее в обществе немало споров, так как на первый взгляд трудно было найти достаточно убедительные доводы в пользу проявленного Вернером Сименсом великодушия. Только через несколько лет, когда Ратенау нарушил заключенный договор тем, что стал закупать машинное оборудование и у других фирм, он освободился от обязательств не только по отношению к «Сименс и Гальске», но и к Эдисону. Затем «Немецкое Эдисоновское общество» было преобразовано в 1887 г. в гигантскую компанию – Всеобщую компанию электричества (Allgemeine Elektrizitäts-Gesellschaft, AEG), а Эмиль Ратенау стал королём электротехники – самой

перспективной и модной отрасли немецкой экономики.

Для Германии наступила «электрическая эра». Дети и жена Э. Ратенау понимали и трезво оценивали значимость предприятия, которое он создал. Даже во время обеда разговоры вращались вокруг патента и способов его использования. Матильде Ратенау тяжело было пережить одержимость мужа. Вся семья жила заботами и проблемами Эмиля, сострадая ему, в период становления ВКЭ (AEG), которое протекало на протяжении многих лет между надеждой и сомнением, до тех пор, пока не достигло гигантского успеха. Этта Федерн-Кольхаас – биограф В. Ратенау – пишет в своей книге: «Эмиль Ратенау был кротким и славным, как дитя и, как ребенок, он отказывал резко и страстно, что противоречило его сущности. Его гениальность была односторонней, она основывалась на технике и экономике, все другое оставалось ему чуждым... Эта односторонность, вероятно, необходима, только поэтому в жизни могло появиться такое монументальное явление, каким был Эмиль Ратенау» [17]. Эта характеристика основана на её личных воспоминаниях и высказываниях современников.

Сложно даже описать вкратце трудности создания этой организации, которая с 1887 г. стала называться «Всеобщая компания электричества». «Истинными годами войны» назвал первые десять лет его существования Феликс Дойч, соратник Эмиля Ратенау с момента основания им предприятия. Создавалась новая индустрия, как это происходило поколением раньше у Круппа, Борзига или в области электричества у Вернера фон Сименса. При всей своей оригинальности Эмиль Ратенау в этом отношении представитель второго поколения промышленников. Предпринимательская деятельность Э. Ратенау приходилась на более позднюю фазу промышленного развития, которая сегодня характеризуется понятием «организованный капитализм». Ратенау осознал, что индустриализация данного уровня невозможна без участия государства. Банки поддерживали Ратенау только тогда, когда он не конкурировал открыто со всемогущим «Сименс и Гальске», а находил с ним определенное понимание. «Сименс и Гальске» создавал динамо-машины, в то время как Ратенау изготавливал лампы накаливания и строил центральные станции. Таким образом, он занимался инновационными отраслями, в который Вернер фон Сименс не мог или не успевал себя проявить. Правда, в 1886–1887 гг. общество стояло у черты банкротства. Конкуренция осложнялась «американскими» предпринимательскими методами «Всеобщего Еврейского общества», так ВКЭ (AEG) называли из-за участвовавших в нем еврейских частных банков и сотрудников-евреев (Феликс Дойч, Па-

уль Мамрот и т. д.). В 1894 г. общество создало своё производство машин, и его уже было не сломить [18].

В начале XX в. ВКЭ (AEG) участвовала своими капиталами в обществах по электроснабжению в Генуе, по эксплуатации трамваев в Сесилье, рудников в Африке, в электрификации дорог в Южной Америке.

Эмиль Ратенау был организатором, изобретателем и предпринимателем. Он использовал рациональные технические способы и направления, смешанные государственно- и частно-экономические правовые формы при организации освещения городских районов, электрических городских поездов и предприятий по передаче энергии, расширял влияние ВКЭ (AEG) путем создания разнообразных дочерних предприятий. Тем самым Ратенау рационализировал своё предприятие намного интенсивнее, чем мог это сделать только техник или только коммерсант. Но следует обратить внимание на то, что не Эмиль Ратенау, а его сотрудник Феликс Дойч выступил с идеей новой организации предприятия. Фактически Дойч осуществил коммерческие идеи в «системе Ратенау»: производитель электричества должен освоить все области его применения через собственное бюро во всех городах, а у потребителей потребность в электричестве, прежде всего, должна развиваться, во многих случаях, соответственно, им должна навязываться [19].

Эмиль Ратенау восхитил современников как великий творец и хозяйственный руководитель. Ввиду неуёмной энергии этого человека, его силы изобретателя и руководителя даже не было основания умалять его заслуги. Но «господином» ВЭК (AEG) он при всём своём авторитете не был уже только из-за формы акционерного общества и относительно малой доли собственного капитала в уставном капитале. Эмиль Ратенау был генеральным директором в совете директоров. Хотя он и осуществлял генеральную руководящую роль по отношению к банкам, как это было обычно в акционерных обществах, но уступал особому влиянию двух выдающихся личностей банкиров: вначале Георгу фон Сименсу от «Дойче банка», затем Карлу Фюрстербергу от Берлинского Торгового общества. Георгу фон Сименсу стали очевидны прекрасные перспективы развития электротехнической промышленности. Как показал опыт Ратенау, громадные средства, запрашивавшиеся на развитие новой отрасли промышленности, превышали возможности частных банкиров. Но для крупных банков это была исключительная возможность вложения капитала. Благодаря кредитованию они могли использовать в своих интересах бурное развитие электроэнергетики и электротехнической промышленности. По берлинскому образцу развитие затронет всю

страну. «Скачок в электроэнергетику» Георга фон Сименса – представителя «Дойче банка» – означал заключение счастливого брака на протяжении века между крупными банками и электротехнической промышленностью, блистательным итогом которого явились многомиллиардные кредиты на строительство электростанций.

Георг фон Сименс не хотел довольствоваться только ролью банкира. Он намеревался трестировать германскую электротехническую промышленность. Его кузен Вернер фон Сименс был слишком стар и пресыщен, чтобы заниматься всем этим. Более молодого и энергичного Э. Ратенау банкир Георг фон Сименс считал «самым умелым бизнесменом» того времени в области электроэнергетики. Когда Ратенау оказался в тяжёлом финансовом положении, Г. фон Сименс считал необходимым помочь ему. «Дойче банк» по предложению Г. фон Сименса принял решение участвовать «своим именем, своими действиями и своей финансовой помощью в поддержке и расширении “Немецкого Эдисоновского общества” и принадлежащих ему предприятий». Это решение снимало с Э. Ратенау финансовые заботы. Банкир Карл Фюрстенберг занимал руководящий пост в ВЭК (AEG), а Э. Ратенау был членом правления «Берлинского Торгового общества». Фюрстенберг ничуть не преувеличивал, когда следующим образом описывал отношения между ним, банкиром, и промышленником Э. Ратенау: «В течение тридцати лет никогда не теряли друг друга из виду. Мы не приняли ни одного важного решения в финансовой области, не посоветовавшись предварительно между собой...» [20]

Время становления предприятия Эмиля Ратенау приходится на более позднюю фазу индустриального развития, когда обозначился переход от конкуренции к организованному хозяйству. Сам Ратенау рано понял, что индустриальные новшества больше невозможны без содействия государства, которое должно устранять давление конкуренции. Но он видел в лице свободного предпринимателя, хотя и защищённого особыми концессиями, единственную персону, способную осуществить модернизацию, способную преодолеть государственную бюрократию и иные негативные факторы.

До Первой мировой войны ВЭК (AEG) достигла невероятных успехов модернизации, большие изменения, приведшие к нашей современности, были осуществлены, особенно это было очевидным в больших городах: в строительстве, моторизации движения и в электрификации. В этом процессе ВЭК (AEG) сыграла особую роль. Эмиль Ратенау мог уже в своей речи в 1888 г. констатировать, что даже сама Америка так далеко не зашла в электрификации, как Германия,

не говоря уже о Европе: «В Англии воля парламента усложняет сооружение электрических центральных станций, и Франция, несмотря на высокие результаты, показанные на выставке 1882 г., ни в освещении городов, ни в электротехнической индустрии не идет в ногу с нами. Мы можем с гордостью утверждать, что мы маршируем во главе всех культурных народов, которые были призваны, в первую очередь, способствовать принципу электрического освещения и сделать для этого всё необходимое» [21].

Ранняя электрификация в Германии, а вместе с тем и международное расширение немецкой электротехнической индустрии, несомненно, заслуга Эмиля Ратенау. В 1913 г. Германия производила около половины мировой энергии – 46,4%, в то время как Великобритания только 22%, США же только 15,7%. Методы ведения бизнеса Эмиль Ратенау перенимал у американцев, явно подражая Рокфеллеру. Одним из первых в Германии он оценил достоинства так называемой «холдинг-компания» – фирмы, командующей филиалами в стране и за рубежом через держание контрольного пакета акций. Так появились дочерние фирмы в Швейцарии, России и других странах. В конце 1890-х гг. ВЭК (AEG) обошла по силе и влиянию многие фирмы. ВЭК строила электростанции в большинстве европейских стран, особенно в Италии, Испании, Австрии, России, кроме того, в Японии, Южной Америке и Южной Африке. Уже в 1903 г. Эмиль Ратенау вел переговоры с компанией «Дженерал Электрик» (General Electric Company) относительно раздела сфер деятельности на мировом рынке, то есть чтобы поделить между собой весь мир.

За период 1980–1914 гг. ВЭК (AEG) превратилась в один из самых больших концернов Европы, являясь образцом, отражающим динамичность окружающего мира, развитие немецкой экономики [22].

Трудно дать всеобъемлющее представление об огромном, разветвленном концерне-комплексе ВЭК (AEG), это потребовало бы написания отдельной книги [23].

Всеобщая компания электричества (Allgemeine Elektrizitäts-Gesellschaft) представляла собой холдинговое финансовое общество со своими банками, газовыми вышками и т. д. Приведу только немного данных из списка предприятий ВЭК, упорядоченного по отраслям: концерн владел 58 банками, финансовыми, холдинговыми, торговыми и территориальными обществами; 11 шахтами; 21 буроугольным обществом; 21 предприятием тяжелой промышленности и прокатными станами; 77 машиностроительными и металлообрабатывающими заводами, 76 электропромышленными предприятиями, 35 химическими предприятиями; 101 электростанцией; газовыми выш-

ками; телеграфными обществами; в других союзах, картелях, синдикатах ВЭК участвовал в 64 случаях [24]. Общее число предприятий АЕГ составляло 966.

Акционерный капитал в 1887 г. при основании ВЭК составил 12 000 000 марок, в 1900 г. – 60 000 000 марок, в 1914 г. – 155 000 000 марок, в 1915 г. – 184 000 000 марок, в 1917 г. – 200 000 000 марок, в 1920 г. – 500 000 000 марок, в 1921 г. – 1 100 000 000 марок. Число рабочих и служащих в ВЭК – 2 000 человек во время создания, перед войной свыше 66 000 [25]. Обзор развития ВЭК важен потому, что это было делом всей жизни Эмиля Ратенау.

Этот беспрецедентный взлёт ВЭК (AEG), несомненно, был связан с личностью Эмиля Ратенау. Его ориентированный на будущее образ мыслей и его воля к созиданию, творческий потенциал превратили ВЭК, несмотря на бесчисленные трудности, в признанное международное предприятие.

Эмиль Ратенау определил будущее. Можно привести слова его современника, драматурга Оскара Уайльда (Oscar Wilde): «Прогресс есть осуществление утопии».

Продукт для Ратенау – это не только продукт, который можно продать, в нём заключена не только экономическая суть, он должен удовлетворять потребность, он должен изменить жизнь человечества, сделать её более комфортной. Э. Ратенау после успешной демонстрации движения локомотива на перегоне Берлин – Цоссен писал в статье: «При скорости 200 км/час бизнесмен может преодолеть расстояние Берлин – Гамбург без потери времени. Утром позавтракав, он может покинуть свое место и отправиться в 10 часов в путь. Затем час посвятить решению какого-либо вопроса, например, провести переговоры с партнерами на бирже, в 4 часа вернуться обратно и после обеда до вечера заниматься корреспонденцией и прочей текущей работой» [26]. Прошло много лет, прежде чем были электрифицированы важнейшие федеральные железнодорожные пути в Германии, но начало этому положил Ратенау.

Он чувствовал вызовы времени и осознавал масштабы мировой экономики. Для него уже тогда весь мир был рынком. И он понимал, что рынок меняется постоянно и задача предпринимателя – планировать изменение рынка. Эмиль Ратенау был первым, если не единственным предпринимателем того времени, который это не только осознавал, но и действовал в соответствии с этим пониманием.

Э. Ратенау характеризовал предпринимательство как «общественную организацию». Любое частное предприятие не должно ставить только цель заработать быстро и много денег, предпринимательство – это серьезная работа, сопряжен-

ная с ответственностью перед обществом и за общество. Под ответственностью понимается организация производства товаров и услуг, необходимых для общества, выплата приемлемых дивидендов, сохранение производственных площадей и рабочих мест.

Создание основательной базы предприятия – одно из важнейших условий его долгосрочного развития и процветания. Находящиеся в нашем распоряжении документы дают нам возможность проанализировать, как он организовал весь процесс нахождения нужного продукта, изготовления его, а затем продажи его клиентской службой. Сегодня можно сказать, что Э. Ратенау – один из первых талантливых маркетологов. Его идеи – «формирование рынка», кооперация, объединение в союз – актуальны и сегодня. Его ориентирование на рынок возвысило его над всеми его современниками в электроиндустрии и определило его особое положение в электротехнике. Пионерские шаги Ратенау в предпринимательской новой среде стали для него возможными потому, что абсолютным содержанием всей его жизни была ВЭК (AEG).

Технологический прыжок в электрификации того времени имеет то же значение, что для нашего времени – технологический вызов электроники.

Из документов мы видим, что Э. Ратенау постоянно размышлял о том, какие экономические изменения порождаются техническими новшествами, какие появляются общественные течения и с какими целями, как можно использовать последствия «эффекта рационализации». В статье «Задачи электрической промышленности» (“Aufgaben der Elektrizitätsindustrie”), написанной в 1910 г., он рассуждал, защищая прогресс: «Электрические лошадиные силы заменят 8 прилежных рабочих, стоят меньше чем двадцатая часть оплаты труда этих рабочих, со всеми необходимыми расходами и будут выполнять их работу днём и ночью, конечно, при определенных условиях, без усталости. Мы опасаемся перепроизводства продукции, которую стали изготавливать за незначительную плату на Ближнем Востоке... Разрушались рабочими машинные производства, делающие ненужными рабочие руки. Сегодня господствует мнение, что с удешевлением производства возрастает в геометрической прогрессии спрос на продукт, и это приводит к увеличению применения рабочих сил» [27]. Сегодня современное общество находится в подобной ситуации, оно совершает прыжок в информативное общество. В ФРГ и других западных странах произошло сокращение рабочих мест, потому что современные электронно управляемые производственные автоматы выполняют работу дешевле.

Ратенау осознал зависимость техники от рынка и рынка от развития техники. Уже в то время он понял опасность загрязнения окружающей среды и важность её защиты. В своих статьях он писал: «Высокие дымовые трубы должны постепенно исчезнуть из-за надоевшего и угрожающего здоровью дыма. Производство пара представлено не одним, а бесчисленными маленькими предприятиями – расточителями народного богатства, которые далее не в состоянии будут существовать» [28]. Сегодня свершилось то, о чем он мечтал, созданы исследовательские лаборатории и высокотехнологичные производства современной ВЭК (AEG), используется солнечная энергия в промышленных масштабах и т. д.

Эмиль Ратенау не был публичным человеком. Он был блестящим маркетологом и рекламным стратегом, выводил свой продукт на рынок. Он не позиционировал себя как единственного провидца, но люди, которые были рядом с ним, ему верили и оставались рядом до конца. Осознание ответственности перед обществом мы видим в его коммерческой осторожности и добросовестности.

В июне 1915 г. Эмиль Ратенау умер в возрасте 77 лет. Все, что было создано в ВЭК (AEG) и в немецкой электроиндустрии во время его деятельности, не могло быть осуществлено одиночкой. С ним сотрудничали самые гениальные люди того времени, не только талантливые исполнители, но и творцы и соиздатели. Но гениальность Эмиля Ратенау состоит в том, что он был генератором немислимых идей. Не ждать роста потребления, а формировать потребление – это его идея, которая воодушевляла Ратенау в малых и больших начинаниях, от которой произошли великие его дела, этой идеей пронизаны все его творения. В первом предприятии Ратенау было заложено изначально все, что в дальнейшем было развито в электроиндустрии: это была творческая связь и взаимное обогащение индустрии и финансов, которое отличало принципиально систему Ратенау от системы, ранее созданной Сименс и Гальске. Не каждому было дано даже перенять этот опыт и претворить его в жизнь. Ратенау господствующую идею мастерски, целеустремленно, органично претворял в практику дня. Система инкапсуляции Ратенау не была жесткой, закостенелой системой, как в большинстве американских трестов, сущность которых – контроль акционеров, это была система меньшинства. В портфеле ВЭК (AEG) находилась только незначительная доля акций многих концернов-обществ и ее финансовый обществ. Ратенау или принцип Ратенау господствовал не благодаря численному превосходству голосов, а благодаря непререкаемому авторитету, доверию, убедительной, побеждающей силе его духа. В этом лежит величие и дарование Ратенау, которые ему по-

могли найти эту так обыденную сегодня, как само собой разумеющуюся систему. Карл Фюрстенберг, его друг, который знал его много лет и часто задавал себе эти вопросы, не мог найти на них ответ. Эмиль Ратенау не был ни сложным, ни проницательным в рефлекторном смысле, он не был ловким диалектиком, убедительным лектором. Он мог молча участвовать в сложной дискуссии. Он не был также брутальным человеком власти. Но он обладал даром: он обладал способностью предвидеть будущее, он предсказал кризис 1901 г. При этом он воспринимал современные возможности и необходимости как очевидное, которые другие видели впервые, с трудом понимали суть происходящего и не могли докопаться до истины. Он воспринимал это как вторичное, уже знакомое, не рефлектировал, не колебался и вследствие этого простодушно и с несокрушимой силой принимался за дело и одерживал победу. Он был очень самокритичным, никогда не переоценивал свои силы, видел реальные возможности и по этой причине он делал только то, что реально мог сделать блестяще. Он понимал до мелочей сложную транзакцию и проекты, которые проводили в ранней политике концентрации. Многие, кто не был специалистом в корпоративном праве, воспринимали это как экстраординарное.

Все его транзакции имели что-то совсем несложное, убедительное, он не сделал ничего бесполезного, не оздоровил ненужное. Он не был искусным финансистом, но он понимал финансовые задачи. Его финансовая система была только адекватным отражением его организационной системы, в финансовых делах он не хотел зависимости от банков, он видел банковские активы, а не банковские обязательства. Начало и конец его политики – формирование потребительского рынка, увеличение потребления, конкурентная игра на понижении и повышении цен на продукцию на рынке. Он поддерживал разумные соглашения с сильными конкурентами, но он не участвовал в синдикате для поддержания высоких цен. За несколько лет до своей смерти, когда он закрыл фабрику ламп накаливания (Metallfadenlampenfabriken), его цены упали в два раза, рынок был очищен, потребление сильно возросло.

В техническом отношении Эмиль Ратенау не был изобретателем, не был конструктором, как Вернер Сименс. Но он был так называемым гениальным техническим критиком. Он видел новые технические задачи, возможности и проблемы, которые были готовы к дальнейшему развитию, и понимал, как построить конструкцию правильного решения задачи. В преодолении трудностей Ратенау был изобретательным и упрямым до крайности. Его дар технического критика ска-

зался в том, что он, фантазируя, предвидел практически возможные последствия и применения, позднее фантазии были подтверждены экономическими и теоретическими изобретениями, что он мог продумать до конца технический путь.

Что создал Ратенау? Не немецкую электроиндустрию, не немецкое потребление электричества. Это было бы достигнуто и без него, это могло произойти позже. Но то, что это произошло раньше и так прочно было основано, это было заслугой Эмиля Ратенау. Его заслугой было и то, что благодаря его деятельности немецкая индустрия удовлетворила не только потребности Германии, а стала мощной мировой и экспортной индустрией и вопреки поражению Германии в Первой мировой войне такой и осталась [29].

В 1915 г. служащие могли с полным правом сказать об Эмиле Ратенау: «В его хозяйственной империи солнце никогда не заходило» [30]. 23 июня 1915 г., в день похорон Эмиля Ратенау, его сын Вальтер Ратенау в речи, посвященной памяти отца, сказал: «Говорят, дело моего отца выросло с ним. Нет, это не так. Не с ним оно выросло, а из него, из его духа, из силы его предвидения, это прорвалось как естественная сила» [31].

То, чего достиг Ратенау за 40 лет своей деятельности в ВЭК (AEG), достойно изучения.

Примечания

1. Mader U. Emil und Walther Rathenau in der elektrochemischen Industrie (1888–1907). Berlin, 2001. S. 40.
2. Kessler H. Walther Rathenau. Sein Leben und sein Werk. Berlin, 1928. S. 10.
3. Pobl M. Emil Rathenau und AEG. Berlin, Frankfurt a. Mein, 1988. S. 21.
4. Selbstbiographie//Riedler, A. Emil Rathenau und das Werden der Grosswirtschaft. Berlin, 1915. S.7.
5. Предварительный мир в Виллафранка (11.07.1859) между Наполеоном III. и Францем Йозефом I. В Итало-австрийско-французской войне в Верхней Италии (24.04.–10.11.1859). Окончательный мирный договор 10 ноября в Цюрихе.
6. Pobl M. Op. cit. S. 22.
7. Шулин считает, что «В 1865 г. приобрел берлинскую машинную фабрику». Schulin E. Rathenau. Repräsentant, Kritiker und Opfer seiner Zeit. Zurich – Frankfurt a.M., 1979. S. 12.
8. Pobl M. Op. cit. S. 23.
9. Wilde H. W. Rathenau in Selbstzeugnissen und Bilddokumenten. Hamburg, 1971. S. 9.
10. Rathenau W. Gesammelten Schriften. Berlin, 1929. Bd. 6. S. 422.
11. Pobl M. Op. cit. S. 23.
12. Schulin E. Rathenau. Repräsentant, Kritiker und Opfer seiner Zeit. Zurich – Frankfurt a.M., 1979. S. 13–14.
13. Wilde H. W. Op. cit. S. 10.
14. Pinner F. Emil Rathenau und elektrische Zeitalter, Leipzig, 1918. S. 158.
15. Berglar P. Walther Rathenau. Sein Zeit-sein Werk-seine Persönlichkeit. Bremen, 1970. S. 272.

16. Великие промышленники. Вейхер З. Вернер фон Сименс; Шредер Э. Крупн. Ростов н/Д, 1998. С. 123.
17. *Federn-Kolbaas E.* Walther Rathenau. Sein Leben und Wirken. Dresden, 1927. S.24.
18. *Schulin E.* Op. cit. S. 15.
19. Ibid. S. 16.
20. *Furstenberg C.* Die Lebensgeschichte eines deutschen Bankirs. Berlin, 1931. S. 182.
21. *Schulin E.* Op. cit. S. 17–18.
22. *Matschoss C.* Die geschichtliche Entwicklung der AEG in den ersten funfundzwanzig Jahren ihres Bestehens., Berlin 1919; *Schiff E.* AEG und Berliner Elektrizitäts – Werke., Berlin, 1918.
23. *Ufermann P., Huglin C.* Die AEG, eine Darstellung des Konzerns der Allgemeine Elektrizitäts-Gesellschaft. Berlin, 1922. S. 22ff.
24. *Ufermann P., Huglin C.* Op. cit. S. 94.
25. *Berglar P.* Op. cit. S.272; *Furst A.* Emil Rathenau. Der Mann und sein Werk. Berlin, 1915. S. 112ff.
26. *Pohl M.* Op. cit. S. 209.
27. Ibid. S. 209.
28. Ibid. S. 212.
29. *Pinner F.* Deutsche Wirtschaftsfuhrer. Walther Rathenau. Berlin: Akad. Verlages, 1924. S. 26.
30. *Хауч Г.* Империя «АЕГ-Телефункен». М., 1982. С. 60.
31. *Rathenau W.* Gedachtnisrede // AEG Firmenarchiv.

УДК 94(73+498)“1980/1989”

С. Н. Белевцева

ПОЗИЦИЯ КОНГРЕССА И ПРЕЗИДЕНТА США В ОТНОШЕНИИ «ОСОБОГО КУРСА» РУМЫНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х гг.

В статье прослеживается изменение подходов правящих кругов США к внешнеполитическим связям с Румынией. Рассматривается их динамика – от поощрения «особого курса» до потери интереса к нему и постановки во главу угла двусторонних связей вопросов демократизации румынского общества.

The article traces the change of approaches of the USA ruling circles to relations with Romania. Their dynamics is considered: from encouragement of the “special route” to the loss of interest to it and foregrounding the issues of democratization of the Romanian society.

Ключевые слова: Румыния, США, стратегия «распространения демократии», права человека.

Keywords: Romania, the USA, strategy of “distribution of democracy”, human rights.

Коммунистическая идеология с момента приобретения ею государственного статуса в России всегда встречала противодействие со стороны развитых западных стран. После окончания Второй мировой войны, несмотря на огромный вклад СССР в достижение этой победы, борьба с

коммунистической идеологией обострилась. Теперь она была направлена уже против всего социалистического лагеря. Соединённые Штаты Америки, став лидером в этой борьбе, со второй половины 1980-х гг. стали активно применять стратегию «распространения демократии», как средство противодействия коммунистической идеологии.

Среди основных направлений «распространения демократии» – СССР, Восточная Европа, страны третьего мира – особое внимание уделялось Румынии. По мнению политиков США, ставка на Румынию с точки зрения реализации стратегии была наиболее эффективной в связи с её «особым курсом».

В статье предлагается рассмотреть подходы правящих кругов США к внешнеполитическим связям с Румынией в их динамике – от поощрения «особого курса» до потери интереса к нему и постановки во главу угла двусторонних связей вопросов демократизации румынского общества.

Основными источниками при написании данной статьи были заявления, выступления, речи президента США Р. Рейгана, других представителей его администрации, документы Конгресса США, материалы научных «мозговых центров» Соединённых Штатов и отдельных их виднейших представителей, материалы американской прессы.

Румынский «особый курс» проявился с начала 1960-х гг. как отражение нарастающих разногласий Румынии с СССР и странами Восточной Европы. «Особый курс» включал в себя собственно румынское толкование теории и практики социалистического строительства, охватывавшее не только внешнюю политику страны, но и внутренние сферы общественного развития. Для проявления «особого курса» у Румынии имелись предпосылки: наличие значительно более богатых в сравнении с другими восточноевропейскими странами полезных ископаемых, немалые людские ресурсы, что создавало благоприятные условия для зарождения планов форсированного экономического развития и достижения уровня высокоразвитых стран мира.

Роль Румынии в теоретических схемах американской политологии определялась акцентированным вниманием к особенностям положения этой страны в системе социалистического блока. С точки зрения политиков США, Румыния, следуя «особым курсом», достигла в своей внешнеполитической практике максимально допустимых пределов независимости для государств – членов Организации Варшавского Договора и по данному показателю заметно выделялась среди партнеров по блоку.

Начиная с середины 1960-х гг. большинство американских внешнеполитических экспертов отводили Румынии роль «пробного камня» в стра-

тегии «непрямого вмешательства» в восточноевропейском регионе, что нашло теоретическое обоснование в положениях доктрин «мирного вовлечения» и «наведения мостов», а со второй половины 1980-х гг. в концепции «распространения демократии».

Показательно в этом плане заявление госсекретаря США Дж. Шульца, сделанное во время визита в Румынию в декабре 1985 г. На пресс-конференции в Бухаресте он подчеркнул, что одной из целей его поездки было стремление «выразить уважение независимым позициям Румынии по многим международным вопросам» [1].

Следуя стратегии «распространения демократии», вторая администрация Р. Рейгана первоочередную роль в её применении отводила преобразованию Восточной Европы. В связи с этим известный политический деятель США З. Бжезинский указал, что ставкой в восточноевропейской политике Р. Рейгана стало «стремление преодолеть искусственный раздел Европы» [2]. Вице-президент Дж. Буш, заявляя о незаконности раздела Европы, отмечал: «Наша политика – это “политика дифференциации”. Мы исходим из того, в какой степени страны проводят автономную внешнюю политику, независимую от указаний Москвы, и в какой степени они осуществляют внутреннюю либерализацию» [3]. Дж. Буш, опираясь на характеристику некоторых восточноевропейских стран, подразделил их на «открытые и независимые, с которыми Соединенные Штаты намерены улучшить отношения, и закрытые и воинственные, вознаграждать которые у США нет никакого желания» [4]. Румынию Соединенные Штаты относили к первой категории.

Внешнеполитическая элита, эксперты США, исходя из концепции «эрозии социализма», считали необходимым направить её на один из объектов, потенциально подверженных эволюции. Известный американский ученый-международник, один из авторов монографии «Разрушающаяся империя» Л. Гордон писал: «Во второй половине 1980-х гг. можно найти достаточно доказательств того, что Румыния отходит от статуса советского сателлита. Если Запад и в первую очередь США прекратят свою поддержку Румынии, их позиции в Восточной Европе в целом могут быть подорваны. Отступление может быть истолковано как слабость в противостоянии Москве, может привести к общей потере доверия к Западу и обескуражить другие восточноевропейские режимы, стремящиеся ослабить связи с Советским Союзом» [5].

Используя стратегию «распространения демократии» в отношении Румынии, США руководствовались, безусловно, прагматическими соображениями. Американские политики рассматривали Румынию как одно из таких звеньев

в блоке социалистических стран, ослабив которое можно было нарушить единство всей системы и потеснить позиции Советского Союза в Восточной Европе. Этой главной цели и были подчинены практические шаги второй администрации Р. Рейгана.

Таким образом, Румыния, в связи с её «особым курсом», являлась одним из главных объектов значительного интереса Вашингтона в восточноевропейском регионе. В то же время румынский коммунистический режим не стремился безоговорочно принять распространяемой США демократии. Права и свободы румынского народа были ограничены не менее чем в любой другой стране социалистического лагеря. Национальные меньшинства подвергались притеснению, право на эмиграцию предоставлялось избирательно и с большими трудностями. Режим Н. Чаушеску, несомненно, был заинтересован в развитии свободной торговли со странами Запада, но он не стремился к свободным экономическим отношениям внутри страны. Однако демонстрировавшаяся свобода от согласованных действий соцлагеря импонировала США, и Румыния, несмотря на свою «относительную малозначимость, стала квазиклиентом Запада» [6]. Учитывая эти факты, администрация Р. Рейгана избрала политику давления на Румынию с целью восприятия ею западных, в первую очередь американских, ценностей демократии.

Одним из направлений в «распространении демократии» в отношении Румынии американская администрация избрала поддержку оппозиции, борющейся за права человека. Администрация и законодатели США проявили повышенный интерес к проблемам религиозных меньшинств и трансильванских венгров в Румынии. Во второй половине 1980-х гг. эта проблема превратилась в болезненный пункт отношений между США и Румынией. Особенную активность на этом направлении Вашингтон проявлял в периоды, предшествовавшие ежегодному рассмотрению в Конгрессе вопроса о продлении Румынии режима наибольшего благоприятствования. Белый дом в связи с этим заявлял о том, что он проводит дифференцированную политику: «Мы хотим улучшить политические, экономические и культурные связи в соответствии с объективной ситуацией» [7].

На практике это означало, что США готовы развивать межгосударственные отношения с восточноевропейскими партнёрами в зависимости от того, насколько близко подошла та или иная страна в своей внутренней и внешней политике к критериям, приемлемым для американских национальных интересов. Тезис о «дифференциации» приобрёл в данном контексте двойное значение: предпочтение США отдавалось не только открытым и независимым странам, но также и тем, в

которых у Соединенных Штатов имелись какие-то перспективы реального влияния, то есть легального проникновения. Активные американо-румынские связи в предыдущие десятилетия делали Румынию одним из наиболее предпочтительных объектов для такого американского проникновения. Практическим рычагом воздействия на румынскую политику оставался механизм ежегодного возобновления режима наибольшего благоприятствования. А он, как известно, был зависим от реализации поправки Джексона – Вэника, увязывавшей привилегии межгосударственной торговли с реализацией прав человека, включая право граждан на эмиграцию.

За 10 лет действия режима наибольшего благоприятствования, предоставленного Румынии Соединенными Штатами в качестве поддержки её «особого курса», на условиях поправки Джексона – Вэника, из Румынии только в США выехало 24 945 человек [8]. Кроме того, Соединенные Штаты фактически контролировали эмиграцию из Румынии в Израиль. Общее число выехавших в Израиль с 1975 г. по 1985 г. составило 15 555 человек [9]. Самой значительной в эти годы была эмиграция из Румынии в ФРГ – в среднем около 10 тыс. ежегодно, наибольший рост отмечен в 1984 г. – 14 831 человек, общее число с 1975 по 1985 г. достигло 108 797 человек [10]. Давление на Румынию в рамках стратегии «распространения демократии» привело к тому, что общий уровень ежегодной эмиграции из Румынии в США, Израиль и ФРГ на протяжении десяти лет, начиная с 1975 г., превышал число выехавших из СССР, Болгарии, Чехословакии, Венгрии вместе взятых [11].

В 1984 г., когда отмечался пик эмиграции из Румынии, резко увеличилось положительное сальдо торгового баланса Румынии с США – более чем на 350 млн долларов [12]. Со снижением уровня эмиграции в последующие годы сократились и размеры сальдо.

Самым действенным рычагом в решении эмиграционных и других гуманитарных вопросов внешнеполитическая элита Соединенных Штатов неизменно признавала механизм ежегодного продления режима наибольшего благоприятствования в отношении Румынии. Об этом из года в год в Конгрессе напоминал и Госдепартамент, подчеркивая, что «помимо режима наибольшего благоприятствования у США нет других эффективных средств воздействия на развитие событий в Румынии» [13].

В конце 1985 г. Конгресс США поднял вопрос о продлении режима наибольшего благоприятствования для Румынии. По мнению сенатской комиссии, пример Румынии олицетворял собой «самый большой успех применения поправки Джексона – Вэника» [14].

Но в Конгрессе США уже начала звучать критика в адрес администрации Р. Рейгана, стремившейся развивать американо-румынские отношения в более широких масштабах, нежели с другими странами Восточной Европы, в силу «особого курса» Румынии. Конгрессмены призывали президентскую администрацию пересмотреть лояльное отношение к Румынии в связи со значительными нарушениями прав человека в этой стране. В ходе визита в Румынию в конце 1985 г. Дж. Шульц признавался румынскому руководству, что администрация «испытывает нажим со стороны конгресса по вопросам защиты прав человека в Румынии» [15]. Белый дом подвергался также критике и со стороны ряда чиновников. В мае 1985 г. подал в отставку посол США в Румынии Дэвид Фанденберг. Основной причиной отставки посла американская печать назвала его несогласие с проводимой Белым домом политикой в отношении Румынии. По мнению Д. Фанденберга, администрация США проводила в последние годы «недостаточно жесткий курс, предоставляла Румынии неоправданные привилегии» [16].

Данная позиция объяснялась следующим. Значительная часть политической элиты США считала, что во второй половине 1980-х гг. открылись благоприятные условия для эффективной политики давления по правам человека во всем восточноевропейском регионе и, следовательно, нет необходимости учитывать особые отношения с Румынией, как это было в предшествующие годы.

В связи с этим Конгресс занял жесткую позицию в отношении Румынии в вопросе прав человека. В декабре 1985 г. после советско-американской встречи в Женеве (ноябрь 1985 г.), продемонстрировавшей изменение политического климата и возможность эффективного использования стратегии «распространения демократии» в отношении стран социалистического блока, Сенат принял внесенную сенатором С. Симмсом резолюцию, обвиняющую Румынию в пренебрежительном отношении к свободе религии и в подавлении национальных меньшинств [17]. В это время в обеих палатах Конгресса находились на рассмотрении два законопроекта, предусматривавших временную отмену для Румынии тарифных льгот в торговле с США. Узязка данных вопросов была не случайной, её следует признать механизмом воздействия на румынские власти.

В рамках обозначенного курса в мае 1986 г. Румынию посетил советник Госдепартамента Э. Дервински. Американская пресса сообщила, что поездка носила специальный характер [18]. Специфика состояла в том, что в преддверии процедуры возобновления режима наибольшего благоприятствования Белый дом вновь попытался добиться от Румынии уступок по ряду правозащит-

ных вопросов. Через несколько дней президент Р. Рейган выступил с предложением продлить на следующий год льготный тарифный статус для Румынии, оговорив при этом трудности, связанные с принятием такого решения [19]. Позицию президента поддержали представители демократической оппозиции в Конгрессе, рассчитывавшие на прогресс в области прав человека в Румынии под воздействием американского экономического нажима. Отстаивая необходимость сохранения режима наибольшего благоприятствования как рычага давления на Румынию, представители администрации следующим образом сформулировали на специальных слушаниях в Конгрессе точку зрения правительственных экспертов: «Наши реальные надежды связаны с поддержкой глубокого стремления к системе, уважающей гражданские права...» [20]

Вместе с тем ряд консерваторов в Конгрессе, выступая также за демократизацию Румынии, придерживались противоположных методов и стремились ужесточить проведение в жизнь поправки Джексона – Вэника, чтобы, как они заявляли, «содействовать свободе за железным занавесом» [21]. Еще в феврале 1986 г. исполнительный директор организации «Комитет по наблюдению за выполнением Хельсинкских соглашений» Дж. Лейбер, выступая в Сенате, предложил законодательно оформить полугодичный испытательный срок для Румынии, чтобы за это время её правительство «исправило свою практику в области прав человека» [22]. На это время предлагалось приостановить действие режима наибольшего благоприятствования для Румынии.

Все в Конгрессе были за демократизацию Румынии, видя в этом процессе отход от коммунистической государственности. Но в тактике действий имелись разногласия.

В этой борьбе мнений консерваторы предприняли попытку принять резолюцию Конгресса, в которой бы предусматривалось прекращение режима наибольшего благоприятствования для Румынии. В 1986 г. подобная резолюция была отвергнута 216 голосами против 190 [23]. В ходе попыток найти компромисс между лишением Румынии режима наибольшего благоприятствования и его продлением был выработан проект резолюции, предусматривавший временное прекращение действия режима наибольшего благоприятствования для Румынии на 6 месяцев. В октябре 1986 г. конгрессмены К. Смит, Ф. Вульф и Т. Холл после поездки в Румынию внесли такую резолюцию (H. R. 3599) в палату представителей, и 89 конгрессменов выступили её соавторами. В ноябре 1986 г. идентичную резолюцию в Сенате (S. R. 1817) внесли сенаторы П. Трибл и У. Армстронг.

Против подобных проектов Конгресса решительно выступал Госдепартамент США. Мотивы данной позиции были как политические, так и экономические. В частности, противниками прекращения действия режима наибольшего благоприятствования, выступавшими за развитие торгово-экономических связей с Румынией, были представители министерства торговли США. Ими выдвигались следующие аргументы: экспорт в Румынию обеспечивал дополнительные рабочие места в Соединенных Штатах – до 10 тыс. человек [24]. Кроме того, значительную часть американского экспорта составляли так называемые «дополнительные» товары (главным образом сельскохозяйственная продукция), которые были бы просто потеряны для США, если бы не экспортировались в Румынию.

Что касается экспорта Румынии в Соединенные Штаты, то он способствовал получению ею валютных средств, которые использовались для погашения задолженности американским кредиторам. Только в 1985/1986 г. Румыния должна была выплатить по 200 млн долларов американским правительственным и частным финансовым учреждениям [25].

Представитель министерства финансов Соединенных Штатов Дж. Деннин на слушаниях в Конгрессе в 1986 г., отвечая на вопрос о полезности для США продления режима наибольшего благоприятствования для Румынии, подчеркивал, что от устойчивости американо-румынских экономических связей (к середине 1980-х гг. на долю Румынии приходилось до 40% всего торгового оборота США со странами Восточной Европы) Соединенные Штаты имели значительные экономические выгоды. «За время действия режима наибольшего благоприятствования американские компании экспортировали в Румынию товаров на сумму более чем 3,5 млрд долларов. Более того, без режима наибольшего благоприятствования многие американские компании не имели бы выхода на румынский рынок» [26].

Однако главными были политические мотивы поддержки Госдепартаментом США продления режима наибольшего благоприятствования для Румынии. Представители бизнеса вполне осознавали линию, намеченную администрацией Соединенных Штатов в отношении Румынии. В связи с этим, помимо экономических доводов, в полемике с Конгрессом они все без исключения, хотя и в разной форме, апеллировали к тезису о том, что новые препятствия на пути развития торгово-экономических отношений, и в частности лишение режима наибольшего благоприятствования, неизбежно приведут к снижению возможностей США влиять на Румынию [27].

Несмотря на это Конгресс заявлял о накоплении проблем в американо-румынских отноше-

ниях. В Сенате (В. Армстронг, Д. П. Мойнихэн, Дж. Митчел, Дж. Хелмс) и в палате представителей (Ст. Соларз, Р. Дорнан) сложились группы, которые энергично требовали от Белого дома оказать давление на румынскую сторону, добиваться прекращения нарушений прав человека.

В Конгрессе прочно утвердилось представление о Румынии как стране с вопиющими нарушениями прав человека в Восточной Европе. Американский комитет по наблюдению за выполнением хельсинкских соглашений следующим образом описывал обстановку в Румынии: «Резко ухудшающееся положение в экономике, коррумпированная бюрократия, вездесущая служба безопасности и культ личности, окружающий Н. Чаушеску и его семью» [28].

Госдепартамент, однако, использовал гораздо более осторожные формулировки. «В области прав человека, – отмечали его представители, – главное несоответствие остаётся между конституцией Румынии, законами, официальными заявлениями и международными обязательствами, с одной стороны, и гражданскими свободами и теми правами человека, которые представлены режимом, – с другой» [29].

Вопрос об эмиграции превратился в неотъемлемый аспект обсуждений в Конгрессе перспектив американо-румынских экономических отношений. На официальном уровне было признано, что в соответствии с важнейшими интересами Соединенных Штатов торговая политика в отношении Румынии не может быть отделена от политических целей воздействия на коммунистический режим. Внешнеполитическая элита США намерена была добиваться экономическими средствами распространения американских ценностей демократии в Румынии и, следовательно, её вовлечения в сферу влияния Соединенных Штатов.

В 1987 г. Румыния была исключена из списка стран, пользующихся при экспорте своих товаров в США Генеральной системой преференций. Мотивы такого решения были, безусловно, политические, так как товары, входящие в программу этой системы, не могли представлять конкуренции для американских производителей. В основном они представляли собой сырье и полуфабрикаты, закупаемые США в развивающихся странах. Однако для Румынии утрата этой привилегии означала вероятное увеличение затрат на экспорт в Соединенные Штаты нефтепродуктов и других товаров приблизительно на 20–25 млн долларов [30].

Соотношение сил в Конгрессе было в пользу сторонников лишения Румынии режима наибольшего благоприятствования. В конце апреля 1987 г. палата представителей большинством голосов – 232 против 183 – проголосовала за поправку к торговому законопроекту, в соответствии с кото-

рой статус наиболее благоприятствуемой нации для Румынии приостанавливался на 6 месяцев. Мотивы данного решения определялись следующим образом: в связи с препятствием румынского правительства в осуществлении свободы вероисповедания и преследованием венгерского меньшинства, проживающего в стране. Месяц спустя аналогичную поправку большинством в 57 против 36 голосов принял Сенат.

Позиция Конгресса США по данному вопросу не изменилась и в последующем. В июне 1987 г. Р. Рейган направил Конгрессу доклад о продлении режима наибольшего благоприятствования для Румынии. Президент в документе указывал на то, что разделяет озабоченность Конгресса по поводу политики румынского руководства в области прав человека, включая обеспечение религиозных свобод и отношение к национальным меньшинствам. Вместе с тем президент указывал на необходимость продления режима, так как он мог бы «воздействовать на румынскую политику в области прав человека и особенно тогда, когда она вызывает беспокойство...» [31].

Р. Рейган считал, что в новых политических условиях, когда позиции СССР стали ослабевать в восточноевропейском регионе, режим наибольшего благоприятствования открывал более широкие возможности для американского влияния в Румынии.

Однако позиция Конгресса была иной. Об этом свидетельствует голосование в Сенате в июле 1987 г. по резолюции Д. Дэнфорты – Г. Меценбаума, которая предусматривала смягчение первоначальной поправки за счет положения о праве президента предоставить режим наибольшего благоприятствования Румынии, если он решит, что в результате лишения этого статуса ей будет труднее улучшить положение в области прав человека или что это затруднит эмиграцию из страны. Сенат 53 голосами против 44 проголосовал за то, чтобы не менять решения об отмене на полгода режима наибольшего благоприятствования для Румынии.

Как видим, взгляды на тактику воздействия на румынское руководство у Конгресса и президента отличались, но цели были одинаковы – обеспечение распространения американских ценностей демократии в Румынии как основы влияния и контроля США.

В контексте указанной политики Сенат в августе 1988 г. единодушно принял резолюцию № 461, в которой румынское правительство осуждалось за продолжающуюся практику систематического нарушения общепризнанных прав человека. Сенат в резолюции призывал румынское правительство пересмотреть политику в области прав человека, а президента и госсекретаря США побуждал продолжать обращать внимание ру-

мынских властей на нарушение прав и требовать проведения необходимых реформ в этой области. Резолюция увязывала с прекращением нарушений румынской стороной прав человека возможность возобновления режима наибольшего благоприятствования [32].

Конгресс играл в этом вопросе инициативную роль. Он стремился подтолкнуть администрацию занять более активную позицию. В августе 1988 г. 25 сенаторов направили коллективное письмо госсекретарю Дж. Шульцу с призывом заявить румынскому правительству решительный протест по поводу последствий «систематизации», квалифицированной как воплощение сталинской коллективизации для венгерского и немецкого меньшинств, а также требовали использовать для обсуждения политики румынского руководства в области прав человека любой международный форум [33].

Администрация в своем подходе к данной проблеме в принципе разделила позицию Конгресса.

В Восточной Европе наступили другие времена. Самоустранение СССР от разрешения конфликтных ситуаций в этом регионе во второй половине 1980-х гг. способствовало активизации в реализации американской стратегии «распространения демократии». При этом тактика применения этой стратегии становилась общей для всех восточноевропейских стран.

Многие годы воздействие администрации США на румынское руководство осуществлялось в форме выражения беспокойства по конкретным случаям нарушения прав человека. Однако в конце 1980-х гг. давление с американской стороны по гуманитарным вопросам на румынские власти стало возрастать. В докладе Госдепартамента по правам человека за 1987 г. применительно к Румынии ещё говорилось о злоупотреблениях румынского правительства в этой области, в отличие от широко используемого в резолюциях Конгресса термина «нарушение прав». Однако уже в феврале 1988 г. заместитель госсекретаря США Дж. Уайтхед после посещения Бухареста заявил о «повсеместных репрессиях в Румынии, ограничениях религиозных свобод, свободы слова и печати» [34]. Подобного же рода заявления были сделаны им в том же месяце перед участниками Международного форума по правам человека в Нью-Йорке.

В беседе с Н. Чаушеску в феврале 1988 г. Дж. Уайтхед предупредил, что шансы на получение режима наибольшего благоприятствования у Румынии меньше пятидесяти процентов. Причина заключалась в том, что в США считали «неудовлетворительным соблюдение румынским правительством прав человека» [35]. Госдепартамент в специальном заявлении в феврале 1988 г. указывал на то, что «забота о соблюдении прав

человека в дальнейшем будет центральной темой американо-румынского диалога» [36].

Румынская сторона отказывалась идти на уступки в гуманитарной области, осознавая их последствия для дестабилизации внутренней обстановки в стране. Н. Чаушеску заявил о том, что политика США ведёт к ухудшению румыно-американских отношений [37]. В ответ на действия Соединенных Штатов Н. Чаушеску предпринял ряд мер по созданию различного рода препятствий для идеологического проникновения извне. Власти пресекли контакты западных дипломатов с широко известными на Западе диссидентами. Было сокращено число американских лекторов, например, по фонду Фулбрайта в Румынии – с 10 до 5, а румынских лекторов и студентов в США – с 38 в 1979 г. до 2 в 1988 г. [38] Румыния резко ограничила число своих зарубежных постоянно аккредитованных журналистов. В 1988 г. в США их не было ни одного. Возросла самоизоляция страны.

Румыния теряла привилегии, а вместе с ними падали темпы развития падали экономики. Ориентация экономики на связи с Западом, несомненно, была выгодна Румынии. Но поддержка США режима Н. Чаушеску автоматически продлевала само существование этого режима в условиях жестокого экономического кризиса, в который страна вступила с начала 1980-х гг. И хотя к концу 1980-х гг. Соединенные Штаты уже не играли роль ведущего западного импортера румынской продукции, уступив свое место в 1987 г. Италии, а позднее ФРГ, тем не менее США устойчиво входили в четверку западных государств (ФРГ, США, Италия, Франция), на долю которых приходилось 93% в 1986 г. и 81% в 1987 г. валютных поступлений Румынии от внешней торговли с западными странами. В 1988 г. они составили: от торговли с Италией 753 млн долл., США – 478 млн долл., ФРГ – 465 млн долл., Францией – 355 млн долл. [39]

Понимая, что осложнение отношений с США, утрата экономических привилегий отражаются и на внутривластной стабильности в стране, режим Н. Чаушеску делал попытки пойти на определенные уступки американской стороне, включая продолжение консультаций по всему спектру проблем прав человека. Однако Вашингтон уже не устраивали частичные уступки.

На фоне успехов в применении стратегии «распространения демократии» в других восточноевропейских странах, включая лидера социалистического блока – Советский Союз, в Румынии наступил регресс демократических преобразований.

К моменту декабрьских событий 1989 г., повлекших за собой крушение режима Н. Чаушеску, румыно-американские отношения находились на самом низком уровне своего развития. В

1989 г., кроме деловых поездок представителей бизнеса и общественных организаций, не состоялось ни одного визита в Румынию официального представителя Вашингтона сколько-нибудь высокого ранга.

До перестройки в СССР американские политики рассматривали Румынию как одно из таких звеньев в блоке социалистических стран, ослабив которое можно было нарушить единство всей системы и потеснить позиции Советского Союза в Восточной Европе. Данный подход доминировал в американской политике. Администрация США не раз закрывала глаза на внутреннюю политику Н. Чаушеску, если румынские внешнеполитические акции укладывались в американские стереотипы блокового мышления.

Переломным моментом в отношении США к Румынии стал конец 1980-х гг. В Соединенных Штатах в этот период произошло падение интереса к той политической линии румынского руководства, которая раньше воспринималась как фактор способный оказать давление на Советский Союз, обострить взаимоотношения среди стран социалистического блока.

Внутренняя политика румынского руководства все чаще характеризовалась как наследие сталинизма, попытка консервации одного из самых жестких коммунистических режимов. На фоне изменений в других государствах Восточной Европы положение в Румынии для американских политиков постепенно потеряло свою привлекательность. В глазах правящих кругов Соединенных Штатов произошла девальвация значения «особого», независимого от Москвы курса румынского руководства.

Румыния, сыграв свою роль «особого» звена в связке соцстран, в новых условиях уже не представляла интереса для американских политиков. Борьба с коммунистической идеологией, борьба за лидерство США в мире, и в частности в Восточной Европе, шла более широким фронтом. Частное направление румынского «особого курса» стало узким местом, лишним звеном, неэффективным направлением приложения усилий по реализации стратегии «распространения демократии» и внешнеполитических целей США.

США приветствовали свержение Н. Чаушеску. Белый дом заявил, что Соединенные Штаты разделяют радость румынского народа, освободившегося от диктаторского режима. Одновременно США выражали готовность установить «нормальные отношения с Румынией и оказать ей экономическую помощь, обусловив, однако, это продвижением страны по пути демократических реформ» [40]. Целесообразность развития отношений с Румынией теперь рассматривалась в общей связке отношений со странами Восточной Европы. Главным условием США на раз-

витие отношений с Румынией стала их зависимость от внутренних преобразований в этой стране. Поддержку США могли получить лишь те преобразования, которые укладывались в рамки американской стратегии «распространения демократии» и приводили к реальному изменению политического и государственного устройства.

Примечания

1. International Herald Tribune. 1985. 16 December.
2. Brzezinski Z. Game Plan: How to Conduct the U. S. Soviet Contest. Boston; N. Y., 1986. P. 92.
3. U. S. Department of State Bulletin. 1983. November. P. 21, 22.
4. Ibid.
5. Eroding Empire: Western Relations with Eastern Europe / L. Gordon with J. Brown, P. Hessner, J. Joffe, E. Moreton. Wash., 1987. P. 55.
6. Ibid.
7. New York Times. 1984. 22 April.
8. Hearing before the Subcommittee on Europe and the Middle East of the Committee on Foreign Affairs. House of Representatives. P. 38.
9. Ibid.
10. Ibid.
11. Ibid.
12. Ibid.
13. Hearing before the Subcommittee on Trade of the Committee on Ways and Means, House of Representatives, June 10, 1986. Wash., 1987. P. 59.
14. Hearing before the Subcommittee on international trade of the Committee on Finance, US Senate, August 1, 1986. Wash., 1987. P. 70.
15. Romania: Most Favored Nation Status: Hearing before the Subcommittee on European Affairs of the Committee on Foreign Relations, U. S. Senate, 99th Congr., 2nd sess., February 26, 1986. Wash., 1986. P. 5.
16. International Herald Tribune. 1985. 16 May.
17. New York Times. 1985. 4 December.
18. New York Times. 1986. 3 June.
19. New York Times. 1986. 4 June.
20. Romania ... P. 222.
21. Washington Times. 1987. 19 May.
22. Romania ... P.55.
23. Hearing before the Subcommittee on international trade of the Committee on Finance. P. 24.
24. Ibid. P. 54.
25. Hearing before the Subcommittee on European Affairs of the Committee on Foreign Relations, U. S. Senate, February 26, 1986. Wash., 1987. P. 238.
26. Romania ... P. 239.
27. Hearing before the Subcommittee on Trade of the Committee on Ways and Means. P. 163.
28. U. S. Congressional record. November 1, 1985. S. 14686.
29. Ibid.
30. Country Report: Romania, Bulgaria, Albania // The Economist Intelligence Unit. 1987. № 1. P. 11.
31. 51st Quarterly report to the Congress and the Trade policy Committee on trade between the United States and the nonmarket economy countries during April June. 1987. Wash, 1988. P. 35.
32. U.S. Congressional record. August, 1988. S. 1599.
33. Ibid. S. 11589.
34. U. S. Congressional record. February 18, 1988. H. 437.
35. U. S. Department of State Bulletin. 1988. May. P. 55.

36. Ibid. P. 43.
37. Newsweek, 1989. 21 August.
38. U. S. Congressional record. February 18, 1988. Н. 434.
39. U. S. Department of Commerce International Trade Administration. Materials on doing business in Romania. April. 1990.
40. Scinteia poporului. 1989. 23 December.

УДК 94(410+416)

Т. А. Волков

ПРОЦЕСС МИРНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ В СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ И КОНСЕРВАТИВНАЯ ПАРТИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ (1988–1996 гг.)

В статье исследуется политика Консервативной партии Великобритании по ольстерской проблеме в 1988–1996 гг. Раскрываются характерные признаки курса консерваторов, их вклад в процесс мирного урегулирования.

This article examines the Conservative Party policy regarding the Ulster problem in 1988–1996. The author reveals the characteristic features of the course of conservatives, their contribution to the peace process.

Ключевые слова: Великобритания, ольстерская проблема, Консервативная партия, Джон Мейджор, мирное урегулирование.

Keywords: the United Kingdom, the Ulster Problem, The Conservative Party, John Major, peace process.

Во второй половине XX в. весомую роль в международных отношениях начали играть региональные конфликты, основой которых чаще всего являются этнически-религиозные противоречия. Ольстерская проблема является примером такого конфликта, который и сейчас имеет важное международное значение и потому является актуальным для научных исследований.

Остров Ирландия разделен на два государственных образования: Республика Ирландия, которая является независимой, и Северная Ирландия (ее еще называют Ольстером), которая остается составной частью Великобритании. Большинство населения Северной Ирландии исповедуют протестантизм и выступают за неизменность государственного статуса своей страны. В Республике Ирландия, как и в Ольстере, много сторонников объединения острова в единое целое, которые в основном являются католиками. В непримиримом антагонизме этих двух сообществ, в радикальной полюсности, бескомпромиссности их стремлений суть ольстерской проблемы, представляющей собой целый комплекс противоречий как внутрисполитического, так и межгосударственного характера.

Наиболее радикальные представители враждующих общин объединены в военизированные группировки. Среди католической общины это Ирландская Республиканская Армия (ИРА), которая широко применяет средства террористического характера. Протестанты Ольстера также имеют свои террористические военизированные организации («Ассоциация Обороны Ольстера», «Союз волонтеров Ольстера»). Политические партии, которые представляют интересы протестантов, объединяют под названием «юнионисты», а католиков – «республиканцы». Их жесткое противостояние и дискриминационная политика правительства Северной Ирландии по отношению к католикам привели к эскалации насилия в 1968 г., когда произошли массовые столкновения протестантов и католиков. В 1969 г. для предотвращения дальнейших столкновений были введены части британской армии. Из этих событий берет свое начало новейшая фаза ольстерской проблемы.

Перелом в развитии ситуации в Северной Ирландии произошёл в 1988–1996 гг., когда у власти находилась Консервативная партия Великобритании. Именно в этот период произошли события, которые стали стержневыми в процессе мирного урегулирования, именуемом в британской историографии «Peace process». Именно благодаря действиям консерваторов противоположные стороны начали трудный путь к компромиссу, который в конце концов закончился так называемым «Договором Страстной Пятницы» (1998).

В украинской историографии можно выделить три периода в исследовании ирландской истории. К первому периоду следует отнести работы первой трети XX в., появление которых обусловлено сопоставлением национально-освободительной борьбы украинского народа со стремлением населения Ирландии обрести независимость. Это труды историков Д. Дорошенко, Н. Григоровича, Ф. Крушинского [1]. В течение второго периода – времён господства марксистской методологии – в украинской науке внимание истории Северной Ирландии почти не уделялось, хотя данный вопрос становился всё более актуальным. Можно отметить лишь кандидатскую диссертацию С. Толстого [2]. Третий период – современный. В последние два десятилетия интерес к истории Ирландии неуклонно растёт. Об этом свидетельствуют работы Е. М. Кучменко, О. М. Теленка, К. А. Гули, А. Е. Сахновского [3].

Конец 80-х – начало 90-х гг. XX в. были отмечены новыми инициативами по урегулированию ольстерской проблемы. В 1988 г. Ольстерская Юнионистическая партия (ОЮП), Демократическая Юнионистическая партия (ДЮП), Партия Альянса и Социал-Демократическая Лейборист-

ская партия (СДЛП) провели в Германии серию переговоров, но не выработали общей позиции. Тем не менее эта встреча отметила готовность юнионистских партий искать компромисс вместе с представителями республиканского лагеря. Также в первой половине 1988 г. состоялось несколько встреч между представителями СДЛП и Шинн Фейн [4] (обе партии представляют католиков Северной Ирландии), на которой происходило согласование общей линии поведения.

Министр по делам Северной Ирландии Питер Брук публично заявил, что ИРА не может быть побеждена военным методом и что он не исключает вероятность переговоров между Шинн Фейн и британским парламентом по «прекращению огня». Эти события привели к началу серии переговоров с участием ОЮП, ДЮП, Партии Альянса и СДЛП, которые впоследствии назвали «переговоры Брук – Мейхю». Эти встречи состоялись в период между мартом 1991 г. и ноябрем 1992 г. во время перерыва в деятельности англо-ирландской межгосударственной конференции, чтобы привлечь юнионистские партии к переговорам. План переговоров имел следующие пункты: 1) отношения внутри Северной Ирландии между двумя противостоящими сторонами, 2) отношения между Северной Ирландией и Республикой Ирландия, 3) отношения между Республикой Ирландия и Великобританией. Несмотря на то что никакого прогресса по первому пункту не было, стороны решили перейти к обсуждению второго пункта плана (отношения между Республикой Ирландия и Северной Ирландией). Но и здесь не было достигнуто какого-либо компромисса, и переговоры были свернуты. Несмотря на неудачу, «переговоры Брук – Мейхю» стали еще одной ступенькой к установлению мира на североирландских землях, ведь встречи между противостоящими сторонами приобретали постоянный характер, а не спорадический, как было раньше.

В 1993 г. после серии встреч премьер-министр Республики Ирландия Альберт Рейнолдс и британский премьер-министр Джон Мейджор обнародовали «Объединенную декларацию» [5]. Она стимулировала новые демократические инициативы со стороны Великобритании. Были созданы «Совет отношений между общинами» и организация «Образование для взаимопонимания», учителя школьных заведений получали рекомендации делать больший акцент на том, что объединяет конфликтующие стороны, чем на разъединяющих факторах. Также к этому периоду относятся еще одна инициатива британского парламента – «Решим социальные нужды» (“Targeting the Social Needs”), согласно которой создавался фонд (из государственного бюджета), его средства должны были идти на срочное решение фи-

нансовых и бытовых проблем наиболее кризисных районов Северной Ирландии.

Дальнейшие шаги для стабилизации ситуации сделала Республика Ирландия. Правительство отменило запрет любой рекламной деятельности, связанной с Шинн Фейн. Надежда на взаимопонимание возросла, когда лидеру Шинн Фейн Джерри Адамсу была выдана виза в США для того, чтобы он мог принять участие в конференции в Белом доме, посвященной проблемам Северной Ирландии. Кроме того, британские власти дали официальный ответ (в виде декларации) на замечания Шинн Фейн по «Объединенной декларации» 1993 г. [6]

В августе 1994 г. состоялась секретная встреча между министром по делам Северной Ирландии Патриком Мейхю и делегацией Шинн Фейн. Результатом этой встречи стало провозглашение «прекращения огня» со стороны ИРА с 30 августа 1994 г. [7]

В то время как отношения между представителями республиканского лагеря Северной Ирландии и правительством Республики Ирландия становились все более тесными, отчуждение между радикальной частью юнионистов (в основном представителями партии ДЮП) и британским правительством становилось все заметнее. Этот факт стал очевидным, когда 6 сентября 1994 г. Джон Мейджор разорвал переговоры с лидером партии ДЮП Йаном Пейсли, а через 10 дней (16 сентября) отменил запрет любой рекламной деятельности для Шинн Фейн на территории Великобритании. 13 октября 1994 г. «Объединенное Лоялистское Командование» провозгласило «прекращение огня» [8]. В конце года представители британского правительства начали серию переговоров с теми партиями, которые имели свои военные формирования: Шинн Фейн, Прогрессивной Юнионистской партией, Демократической партией Ольстера. В течение года после подписания «Объединенной декларации» о «прекращении огня» объявили главные террористические организации Северной Ирландии. В дополнение к этому успеху британские власти начали переговоры с представителями парамилитарных организаций, которые впервые представляли две противостоящие общины. В начале 1995 г. произошел качественный прогресс в мирном урегулировании ольстерской проблемы. Впервые за стол переговоров сели представители двух противостоящих сторон, направлять их деятельность на достижение компромисса совместными усилиями пытались как ирландские, так и британские политические деятели.

Желая расширить и углубить процесс мирного урегулирования, правительства Великобритании и Республики Ирландия вместе разработали «Новую основу для соглашения» (“A New

Framework For Agreement”) [9], где были определены новые межгосударственные институты, которые должны были соединять Северную Ирландию с Республикой Ирландия и Республику Ирландия с Великобританией. Оба правительства признали, что урегулирование невозможно без поиска компромисса со стороны всех участников конфликта и подтвердили основные принципы «Объединенной декларации» – принципы самоопределения и компромисса, мирные и демократические методы как единственная стратегия для достижения мира и спокойствия в регионе. Также британское правительство консерваторов предложило собственные идеи для возможного решения конфликта в Северной Ирландии в документе «Основа для подотчетного правительства в Северной Ирландии» (“A Framework for Accountable Government In Northern Ireland”) [10].

Чтобы развить успехи в поиске компромисса, 24 ноября 1995 г. в Республике Ирландия был проведен референдум по вопросу об исключении из конституции республики пунктов о требовании объединения Северной Ирландии с Республикой Ирландия. Хотя результат оказался отрицательным, сам факт, что большая часть населения Республики Ирландия была склонна к компромиссу, влиял положительно на процесс мирного урегулирования.

В том же году правительство Джона Мейджора соглашается на использование помощи извне для урегулирования конфликта. 28 ноября 1995 г. для управления процессом разоружения сторон создается международная комиссия во главе с бывшим американским сенатором Джорджем Митчеллом. 22 января 1996 г. комиссия обнародовала отчет, известный как «Отчет Митчелла» [11]. В нем было предложено установить 6 принципов («Принципы Митчелла»), на основе которых политические партии могли принять участие в межпартийных переговорах. Главным достижением работы комиссии явилось предложение не ставить вопрос о разоружении главным препятствием начала переговоров, а решить этот вопрос в ходе переговорного процесса. Это предложение поддержали все участники переговоров, кроме ДЮП во главе с Йаном Пейсли.

Однако внешнее влияние на урегулирование Ольстерской проблемы далеко не всегда было продуктивным, даже если речь шла о союзниках. После «суэцкого кризиса» 1956 г. наиболее длительный период разногласий между Британией и США (1984–1985 гг.) наблюдался именно по Ольстерскому урегулированию [12]. С точки зрения консервативного кабинета Джона Мейджора (1990–1997 гг.) администрация Билла Клинтона пошла на прямое вмешательство во внутренние дела Лондона, причем действуя не в интересах последнего. Демократическая администрация

Клинтона, несмотря на протесты Лондона, активно поддержала республиканские силы в Ольстере, предоставила въездную визу Джерри Адамсу, сняла ограничения на сбор в США средств на нужды Шинн Фейн.

Следует отметить, что с середины 1990-х гг. и до финансового кризиса 2008–2009 гг. Северная Ирландия показывала уникальный пример экономического развития, который не имеет аналогов в истории Объединенного Королевства: большой рост занятости, темпы промышленного производства в 1,5 раза выше общебританских показателей, 70,8% промышленной продукции, произведенной за последние десять лет, являются продукцией машиностроения, компьютеров и технологии High-Tech.

Экономическое измерение американского интереса к североирландскому урегулированию было особенно заметным. Ирландская экономика имела молодую, талантливую, высокообразованную (к тому же дружески настроенную по отношению к Соединённым Штатам) молодежь. К середине 90-х гг. более чем 430 американских компаний имели свои отделения в Республике Ирландия, примерно 60 000 рабочих получили рабочие места благодаря американским инвестициям (в Северной Ирландии – 14 000). Начиная с 1980-х гг. около 40% инвестиций в Европе в высокотехнологическую отрасль промышленности (в Республике Ирландия и Северной Ирландии это электроника) были вложены именно в этот регион [13]. За три месяца после «прекращения огня» Билл Клинтон назначил Джорджа Митчелла специальным советником по инициативам в Северной Ирландии. В декабре 1994 г. делегация американских бизнесменов, возглавляемая Роном Брауном, прибыла в Белфаст, чтобы принять участие в международной конференции по инвестициям в Северной Ирландии. Подхватывая эту инициативу, Вашингтон организовал подобную конференцию (в Белом доме) в мае 1995 г., а потом еще одну в Питтсбурге в октябре того же года.

29 января 1996 г. межпартийные переговоры начались консультациями между СДЛП, Прогрессивной Юнионистской партией и ОЮП. Но 9 февраля 1996 г. возобновилась террористическая деятельность ИРА – был произведен взрыв в Лондоне на станции метро «Докленс». В результате теракта 2 человека погибли, 100 человек были ранены, Великобритании был нанесен ущерб на сумму 150 млн фунтов стерлингов. Руководители ИРА объяснили этот акт тупиком процесса мирного урегулирования, который, по их мнению, был искусственно создан благодаря радикальной позиции юнионистов. Джон Мейджор, не имея большинства в парламенте и опасаясь потерять поддержку юнионистов и части своей партии, прекратил любые контакты с Шинн Фейн.

Несмотря на приостановление переговоров с Шинн Фейн, 28 февраля 1996 г. после встречи в Лондоне ирландский и британский премьер-министры объявили дату начала межпартийных переговоров – 10 июня 1996 г. 4 марта британское правительство сделало заявление, что межпартийные переговоры будут проходить в Белфасте и для того, чтобы принять в них участие, партия должна быть выбрана в «Североирландский Форум» (на базе которого будут проходить переговоры) и придерживаться «6 принципов Митчелла». 18 апреля 1996 г. правительство Великобритании приняло «Закон о Северной Ирландии (Вступление к переговорам)» (“The Northern Ireland (Entry To Negotiations) Act”) [14], который определил процедуру выборов в Форум. 30 мая 1996 г. в выборах приняли участие 30 партий. В результате при 65%-ной явке населения Северной Ирландии ОЮП завоевала 30 мест (из 110), ДЮП – 24, СДЛП – 21, Шинн Фейн – 17, Партия Альянса – 7, оставшиеся места разделили между собой 5 мелких партий [15]. В понедельник 10 июня состоялось торжественное открытие работы Форума. В заседании должны были принять участие все избранные партии, кроме ДЮП, которая отказалась от участия, и Шинн Фейн, которую (несмотря на неоднократные заявления Джерри Адамса о поддержке «Принципов Митчелла») не допустили к межпартийным переговорам. Так, в угоду сохранению парламентского большинства, решение ольстерской проблемы снова оказалось под угрозой. Продолжить решение оной суждено было «новым лейбористам» во главе с Тони Блэром, которые и выиграли парламентские выборы 1997 г.

В период 1988–1996 гг. Консервативная партия Великобритании сделала основную подготовительную работу по мирному урегулированию в Северной Ирландии, создав необходимую базу для заключения (уже лейбористским правительством) многостороннего соглашения с протестантами и католиками. Длительность сложного процесса урегулирования, осуществленного правительством Джона Мэйджора, во многом была обусловлена склонностью Консервативной партии к силовым методам ведения переговоров и негативным отношением к международному посредничеству. Новое лейбористское руководство страны во главе с Тони Блэром проявило большую инициативность, готовность к компромиссу и терпение, но все эти качественные характеристики, отличавшие курс лейбористов, тем не менее, явились логическим продолжением политики консерваторов. Именно Консервативная партия заложила фундамент, на котором лейбористы воздвигли прочное здание мира с помощью «Договора Страстной Пятницы» (1998) и «Договора Сент-Эндрюс» (2006).

Примечания

1. *Дорошенко Д.* Оповідання про Ірландію. Київ: Просвіта, 1907. 64 с.; Григорович М. Як Ірландія здобула собі волю. Катеринослав: Укр. вид-во в Катеринославі, 1924; *Крушинський Ф.* Національна революція в Ірландії. Париж: Видання «Укр. Визв. Бібліотеки», 1931.

2. *Толстой С.* Английское общество и ирландское восстание 1916 года: дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1983.

3. *Кучменко Е. М.* Ірландія і Ольстерська криза: Пошуки шляхів її подолання у другій половині ХХ століття (Історичний огляд). К., 2000; *Теленко О. М.* Ольстерська проблема в політиці Великої Британії: дис. ... канд. політ. наук. Львів, 2005; *Сахновський О. Є.* Ірландський автономізм у роки Першої світової війни: позиція Партії гомруля та політика британських урядів: дис. ... канд. іст. наук. Чернівці, 2006; *Була К. О.* Шляхи врегулювання конфлікту у Північній Ірландії (1968–2007 рр.): дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2009.

4. Шинн Фейн (ирл. *Sinn Fein* – «мы сами») – название ряда ирландских политических организаций, ведущих свое происхождение от одноименной левой националистической партии, созданной в 1905 г. Артуром Гриффитом. В настоящее время крупнейшей организацией такого рода является «Временная Шинн Фейн», которую с 1983 г. возглавляет Джерри Адамс. Она представлена в Ассамблее Северной Ирландии, парламентах Великобритании (в работе которого представители Шинн Фейн традиционно отказываются принимать участие) и Республики Ирландия, Европейском парламенте (в подгруппе объединённых левых лево-зелёной группы). Критикуется правительствами Ирландии и Великобритании за предполагаемую связь с ИРА, которую сама партия отрицает. Партия придерживается социалистической ориентации и выступает за единую Ирландию.

5. Joint Declaration on Peace: The Downing Street Declaration, Wednesday 15 December 1993 // Архив конфликта в Интернете. URL: <http://cain.ulst.ac.uk/events/peace/docs/dsd151293.htm>

6. British Response to Sinn Fein Request for Clarification // Архив конфликта в Интернете. URL: <http://cain.ulst.ac.uk/issues/politics/docs/nio/nio190594.htm>

7. Irish Republican Army (IRA) Ceasefire Statement, 31 August 1994 // Архив конфликта в Интернете. URL: <http://cain.ulst.ac.uk/events/peace/docs/ira31894.htm>

8. Combined Loyalist Military Command (CLMC) Ceasefire Statement, 13 October 1994 // Архив конфликта в Интернете. URL: <http://cain.ulst.ac.uk/events/peace/docs/clmc131094.htm>

9. The Framework Documents // Архив конфликта в Интернете. URL: <http://cain.ulst.ac.uk/events/peace/docs/fd22295.htm>

10. A Framework For Accountable Government In Northern Ireland // Архив конфликта в Интернете. URL: <http://cain.ulst.ac.uk/events/peace/docs/fd22295b.htm>

11. Report of the International Body on Arms Decommissioning, 22 January 1996 // Архив конфликта в Интернете. URL: <http://cain.ulst.ac.uk/events/peace/docs/gm24196.htm>

12. MacGinty R. American influences on the Northern Ireland Peace Process // The Journal of Conflict Studies. 1997. Vol. XVII. № 2 // The Journal of Conflict Studies. The GREGG CENTRE for the Study of War and Society.

URL: <http://www.lib.unb.ca/Texts/JCS/bin/get.cgi?directory=FALL97/articles/&filename=MACGINTY.html>

13. The Portland Trust. Economics In Peacemaking: Lessons from Northern Ireland // Официальный сайт организации "The Portland Trust". URL: <http://www.portlandtrust.org/>

14. Northern Ireland (Entry to Negotiations, etc) Act, 1996 // Архив конфликта в Интернете. URL: <http://cain.ulst.ac.uk/events/peace/docs/act290496.htm>

15. Forum Election (NI). Thursday, 30 May 1996 // Архив конфликта в Интернете. URL: <http://cain.ulst.ac.uk/issues/politics/election/rf1996.htm>

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 342.951

А. Р. Нобель

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА В ДОКАЗЫВАНИИ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

В статье обсуждаются проблемы использования экспертных исследований по делам об административных правонарушениях в области охраны окружающей среды. Рассмотрены положения действующего российского законодательства, регламентирующие порядок назначения и производства судебных экспертиз. Проведен анализ судебной практики, связанной с использованием при разрешении рассматриваемой категории дел экспертных исследований, выделены пробелы в правовой регламентации, сформулированы предложения и рекомендации по внесению изменений в Кодекс об административных правонарушениях РФ, направленных на более эффективное использование данного доказательства в процессе доказывания по делам об административных правонарушениях в области охраны окружающей среды.

The paper discusses the use of legal expertise in administrative cases on environmental protection violations. The provisions of Russian legislation in the procedures of appointment and execution of legal expertise are considered. We analyze law cases with legal expertise relating to the mentioned category, identify gaps in the legal regulation, make proposals and recommendations to improve the Code of Administrative Offences of the Russian Federation for more effective use of the evidence in the proof process in administrative cases on environmental protection violations.

Ключевые слова: заключение эксперта, доказывание по делам об административных правонарушениях в области охраны окружающей среды.

Keywords: legal expertise, proof process in administrative cases on environmental protection violations.

Проблемы производства судебных экспертиз при осуществлении доказывания рассматривались в основном в уголовном судопроизводстве. Однако эффективное использование экспертных исследований в производстве по делам об административных правонарушениях в области охра-

ны окружающей среды приобретает особую актуальность, поскольку большинство административных правонарушений указанной категории связаны с несоблюдением установленных правил и норм, способных повлечь значительный ущерб.

Необходимо отметить, что, учитывая сложность и определенную специфику доказывания по делам об административных правонарушениях в области охраны окружающей среды, связанную как с установлением события правонарушения, так и определением его последствий, являющихся обязательными признаками противоправных деяний, предусмотренных различными статьями КоАП РФ [1]: ст. 8.3 («причинение вреда окружающей среде»), ч. 2 ст. 8.6 («уничтожение плодородного слоя почвы, а равно порча земель»), ч. 2 ст. 8.7 («ухудшение качественного состояния земель»), ст. 8.9 («загрязнение недр и гидроминеральных ресурсов»), ч. 1 и ч. 4 ст. 8.13 («загрязнение, засорение, истощение водных объектов или другие вредные явления»), ст. 8.21 («выброс вредных веществ в атмосферный воздух, вредное физическое воздействие на него или загрязнение»), ч. 2 ст. 8.31 («загрязнение лесов и иное негативное воздействие»), ст. 8.35 («гибель, сокращение численности либо нарушение среды обитания животных»), ст. 8.38 («массовая гибель рыбы или других водных животных, уничтожение в значительных размерах кормовых запасов либо иные тяжкие последствия»), правовой регламентации данного вида доказательств, по нашему мнению, уделено мало внимания.

Сущность судебной экспертизы состоит «в анализе по заданию следователя, дознавателя, суда, органа или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении, сведущим лицом – экспертом – предоставляемых в его распоряжение материальных объектов экспертизы (вещественных доказательств), а также различных документов с целью установления фактических данных, имеющих значение для правильного разрешения дела. По результатам исследования эксперт составляет заключение, которое служит одним из предусмотренных законом источников доказательств, а фактические данные, содержащиеся в нем, – доказательствами» [2].

Федеральным законом от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятель-

ности в Российской Федерации» судебная экспертиза определена как процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу [3].

Основанием для производства экспертизы по делу об административном правонарушении служит необходимость у судьи, правоприменительного органа или должностного лица, в производстве которых находится дело, в использовании специальных познаний в науке, технике, искусстве или ремесле. Принятое вышеназванными субъектами решение процессуально оформляется определением о назначении экспертизы, которое обязательно для исполнения экспертами или учреждениями, которым поручено ее проведение.

Часть 3 ст. 26.4 КоАП РФ четко очерчивает предмет судебной экспертизы, указывая, что вопросы, поставленные перед экспертом, и его заключение не могут выходить за пределы специальных познаний, которыми он обладает.

В ч. 2 ст. 26.4 КоАП РФ законодателем сформулированы требования к содержанию определения о назначении экспертизы, которое должно включать:

- основания для назначения экспертизы;
- фамилию, имя, отчество эксперта или наименование учреждения, в котором должна быть проведена экспертиза;
- вопросы, поставленные перед экспертом;
- перечень материалов, предоставляемых в его распоряжение.

Кроме этого в определении должны быть записи о разъяснении эксперту его прав и обязанностей и о предупреждении его об ответственности за дачу заведомо ложного заключения.

До принятия КоАП РФ процессуальная регламентация назначения судебных экспертиз по делам об административных правонарушениях практически отсутствовала. В КоАП РСФСР порядку назначения и производства экспертизы по делам об административных правонарушениях, правам и обязанностям эксперта была посвящена лишь одна статья – 252-я.

Несмотря на то что, по сравнению с ранее действовавшим КоАП РСФСР, в настоящее время процедура назначения и проведения судебной экспертизы по делам об административных правонарушениях уделено гораздо больше внимания, однако следует признать, что существующей правовой регламентации данного института явно недостаточно.

В связи с этим очень показательным сравнением с аналогичными положениями УПК РФ, где институту назначения и производства судебной экспертизы в уголовном процессе посвящена целая глава [4]. Нормы УПК РФ и КоАП РФ составляют содержание публичных отраслей права, что, по нашему мнению, обуславливает необходимость использования единых подходов к правовому регулированию назначения и производства судебных экспертиз.

Начнем с того, что в деле защиты общественного интереса важную роль играют положения ст. 196 УПК РФ, предусматривающие случаи обязательного назначения судебной экспертизы. Полагаем, что перенос аналогичных норм в КоАП РФ, прежде всего, упорядочит практику его применения, а главное, позволит обеспечить всестороннее, полное, объективное выяснение обстоятельств дела и вынесение законного решения.

Постараемся аргументировать свою позицию на примерах разрешения дел об административных правонарушениях в области охраны окружающей среды.

Постановлением по делу об административном правонарушении, вынесенным государственным инспектором Управления РФ по контролю и надзору за использованием и охраной водных объектов по Республике Коми от 28 марта 2008 г. № 05/08-9, ООО «Производственно-торговая компания «Тетра»» привлечено к административной ответственности по ч. 4 ст. 8.13 КоАП РФ за осуществление незаконной (безлицензионной) добычи общераспространенных полезных ископаемых (песка) в водоохранной зоне в границах береговой полосы водного объекта р. Вычегды. По результатам рассмотрения заявления ООО «Тетра» решением Арбитражного суда Республики Коми от 14.07.2008 вынесенное постановление признано незаконным и отменено [5]. В ходе разбирательства суд пришел к выводу, что контролирующим органом (Управлением) не представлено доказательств потенциальной возможности наступления негативных последствий в результате проведения работ в водоохранной зоне р. Вычегды в виде загрязнения, засорения и(или) истощения водного объекта, что является необходимым признаком состава правонарушения, предусмотренного ст. 8.13 ч. 4 КоАП РФ. Суд подчеркнул, что ни в протоколе об административном правонарушении, ни в постановлении по делу об административном правонарушении не указано, было ли допущено при производстве работ Обществом загрязнение, засорение и(или) истощение водного объекта либо каким образом производимые Обществом работы могли повлечь загрязнение, засорение и(или) истощение р. Вычегды.

Аналогичные выводы сделал Арбитражный суд Сахалинской области по результатам рассмотрения дел № А59-4192/09 [6], № А59-1084/2010 (8.13-13) [7].

Встречаются случаи отмены постановлений по делам об административных правонарушениях в области охраны окружающей среды в связи с отсутствием доказательств события экологического правонарушения.

Так, постановлением по делу об административном правонарушении от 24.12.2009 Управлением Федеральной службы по надзору в сфере природопользования по Республике Татарстан ООО «Партнер» привлечено к административной ответственности по ч. 4 ст. 8.13 КоАП РФ за сброс загрязняющих веществ в составе сточных вод в Куйбышевское водохранилище (р. Волга) в с. Нижний Услон Верхнеуслонского муниципального района Республики Татарстан. В составе сбрасываемых неочищенных сточных вод выявлены превышения фоновых концентраций химических веществ в створе систематических наблюдений за качеством поверхностных вод Куйбышевского водохранилища (р. Волга) по взвешенным веществам в 5,2 раз, железу общему в 6 раз, фосфатам в 1,5 раза, хлоридам в 10,6 раз. Не согласившись с вынесенным постановлением, ООО «Партнер» обратилось с соответствующим заявлением в Арбитражный суд Республики Татарстан, по результатам рассмотрения которого решением от 25.03.2010 постановление от 24.12.2009 отменено как незаконное [8]. В ходе разбирательства суд, исследовав материалы дела и представленную схему канализации, установил, что сточные воды, образующиеся от хозяйственной деятельности ООО «Партнер», без очистки направляются по системе канализации за пределы ограждения территории к «отстойнику», туда же без очистки также направляются сточные воды от населения 16-квартирного дома № 43 по ул. Дзержинского Нижнеуслонского сельского поселения. Таким образом, доказательств поступления сточных вод именно с территории заявителя, а не от 16-квартирного дома не представлено. ООО «Партнер» настаивало на том, что сброс сточных вод в систему канализации не осуществлялся, они скапливаются в отстойнике и в последующем самостоятельно вывозятся Обществом.

Аналогичным примером служат решения Арбитражного суда Республики Татарстан от 04.10.2006 по делу № А65-18033/2006-СА3-43 [9], Арбитражного суда Кировской области от 21.12.2010 по делу № А28-9517/2010 295/27 [10], от 23.12.2010 по делу № А28-9518/2010 296/27 [11].

Представляется, что по данным делам об административных правонарушениях требовалось

назначение судебно-экологической экспертизы для установления источника и механизма загрязнения либо потенциальной возможности загрязнения, засорения и(или) истощения водного объекта.

Нередки случаи, когда в ходе судебного рассмотрения заявлений о признании незаконным и отмене постановлений о привлечении к административной ответственности по делам об административных правонарушениях в области охраны окружающей среды [12] установлено, что контролирующими органами не доказаны факты отнесения обнаруженных на территории организации предметов к отходам и не установлены классы их опасности, что приводило к отмене соответствующих постановлений.

Таким образом, приведенные нами примеры судебной практики показывают, что поверхностное исследование обстоятельств произошедшего со стороны административных органов и неиспользование возможностей экспертных исследований для установления события административного правонарушения, наступивших в результате его совершения последствий, зачастую являлись причинами вынесения судами решений об отмене постановлений о привлечении к административной ответственности [13].

На основании изложенного считаем необходимым включить в гл. 26 КоАП РФ ст. 26.4.1, предусматривающей случаи обязательного назначения экспертизы по делам об административных правонарушениях. Рассматривая проблемы использования экспертиз для доказывания по делам об административных правонарушениях в области охраны окружающей среды, обязательному включению в предлагаемую статью подлежат следующие основания для назначения и производства экспертизы:

- установление источника и причины негативного воздействия на окружающую среду;
- установление характера и степени вреда, причиненного окружающей среде.

Итак, в основном целью экспертиз по делам об административных правонарушениях в области охраны окружающей среды является установление фактов причинения вреда в виде негативного воздействия на здоровье человека, живых организмов, природную среду, определение и оценка его размеров.

Приказом Государственного комитета РФ по охране окружающей среды от 23.07.1998 № 448 утвержден перечень нормативных правовых документов, рекомендуемых к использованию при оценке и возмещении вреда, нанесенного окружающей природной среде в результате экологических правонарушений.

Действующее законодательство также содержит и иные правовые акты, использование кото-

рых возможно в ходе экспертных исследований по делам об административных правонарушениях в области охраны окружающей среды для выявления и определения качественных и количественных характеристик вредного воздействия на окружающую среду, их последствий [14].

Несмотря на приведенный значительный массив правовых документов, определяющих размер причинного ущерба окружающей среде, следует согласиться с позицией Н. В. Михалева [15], что для установления факта причинения вреда, его обстоятельств, характера, масштабов негативного антропогенного воздействия на объекты окружающей среды, а также причинно-следственной связи между действием (бездействием) и причиненным ущербом необходимо проводить судебные экологические экспертизы различных видов. Во-первых, при применении вышеуказанных такс и методик установить перечисленные обстоятельства не представляется возможным, а во-вторых, ущерб, исчисленный исключительно по таксам и методикам, зачастую не соответствует размеру и характеру реального ущерба окружающей среде. В-третьих, поскольку значительная часть нормативно-правовых актов принята еще в советское время, изложенные в них методики устарели и нуждаются в переработке.

Вместе с тем мы вынуждены констатировать, что экологические экспертизы по делам об административных правонарушениях назначаются крайне редко.

Изучение дел об административных правонарушениях и судебных решений свидетельствует, что широкое распространение имеют случаи, когда заключения (протоколы исследования) специализированных лабораторий по оценке качества отобранных проб (воды, воздуха и пр.), соответствию их содержания нормативам предельно допустимых концентраций загрязняющих веществ представлялись в качестве заключений судебных экспертиз, при этом процедура назначения и производства экспертизы, предусмотренная ст. 26.4 КоАП РФ, не соблюдалась.

Следует указать на неоднозначность судебной практики по делам об административных правонарушениях в области охраны окружающей среды, сложившейся по вопросу признания такого рода документов заключениями экспертиз. В ряде судебных решений такой порядок привлечения к производству по делу об административном правонарушении лиц, обладающих специальными знаниями, признается судами неправомерным. Поскольку административными органами при направлении отобранных проб на исследование определение о назначении экспертизы не выносилось, соответственно, лицо, в отношении которого ведется производство по делу, с ним не ознакомлено, ему не разъяснялись права,

что является существенным нарушением процедуры привлечения лица к административной ответственности. Примерами этого могут служить решения, вынесенные Арбитражным судом Сахалинской области по делу № А59-4181/08-С15 [16], Арбитражным судом Калининградской области по делу № А21-220/2009 [17], Третьим Арбитражным апелляционным судом по делам № А33-14561/2007/03АП-653/2008 [18], № А33-14708/2007-03АП-665/2008 [19], Арбитражным судом Восточно-Сибирского округа по делу № А33-14708/2007 – Ф02-4320, 4890/2008 [20].

С другой стороны, в ходе разбирательства по делу № А21-220/2009 [21] Тринадцатый Арбитражный апелляционный суд, признавая заключение экспертизы, проведенной специализированной лабораторией – ФГУ «Центр лабораторного анализа и технических измерений по Северо-Западному федеральному округу», допустимым доказательством, указал, что назначение экспертизы для оценки качества отобранных проб, соответствия их содержания нормативам предельно допустимых концентраций загрязняющих веществ не подпадает под действие ст. 26.4 КоАП РФ, поскольку экспертные исследования проводились не в рамках дела об административном правонарушении, а в рамках мероприятий внепланового контроля.

Системный анализ решений арбитражных судов и положений ст. 26.4 КоАП РФ позволяет нам сделать следующий вывод. По смыслу ст. 26.4 КоАП РФ экспертиза назначается исключительно по возбужденному делу об административном правонарушении посредством вынесения определения, которое должно удовлетворять формальным требованиям, предусмотренным КоАП РФ. Кроме этого немаловажной частью процедуры назначения экспертизы является ознакомление лица, в отношении которого ведется производство по делу, и потерпевшего с вынесенным определением с обязательным разъяснением их процессуальных прав. Выполнение этих требований, как нами уже указывалось ранее, напрямую связано с будущей возможностью использования в качестве допустимого доказательства заключения эксперта. Только соблюдение указанного порядка позволяет использовать в доказывании по делу об административном правонарушении такой процессуальной формы доказательств, как заключение эксперта.

Таким образом, экспертные исследования, проведенные до возбуждения дела об административном правонарушении без соблюдения процедуры, предусмотренной ст. 26.4 КоАП РФ, и полученные по их результатам заключения не должны рассматриваться в качестве экспертизы по делам об административных правонарушениях. Представляется, что по вышеприведенному в

качестве примера делу № А21-220/2009 заключение ФГУ «Центр лабораторного анализа и технических измерений по Северо-Западному федеральному округу» следовало использовать и оценивать в качестве иного документа, поскольку соответствующий источник доказательств, наряду с иными, предусмотрен ч. 2 ст. 26.2 КоАП РФ.

Несомненно, что при рассмотрении дел об административных правонарушениях в области охраны окружающей среды в целях установления источника, механизма, характеристики и масштабов негативного антропогенного воздействия на природную среду целесообразно назначать и проводить экологические экспертизы. Их предмет, идентификационные и диагностические возможности достаточно широки, а именно:

- определение вида и местоположения источника негативного антропогенного воздействия;
- характеристика (свойство) негативного антропогенного воздействия на окружающую среду во времени и пространстве;
- установление механизма негативного антропогенного воздействия;
- определение масштабов, а также выявление условий и обстоятельств, способствующих усилению негативного антропогенного воздействия;
- установление обстоятельств, связанных с нарушением природоохранного законодательства, условий эксплуатации потенциально опасных объектов и действий (бездействия) специально уполномоченных лиц в области охраны окружающей среды и природопользования, которые способствовали причинению вреда;
- степень загрязнения водоемов, воздуха и почвы неочищенными и необезвреженными сточными водами, отбросами промышленных и коммунальных предприятий сверх предельно допустимых концентраций, в том числе радиоактивных загрязнений;
- выявление механизма загрязнения, нарушений правил охраны окружающей среды, ущерба, причиненного природной среде, возможностей предотвращения загрязнений.

Для производства экспертиз по делам об административных правонарушениях в области охраны окружающей среды в распоряжение экспертов должны быть представлены материалы соответствующих дел, относящиеся к предмету назначенного исследования, в частности:

- определение о назначении экспертизы;
- протокол об административном правонарушении с приложением фото- и видеоматериалов, схем;
- показания потерпевших, свидетелей;
- объяснения лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении;
- заключения уже проведенных по делу экспертиз;

- протоколы взятия проб и образцов;
- пробы атмосферного воздуха, воды, почвы, загрязняющих веществ;
- образцы флоры и фауны, в том числе и на микроуровне, подвергшиеся антропогенному воздействию;
- иные документы, содержащие сведения о технических характеристиках оборудования и механизмов, в результате работы которых произошло негативное воздействие на окружающую среду (справки, сведения из технической документации и актов проверки объектов, результаты обследования объектов окружающей среды санитарно-эпидемиологическими, природоохранными и иными специально уполномоченными органами);
- вещественные доказательства (механизмы, оборудование или узлы, детали).

Итак, мы рассмотрели один из основных видов доказательств по делам об административных правонарушениях в области охраны окружающей среды. Следует признать, что, несмотря на значимость заключения эксперта в доказывании по делам об административных правонарушениях в области охраны окружающей среды, в правовой регламентации данного вида доказательств имеются значительные пробелы, приводящие к отмене решений о привлечении к административной ответственности и неоднозначности складывающейся судебной практики.

Примечания

1. Кодекс об административных правонарушениях РФ Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
2. Кузякин Ю. П., Россинская Е. Р. Проблемы совершенствования правового регулирования судебных экспертиз по делам об административных правонарушениях // Журнал российского права. 2005. № 10.
3. Статья 9 Федерального закона от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.
4. Глава 27 Уголовно-процессуального кодекса РФ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
5. Официальный сайт Высшего Арбитражного Суда РФ. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/e04d7af8-a2f7-46e2-9ba6-70ef9e056386/A29-2356-2008_20080714_Reshenie.pdf
6. Там же. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/9a7236a4-91e0-4ea8-9f25-d77a9bd07090/A59-4192-2009_20090914_Reshenija%20i%20postanovlenija.pdf
7. Там же. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/c1082d5c-ec4e-4a9b-a059-2375e2bae5ad/A59-1084-2010_20100504_Reshenija%20i%20postanovlenija.pdf
8. Там же. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/5c84eb59-2bf8-4682-b98a-a52521aae4d5/A65-37656-2009_20100325_Reshenie.pdf
9. Там же. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/5549c1b5-64d9-4bcd-a3c1-3eda82447107/A65-18033-2006_20061004_Reshenie.pdf

10. Там же. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/1326da8c-182c-428a-99b0-12eee608baa3/A28-9517-2010_20101221_Reshenie.pdf.

11. Там же. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/50ddbcd2-a500-41b2-8673-30914373f01d/A28-9518-2010_20101223_Reshenie.pdf.

12. Там же. URL: Решение Арбитражного суда Ростовской области от 18.06.2010 по делу № А53-9921/2010; Решение Тринадцатого Арбитражного апелляционного суда от 11.08.2011 по делу № А56-11250/2011.

13. Там же. URL: Решения Арбитражного суда республики Коми от 27.10.2010 по делу № А29-7053/2010, от 10.12.2010 по делу № А29-8406/2010; Решения Арбитражного суда Республики Татарстан от 16.08.2011 по делу № А65-11841/2011, от 07.09.2011 по делу № А65-17687/2011; Решения Арбитражного суда Сахалинской области от 08.05.2009 по делу № А59-1478/2009, от 19.03.2010 по делу № А59-464/2010, от 28.07.2010 по делу № А59-2395/2010; Решение Арбитражного суда Кировской области от 02.11.2011 по делу № А28-7491/2011; Решение Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21.10.2010 по делу № А03-1606/2010.

14. Методика исчисления размера ущерба от загрязнения подземных вод, утвержденная Приказом Государственного комитета РФ по охране окружающей среды от 11.02.1998 № 81; Методика расчета выбросов загрязняющих веществ в атмосферу, утвержденная Приказом Государственного комитета РФ по охране окружающей среды от 05.03.1997 № 90; Методика исчисления размера вреда, причиненного водным объектам вследствие нарушения водного законодательства, утвержденная Приказом Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 13.04.2009 № 87; Порядок определения размеров ущерба от загрязнения земель химическими веществами, утвержденный Министерством охраны окружающей среды и природных ресурсов и Комитетом РФ по земельным ресурсам и землеустройству, 1993 год; Методические указания по оценке и возмещению вреда, нанесенного окружающей природной среде в результате экологических правонарушений, утвержденные Государственным комитетом РФ по охране окружающей среды 06.09.1999; Методика оценки вреда и исчисления размера ущерба от уничтожения объектов животного мира и нарушения их среды обитания, утвержденная Госкомэкологией России 28.04.2000; Методические рекомендации по оценке ущерба от аварий на опасных производственных объектах, утвержденные Постановлением Федерального горного и промышленного надзора России от 29.10.2002 № 63; Методика исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту окружающей среды, утвержденная Приказом Минприроды России от 08.07.2010 № 238 и др. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Михалева Н. В. О судебной практике по вопросу возмещения ущерба, причиненного экологическим правонарушением // Эксперт-криминалист. 2011. № 4. С. 16–19.

16. Официальный сайт Высшего Арбитражного Суда РФ. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/0126e966-8937-4643-96e8-68cf6539839e/A59-4181-2008_20081205_Reshenija%20i%20postanovlenija.pdf

17. Там же. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/c8b4eefa-7bed-4298-abf3-ade2f32b4bf4/A21-220-2009_20090129_Reshenija%20i%20postanovlenija.pdf

18. Там же. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/84eda8fd-fe16-467f-aa6a-ab0c1e93b28b/A33-14561-2007_20080618_Postanovlenie%20apelljicii.pdf

19. Там же. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/ddb48130-052e-49f7-ad8d-a464b9ea3c79/A33-14708-2007_20080618_Postanovlenie%20apelljicii.pdf

20. Там же. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/32487063-681d-46f1-bc3f-dc43df6b7964/A33-14708-2007_20081003_Postanovlenie%20kassacii.pdf

21. Там же. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/47377876-c9e8-4576-a82c-bd2cef698b5f/A21-220-2009_20090428_Postanovlenie%20apelljicii.pdf

УДК 343.3/7

Н. С. Николина

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА

В статье автор, освещая проблему предмета преступления, существующую в российском уголовном праве, с целью полного и всестороннего раскрытия темы анализирует работы российских ученых юристов, посвященных объекту и предмету преступления в российском уголовном праве.

The author, covering the problem of the crime subject in Russian criminal law, analyzes the works of Russian law specialists devoted to the object and subject of crime.

Ключевые слова: предмет преступления, объект преступления, общественные отношения, состав преступления.

Keywords: crime subject, crime object, public relations, crime structure.

Согласно требованиям ст. 2 ч. 1 УК РФ [1] задачами Уголовного кодекса РФ являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений.

При этом законодатель отмечает, что для осуществления этих задач настоящий Кодекс устанавливает основание и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений, то есть для наступления уголовной ответственности необходимы установленные законодателем основания.

© Николина Н. С., 2012

Так, анализируя ст. 8 УК РФ, мы можем констатировать, что согласно действующему законодательству, основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ (ст. 8 УК РФ).

Законодатель в самом законе (УК РФ) не дает определения понятия «состав преступления». К тому же и в УПК РФ также не указано, что понимается под составом преступления.

В науке под составом преступления понимают «совокупность объективных и субъективных признаков, характеризующих общественно опасное деяние как преступление» [2].

В ст. 8 УК РФ содержится термин «признаки» состава преступления, а не «элементы», хотя в теории принято считать, что состав преступления как совокупность состоит из четырех элементов: объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны [3].

При этом элементами состава преступления признаются «необходимые части конструкции состава преступления, соответствующие различным сторонам общественно опасного деяния, предусмотренного УК» [4].

Соответственно, элементы состава преступления состоят из признаков. Признаки состава преступления – это обобщенные, юридически значимые свойства (черты, особенности) преступлений определенного вида.

В зависимости от того, к какому элементу принадлежат признаки, их можно разделить на объективные и субъективные, а в зависимости от того, указаны они в законе или нет, – на обязательные и факультативные.

Первым элементом состава является объект преступления. Ведя речь об объекте преступления, необходимо отметить, что «именно объект преступления положен в основу законодательной классификации преступлений в Особенной части УК. Будучи самостоятельным элементом состава преступления, объект вместе с тем в значительной мере влияет на содержание его иных объективных, а также субъективных признаков. Специфика объекта преступления лежит в основе различного характера общественной опасности деяния» [5].

Так, Пленум ВС РФ в своем постановлении указал, что характер общественной опасности преступления зависит от установленного судом объекта преступления [6].

Итак, что же собой представляет объект преступления? Как отмечает заслуженный деятель науки РФ И. Я. Козаченко, объект преступления – это основополагающий институт уголовного права [7].

С позиции Д. А. Семенова следует отметить, что объект преступления – это «те охраняемые

уголовным законом общественные отношения, на которые посягает виновное лицо. Перечень наиболее значимых объектов уголовно-правовой охраны содержится в ч. 1 ст. 2 УК. Объект преступления имеет определяющее значение для построения системы Особенной части УК» [8].

Для уяснения сути понятия «объект преступления» необходимо определить сам термин «объект».

С. И. Ожегов так определяет объект: «1. То, что существует вне нас, независимо от нашего сознания, внешний мир, материальная действительность. 2. Явление, предмет, на который направлена какая-нибудь деятельность» [9].

Определение объекта как категории философской мы находим в энциклопедиях:

1. «Объект (познелат. *objectum* – предмет, от лат. *objicio* – бросаю вперед, противопоставляю) – то, что противостоит субъекту, на что направлена его предметно-практическая и познават. деятельность [10].

2. «Объект (познелат. *objectum* – предмет, от лат. *objicio* – бросаю вперед, противопоставляю) – то, на что направлена активность (реальная и познавательная) субъекта» [11].

Таким образом, объект в широком смысле – это существующее вне нас и независимо от нашего сознания: внешний мир, материальная действительность, а также явление или предмет, созданный кем-то или на который направлена какая-нибудь деятельность.

С точки зрения науки уголовного права объект рассматривается в качестве элемента состава преступления и определяется как «совокупность всех охраняемых уголовным законодательством общественных отношений» [12].

Несмотря на это следует отметить, что в современной науке уголовного права, как и науке советского уголовного права, единства точек зрения относительно понятия и состава объекта преступления нет [13].

Так, например, Д. А. Семенов отмечает, что «проблема объекта преступления имеет в уголовном праве чрезвычайно большое значение» [14]. В качестве аргумента автор приводит факт о том, что «установление объекта преступления дает возможность определить социальную и юридическую сущность преступления, обнаружить общественно опасные последствия, правильно решить вопросы о пределах действия уголовно-правовой нормы, о квалификации деяния и об отграничении его от смежных преступлений» [15].

Для понимания объекта преступления с позиции науки уголовного права представляют интерес первые два значения этого термина, используемые в русском языке. При этом следует иметь в виду, что первое значение показывает, что объект противостоит лицу, совершающему пре-

ступление (субъекту), то есть на объект субъект (виновный) направляет противоправные усилия.

Второе значение объекта позволяет уяснить, что именно объект является сферой приложения усилий и что объект претерпевает отрицательные изменения (вред) или ставится в непосредственную угрозу причинения вреда.

В связи с этим заслуживает внимания точка зрения Д. А. Семенова, согласно которой «в самом общем виде объектом преступления является то, на что направлена преступная деятельность лица, совершающего преступление, и чему объективно причиняется этим преступлением вред либо создается угроза причинения такого вреда» [16].

По нашему мнению, трудно согласиться с точкой зрения Д. А. Семенова и ряда других ученых, которые придерживаются позиции относительно того, что объект преступления – это охраняемые уголовным законом общественные отношения, на которые посягает виновный [17].

Наиболее оправданной с точки зрения автора представляется позиция Г. П. Новоселова, который высказывает предположение, согласно которому объектом преступления могут выступать не только общественные отношения [18].

Также следует отметить, что в российском дореволюционном уголовном праве специально внимания исследованию объекта преступления не уделялось, несмотря на то что многие видные ученые, например В. Д. Спасович, в своих работах по уголовному праву исследовали проблему объекта. Так, В. Д. Спасович отмечал, что преступление представляет собой противозаконное посягательство на чье-либо право, столь существенное, что государство, считая это право одним из необходимых условий общежития, при недостаточности других охранительных средств ограждает ненарушимость его наказанием. Это преступное деяние должно содержать посягательство на известные общественные отношения [19].

После событий октября 1917 г. в российском уголовном праве взгляд на объект преступления как на охраняемые уголовным законом общественные отношения стал преобладающим. Так, известный российский ученый-юрист А. А. Пионтковский отмечал, что объектом всякого преступления являются общественные отношения, охраняемые аппаратом уголовно-правового принуждения [20].

Анализируя позиции ученых-правоведов относительно признания в качестве объекта преступления общественных отношений, следует отметить, что подобное понимание объекта преступления было не только научно обоснованно, но и базировалось на достаточно прочном юридическом основании, поскольку Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. определяли преступление именно как «нарушение

порядка общественных отношений, охраняемых уголовным правом».

Позднее эта концепция была признана подавляющим большинством ученых-юристов в области уголовного права и как результат нашла свое отражение в учебной литературе [21].

Также следует отметить, что «большая часть исследований конкретных преступлений, проведенных в последние годы, также исходит из понимания объекта преступления именно как общественных отношений» [22].

Несмотря на это в последние годы в ряде источников теория общественного отношения с позиции авторов обоснованно подвергнута развернутой критике и предложены иные варианты решения проблемы объекта преступления.

При этом одни авторы предлагают рассматривать в качестве объекта преступления «реально существующий и затрагиваемый преступлением феномен, в определенном состоянии которого и соответственно в защите, которого общество заинтересовано» [23], то есть правовую ценность. Другие – правовое благо (интерес), возвращаясь тем самым на позиции классической школы уголовного права [24], третьи – чью позицию авторы полностью разделяют, физические и юридических лиц, а также социум [25].

Таким образом, на сегодняшний день проблема объекта преступления в российском уголовном праве не решена.

Однако, на наш взгляд, более актуальна проблема предмета преступления. Так, еще Б. С. Никифоров в своей работе, посвященной объекту преступления по советскому уголовному праву, опубликованной в 1960 г., отмечал, что «за последние годы в литературе с проблемой объекта преступления все чаще связывается вопрос о предмете преступного посягательства» [26].

При этом Б. С. Никифоров отмечает, что «ограничение объекта от предмета одни авторы проводят под углом зрения Общей части, другие на этой основе применяют соответствующие выводы к отдельным преступлениям или их группам» [27].

Для более полного понимания сути предмета преступления, его соотношения с объектом преступления необходимо определить понятие «предмет».

С. И. Ожегов определял предмет так: «Предмет 1. Всякое материальное явление, вещь. 2. То на что направлена мысль, что составляет ее содержание или на что направлено какое-нибудь действие» [28].

Еще одно определение предмета мы находим в словаре Д. В. Дмитриева:

«1. Предметом называется объект материального мира, который имеет форму, цвет и иные свойства.

4. Предметом называют вещь, которая относится к какой-либо категории. <...>

10. Предметом называются фактические данные, обстоятельства, установленные путем исследования имеющихся материалов» [29].

В дореволюционном уголовном праве понятия «предмет преступления» и «объект преступления» криминалисты использовали как синонимы [30].

В современной российской теории уголовного права понятия «предмет преступления» и «объект преступления» имеют различное содержание. Как уже отмечалось выше, объект преступления, согласно преобладающей точке зрения, – это общественные отношения, которым преступлением причиняется вред, то есть объект преступления рассматривается как один из четырех элементов состава преступления.

В рамках этого элемента имеются три признака:

- сам объект (обязательный);
- два факультативных, а именно: предмет преступления и потерпевший.

При этом следует отметить, что факультативными предмет преступления и потерпевший являются потому, что они указаны в уголовном законе не во всех составах преступления, а только в некоторых.

В советском уголовном праве на протяжении длительного времени считалось, что предметом преступления является вещественное выражение объекта преступления, иначе говоря, вещи материального мира, посредством воздействия на которые преступник причинял вред объекту преступления [31].

Практически сходная позиция распространена и в учебной литературе наших дней [32].

Так, Д. А. Семенов отмечает, что «в принципе, с понятием предмета преступления как определенной ценности, непосредственно воздействуя на которую виновный причиняет вред объекту, можно согласиться. Однако необходимо сделать два существенных уточнения. Во-первых, предметом преступления являются не только физические тела (артефакты и природные объекты), но и интеллектуальные ценности. Во-вторых, предмет преступления не всегда является выражением объекта преступления» [33].

Следует пояснить, что при признании предметом преступления интеллектуальных ценностей воздействия на вещи материального мира не происходит. Так, например, разглашая сведения, составляющие государственную тайну (ст. 283 УК РФ), виновный может не воздействовать непосредственно на какую-либо вещь материального мира, а просто предавать соответствующие сведения огласке или, незаконно собирая сведения, составляющие коммерческую, налоговую или

банковскую тайну (ст. 183 УК РФ), виновный непосредственно не воздействует на материальные источники, на которых сведения зафиксированы.

Итак, предмет преступления имеет материальную природу, другими словами, он объективирован в окружающей действительности в виде некоего физического тела. «Таков предмет в преступлениях против собственности (имущество), во многих преступлениях против порядка управления (официальные документы, печати, государственные награды), в экологических и транспортных преступлениях (животные, деревья и кустарники, лианы, транспортные средства, пути сообщения, магистральные трубопроводы) и т. п.» [34].

При этом следует отметить, что в современном обществе в ряде случаев предмет преступления следует рассматривать не как предмет физической природы, а как интеллектуальную ценность [35], то есть информация может иметь и неовещественную форму.

Предметом этих преступлений будет не только документированная информация (документ) сведения, зафиксированные на материальном носителе, в котором информация находит свое отражение в виде совокупности символов, образов, сигналов, полей, но и любая иная.

Таким образом, более широкое понимание предмета преступления все чаще встречается в современной литературе не только при анализе конкретных составов преступлений, но и в рамках общего учения об объекте преступления [36].

Также следует отметить, что предмет преступления не всегда является выражением объекта преступления. Например, при фальшивомонетничестве (ст. 186 УК РФ) предметом преступления являются поддельные (фальшивые) деньги или ценные бумаги, тогда как предметом охраняемых законом отношений в сфере финансовой деятельности государства являются подлинные деньги и ценные бумаги. В данном случае предмет преступления является самостоятельным факультативным признаком состава преступления.

Итак, согласно преобладающей точке зрения среди ученых-криминалистов, предмет преступления – это вещи или иные предметы внешнего мира, а также интеллектуальные ценности, воздействуя на которые виновный причиняет вред охраняемым законом общественным отношениям [37].

«Иначе говоря, с определенными свойствами, качествами и состояниями этих вещей и ценностей закон связывает наличие в действиях лица состава преступления. Воздействие на предмет преступления может означать не только его уничтожение или повреждение. Это воздействие мо-

жет выразиться в создании предмета, его разглашении, собирании, сбыте, переработке, утрате, хранении, передаче и др.» [38].

Из позиции Д. А. Семенова, с которой авторы не во всем согласны, следует, что «в отличие от объекта преступления, который всегда претерпевает неблагоприятные изменения в результате преступной деятельности виновного, предмет может не пострадать от преступления, и даже наоборот, быть созданным (например, в случае с незаконным изготовлением оружия)». [39]

В заключение необходимо привести высказывание выдающегося криминолога В. Я. Тация, который еще в 1988 г. в своей работе посвященной объекту и предмету преступления, указал, что «вопрос о месте, значении предмета преступления, его видах – дискуссионный в науке советского уголовного права. Особенно активно он обсуждается в последние годы. И хотя в теории уголовного права при решении этого вопроса получены значительные результаты, тем не менее нет оснований считать, что проблема предмета преступления уже решена» [40].

Примечания

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.03.2012 г.) // СЗ РФ от 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

2. Уголовное право. Общая часть: учеб. Изд. испр. и доп. / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. М.: Юридическая фирма «Контракт»: ИНФРА-М, 2005. С. 40.

3. Там же.

4. Там же.

5. Там же.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.1999 № 40 «О практике назначения судами уголовного наказания» // Российская юстиция. 1999. № 9. С. 54.

7. Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М.: Изд-во НОРМА, 2001. С. 3.

8. Уголовное право. Общая часть: учеб. С. 45.

9. Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 53000 слов / под общ. ред. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: ООО «Изд-во Оникс»: ООО «Изд-во “Мир и Образование”», 2008. С. 561.

10. Философская энциклопедия / гл. ред. Ф. В. Константинов. Т. 4. М.: «Сов. энцикл.», 1967. С. 123.

11. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. общ-науч. фонд; научно-ред. Совет: пред. В. С. Степин, заместители пред.: А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, уч. секр. А. П. Огурцов. Т. 3. М.: Мысль, 2001. С. 136.

12. См.: Уголовное право. Общая часть: учеб. С. 42.

13. См.: Таций В. Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков: Изд-во при Харьковском гос. университете; Изд-во объединения «Выща школа», 1988. С. 33; Уголовное право. Общая часть: учеб. С. 42.

14. См.: Уголовное право. Общая часть: учеб. С. 47.

15. Там же.

16. Там же.

17. Там же.

18. См.: Новоселов Г. П. Указ. соч. С. 3.

19. Учебник уголовного права, составленный В. Спасовичем. Т. 1. СПб., 1863. С. 84–85.

20. См.: Пионтковский А. А. Уголовное право РСФСР: Часть общая. М., 1925. С. 129–130; Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 132.

21. См., например: Дурманов Н. Д. Понятие преступления. М., 1948; Трайнин А. Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М., 1951; Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960; Гельфер М. А. Объект преступления // Советское уголовное право: часть общая. Вып. 5. М., 1960; Коржанский Н. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980; Таций В. Я. Объект и предмет преступления по советскому уголовному праву. Харьков, 1982; Уголовное право России. Общая часть / под ред. А. И. Рарога. М., 1997; Уголовное право. Общая часть / под ред. Н. И. Ветрова. М., 1997; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. А. И. Марцева. Омск, 1998; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. Б. В. Здравомыслова. М., 1999; Уголовное право РФ. Общая часть / под ред. А. И. Рарога. М., 2002 и др.

22. См.: Уголовное право. Общая часть: учеб. С. 48; Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания. Саратов, 1997. С. 12; Гайман А. Д., Максимов С. В. Преступления в сфере экономической деятельности. М., 1998. С. 17; Бородин С. В. Преступления против жизни. М., 1999. С. 48; Дьяков С. В. Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. М., 1999. С. 13.

23. См., например: Уголовное право России. Т. 1. Общая часть / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. М., 1998. С. 104.

24. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М., 1999. С. 157–159; Курс уголовного права. Общая часть / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. Т. 1. М., 2002. С. 209.

25. См.: Новоселов Г. П. Указ. соч. С. 60.

26. Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960. С. 122.

27. Там же. С. 122.

28. Ожегов С. И. Словарь русского языка. С. 748.

29. Толковый словарь русского языка: ок. 2000 слов. ст.: свыше 12000 значений / под ред. Д. В. Дмитриева. М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. С. 539, 540.

30. См.: Фойницкий И. Я. Курс уголовного права. Посмертное седьмое издание, дополненное и пересмотренное Жижиленко А. А. Петроград, 1916. С. 5, 6, 33, 168, 435; Учебник уголовного права, составленный В. Спасовичем. Т. 1. СПб., 1863. С. 91; Спасович В. Учебник Уголовного права. Часть Общая. Т. 1 (вып. 1), 1863. С. 94; Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Часть Общая. 1891. С. 280; Пусторослев П. П. Русское уголовное право. Часть Общая. Вып. 1. 1912. С. 255; Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права, 1912. С. 133.

31. См.: Коржанский Н. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. С. 103; Таций В. Я. Объект и предмет преступления по советскому уголовному праву. Харьков, 1988. С. 47; Кравцов С. В.

Предмет преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1976. С. 8.

32. Уголовное право. Общая часть: учеб. С. 48.

33. Там же.

34. Там же.

35. Так, в соответствии со ст. 2 федерального закона от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информацией являются сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления. См.: ФЗ от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ от 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

36. См.: *Каиржанов Е. К.* Основные теоретические проблемы объекта уголовно-правовой охраны в СССР: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1975. С. 23, 24; *Верин В. П.* Преступления в сфере экономики. М., 1999. С. 78; *Лопашенко Н. А.* Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания. Саратов, 1997. С. 101; Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под ред. Б. В. Здравомыслова. М., 1999. С. 380; Уголовное право России. Общая часть / под ред. А. И. Рарога. М., 2001. С. 108; Российская юридическая энциклопедия. М., 1999. С. 767.

37. Уголовное право. Общая часть: учеб. С. 52.

38. Там же.

39. Там же.

40. *Тацый В. Я.* Указ. соч. С. 32.

УДК 347.961

А. В. Степанов

СОВЕРШЕНИЕ НОТАРИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ ЛИЦАМИ, НЕ ЯВЛЯЮЩИМИСЯ НОТАРИУСАМИ, В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

В статье проводится сравнительно-правовой анализ двух периодов: второй половины XIX в. и действующего законодательства – на предмет совершения нотариальных действий российскими представителями за рубежом. Рассматривается вопрос о преемственности норм права.

The article presents a comparative analysis legal regulations of two periods, the second half of the nineteenth century and the current laws, concerned with performing notarial acts by Russian missions abroad. The issue of continuity of law standards is considered.

Ключевые слова: нотариат, норма права, консульское учреждение, уполномоченный, должностное лицо.

Keywords: the rule of law, the consular post, the Commissioner, officer.

Развитие современного нотариата должно основываться на собственном историческом опыте, с адаптацией заимствованных из истории правовых конструкций к современным отношениям. Решения, принятые на основе собственного исторически сформированного опыта, дополнительно обеспечат учет многих факторов, в том числе менталитет общества, а значит, восприятие им правовой конструкции, содержащейся в законодательстве. Изучение опыта других стран, без сомнения, расширяет кругозор, формирует новые подходы, идеи, обогащает собственное законодательство. На наш взгляд, использование собственного опыта как генетически близкого интеллектуального продукта всегда является ценным в формировании действующего законодательства, в нашем случае, и в вопросе нотариата.

Применение научного метода исследования – хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения [1] – позволит получить новую информацию, позволяющую сделать интересные для обсуждения предложения, которые могут быть заимствованы современным законодательством.

В настоящей статье автором проведено сравнение национального законодательства двух исторических периодов развития института нотариата, а именно: нормативного регулирования

нотариальной деятельности российских представителей за рубежом второй половины XIX в. и настоящего времени.

В период реформ Александра II была проведена кодификация норм, регулирующих нотариальную деятельность, и 16 апреля 1866 г. утверждено Положение о нотариальной части, которое не регулировало совершение нотариальных действий за пределами Российской территории. Данную деятельность осуществляло Министерство иностранных дел.

Впервые «Учреждение Министерства иностранных дел» (Положение о МИД) [2] по предложению канцлера К. В. Нессельроде было принято 10 декабря 1846 г. 22 мая 1868 г. в период реформ Александра II было принято новое «Учреждение Министерства иностранных дел» [3].

Основным предметом деятельности Министерства иностранных дел, согласно указанным положениям, являлась работа с иностранным элементом как на территории Российского государства, так и за ее пределами, защита интересов государства и его подданных.

«Посольства и миссии имеют обязанность оказывать Российским подданным защиту и покровительство по делам их в чужих краях и содействовать к удовлетворению их требований...» [4] «Консул утверждает свою скрепою и печатью Консульства документы, которые будут совершаемы в его округе, или ему предъявляемы и которые должны получить законную силу в России, как-то: свидетельства, завещания и проч.» [5].

Действующее законодательство сохранило подход в совершении нотариальных действий за рубежом через представительства Российского государства. В соответствии с ч. 2 ст. 61 Конституции РФ [6] государство гарантирует своим гражданам защиту и покровительство за его пределами. Российская Федерация осуществляет свою представительскую функцию через консульские учреждения.

Согласно ст. 1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, совершать нотариальные действия за пределами территории Российской Федерации вправе только уполномоченные должностные лица консульских учреждений. Из текста ст. 5 Консульского устава следует, что консульское учреждение наделено функцией совершения нотариальных действий [7].

Одной из основных задач консульской деятельности является защита прав и интересов граждан РФ, российских юридических лиц и Российской Федерации на территории государства пребывания.

Как видно из вышеизложенного, закон № 4462-1 «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» [8], в отличие от Поло-

жения о нотариальной части 1866 г., регулирует нотариальную деятельность не только на территории государства, но и за рубежом. Регулирование правового института одним правовым актом, на наш взгляд, характеризует более качественную проработку правового документа, потому что включает в себя основу нормативного регулирования всего института нотариата.

Общей чертой законодательства о нотариате в Российской империи и Российской Федерации является то, что нотариальные действия за пределами территории государства совершались уполномоченными должностными лицами представительств, не являющимися по должности нотариусами. В законодательстве не предусматривалось каких-либо специальных требований к уровню подготовки должностного лица в области нотариата.

Согласно Консульскому уставу 1858 г. лицо назначалось на должность консула особым решением российского правительства [9], без предъявления квалификационных требований. Действующее законодательство обязывает должностное лицо руководствоваться порядком и процедурой, определенной Основами законодательства Российской Федерации о нотариате, Методическими рекомендациями по совершению отдельных видов нотариальных действий нотариусами РФ [10], международными конвенциями и международными договорами.

Так, для совершения нотариальных действий консул должен:

- оказывать физическим и юридическим лицам содействие в осуществлении их прав и защите законных интересов, разъяснять им права и обязанности, предупреждать о последствиях совершаемых нотариальных действий [11];
- отказывать в совершении нотариального действия в случае его несоответствия законодательству Российской Федерации или международным договорам [12];
- при возмездном отчуждении доли в праве общей собственности постороннему лицу нотариус проверяет соблюдение условий, установленных п. 2 ст. 250 Гражданского кодекса Российской Федерации [13];
- должностные лица консульства обязаны принимать меры по обеспечению неприкосновенности консульского архива, в том числе содержащего информацию о нотариальной деятельности [14]. Согласно ст. 33 и 61 Венской конвенции о консульских сношениях от 24 апреля 1963 г. консульские архивы и документы неприкосновенны в любое время и независимо от их местонахождения, при условии, что они хранятся отдельно от других документов [15].

Из приведенного далеко не полного перечня обязанностей видно, что для выполнения пере-

численных требований должностному лицу необходимо обладать не просто познаниями в юриспруденции, а фундаментальными юридическими знаниями, которые можно получить только при профессиональном обучении. Данную точку зрения косвенно подтверждает законодательно установленное требование к кандидату в нотариусы о наличии высшего юридического образования [16].

При сравнении законодательств Российской империи и Российской Федерации просматривается различие в вопросе деятельности представительств на закрепленных территориях. Так, Консульский устав 1868 г. предписывал должностному лицу совершать нотариальные действия только на территории, обслуживаемой представительством. «Консул по своему званию есть посредник в тяжбах и спорах, возникающих в его округе по делам торговым между Российскими подданными торгового звания» [17], «Он удостоверяет законность всех актов, совершаемых Российскими подданными в его округе» [18].

Согласно действующему законодательству нотариальные действия также совершаются на подведомственной представительству территории: «Консульское учреждение является государственным органом внешних сношений Российской Федерации, выполняющим в пределах консульского округа на территории государства пребывания консульские функции от имени Российской Федерации. Консульское учреждение входит в систему федерального органа исполнительной власти, ведающего вопросами иностранных дел» [19].

Однако, сравнив нормы, закрепленные в п. 8 ст. 26 Консульского устава («Консульское должностное лицо совершает нотариальные действия в соответствии с законодательством Российской Федерации о нотариате») и абзаце 5 ст. 13 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате («Совершение нотариусом нотариального действия за пределами своего нотариального округа не влечет за собой признания недействительности этого действия»), можно предположить, что должностное лицо имеет право на совершение нотариальных действий за пределами закрепленного за представительством округа.

Кроме того, Основы законодательства Российской Федерации о нотариате допускают совершение нотариальных действий для всех обратившихся лиц, за исключением случаев, предусмотренных законом [20]. Этим положением может воспользоваться недобросовестное лицо и, манипулируя представленными документами, отсутствием у должностного лица опыта в сфере нотариата, получить желаемый результат, а в случае отказа обратиться в другое консульское учреждение, и так далее, до получения желаемого результата.

На наш взгляд, подход, закрепленный в законодательстве второй половины XIX в., отличался большей упорядоченностью в совершении нотариальных действий на закрепленной за представительством территории, а значит, в какой-то мере может быть заимствован действующим законодательством. Одним из вариантов решения данного вопроса может быть распределение «свободных территорий» между ближайшими представительствами по вопросу нотариата.

Еще одним отличием законодательства второй половины XIX в. является то, что консулы могли совершать весь перечень нотариальных действий, предусмотренных для нотариусов, в то время как современное законодательство этот перечень ограничивает.

Так, современник реформ Александра II дипломат Ф. Мартенс писал: «На основании всех консульских уставов и законоположений, консулы исполняют на территории чужого государства также все обязанности нотариусов» [21].

Действующим законодательством перечень нотариальных действий, совершаемых должностными лицами консульских учреждений, определен в ст. 38 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате и в ст. 26 Консульского Устава, в которых за консульскими учреждениями закреплены не более 2/3 всего перечня нотариальных действий.

При буквальном сравнении ст. 38 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате и ст. 26 Консульского Устава имеются следующие разночтения:

1. В ст. 38 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате предусмотрено право на удостоверение сделок, кроме договоров об отчуждении недвижимого имущества, находящегося на территории Российской Федерации, а в ст. 26 Консульского устава это право дополнительно ограничивается и на совершение нотариальных сделок, «направленных на отчуждение либо залог доли или части доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, созданного на территории Российской Федерации» [22].

2. В ст. 38 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате после перечисления нотариальных действий содержится оговорка: «Законодательными актами Российской Федерации могут быть предусмотрены и иные нотариальные действия, совершаемые должностными лицами консульских учреждений Российской Федерации» [23], которая отсутствует в ст. 26 Консульского устава. Отсутствие данного пункта в ст. 26 Консульского устава позволяет говорить об исчерпывающем перечне разрешенных к совершению нотариальных действий.

На наш взгляд, нормы ст. 26 Консульского устава не должны противоречить аналогичным по предмету нормам ст. 38 Основ законодательства РФ о нотариате, так как п. 8 ст. 26 Консульского устава определена иерархия законодательных актов, применяемых консульским должностным лицом при совершении нотариальных действий.

Таким образом, на наш взгляд, необходимо устранить в действующем законодательстве имеющиеся противоречия через текстуальное и смысловое соответствие правовых норм Консульского устава нормам Основ законодательства о нотариате либо ввести в Консульский устав отсылочную норму, позволяющую избежать дублирования перечня нотариальных действий.

Подводя итоги сравнения законодательства Российской империи и Российской Федерации о нотариальной деятельности за рубежом, следует отметить, что для обоих исторических периодов совершение нотариальных действий было сопутствующей функцией представительств и наличие должности нотариуса (государственного) не предусматривалось. Данный подход, на наш взгляд, является экономически целесообразным, так как количество совершаемых за рубежом нотариальных действий в целом было и остается незначительным.

Юридическая значимость нотариальных актов в гражданском обороте в настоящее время обязывает установить квалификационные требования для должностных лиц, совершающих нотариальные действия. Действующее законодательство должно содержать норму, устанавливающую требования к уровню подготовки должностных лиц, совершающих нотариальные действия. В качестве наиболее простого и эффективного предложения можно ввести требование о прохождении специальных курсов по совершению нотариальных действий. Развитие нотариата должно основываться на принципе осуществления нотариальных действий лицами, профессионально выполняющими свои функции, тем более что проект нового Гражданского кодекса предполагает повышение юридической значимости нотариального акта.

Также следует отметить, что в дореволюционном законодательстве, регулирующем нотариальную деятельность, существовал единый подход к совершению нотариальных действий только на закрепленной территории. Иного понимания в законодательстве не было. По нашему мнению, данный подход должен быть отражен в действующем законодательстве более четко, без возможности двойного толкования правовых норм. Дополнительно можно предложить распределение «свободных территорий» между близлежащими представительствами. Это приведет к упо-

рядочению в совершении нотариальных действий и повышению ответственности за их ведение.

Примечания

1. Демичев А. А. Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение как направление современной юридической науки // История государства и права. 2010. № 16. С. 2–7.

2. «Учреждение министерства иностранных дел» от 10 декабря 1846 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XXI. Отделение 2. № 20689. Изд. 1847 года.

3. «Учреждение министерства иностранных дел» от 22 мая 1868 года / Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XLIII. Отделение 1. № 45888. Изд. 1873 года.

4. «Учреждение министерства иностранных дел» от 22 мая 1868 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XLIII. Отделение 1. № 45888. Ст. 44.

5. Консульский устав для Российских консулов в Европе и Америке от 23 декабря 1858 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XXXIII. Отделение 2. № 33944. Изд. 1860 г. Ст. 16.

6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. 2009. № 7.

7. Федеральный закон от 05.07.2010 № 154-ФЗ «Консульский устав Российской Федерации» // Российская газета. 2010. № 147. Ст. 5. Ч. 2. П. 7.

8. Закон Российской Федерации от 11.02.1993 г. № 4462-1 «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» // Российская газета. 1993. № 49.

9. Консульский устав для Российских консулов в Европе и Америке от 23 декабря 1858 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XXXIII. Отделение 2. № 33944. Изд. 1860 г. Ст. 3.

10. Приказ Минюста РФ от 15.03.2000 № 91 «Об утверждении Методических рекомендаций по совершению отдельных видов нотариальных действий нотариусами Российской Федерации» // Бюллетень Минюста РФ. М., 2000. № 4.

11. Закон Российской Федерации от 11.02.1993 г. № 4462-1 «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» // Российская газета. 1993. № 49. Ст. 16.

12. Там же. Ст. 17.

13. Приказ Минюста РФ от 15.03.2000 № 91 «Об утверждении Методических рекомендаций по совершению отдельных видов нотариальных действий нотариусами Российской Федерации» // Бюллетень Минюста РФ. 2000. № 4. П. 16.

14. Федеральный закон от 05.07.2010 № 154-ФЗ «Консульский устав Российской Федерации» // Российская газета. 2010. № 147. Ст. 11.

15. Венская конвенция о консульских сношениях (заключена в г. Вене 24.04.1963) // «Сборник международных договоров СССР». Вып. XLV. М., 1991. С. 124–147.

16. Закон Российской Федерации от 11.02.1993 г. № 4462-1 «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» // Российская газета. 1993. № 49. Ст. 2.

17. Консульский устав для Российских консулов в Европе и Америке от 23 декабря 1858 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XXXIII. Отделение 2. № 33944 Изд. 1860 г. Ст. 2.

18. Там же. Ст. 2.

19. Федеральный закон от 05.07.2010 № 154-ФЗ «Консульский устав Российской Федерации» // Российская газета. 2010. № 147. Ст. 6.

20. Закон Российской Федерации от 11.02.1993 г. № 4462-1 «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» // Российская газета. 1993. № 49. Ст. 13.

21. Мартенс Ф. О консулах и консульской юрисдикции на востоке / СПб.: Типография министерства путей сообщения, 1873. С. 504.

22. Федеральный закон от 05.07.2010 № 154-ФЗ «Консульский устав Российской Федерации» // Российская газета. 2010. № 147. Ст. 26.

23. Закон Российской Федерации от 11.02.1993 г. № 4462-1 «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» // Российская газета. 1993. № 49. Ст. 38.

УДК 614.255.14

Т. Е. Сучкова

К ВОПРОСУ О НАДЕЛЕНИИ ВРАЧА СТАТУСОМ ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА

В работе автором проводится анализ действующего законодательства Российской Федерации с точки зрения использования дефиниций «врач» и «должностное лицо». Раскрывая тему работы, автор обосновывает необходимость наделяния врачей государственных и муниципальных медицинских учреждений статусом должностного лица.

The author analyses the current legislation of the Russian Federation from the point of view of using the definitions “doctor” and “official”. The author proves the necessity of conferring the status of official persons on doctors of state and municipal medical institutions.

Ключевые слова: медицинская деятельность, врач, юридически значимые действия, должностное лицо.

Keywords: medical activity, doctor, legally significant actions, official.

К числу конституционно охраняемых и защищаемых ценностей в Российской Федерации относится право на охрану здоровья и медицинскую помощь как неотъемлемое благо, принадлежащее человеку от рождения. Данное положение закреплено в ст. 41 Конституции [1] и является одним из важнейших элементов социальной политики государства, направленной на достижение благосостояния человека.

Понятие медицинской помощи закреплено в ст. 2 федерального закона № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [2], согласно которой под медицинской помощью понимается комплекс мероприятий,

направленных на поддержание и(или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг [3], однако в научной литературе понятие медицинской помощи, как правило, более разнообразно по содержанию [4].

Исходя из данного определения, медицинскую помощь могут оказывать не только «специально подготовленные для этой цели лица» [5], но и лица, не являющиеся профессионалами в сфере медицины, т. е. ухаживающие за больными детьми матери (лечение простуды, ссадин и т. п.), оказывающие первую медицинскую помощь спасатели и пожарные и т. п. Однако такая «непрофессиональная» медицинская помощь не относится к медицинской деятельности, поскольку, согласно ст. 2 ФЗ № 323, медицинская деятельность – это профессиональная деятельность по оказанию медицинской помощи [6].

К лицам, имеющим право на осуществление медицинской деятельности в соответствии с действующим законодательством, относятся врачи всех специальностей, а также средний медицинский персонал: фельдшеры, акушерки, медицинские сестры. Однако ни в предыдущих, ни в действующих «Основах охраны здоровья граждан» дефиниций этих понятий нет.

Имеющееся в ФЗ № 323 понятие «медицинский работник» [7] значительно шире по содержанию. В него помимо лиц, непосредственно ведущих медицинскую деятельность, можно включить тех, кто, не всегда обладая медицинским образованием, способствует оказанию профессиональной медицинской помощи – это не только санитарки, медицинские регистраторы, нянечки или сестры-хозяйки, которых относят к младшему медицинскому персоналу, но и высококвалифицированные техники, обслуживающие сложные медицинские приборы или аппараты.

Итак, несмотря на доминирование понятия «врач» в действующем законодательстве [5] легального определения нет, хотя «понятие “врач” как раз общее понятие, поскольку оно обозначает всех представителей класса врачей» [8].

Имеющееся в законе понятие лечащего врача как врача, «на которого возложены функции по организации и непосредственному оказанию пациенту медицинской помощи в период наблюдения за ним и его лечения» [9], не решает этой проблемы, так как частное понятие в соответствии с законами логики не может раскрыть общее. По этой причине существование термина «лечащий врач» не может устранить имеющейся в законодательстве неясности по поводу содержания понятия «врач».

Таким образом, определение статуса врача согласно роду деятельности в современной юридической науке и практике остается на сегодняшний день открытым. В этом смысле трудно

не согласиться с точкой зрения А. В. Риффеля, который считает, что «в настоящий момент незрела необходимость в законе, который, во-первых, определил бы реальные права и обязанности врачей, а во-вторых, соответствовал бы уровню развития медицинской науки и закрепил положение врача в нашем обществе, содержал бы правовые механизмы точного и чёткого регулирования и определения прав и обязанностей врачей и других медицинских работников» [10].

К тому же в законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» не установлено соотношение по объему полномочий между врачом и должностным лицом.

Профессиональной функцией врачей, среднего медицинского персонала в силу полученного образования является непосредственно лечебная деятельность, поскольку «профессия – род трудовой деятельности человека, предмет его постоянных занятий, а также свидетельство наличия у него знаний и умений, опыта, позволяющих квалифицированно выполнять данный вид работ» [11].

Понятие профессии не является тождественным понятию должности: «должность – служебное положение работника, определяющее круг его полномочий и ответственности; может быть занимаемой постоянно и замещаемой, занимаемой временно, а также замещаемой периодически, по конкурсу» [12].

В советской административной науке под должностью понимался «официально установленный комплекс обязанностей и прав, определяющий место и роль служащего в органе, предприятии, учреждении организации» [13]. С этих позиций, по мнению В. С. Орлова, «врачи являются служащими тех или иных учреждений и занимают определенные должности» [14].

На сегодняшний день при определении служебных обязанностей врачей и среднего медицинского персонала правоприменителем также используется термин «должность». К примеру, в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 3 апреля 2006 г. № 191 врач – это должность [15], приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации (Минздравсоцразвития России) от 23 июля 2010 г. № 541н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих», раздел «Квалификационные характеристики должностей работников в сфере здравоохранения» [16], также использует такие категории, как «должность» и «должностные обязанности».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что все медицинские работники, осуществляющие медицинскую деятельность в государственных и муниципальных медицинских учреждени-

ях, занимают определенную должность – «служебное место, связанное с исполнением определенных обязанностей» [17].

Однако «каждая должность сопровождается наделением лица, ее замещающего, определенным объемом служебных обязанностей, прав и полномочий» [18], и в зависимости от этих критериев все должности, существующие в бюджетных медицинских учреждениях, необходимо разделять на должности должностных лиц и должности иных служащих учреждения.

В принятом 21 ноября 2011 г. федеральном законе № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» одним из основных принципов охраны здоровья декларируется «ответственность органов государственной власти и органов местного самоуправления, должностных лиц организаций за обеспечение прав граждан в сфере охраны здоровья» [19], то есть привлечение к ответственности должностных лиц в случае ненадлежащего исполнения ими своих должностных обязанностей признается законодателем одним из основных принципов в области охраны здоровья. Однако, поскольку понятие «должностное лицо» в законе отсутствует, необходимо определить, кого следует считать должностным лицом в сфере осуществления медицинской деятельности.

Исходя из существующих сегодня в юридической науке признаков должностного лица, можно сделать вывод, что должностным лицом следует считать работника, осуществляющего функции представителя власти либо выполняющего организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции. Иными словами, это субъект, наделенный властными полномочиями на постоянной, временной основе, или властная деятельность осуществляется по специальному полномочию.

«Медицинские и фармацевтические работники относятся к должностным лицам, если занимают руководящие должности, выполняя организационно-распорядительные функции (главный врач, зав. фармацевтическим предприятием, их заместители, зав. отделами, отделениями, лабораториями), а также лица, временно исполняющие эти обязанности, к которым относится дежурный врач, либо административно-хозяйственные функции (старшая медсестра)» [20].

Как лицо, обладающее правом осуществления властных полномочий, главный врач лечебного учреждения или заведующий отделением осуществляет подбор кадров, от него зависит применение мер дисциплинарного характера в отношении подчиненных ему по службе врачей и медицинских работников в целом. Безусловно, к должностным лицам следует отнести дежурного врача, которому властные полномочия предос-

тавляются на время дежурства. Старшая медсестра больницы ответственна, например, за учет и отпуск лекарственных средств, то есть ей переданы отдельные властные полномочия по осуществлению административно-хозяйственных функций в лечебном учреждении.

Таким образом, «под должностным лицом в сфере медицинской деятельности следует понимать лицо, обладающее властными полномочиями в сфере медицинской деятельности, осуществляющее организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции в органах управления здравоохранением, лечебно-профилактических, санитарно-гигиенических и других учреждениях государственной и муниципальной систем здравоохранения» [21].

Тем не менее правовой статус врача, который осуществляет только прием пациентов, на сегодняшний день недостаточно четко определен действующим законодательством и требует более внимательного рассмотрения и доработки.

Общепризнанным сегодня является постулат о том, что врач, не наделенный полномочиями представителя власти, а также не выполняющий организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций, свойственных должности руководителя, не имеет статуса должностного лица, поэтому «в российской судебной практике при рассмотрении профессиональных преступлений, совершенных медицинскими работниками, не используется понятие “должностное лицо”» [22]. Более того, в юридической литературе ставится вопрос о необходимости разграничения «сугубо профессиональных функций медицинского работника и его функций в качестве должностного лица» [23].

При отсутствии законодательно закрепленного понятия в правовой науке «профессиональные обязанности медицинских работников» обозначены достаточно неопределенно, как неразрывно связанные с оказанием медицинской помощи [24], тогда как должностные обязанности медицинских работников содержатся в Приказе Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации (Минздравсоцразвития России) от 23 июля 2010 г. № 541н [25].

В соответствии с данными должностными обязанностями, по мнению В. А. Латышева, «врач государственной поликлиники, больницы или санатория имеет право отдавать обязательные распоряжения, связанные с профессиональной деятельностью (лечением), среднему и низшему медицинскому персоналу, выписывать лекарства, содержащие наркотические или сильнодействующие средства, на специально оформляемых рецептных бланках» [26].

Итак, в соответствии с данным приказом среди обязанностей врача государственного или

муниципального медицинского учреждения обозначена обязанность давать указания находящемуся в подчинении работнику среднего медицинского персонала (медицинской сестре, акушерке), то есть можно говорить о наличии в деятельности врача определенных организационно-распорядительных функций, а значит, о возможности наделения врачей, осуществляющих медицинскую деятельность, статусом должностного лица.

Подобная точка зрения, согласно которой любого врача необходимо признать должностным лицом, сформировалась в правовой науке уже достаточно давно. В частности, А. К. Квициния считает, что «любой врач, работающий в медицинском учреждении, является должностным лицом, а чисто профессиональная деятельность хотя и не порождает прямо юридических последствий и не связана с организационно-распорядительными функциями, однако неотделима от статуса советского медицинского работника» [27].

Однако, соглашаясь с тем, что любого врача, работающего в медицинском учреждении, следует признать должностным лицом, необходимо, на наш взгляд, скорректировать аргументы, послужившие основанием для данного вывода.

Не останавливаясь на утверждении о «неотделимости» профессиональной деятельности врача от «статуса советского медицинского работника» в силу его идеологизированности, считаем невозможным согласиться с мнением А. К. Квицинии, согласно которому профессиональная деятельность врача «не порождает прямо юридических последствий».

Применительно к врачебной деятельности следует обратить внимание на тот факт, что в специальной литературе высказывались мнения о том, что врачи наряду с другими «служащими, осуществляющими специальные функции», относятся к должностным лицам, так как «совершают действия, которые влекут правовые последствия» [28].

В частности, в отличие от врача, занимающегося частной практикой, врач, работающий в бюджетном медицинском учреждении, имеет право при осуществлении экспертизы временной нетрудоспособности выдать в соответствии с Приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации (Минздравсоцразвития России) от 29 июня 2011 г. № 624н [29] листок временной нетрудоспособности.

Это действие врача, с точки зрения Н. Е. Крыловой и Н. В. Павловой, «влечет за собой юридически значимые последствия как для самого пациента, так и для других физических и юридических лиц (работодателей, МСЭК и др.)» [30]. Более того, по мнению А. В. Кузнецова, «врачи

государственных учреждений здравоохранения – больниц выполняют публичную деятельность, выдавая больничные листы и являясь самым важным звеном в системе обязательного медицинского страхования и, что самое главное, реализуя конституционное право граждан на охрану здоровья» [31].

Помимо этого в обязанности врача входит ведение медицинской документации в установленном порядке [32], то есть заполнение амбулаторных и стационарных карт пациента, ведение статистической отчетности, выдача справок для детских дошкольных и школьных учреждений, оформление рецептов и т. д.

Такой широкий перечень действий врача, являясь частью его профессиональной деятельности, также влечет наступление правовых последствий, что, по мнению А. В. Кузнецова, позволяет сказать: «Врач государственного и муниципального здравоохранения – это такой же чиновник, большая часть работы которого состоит в заполнении больничных листов, рецептов и документов медицинского страхования» [33].

Итак, на основании вышесказанного можно сделать вывод, что не только «отдельные медицинские работники являются должностными лицами в силу своего статуса, поскольку руководят определенным участком, отделением, подразделением медицинского учреждения (главный врач, заведующий отделением, их заместители)» [34], по мнению В. С. Орлова, необходимо говорить о возможности признания врачей должностными лицами «не в связи с их профессией, а в связи с исполнением обязанностей по службе» [35].

Таким образом, следует на законодательном уровне закрепить статус должностных лиц за всеми врачами, работающими в государственных и муниципальных медицинских учреждениях.

Примечания

1. Конституция Российской Федерации // Российская газета. 1993. 25 дек.
2. Федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
3. Там же
4. Тихомиров А. В. Организационные начала публичного регулирования рынка медицинских услуг. М., 2001. С. 33–35; Ковалевский М. А. Конституционно-правовой режим платной медицинской помощи // Менеджмент качества в сфере здравоохранения и социального развития. 2008. № 4. С. 3–24; Дроздова А. В. Понятие медицинской услуги как гражданско-правовой категории // Сибирский юридический вестник. 2004. № 3. С. 15–19; Сер Ю. Д. Основы медицинского права России. М., 2011. С. 5. URL: <http://book.tr200.net/about.ph>
5. Сер Ю. Д. Основы медицинского права России. С. 5.

6. Федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

7. Там же.

8. Моисеев В. И. Философия и методология науки. URL: info@sbiblio.com

9. Федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

10. Риффель А. В. Избранные вопросы медицинского права. URL: <http://www.rae.ru/monographs/24>

11. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 6-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2010. С. 336.

12. Там же. С. 115.

13. Административное право. Общая и особенная части: учеб. / под ред. А. П. Коренева. М.: МВШМ МВД СССР, 1986. С.75.

14. Орлов В. С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 260.

15. 12. Постановление Правительства РФ от 3 апреля 2006 года № 191 «Об утверждении Перечня должностей, подлежащих обязательному страхованию медицинских, фармацевтических и иных работников государственной и муниципальной систем здравоохранения, занятие которых связано с угрозой жизни и здоровью этих работников» // СЗ РФ. 2006. № 15. Ст. 1621.

16. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации (Минздравсоцразвития России) от 23 июля 2010 г. № 541н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих», раздел «Квалификационные характеристики должностей работников в сфере здравоохранения» // Российская газета Федеральный выпуск. 2010. 27 сент.

17. Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 53 000 слов / под общ. ред. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: ООО «Изд-во Оникс»: ООО «Изд-во “Мир и Образование”», 2008. С. 220.

18. Козлов Ю. М. Административное право: учеб. М.: Юристъ, 2001. С. 108.

19. Федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

20. Акопов В. И., Маслов Е. Н. Страдания Гиппократ. Ростов н/Д: изд-во «Приазовский край», 2006. URL: <http://www.m-pravda.ru>.

21. Стеценко Г. С. Медицинское право: учеб. СПб., 2004. С. 320.

22. Сучков А. В. О предмете доказывания по профессиональным преступлениям, совершенным медицинскими работниками // Медицинское право. 2011. № 3. С. 31–35.

23. Крылова Н. Е., Павлова Н. В. Субъект преступлений, совершаемых в сфере медицинской деятельности // Современное право. 2006. № 4. С. 77–82.

24. Кибальник А. Г., Старостина Я. В. Актуальные проблемы уголовной ответственности медицинских работников. URL: [http://sartracc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/kibalnik\(16-10-07\).htm](http://sartracc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/kibalnik(16-10-07).htm)

25. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации (Минздравсоцразвития России) от 23 июля 2010 г. № 541н

равсоцразвития России) от 23 июля 2010 г. № 541н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих», раздел «Квалификационные характеристики должностей работников в сфере здравоохранения» // Российская газета Федеральный выпуск. 2010. 27 сент.

26. *Латышев В. А.* Понятие должностного лица. URL: <http://www.latyshhev-va.ru/materials/page537/index.html>

27. *Квициния А. К.* Взятничество и борьба с ним. Сухуми, 1980. С. 154.

28. Административное право. Общая и особенная части: учеб. / под ред. А. П. Коренева. М.: МВШМ МВД СССР, 1986. С.75.

29. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации (Минздравсоцразвития России) от 29 июня 2011 г. № 624н «Об утверждении Порядка выдачи листков нетрудоспособности» // Российская газета. 2011. 8 июля.

30. *Крылова Н. Е., Павлова Н. В.* Субъект преступлений, совершаемых в сфере медицинской деятельности // Современное право. 2006. № 4. С. 77–82.

31. *Кузнецов А. В.* Государственная служба и служащие государственных научных, образовательных и медицинских учреждений. URL: <http://polygonv.narod.ru/projekts/3/index.html>

32. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации (Минздравсоцразвития России) от 29 июня 2011 г. № 624н «Об утверждении Порядка выдачи листков нетрудоспособности» // Российская газета. 2011. 8 июля.

33. *Кузнецов А. В.* Государственная служба и служащие государственных научных, образовательных и медицинских учреждений. URL: <http://polygonv.narod.ru/projekts/3/index.html>

34. *Крылова Н. Е., Павлова Н. В.* Субъект преступлений, совершаемых в сфере медицинской деятельности // Современное право. 2006. № 4. С. 77–82.

35. *Орлов В. С.* Субъект преступления по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 260.

УДК 340

И. Д. Хомяков

ПРОБЛЕМЫ ПОНЯТИЯ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА КАК ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

Исследуя понятие «охрана общественного порядка», автор приходит к выводу, что эта деятельность государства является формой реализации правоохранительной функции государства.

Investigating the concept “public order protection”, the author comes to the conclusion that this activity is the form of realisation of law-enforcement function of the state.

Ключевые слова: общественный порядок, охрана общественного порядка, правопорядок, правоохранительная деятельность, функции государства.

Keywords: public order, public order protection, law and order, law-enforcement activity, state functions.

Существует научная позиция, в соответствии с которой первоначально появилось понятие «общее благо», которое было идентично понятию «общий правопорядок» [1]. Этой позиции придерживается А. В. Сумин, который приходит к выводу, что взгляды древнегреческих и древнеримских юристов, например Аристотеля и Цицерона, на «общее благо» и «общий правопорядок» содержательно наиболее приближены к сегодняшнему пониманию общественного порядка [2]. Важность понятия общественного порядка подтверждается использованием его в Конституции РСФСР от 11 мая 1925 г. Согласно ст. 64, регламентирующей компетенцию исполнительных комитетов Советской власти, «обеспечение в пределах данной территории революционной законности и охраны государственного порядка и общественной безопасности» являлось одним из важных направлений их деятельности [3]. Рассматривая развитие исследуемого понятия в России, можно констатировать, что с конца XIX в. понятие «общественный порядок» вытесняет из оборота свои синонимы, такие как «общее благо» и «общий порядок», и получает окончательное закрепление в 1950–1960-х гг. [4] В середине XX в. государство охране общественного порядка уделяло огромное внимание. Так, 17 августа 1962 г. постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению деятельности советской милиции» МВД РСФСР и другие республиканские министерства, а также учреждения в краях, областях и городах были пе-

© Хомяков И. Д., 2012

реименованы соответственно в министерства охраны общественного порядка: «...ЦК КПСС и СМ СССР признали целесообразным преобразовать Министерство внутренних дел в Министерство охраны общественного порядка» [5].

В советской юридической литературе понятие общественного порядка трактовалось по-разному: во-первых, как «урегулированное советским народом состояние общественной жизни» [6], во-вторых, как «форма упрочения и развития социалистических общественных отношений» [7], в-третьих, как «порядок, регулирующий отношения между членами советского общества» [8].

Позже представления о понятии и содержании общественного порядка стали приобретать системность, и в 1960–1970-х гг. зарождается «концепция общественного порядка» [9]. Ее основоположниками многие исследователи считают М. И. Еропкина и А. П. Ключниченко. Первый рассматривал общественный порядок через ограниченный круг общественных отношений, на которые должна быть направлена правоохранительная деятельность соответствующих государственных органов, их должностных лиц или общественности [10]. При этом приоритет отдавался отношениям, возникающим в общественных местах. Несколько иного подхода к понятию общественного порядка придерживался А. Л. Ключниченко. Под таковым он понимал систему отношений, обеспечивающую «нормальные условия для общественнополезной деятельности граждан, их отдыха и быта, гарантированное общественное спокойствие, уважение к общественной нравственности, чести и достоинству людей, а также сохранности имущества» [11]. Он же критически относился к позиции М. И. Еропкина и ряда других ученых, которые в качестве критерия разграничения сферы общественного порядка от иных общественных отношений выделяли общественное место. А. П. Ключниченко справедливо подчеркивал, что данный подход к определению круга рассматриваемых отношений может привести к неправильному выводу о том, что при обеспечении порядка охраняются лишь те из них, которые образуются в общественных местах, и что органы охраны порядка должны быть безразличны к таким нарушениям, как дебош в коммунальной квартире, непристойное поведение в семье и т. д. [12].

И. И. Веремеенко отмечает, что в научной литературе существуют две основные точки зрения относительно определения общественного порядка [13]. Согласно первой в его основу положено содержание общественного порядка, в соответствии со второй – место формирования общественных отношений [14].

В юридической литературе достаточно часто встречается понятие «общественный порядок» и,

как правило, это понятие коррелирует с такими понятиями, как «правопорядок» и «законность». Общественным порядком можно признать сложившуюся в обществе устойчивую систему отношений между людьми, основанную на правилах их взаимного поведения и общежития, установленных законодательством, обычаями и традициями, а также нравственными нормами, господствующими в обществе на определенном историческом этапе.

Таким образом, общественный порядок представляет собой всю совокупную систему общественных отношений, которая складывается в результате реализации социальных норм: норм права, норм морали, норм общественных организаций, норм неправовых обычаев, традиций и ритуалов. По мнению В. Н. Жукова, общественный порядок представляет собой синтез социальных систем, взаимопересекающихся и взаимобусловленных [15].

В правовой науке явление общественного порядка, как правило, рассматривается в широком и в узком смысле. В узком смысле общественный порядок понимается не как вся их система общественных отношений, а лишь как определенные совокупности, складывающиеся в различных областях социально-политической жизни и быта. Такой подход применяется при анализе различных сфер правоохранительной деятельности и определении объекта протиправного посягательства. Определение понятия общественного порядка в узком (непосредственном) смысле имеет практическое значение в работе прокуратуры, судов, органов внутренних дел, административных комиссий, а также общественных формирований, участвующих в охране общественного порядка, нацеливает их на предупреждение и пресечение конкретных преступлений и административных правонарушений, которые посягают на общественные отношения, складывающиеся в этой сфере. Определенная роль в охране общественного порядка принадлежит внутренним войскам МВД России, на которые законодательством Российской Федерации возложена задача по охране общественного порядка [16].

Содержание общественного порядка в широком смысле включает в себя всю систему общественных отношений, складывающихся вследствие реализации действующих во всех сферах общественной жизни социальных норм (как норм права, так и иных социальных норм неюридического характера), принципов, идей, закрепляющих общественно необходимое и наиболее полезное для данного экономического и политического строя поведения людей, государственных организаций и общественных объединений. В таком значении общественный порядок является объектом охранительного воздействия всех социальных инсти-

тутов государства [17]. Э. П. Григонис пишет, что в широком смысле общественный порядок – это сложившиеся в обществе отношения, основанные на соблюдении и исполнении всех социальных норм: норм права, норм морали и т. д. [18]

Являясь системой общественных отношений, общественный порядок обеспечивается преимущественно силой общественного воздействия. Это не означает, что его состояние безразлично для государства. Поскольку правопорядок – это система общественных отношений, устанавливающихся вследствие точного и неуклонного использования, исполнения и соблюдения норм права всеми субъектами правоотношений, для государства он является важнейшей частью общественного порядка. Состояние общественного порядка обуславливается во многом и состоянием правопорядка в государстве. Необходимо признать, что понятие общественного порядка в общем смысле шире понятия правопорядка, в то время как общественный порядок в узком смысле – это часть правопорядка, который, в свою очередь, является частью общественного порядка в широком смысле.

Общественный порядок представляет собой систему волевых общественных отношений, складывающихся и развивающихся главным образом в общественных местах на основе соблюдения норм права и иных социальных норм, направленных на обеспечение личной безопасности граждан, общественной безопасности, на создание благоприятных условий для нормального функционирования предприятий, учреждений, организаций и общественных объединений, для труда и отдыха граждан, уважения их чести, человеческого достоинства и общественной нравственности. В отличие от ранее приводившихся в учебной литературе определений общественного порядка данное определение дополнено упоминанием об обеспечении личной безопасности граждан и общественной безопасности как цели общественного порядка.

Приведенное выше определение понятие общественного порядка базируется на том, что в реальной действительности охрана общественного порядка есть в то же время и обеспечение личной безопасности граждан и общественной безопасности. В свою очередь, принятие мер по обеспечению личной безопасности граждан и общественной безопасности служит неперемным условием поддержания надежного общественного порядка.

А. В. Серегин выделяет три группы отношений, составляющих сферу общественного порядка:

а) отношения, складывающиеся в процессе обеспечения обстановки общественного спокойствия и предотвращения действий, могущих выз-

вать нарушение нормального ритма жизни населения;

б) отношения, обеспечивающие условия для покоя и отдыха граждан, предотвращение озорства и недисциплинированного поведения в быту;

в) отношения, обеспечивающие честь и достоинство граждан, и предотвращение антиобщественных действий, в которых выражается пренебрежение к обществу [19].

Общественный порядок в широком смысле представляет собой систему общественных отношений, представляющих правомерные связи, возникающие между людьми при удовлетворении их материальных, духовных потребностей и во время отдыха, и включает в себя правопорядок как упорядоченность общественных отношений на основе норм права.

Необходимость решения государственных дел ставит перед государством определенные задачи, набор и содержание которых различны. Эти задачи осуществляются посредством реализации определенных функций, под которыми в теории государства и права понимаются главные направления деятельности государства по решению основных задач, стоящих перед ним на том или ином этапе развития. В науке существуют различные подходы к понятию функций государства. Но есть и принципиально общее, что позволяет выделить их признаки. Такими существенными признаками функций государства являются следующие:

1) функция государства – это устойчиво сложившаяся предметная деятельность государства в важнейших сферах жизни общества;

2) в них проявляется непосредственная связь между сущностью государства и его социальным назначением, которое реализуется в деятельности государства;

3) они определяют направленность деятельности государства на выполнение крупных задач и достижение целей, встающих на каждом историческом этапе;

4) функции государства реализуются в особых формах, обусловленных применением специфических методов управления (в том числе властно-принудительных) [20].

Сущность государства и его социальное назначение являются ключевыми факторами в определении направленности деятельности государства, в постановке его целей и задач на соответствующем этапе развития общества. Изменение сущности государства неизменно отражается на содержании его деятельности, так как функциям наиболее «чутки» к существенным изменениям. Это наглядно проявляется в функциях современного российского государства, многие из которых претерпели значительную модификацию по сравнению с предыдущими периодами его существования.

Формирование функций государства происходит в процессе его становления, укрепления и развития. Последовательность возникновения функций зависит от очередности задач, встающих перед обществом, а также поставленных целей.

В разное время приоритетное значение приобретают те или иные задачи, цели государства, а следовательно, и различные его функции. На одних этапах центр тяжести перемещается в сферу экономики, поэтому в деятельности государства ключевое значение приобретает экономическая функция; на других – в сферу политики, тогда повышенное внимание уделяется реализации политических функций государственной власти.

Каждая функция государства имеет определенное содержание, поскольку предполагает деятельность в конкретной сфере общественной жизни. Содержание функций показывает, что делает государство, чем занимаются его органы, какие вопросы они решают. Содержание функций не остается неизменным, оно изменяется под влиянием различных факторов. Так, большим своеобразием отличаются функции государства в периоды революционных потрясений, других радикальных социальных перемен. Тесная связь функций государства с его сущностью и социальным назначением означает, что в содержании функций любого государства присутствуют как классовые, так и общесоциальные начала. В обществе, где социальная структура имеет ярко выраженную политическую дифференциацию, антагонизм между правящими и управляемыми, где классы и социальные группы противостоят друг другу, государство выступает в качестве политической организации правящего класса или группы общества, оно обслуживает в первую очередь интересы этих групп и классов и в то же время осуществляет организованное насилие в отношении своих классовых противников.

Основным критерием классификации функций государства является сфера жизни общества, на которую оказывается государственное воздействие.

Так, В. В. Лазарев к функциям государства относит установление и охрану правового порядка; охрану прав собственности, иных прав и свобод граждан; экономическую; культурную; социальную; экологическую, а к внешним – поддержание мира и мирного сосуществования; обеспечение делового партнерства и сотрудничества; защиту государственного суверенитета от внешних посягательств [21].

Н. Т. Шестаев к внутренним функциям государства, охватывающим сферу жизни государства, касающимся каждого члена общества, относит: охранительную; экономическую; социальных услуг; обеспечения и защиты граждан;

культурно-воспитательную; природоохранную, – а к внешним, направленным на обеспечение существования государства в мировом сообществе, – защиту государства от вооруженных нападений других государств; поддержание международных политических отношений (дипломатическая деятельность), экономических и культурных связей; борьбу с международными преступлениями; участие в международной охране окружающей среды [22].

Определенный интерес вызывает классификация функций государства, предложенная Л. А. Морозовой, которая, ссылаясь на мнение Ю. А. Тихомирова о том, что генеральной тенденцией в развитии современных функций государства являются саморегулирование, начало самоорганизации и самодеятельности, делает вывод, что Российскому государству на данном этапе присущи следующие функции: обеспечение народовластия; экономическая; социальная; налогообложение; экологическая; охрана прав и свобод граждан; обеспечение законности и правопорядка. Также к функциям государства традиционно относят: интеграцию в мировую экономику; внешнеэкономическое партнерство и государственную поддержку иностранных инвестиций; оборону страны; поддержку мирового правопорядка; сотрудничество с другими государствами в решении глобальных проблем современности (экологической, сырьевой, энергетической, демографической и др.) [23].

Не вдаваясь в подробное рассмотрение различных точек зрения на классификацию функций государства, можно констатировать, что в целом все авторы в той или иной степени отмечают, что объектом воздействия функций государства являются крупные сферы общественной жизни – экономика, социальная структура, духовная жизнь общества, сложившийся общественный порядок. Поэтому в самой общей классификации функции могут быть экономическими, идеологическими, охранительными, политическими как во внешней, так и во внутренней деятельности государства. Данная классификация носит абстрактный характер, она не отражает специфику различных государств, особенно в рамках отдельных типов. Как одну из функций государства практически все государствоведы выделяют деятельность в сфере защиты прав граждан и обеспечения правопорядка.

Следует отметить, что в наименовании правоохранительной функции государства в современной юридической литературе наблюдается вариативность. Данная деятельность государства именуется по-разному:

– функция защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечения законности и правопорядка [24];

- функция охраны правопорядка и укрепления законности [25];
- функция охраны прав и свобод граждан, всех форм собственности, правопорядка [26];
- правоохранительная функция [27];
- функция охраны прав и свобод личности [28];
- охранительная функция [29];
- правозащитная функция [30] и др.

Автор считает, что такое разнообразие определений одной и той же функции создает проблему единого категориального понимания направлений функционирования государства в сфере правоохранительной деятельности. Исходя из этого, следует согласиться с мнением ученых, которые данную функцию государства определяют как правоохранительную.

Э. П. Григонис в своих работах отмечает, что правоохранительная функция является перманентной функцией государства. Она возникает одновременно с государством и осуществляется непрерывно на всем протяжении его существования [31]. Если рассматривать правоохранительную функцию со стороны составляющих ее элементов, то в ее структуре некоторые ученые выделяют следующие подфункции [32]:

- охрана конституционного (государственного) строя;
- охрана прав и свобод человека;
- охрана собственности;
- охрана общественного порядка;
- охрана природных ресурсов и окружающей природной среды;
- борьба с преступностью.

Таким образом, автор считает, что из всего многообразия толкований одной и той же функции государства следует выделить правоохранительную, которая определяется как деятельность государства по обеспечению точного и полного выполнения своих предписаний всеми гражданами, организациями, государственными органами. Она включает в себя также охрану общественного и правового порядка, защиту и охрану прав и интересов граждан и организаций, защиту конституционного строя и государства от противоправных посягательств.

В теории государства и права принято выделять формы и методы реализации функций государства.

Рассматривая формы реализации функций государства, А. В. Малько пишет, что это деятельность органов государства, посредством которой реализуются его функции [33].

Позиции различных авторов относительно форм реализации функций государства практически не отличаются друг от друга. Так, рассматривая формы реализации функции государства, нельзя не согласиться с В. Д. Переваловым, ко-

торый различает организационно-правовые и организационно-фактические формы реализации функций государства. К организационно-правовым формам он относит правотворческую, правоисполнительную, правоохранительную, судебную и контрольную деятельность. Организационно-фактические формы охватывают большой объем организационно-подготовительной работы в процессе осуществления функций государства: подготовительная работа по сбору, оформлению, изучению различной информации, необходимой для принятия управленческих решений, ознакомление с письмами, жалобами граждан, бухгалтерский учет, статистика, организация снабжения, сбыта и т. д. [34]

Две основные формы реализации функций государства – правовую и организационную – выделяет в своих работах В. Н. Жуков. Тремя основными правовыми формами реализации функций государства указанный автор считает правотворческую, правоприменительную и правоохранительную деятельность [35].

Следует заметить, что выделение форм реализации функций государства в целом не дает ответа на вопрос, в каких конкретных формах осуществляется та или иная функция государства.

Как представляется, для каждой функции государства следует выделять определенные организационно-правовые формы, понимая под ними деятельность какого-либо органа государства или группы органов государства, направленную в основном на реализацию именно данной функции государства. Это особенно касается правоохранительной функции государства, поскольку правоохранительную деятельность саму по себе большинство авторов считают формой реализации всех без исключения функций государства.

Формы реализации правоохранительной функции государства в научных работах, посвященных этой теме, рассматриваются несколько иначе, чем в общих работах по теории государства и права.

А. И. Числов формой реализации правоохранительной функции считает правоохранительную деятельность [36], под которой понимается форма осуществления функций государства посредством властной оперативной деятельности органов государства по охране норм права от нарушений, защите предоставленных гражданам субъективных прав и обеспечению выполнения возложенных на них юридических обязанностей. Другие авторы отмечают взаимосвязь понятия реализации правоохранительной функции государства с понятием правоохранительной деятельности, а также с понятиями правоохранительной системы и правоохранительных органов [37].

По поводу самой правоохранительной деятельности и других связанных с ней понятий, ука-

занных выше, в юридической науке пока еще не сложилось единого мнения. В литературе встречаются разные подходы к толкованию правоохранительной деятельности, но они отличаются незначительно, лишь в мелких деталях. Так, если обратиться к К. Ф. Гуценко и М. А. Ковалеву, то они считают правоохранительную деятельность государственной деятельностью, которая осуществляется с целью охраны права специально уполномоченными органами путем применения юридических средств воздействия, в строгом соответствии с законом и при неуклонном соблюдении установленного им порядка [38]. А. Д. Пронякин и Д. А. Пронякин определяют правоохранительную деятельность аналогичным образом, как установленную государством деятельность специальных органов, «которая осуществляется с целью охраны права путем применения юридических мер воздействия, в строгом соответствии с законом и при обязательном соблюдении установленного им порядка» [39].

Понимание правоохранительной деятельности в связи с функциями государства, на взгляд автора, удачно представлено еще в одном определении правоохранительной деятельности, принадлежащем В. А. Серову: «Правоохранительная деятельность – это практическая реализация в установленной законом форме уполномоченными на то органами и лицами функции государства по охране прав и свобод личности, материальных и духовных ценностей общества, конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности государства» [40]. Упомянутая В. А. Серовым функция государства – это и есть правоохранительная функция, которая реализуется посредством правоохранительной деятельности. Исходя из этого, достижение целей правоохранительной деятельности есть в значительной мере и осуществление функций государства.

Сама по себе правоохранительная деятельность складывается из нескольких направлений или видов, которые выделяются практически всеми исследователями данной проблемы. Иногда их отождествляют с функциями этой же деятельности [41].

Многие авторы одним из основных направлений правоохранительной деятельности считают борьбу с преступностью, но определяют его по-разному. Некоторые говорят о выявлении и расследовании преступлений [42], другие – об охране общественного порядка и расследовании преступлений [43]; третьи – об уголовном судопроизводстве в целом, но в то же время отдельно о предварительном расследовании, сюда же включают обеспечение общественной безопасности и охрана общественного порядка [44].

Обобщая вышеизложенное, согласимся с Э. П. Григонисом, который выделил следующие

виды правоохранительной деятельности [45]: судебную деятельность, прокурорскую деятельность и полицейскую деятельность, включающую в себя выявление, предупреждение, пресечение преступлений и административных правонарушений, раскрытие и расследование преступлений, рассмотрение административных правонарушений несудебными органами, исполнение судебных решений (оперативно-розыскная, административная, уголовно-процессуальная, административно-процессуальная, уголовно-исполнительная деятельность, исполнительное производство, деятельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности).

Именно эти виды правоохранительной деятельности, как представляется, следует считать организационно-правовыми формами реализации правоохранительной функции государства. В целом же правоохранительная деятельность государства является организационно-правовой формой реализации практически всех функций государства, как это принято считать в теории государства и права.

В силу изложенного следует согласиться с определением, данным Э. П. Григонисом: «Правоохранительная деятельность государства – это часть его правоприменительной деятельности, возложенная на специально уполномоченные органы государства, направленная на охрану и защиту прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов юридических лиц, общества и государства в целом и его органов, осуществляемая в форме судебной, прокурорской, полицейской деятельности, которая в Российской Федерации реализуется в соответствии с принципами демократического, правового, федеративного и социального государства и по определенным, установленным законом, процедурам» [46].

В современной обстановке возросло значение охраны общественного порядка, предусматривающей обеспечение режима законности, предупреждение и пресечение правонарушений.

В деятельности по охране общественного порядка участвуют представительные органы государственной власти, органы государственного управления, суда и прокуратуры. Каждый из них выполняет свойственные ему функции. Например, специальным отраслевым органом в общегосударственной системе охраны общественного порядка является МВД России, одной из главных функций которого, наряду с борьбой с преступностью, является охрана общественного порядка.

Внутренние войска совместно с органами внутренних дел не только организуют, но и практически обеспечивают охрану общественного порядка, осуществляя ее тремя способами [47]:

- уголовно-правовыми;
- гражданско-правовыми;
- административно-правовыми.

Эти способы различаются характером, особенностями правового регулирования охраны общественного порядка, определяемого сущностью соответствующих общественных отношений и противоправных посягательств на них.

В числе наиболее важных мер, проводимых государством по охране общественного порядка и укреплению законности, являются следующие. Во-первых, деятельность органов внутренних дел и внутренних войск, основные задачи которых сводятся к охране общественного и правового порядка, выявлению и пресечению правонарушений, привлечению к ответственности виновных лиц. Конечная цель деятельности этих органов – обеспечение такого правового режима, при котором бы ни один правонарушитель не уходил от ответственности, не остался безнаказанным. Во-вторых, укрепление законности в деятельности государственных органов, должностных лиц, борьба с коррупцией, злоупотреблением властью или служебными полномочиями, ибо ничто не сказывается столь негативно на состоянии законности, как преступления и иные правонарушения, чинимые государственными служащими. Поэтому государство должно осознавать и реально проводить в жизнь принцип, согласно которому необходимым условием соблюдения законности со стороны народа является деятельность государственных органов в строгих рамках закона. В-третьих, предоставление гражданам и иным лицам гарантированного права защищать свои права и свободы любым не запрещенным законом способом, обеспечение независимости судебных органов от иных органов государства и создание необходимых условий для их эффективной деятельности в рамках законности [48].

По мнению М. И. Ерошкина и ряда других ученых-юристов, под охраной общественного порядка следует понимать проведение государственными органами в тесной связи с общественностью разнообразных мер по обеспечению неприкосновенности граждан, защите их прав и законных интересов, народного достоинства, по созданию обстановки спокойствия, нормальных условий для работы государственных, негосударственных предприятий, организаций и учреждений [49].

Сохранить стабильность в обществе, обеспечить надлежащий общественный порядок и общественную безопасность призвана в первую очередь система правоохранительных органов, в том числе и внутренние войска МВД России, а также различные негосударственные общественные объединения и органы местного самоуправления, которые должны быть в этом заинтересо-

ваны. Как уже отмечалось, не все правоохранительные органы могут осуществлять охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности. Подтверждением этого служит законодательство, регулирующее деятельность указанного вида правоохранительных органов. В соответствии со ст. 2 федеральным законом от 6 февраля 1997 г. № 27-ФЗ «О внутренних войсках МВД России» на внутренние войска возлагается несколько задач, в том числе и участие совместно с органами внутренних дел Российской Федерации в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности и режима чрезвычайного положения [50].

На современном этапе в правовом государстве, где общественная и государственная жизнь строится на основе справедливых законов, интересы личности, общества и государства охраняются от любых незаконных посягательств. В центре правоохранительных действий государства находится в первую очередь человек, человек как гражданин, как член общества, как свободный индивид, а также само государство и его структуры. Именно поэтому, охраняя законные права и интересы личности, государство одновременно охраняет свои интересы, интересы всего общества.

По мнению автора, под охраной общественного порядка следует понимать деятельность, осуществляемую специальными уполномоченными на то органами в установленных законом формах, направленную на предупреждение и пресечение противоправных проявлений, защиту прав и свобод человека и гражданина, их имущества, чести и достоинства, интересов государства и общества в целом, с целью поддержания общественного спокойствия, нормального функционирования предприятий, учреждений и организаций, транспорта, средств коммуникаций и устранения причин и субъектов, их дестабилизирующих.

Подводя итог вышеизложенного, автор считает, что охрана общественного порядка как одна из форм реализации правоохранительной функции государства направлена на защиту многообразных и многочисленных общественных отношений, связанных с обеспечением прав и свобод граждан, и в этом смысле является важнейшим условием их реализации и существенной гарантией обеспечения.

Примечания

1. Нехайчик В. В. Политико-правовой смысл мотивации категории «общественный порядок» // Право и политика. 2007. № 8. С. 12.
2. Сумин А. В. Эволюция понятия «общественный порядок» // История государства и права. 2009. № 23. С. 36.
3. Южаков А. Б. Становление общественного порядка в российской юриспруденции // Правовые ис-

следования: актуальные проблемы современной юридической науки: сб. науч. тр. адъюнктов и соискателей. Екатеринбург: Изд-во Уральского юридического института МВД России, 2003. С. 89.

4. *Вельский К. С.* Полицейское право. Лекционный курс. М.: Дело и сервис, 2004. С. 236.

5. *Грошев С. Н.* Реформирование системы органов внутренних дел СССР в 1956–1968 гг.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 100.

6. *Дементьев Н. Д.* Участие трудящихся в охране общественного порядка. М.: ВШ МВД СССР, 1960. С. 7.

7. *Соколов Ю. А.* Теоретические и правовые вопросы участия трудящихся в обеспечении законности и общественного порядка // Труды Высшей школы МООП РСФСР. Вып. № 8. М., 1963. С. 80.

8. *Гришаев П. И.* Преступления против порядка управления, общественной безопасности и общественного порядка. М., 1957. С. 57.

9. *Сумин А. В.* Указ. соч. С. 37.

10. *Ерошкин М. И.* Управление в области охраны общественного порядка. М., 1965. С. 10.

11. *Клюшниченко А. П.* О понятии социалистического общественного порядка. Киев: Труды КВШ МВД СССР, 1970. С. 126.

12. *Клюшниченко А. П.* Административно-правовая борьба с мелким хулиганством и злостным пьянством. Киев, 1967. С. 68.

13. *Серегин А. В.* Вопросы теории охраны общественного порядка // Труды Высшей школы МООП РСФСР. М., 1963. Вып. № 8. С. 15.

14. *Веремеенко И. И.* Сущность и понятие общественного порядка // Советское государство и право. 1982. № 3. С. 22–23.

15. Теория государства и права: учеб. / под ред. О. В. Мартышева. М.: Норма, 2007. С. 420–421.

16. О внутренних войсках МВД России: федер. закон: принят Гос. Думой 25 декабря 1995 года: по состоянию на 20 октября 2011 года // Российская газета. 1997. 12 февр.

17. Теория и практика совершенствования охраны общественного порядка: труды Академии МВД СССР. М., 1985. С. 120.

18. *Григонис Э. П.* Теория государства и права. СПб.: Питер, 2002. С. 183.

19. *Серегин А. В.* К вопросу о понятии общественного порядка в Советском общенародном государстве. М.: Труды Высшей школы МООП РСФСР, 1963. С. 256.

20. Теория государства и права: учеб. / под общ. ред. О. В. Мартышева. М.: Норма, 2007. С. 359.

21. *Лазарев В. В.* Теория государства и права. М., 1992. С. 90.

22. *Шестаев Н. Т.* Функции и структура государства. М., 1992. С. 4–7.

23. *Морозова Л. А.* Функции Российского государства на современном этапе // Государство и право. 1993. № 6. С. 103–108.

24. *Морозова Л. А.* Проблемы современной российской государственности. М., 1998. С. 68.

25. *Сырых В. М.* Теория государства и права: учеб. для вузов. М., 1998. С. 32.

26. Теория государства и права / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. Саратов: СВШ МВД РФ, 1995. С. 57.

27. *Загидуллин Р. И.* Правоохранительная функция современного российского государства (вопросы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2004. С. 8.

28. *Сим А. В.* Функция охраны прав и свобод личности в современном Российском государстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. С. 11.

29. *Степанов О. А.* Правовые основы обеспечения охранительной функции государства в условиях использования новых информационных технологий. М., 2000. С. 14.

30. *Нерсесянц В. С.* Теория государства и права. М., 2005. С. 68–69.

31. *Григонис Э. П., Харченко О. В.* Правоохранительная функция государства и формы ее реализации: монография. СПб.: СПБИГО: ООО «Книжный дом», 2007. С. 34.

32. *Пожарский Д. В.* О соотношении экономической и охранительной функций Российского государства // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2009. № 4(10). С. 31.

33. *Григонис Э. П., Харченко О. В.* Указ. соч. С. 46.

34. *Перевалов В. Д.* Теория государства и права. М., 2005. С. 74–75.

35. Теория государства и права: учеб. / под общ. ред. О. В. Мартышева. С. 170.

36. *Числов А. И.* Профессиональная правоохранительная деятельность: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2000. С. 3.

37. *Смирнов В. В.* Применение права как форма реализации правоохранительной функции аппарата государственной власти: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. С. 11.

38. *Гуценко К. Ф., Ковалев В. А.* Правоохранительные органы. М., 1996. С. 10.

39. *Фронякин А. Д., Фронякин Д. А.* Правоохранительные органы Российской Федерации. М., 1998. С. 5.

40. *Серов В. А.* Правоохранительные органы. Оренбург, 1997. С. 14.

41. *Гуценко К. Ф., Ковалев М. А.* Правоохранительные органы. М., 1996. С. 12.

42. *Юлков В. А., Шумилин С. Ф.* Правоохранительные органы в Российской Федерации. Белгород, 1996. С. 8.

43. Правоохранительные органы Российской Федерации / под ред. В. М. Семенова. Екатеринбург, 1996. С. 12.

44. Правоохранительные органы Российской Федерации / под ред. В. К. Боброва. М., 1999. С. 10–11.

45. *Григонис Э. П., Харченко О. В.* Указ. соч. С. 53.

46. Там же. С. 58.

47. *Лазарев В. В., Попов Л. А.* Роль права в деятельности органов внутренних дел по обеспечению общественного порядка. М., 1985. С. 10.

48. *Сырых В. М.* Указ. соч. С. 38–39.

49. *Ерошкин М. И., Попов Л. А.* Административно-правовая охрана общественного порядка. Л., 1973. С. 8.

50. О внутренних войсках МВД России: федер. закон: принят Гос. Думой 25 декабря 1995 года: по состоянию на 20 октября 2011 года // Российская газета. 1997. 12 февр.

Д. К. Ярославцева

СУДЕБНЫЙ КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ В ДЕЙСТВИЯХ ВЕРХОВНОГО СУДА США: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ, ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье анализируются понятие, признаки, а также функции судебного конституционного контроля, осуществляемого Верховным судом США.

The question of the research article is about notion, acknowledgement and the functions of the constitutional control in the USA Supreme Court activity.

Ключевые слова: Конституция США, Верховный суд США, судебный конституционный контроль, конституционное толкование.

Keywords: the constitution of the USA, the Supreme Court of the USA, judicial review, the constitutional interpretation.

Специфической особенностью деятельности Верховного суда США, определяющей его огромное влияние на положение дел в стране, является то, что он в положении своей судебной деятельности осуществляет функцию конституционного контроля и надзора: решает не только судьбу дела на основе закона, но и в соответствующих случаях судьбу закона на основе его соответствия или несоответствия нормам федеральной Конституции посредством ее толкования.

Как уже было отмечено, толкование Конституции осуществляется в рамках судебного конституционного контроля. Необходимо обратить внимание на тот факт, что в юридической литературе применяют несколько терминов: конституционный надзор, конституционный контроль и судебный контроль. Для того чтобы стало ясно, по какой причине в настоящем диссертационном исследовании используется именно термин «судебный конституционный контроль», можно кратко охарактеризовать все вышеупомянутые категории. Конституционный надзор заключается в проверке акта на его конституционность. При выявлении нарушающего Конституцию закона или иного нормативного акта орган конституционного надзора не правомочен отменить его. Конституционный контроль – это особый вид правоохранительной деятельности в государстве, заключающийся в проверке соответствия законов и иных нормативных актов конституции данной страны. Конституционный контроль предполагает, что соответствующие государственные органы, обнаружив нарушающий Конституцию

факт, правомочны своей властью отменить его [1]. К слову, Основной закон США толкуют все органы, применяющие ее: и Конгресс, и президент, и суды [2]. Вот почему, анализируя полномочия Верховного суда США в области толкования конституционных норм права, на наш взгляд, целесообразнее говорить о судебном конституционном контроле.

Большинство ученых склонны считать, что Верховный суд США самостоятельно присвоил себе эти полномочия начиная с 1803 г. в знаменитом решении «Мэрбури против Мэдисон» [3], в котором было установлено, что закон Конгресса, противоречащий федеральной Конституции, может быть признан судом неконституционным.

Так или иначе, интерпретационную деятельность Суда по отношению к Конституции США можно объяснить многими факторами, вот только некоторые из них.

1. Временной фактор – действующая Конституция США была принята более двухсот лет тому назад и, естественно, не может отражать в полной мере реалии сегодняшних дней.

2. Социально-экономический фактор – действующая Конституция США была принята для страны из тринадцати небольших штатов с главным образом сельскохозяйственной экономикой, что постепенно стало не соответствовать действительности с началом бурного развития промышленности в XIX в. и, конечно, противоестественно для постиндустриальной державы XX–XXI вв.

3. Демографический фактор – действующая Конституция США была принята для населения в четыре миллиона человек, из которых более двух миллионов были колонистами, только что получившими гражданство новой страны [4].

4. Политический фактор – действующая Конституция США является не только юридическим актом, но и политико-правовым документом, характеризующим сущность и структуру органов государственной власти.

5. Важным аспектом необходимости толкования Конституции является защита прав граждан. В этой ситуации необходимо уточнить, что американская традиция рассматривает саму писаную Конституцию как суверена и весьма консервативно относится к изменению Конституции. Ее толкование приобрело важное значение, так как оно стоит на защите прав граждан в условиях меняющейся действительности. Именно это полномочие – способность в принимаемых решениях адаптировать реалии современной жизни к архаичным нормам Конституции, дающим ей гибкость и эластичность, превращающим ее в «живую», – и ценят больше всего американцы разных поколений.

6. Юридические свойства Конституции США – жесткость, стабильность и постоянство, перспек-

тивность, потенциал на будущее – определили систему, согласно которой судьям в США предоставлено право интерпретации Основного закона страны, текст которого официально дополнялся всего двадцать семь раз за более чем два века со времени его принятия.

7. Общие, можно сказать, расплывчатые формулировки федеральной Конституции, которые явились результатом своего рода компромисса между сторонниками сильного национального правительства и теми, кто выступал за широкие права штатов, стали также фактором, способствующим возникновению в США конституционного судопроизводства.

Обращают на себя внимание и средства обеспечения судом целостности Основного закона США. Особый упор в судебной охране Конституции следует сделать на некоторых признаках судебного конституционного контроля:

1) контроль за конституционностью имеет универсальный характер, то есть охватывает не только законы, но также все нормативно-правовые акты;

2) контроль за конституционностью осуществляется время от времени и может производиться любым судом при рассмотрении любого дела, в котором затронут законный интерес гражданина;

3) контроль за конституционностью возможен только при рассмотрении конкретного дела, в котором фигурирует отсылка к Конституции, например, когда одна сторона считает, что претензии другой стороны основаны на действии нормы, противоречащей Конституции;

4) контроль за конституционностью имеет относительный характер, так как решения суда являются обязательными только для спорящих сторон и не распространяются на всех субъектов правоприменительной деятельности [5].

Таким образом, можно согласиться с мнением О. А. Жидкова, который утверждал, что «конституционное правотворчество Верховного суда... не имеет с юридической точки зрения цельного и связного структурного характера. Оно скрывается за фасадом отдельных судебных дел, как бы растворяется в их чисто правовой индивидуальности и неповторимости специфических фактических обстоятельств» [6].

Но вместе с тем в огромном своде решений Верховного суда США можно выделить те средства или приемы, которые используются в процессе толкования Конституции. В их числе – позитивистское и историческое осмысление конституционных норм; выявление целей, поставленных перед Конституцией ее авторами; структурный анализ Конституции как целостного документа; анализ функциональных характеристик конституционных норм; использование прецедентов; применение социологических подходов.

Обобщая указанные выше средства и приемы толкования Конституции США, можно сказать, что они варьируются от «текстуализма» и «оригинализма» (то есть интерпретации на основе буквального значения слов или на основе предполагаемых изначальных намерений авторов Конституции) до «интерпретации на основе фундаментальных прав» (допускающей вложение совершенно нового смысла в общие формулировки Конституции) [7].

В конечном итоге представляется возможным подчеркнуть, что в сфере осуществления конституционного контроля и надзора по вопросам толкования Конституции Верховный суд США осуществляет следующие функции:

1) обеспечение верховенства Конституции в правовой системе США и ее соблюдения всеми государственными органами, организациями и гражданами; реализация защиты прав и свобод человека и гражданина путем рассмотрения в судебном порядке индивидуальных и коллективных жалоб;

2) наполнение конституционно-правового смысла федерализма содержанием и качеством, придающими федеративной организации определенную динамичность, системность, преодолевающими противоречия и способствующими в итоге сохранению единства правового пространства и государственной целостности страны;

3) устранение несоответствий норм права Конституции США путем толкования Основного закона страны, создание устойчивого понимания смысла положений конституционно-правовых норм, нахождение и установление баланса общегосударственных и региональных, публичных и частных интересов и др. [8]

Примечания

1. Конституционное право. Энциклопедический словарь / отв. ред. и рук. авт. кол. д. юрид. н., профессор С. А. Авакьян. М.: Изд-во НОРМА, 2001.

2. «С Конституцией обращаются так, как хотели бы услышать ее толкователи и всегда имеет тот смысл, который, по их мнению, наиболее адекватно отражает текущие потребности». См.: *Бельсон Я. М.* Кризис конституционной законности в США // Правоведение. 1964. № 3. С. 62–68.

3. *Marbury v. Madison* // *United States Reports*. 5 U.S. 137 (1803).

4. Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соедин. Штаты Америки, Япония, Индия: учеб. пособие / [сост. сб., пер., авт. введ. и вступ. ст. В. В. Маклаков]. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 351.

5. *Боботов С. В., Жигачев И. Ю.* Введение в правовую систему США. М.: Изд-во НОРМА, 1997. С. 122; *Лафитский В. И.* США. Конституционный строй и роль штатов в структуре американского федерализма. М., 1993. С. 98; *Клишас А. А.* Генезис североамериканской модели конституционного контроля // Актуальные проблемы юридической науки в XX–

XXI веке: материалы межвуз. заоч. науч. конф. Тамбов, 2007. С. 48–54.

6. Жидков О. А. Верховный суд США: право и политика. М.: Наука, 1985. С. 45.

7. Будылин С. Л. Верховный суд против «отцов-основателей». Парадоксы конституционного права США и выводы для России // Российская юстиция. 2007. № 2. С. 66.

8. Более подробно о функциях органов конституционного контроля см.: Харитонова Н. Н. Функции органов конституционного контроля // Конституционное и муниципальное право. 2003. № 5. С. 43–48.

УДК 342.922

О. Н. Барамзина

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВАМИ, ПРЕДОСТАВЛЕННЫМИ ЛИЦАМ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ ВЕДЕТСЯ ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Статья посвящена проблеме злоупотребления процессуальными правами, которыми Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее по тексту – КоАП РФ) наделяет лиц, в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении. Соблюдение баланса частных и публичных интересов, а также объективная российская действительность диктуют необходимость изучения данного института.

Article is devoted to a problem of abuse by procedural laws with which the Code of the Russian Federation about administrative offenses allocates persons concerning whom the proceeding of an administrative offense is conducted. Observance of balance of private and public interests, and also objective Russian reality dictates need of studying of this institute.

Ключевые слова: процессуальные права; злоупотребление правом; привлечение к административной ответственности; лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении.

Keywords: procedural rights; abuse of the right; attraction to administrative responsibility; the person concerning whom the proceeding of an administrative offense is conducted.

КоАП РФ содержит обширный круг норм, предоставляющих различные права лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении.

Судебной практике известны случаи, когда «правонарушители» с целью избежать административного наказания прибегают к всевозможным хитростям, злоупотребляя при этом своим правом и доверием судей, в производстве кото-

рых находятся дела об административных правонарушениях [1].

В нередких случаях лица используют свои права с целью затягивания рассмотрения дела и последующего уклонения от привлечения к административной ответственности. Это также является одной из главных причин нарушения сроков рассмотрения дел [2].

В качестве иллюстрации имеющейся проблемы с выявлением и пресечением случаев злоупотребления правами приводим следующие примеры.

По делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ, по письменным ходатайствам Ф.: о предоставлении возможности ознакомиться с материалами дела, о предоставлении ксерокопий документов, а также о предоставлении возможности воспользоваться квалифицированной юридической помощью защитника, – судебное заседание было отложено. Ни при составлении протокола об административном правонарушении, ни в ходе первого судебного заседания ходатайства о передаче дела для рассмотрения по месту учета транспортного средства Ф. не заявлял. Ходатайство о направлении дела по месту учета транспортного средства было заявлено Ф. только при рассмотрении дела 12 марта 2009 г., которое мировым судьей было обоснованно отклонено. При рассмотрении жалобы на постановление суд вышестоящей инстанции указал, что лицо, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, должно добросовестно пользоваться предоставленными ему законом процессуальными правами, не допуская злоупотребления ими, в удовлетворении ходатайства о передаче дела на другой судебный участок по данному делу отказано обоснованно, поскольку последовательное заявление различных ходатайств с учетом срока их подачи мировому судье ведет к затягиванию сроков рассмотрения дела [3].

Мировой судья судебного участка № 79 Ленинского района г. Кирова Кировской области 3 февраля 2009 г. правомерно отказал в удовлетворении ходатайства Л. об отложении рассмотрения дела в связи с тем, что указанному лицу необходимо было воспользоваться помощью защитника. Мотивируя отказ в удовлетворении ходатайства, мировой судья указал, что правонарушение совершено 30 декабря 2008 г., за это время Л. имел возможность воспользоваться юридической помощью, помимо этого 21 января 2009 г. по ходатайству Л. рассмотрение дела уже откладывалось для предоставления Л. возможности воспользоваться помощью защитника. При указанных обстоятельствах, на наш взгляд, мировой судья обоснованно сослался на злоупотребление Л. своим правом [4].

По замечанию В. П. Грибанова, «границы есть неотъемлемое свойство всякого субъективного права, ибо при отсутствии таких границ право превращается в свою противоположность – в произвол и тем самым вообще перестает быть правом» [5].

Недопустимость злоупотребления правом установлена в ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, согласно которой осуществление прав и свобод человека не должно нарушать права и свободы других лиц [6]. Хотя в конструкции приведенной статьи не используется термин «злоупотребление правом», ее сущность сводится именно к недопустимости использования права во зло [7].

Права и свободы человека – это сфера свободы человека, его свободного выбора. Но свобода неограничена. Точно такие же права и свободы имеют и другие члены общества. Человеческое общежитие предполагает согласование интересов и воли при осуществлении прав и свобод каждым индивидом. В этом и состоит цивилизованный характер человеческого общества, его жизнедеятельность и жизнестойкость. Поэтому закон, исходя из необходимости гармонии, сочетания различного рода интересов, может устанавливать пределы тех или иных прав, конкретные их полномочия, ограничения реализуемых свобод в конкретных ситуациях (в условиях, например, объявления военного или чрезвычайного положения). Однако такого рода установления должны иметь конституционную основу и четкое законодательное оформление [8].

Гармоничное сочетание общественных и личных интересов связано с определением пределов содержания прав и свобод личности и пределов их реализации. Вопрос о пределах реализации прав и свобод есть вопрос о правомерности использования прав и свобод в определенных границах, за которыми наступает так называемое злоупотребление правами и свободами [9].

Термин «злоупотребление правом» в его буквальном понимании означает употребление права во зло в тех случаях, когда управомоченный субъект обладает субъективным правом, действует в его пределах, но наносит какой-либо ущерб правам других лиц или обществу в целом. Анализ законодательства и практики его применения позволяет заключить, что злоупотребление правом – явление правовое, ибо предполагает: а) наличие у лица субъективных прав; б) деятельность по реализации этих прав; в) использование прав в противоречие их социальному назначению или причинение этим ущерба общественным либо личным интересам; г) отсутствие нарушения конкретных юридических запретов или обязанностей; д) установление факта злоупотребления компетентным правоприменитель-

ным органом; е) наступление юридических последствий [10].

Характеризуя злоупотребление правом как противоправное деяние, не являющееся правонарушением, В. И. Гойман пишет, что под ним следует понимать основанное на эгоистических побуждениях поведение управомоченного субъекта, противоречащее природе права, закрепленной в его нормах цели, либо связанное с привлечением внеправовых средств для ее достижения. Злоупотребление правом, по его мнению, представляет собой не особый тип правонарушения, а разновидность внеправовых действий, связанных со злоупотреблением правовой свободой, совершением поступков «во зло» и в противоречии с назначением предоставленного права, его «духом» [11].

КоАП РФ не содержит ссылок на недопустимость злоупотребления предоставленными лицу, в отношении которого ведется производство, правами.

Как отмечает Г. А. Гаджиев, поскольку злоупотребление правом противоречит духу права, а не его букве (формально представляя собой правомерное поведение), «этого типа правонарушения нет в букве, он не описан и не может быть описан в законе, а значит, от каждого судьи требуется большой нравственный и умственный труд, чтобы в каждом конкретном случае обнаруживать выход лица за пределы добросовестности...» [12].

Верховный Суд РФ отметил, что действия лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, затягивающего рассмотрение дела, учитывая сроки давности привлечения к административной ответственности, могут быть признаны злоупотреблением правами [13].

А. Я. Курбатов указал, что основное значение принципа недопустимости злоупотребления правом заключается в создании возможности реагирования на конкретные действия определенных лиц, когда выявлено, что они нарушают законные интересы (как частные, так и публичные), но законом специальная ответственность за них не установлена. Данный принцип позволяет через акты применения (индивидуальные предписания) либо через интерпретационные акты (акты, закрепляющие результаты толкования права) подтверждать незаконность таких действий, которая вытекает из общего смысла законодательства [14].

В судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях с целью неограниченного соблюдения баланса частных и публичных интересов обширно используется термин «злоупотребление процессуальными правами лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правона-

рушении». В основном под этим термином судьи имеют в виду действия, свидетельствующие об умышленном затягивании производства по делу, например:

– злоупотребление правом на личное участие в деле, которое выражается в необоснованной неявке на рассмотрение дела, несвоевременном получении извещений;

– злоупотребление правом на подачу ходатайств, которое выражается в последовательном заявлении различных ходатайств, влекущих неоднократное отложение рассмотрения дела;

– злоупотребление правом на передачу дела по подсудности, которое выражается в заявлении такого ходатайства в случае, если ранее уже удовлетворялось подобное ходатайство либо рассмотрение дела откладывалось.

Поскольку задачей суда, должностного лица либо органа, рассматривающего дело об административном правонарушении, в том числе является предотвращение злоупотребления правом со стороны лиц, привлекаемых к административной ответственности, считаем, что в КоАП РФ возможно закрепить положение о запрете злоупотребления процессуальными правами, предоставленными указанным выше лицам. Соответственно, дополнить статью 25.1 КоАП РФ пунктом 5 следующего содержания: «Не допускается злоупотребление процессуальными правами, предоставленными лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, в целях затягивания рассмотрения дела и последующего уклонения от привлечения к административной ответственности. Выявление и признание должностным лицом, органом, судьей факта злоупотребления представленными настоящим Кодексом процессуальными правами лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, либо его законным представителем (защитником) является основанием для отказа в реализации предоставленных прав».

Соответственно, в качестве примечания к указанной статье предлагаем сформулировать такое положение: «Под злоупотреблением процессуальными правами следует понимать использование предоставленных прав исключительно в целях затягивания рассмотрения дела и последующего уклонения от привлечения к административной ответственности».

Примечания

1. Настольная книга помощника судьи: организация работы и административное судопроизводство / Д. Н. Бадмаева, Б. М. Будаев, В. А. Бухтиярова и др.; под общ. ред. Ю. П. Гармаева, А. О. Хориноева. Иркутск: САПЭУ, 2010. Вып. 3.

2. Постановление VII Всероссийского съезда судей РФ от 04 декабря 2008 года «О состоянии судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития и совершенствования» // Вестник Высшей квалификационной коллегии судей РФ. 2009. № 1(19). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2009 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Определение мирового судьи судебного участка № 79 Ленинского района г. Кирова от 03 февраля 2009 года по делу об административном правонарушении № 79/5-57/09 // Архив мирового судьи судебного участка № 79 Ленинского района г. Кирова Кировской области.

5. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2001. С. 44–45.

6. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ) // Российская газета. 2009. 21 янв.; Собрание законодательства РФ. 2009. № 4. Ст. 445; Парламентская газета. 2009. 23–29 янв. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Попов А. А. Роль и место понятия «злоупотребление правом» в российской правовой действительности // История государства и права. 2007. № 8.

8. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. М.: НОРМА, 2008.

9. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. М.: НОРМА, 2008.

10. Алексеев С. С., Архипов С. И. и др. Теория государства и права. М.: НОРМА, 2004. С. 346.

11. Гейман В. И. Правонарушение и юридическая ответственность // Общая теория права и государства: учеб. / под ред. В. В. Лазарева. М., 1994. С. 201–202.

12. Гаджиев Г. А. Конституционные принципы рыночной экономики (развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). М.: Юристъ, 2002. С. 101.

13. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2009 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Курбатов А. Я. Злоупотребление правом: теория и правоприменительная практика. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 34(470)(091)

С. З. Шарангия

**ПОНЯТИЕ СЛУЧАЯ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА СЛУЧАЙНЫЙ ВРЕД
В РУССКОМ ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ПРАВЕ
XVIII – НАЧАЛА XX в.**

В статье анализируются источники русского дореволюционного права с целью определить юридическое значение категории «случай», а также его значение при привлечении лица к ответственности за совершенное правонарушение. Кроме этого статья посвящена проблемам привлечения к ответственности за случайный вред.

The article analyses the sources of Russian pre-revolutionary law in order to define the legal meaning of “accident” and its role in bringing to responsibility for delinquency. Besides the paper aims at the problems of responsibility for accidental harm under the law of the alleged period.

Ключевые слова: обязательства, случай, вина, невиновное причинение вреда, случайный вред.

Keywords: Execution of obligations, accident, guilty, unguilty harm, accidental harm.

В науке русского дореволюционного права понятию случая противопоставлялась вина. Под случаем как юридической категорией понимались такие события (действие или бездействие лица, проявление сил природы) или такие последствия подобных событий и даже произвольных деяний, которые произошли помимо воли и вины лица [1].

Иногда понятие случая определялось в самом законе: «Деяние, причинившее вред, признается случайным, если оно учинено не только без намерения, но и без всякой со стороны учинившего оное неосторожности» [2].

Саксонское гражданское уложение называло случайными такие нарушения, которые не могут быть вменены в вину, т. е. не совершены с умыслом или по неосторожности [3]. При этом Саксонское гражданское уложение поясняет, что не считается неосторожностью, когда возможность правонарушения была столь далека, что она не могла бы быть предвидена даже особо внимательным и разумным субъектом, из чего следует, что признак случая заключается главным образом в невозможности предвидеть нарушения.

Вред по Прусскому уложению считается случайным, если совсем нельзя было предвидеть, что он произойдет от данного действия или бездействия [4].

Н. С. Таганцев называл деяние случайным, когда лицо, по своему возрасту, интеллектуаль-

ному и моральному развитию вполне дееспособное, действовало при таких условиях, что оно не только не сознавало, но и не могло сознавать, что совершает данное преступление и что из его поступка произойдут преступные последствия [5].

Вина (умысел и неосторожность) в качестве неправомерной воли является чисто внутренним состоянием человека, а потому и случай как противоположное понятие вине должен быть определен по таким признакам, которые касаются воли и сознания человека.

В науке русского дореволюционного права не существовало четких границ между случаем в гражданском праве и сходными институтами в уголовном праве, такими как неосторожность.

В Проекте Общей части Уголовного Уложения 1885 г. указывалось: «не вменяется в вину преступное деяние, кое учинивший не мог предвидеть или предотвратить».

Н. С. Таганцев считал, что случайными в уголовном праве называют такие действия или последствия действий лица, наступление которых виновный не только не предвидел, но и не мог предвидеть при полной внимательности с его стороны к своим поступкам.

Также в Проекте Общей части Уголовного Уложения преступное деяние считается неосторожным, если виновный не предвидел оного, но мог или должен был предвидеть. Границей неосторожности является возможность предвидения. Если лицо не могло предвидеть, что оно совершает противозаконное деяние, то оно и не может за него быть привлечено к ответственности, причем сама возможность предвидения не имеет основного значения, а определяется судом в каждом конкретном случае.

Понятие случая, как и понятие неосторожности, является относительным, так как невозможно ожидать и требовать от всех субъектов одинаковой степени предусмотрительности. Одно и то же лицо обязано иногда быть более осторожным, чем обычно, в зависимости от того, какой деятельностью оно сейчас занимается. В связи с этим нельзя признать обоснованной первоначальную редакцию ст. 144 Германского Гражданского Уложения, определявшей, что под неосторожностью понимается отсутствие внимательности, требуемой от «добропорядочного хозяина» [6].

Вышеизложенное позволяет утверждать, что вред, причиненный действием или упущением лица, признается случайным, если оно не могло предвидеть наступление вреда при той внимательности или осторожности, которая требовалась от него при данных обстоятельствах.

Свод гражданских узаконений губерний прибалтийских (ст. 3438) признает вред случайным в случае, если причина его заключается в событиях, которые нельзя было ни предусмотреть чело-

веческим умом, ни устранить человеческими силами.

Дореволюционные ученые-правоведы утверждали, что случай в чистом виде в практике встречается крайне редко. Имелось в виду вредоносное событие, которое никоим образом не могло быть предвидено.

Понятия случая и вины и различия между ними имеют важное практическое значение для права лишь в применении к внешней деятельности человека, а именно лишь тогда, когда от этого действия произошло правонарушение и в особенности причинение кому-либо вреда, т.е. когда возникает вопрос об ответственности правонарушителя.

Событие, причинившее вред, и вредоносные последствия от него наступают, как правило, одновременно, т. е. совпадают и составляют одно событие. Если же между наступлением вреда и наступлением его причины прошло некоторое время (например, принятое на хранение имущество сгорело спустя несколько часов после возникновения пожара в соседнем доме), то такой вред может быть вменен лицу, хотя бы событие, вызвавшее вред, и было для него случайным.

В этом случае связь между первоначальной причиной и последовавшим вредом могла быть прервана другими событиями, которые стали главными и непосредственными причинами вреда (например, умышленным или неосторожным оставлением поклажи в горящем доме, несмотря на объективную возможность спасения имущества).

Поэтому при рассмотрении вопроса об ответственности лица за произошедший вред следует исходить не только из непосредственной внешней причины вреда, т. е. из фактического события, послужившего причиной вреда, но необходимо также установить отношение воли человека к произошедшему вреду. Для освобождения лица от ответственности за случай, т. е. за случайный вред, необходимо убедиться не только в том, что непосредственная фактическая причина вреда (событие в узком смысле) произошла без неосторожности, но и в том, что вредные последствия события не могут быть отнесены к вине данного лица. Как неосторожное деяние само по себе (например, стрельба на многолюдной улице), так и случайное событие, не причинившее никакого вреда, не имеют значения в вопросе гражданской вменяемости.

Для признания события случайным недостаточна того обстоятельство, что данное лицо не было обязано предвидеть наступление этого события, но необходимо, чтобы событие не могло быть предвидено. Если данное лицо могло предвидеть вредное событие, то оно виновно в неосторожности, хотя бы оно и не было обязано по закону или по договору иметь познания, необ-

ходимые для предвидения и предупреждения подобных ситуаций.

Случай устраняет гражданскую вменяемость как за недозволенные деяния, так и за наступившую невозможность исполнения обязательств.

Из общего правила, что никто за случай не отвечает, можно вывести правило, что случайный вред должен нести собственник погибшего или поврежденного имущества.

В русском гражданском праве существовала и была юридически обоснована такая категория, как страх за случай. Основываясь на положении, что должник, не имеющий по случайной причине возможности исполнить свое обязательство, лишается права на причитающееся ему по договору вознаграждение, теория права выводит положение, что страх за случай несет должник.

Уместно утверждать, что категория «страх за случай» в смысле несения убытков недостаточно ясна, потому что под этим выражением следует понимать имущественную ответственность лица за случайно причиненный, а не понесенный им вред.

Данная категория детально была регламентирована в Саксонском гражданском уложении и определялась таким образом, что последствия случая несет тот, относительно кого случай имел место, если другое лицо не приняло на себя ответственности за случай или не было виновно в его наступлении.

Исходя из общего правила о невменении случайного вреда, русское дореволюционное законодательство предусматривало исключения, ограничивающие это правило в интересах потерпевших лиц. Эти исключения выражались в том, что закон, устанавливая более строгую ответственность за вред, довольствуется внешней причинной связью между вредом и конкретным лицом и не только не требует наличия какой-либо вины со стороны ответственного лица, но и не допускает возражений об отсутствии вины, т. е. умысла и неосторожности.

Законодательство Российской империи XVIII – начала XX в. возлагало ответственность за случайный вред, причиненный малолетними, не достигшими 7 лет, или душевнобольными. Взыскание обращалось на имущество этих лиц, если пострадавший не мог удовлетворить свой интерес за счет имущества родителей или опекунов.

Лицо, получившее имущество в ходе совершения преступления, отвечает за случайную гибель и случайное ухудшение данного имущества за все время обладания вещью. Всякий же другой недобросовестный владелец несет ответственность лишь со времени предъявления иска. Таким образом, на незаконного владельца возлагалась ответственность даже за случайную гибель или повреждение имущества, хотя бы он и

не вызывал случайное событие и никоим образом не мог предвидеть произошедшего вреда. Главным аргументом в пользу положения такой ответственности является то, что случайный вред не произошел бы, если бы вещь не была похищена или захвачена незаконным владельцем. Целесообразным представляется положение о том, что случайное уничтожение или потеря похищенной вещи не освобождает похитителя от обязанности возратить его цену, хотя бы данная вещь все равно погибла бы и у ее собственника.

В законодательстве рассматриваемого периода имела норма, согласно которой лицо, давшее поручение на совершение неправомерного деяния, отвечает совместно с правонарушителем за причиненный вред, хотя бы правонарушитель и вышел за пределы данного поручения. Данная норма применялась и в законодательстве ряда европейских государств и устанавливала имущественную ответственность лиц, принимавших прямое или косвенное участие в причинении вреда. При совместном причинении вреда положение потерпевшего было особенно затруднительным, так как невозможно доказать, кто конкретно причинил вред (например, при совместном поджоге). Поэтому устанавливалась солидарная ответственность всех причинителей вреда. Законодательство Российской империи устанавливало круговую, но не вполне солидарную ответственность [9].

Законодательство исходило из того, что каждый из сопричинителей вреда отвечает только за тот вред, который причинен его собственными действиями.

Законодательство стран Европы данного периода устанавливало безусловную ответственность хозяев за вред, причиненный их служащими при исполнении порученных им обязанностей [10].

Ответственность также возлагалась на владельцев диких животных, хотя закон позволял владельцам доказывать свою невиновность. Если это им не удавалось, то ответственность наступала в безусловном порядке.

Истец, по требованию которого суд допустил обеспечение иска или предварительное исполнение решения, обязан вознаградить ответчика, оправданного судебным решением, вступившим в законную силу, за вред, понесенный вследствие принятия вышеуказанных мер [11].

Таким образом, все приведенные положения российского и зарубежного законодательства XVIII – начала XX в. убедительно доказывают, что они составляют исключение из общего правила о непривлечении к ответственности за случайный вред. Категория «случай» хотя и широко применялась в законодательстве, но четкое ее содержание не было регламентировано, что приводило к разночтениям в процессе применения той или иной правовой нормы.

Примечания

1. Пирвиц Э. Э. Значение вины, случая и непреодолимой силы в гражданском праве. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1895. С. 65.
2. Полный свод законов Российской Империи. Т. X. Ч. 1. Ст. 647. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1854.
3. Виндшейд Г. Э. Случайное причинение вреда. М.: Типография Стасюлевича, 1901. С. 17–18.
4. Биндинг Г. Н. Вина в праве. СПб.: Типография Сытина, 1897. С. 75–79.
5. Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. М.: Типография Борякова, 1899. С. 34–35.
6. Проекты и редакции Германского Гражданского Уложения / пер. с нем. Варшава, 1910. С. 720–721.
7. Свод гражданских узаконений губерний прибалтийских: редакции и комментарии. СПб.: Типография Сытина, 1906. С. 117–118.
8. Гражданское право Германии / пер. с нем. Ф. Бернгейт, И. Колер; под ред. В. М. Нечаева. СПб.: Сенатская Типография, 1910. С. 156–157.
9. Полное собрание Законов Российской Империи. Т. X. Ч. 1. Ст. 648. СПб.: Сенатская Типография, 1857.
10. Гражданское Уложение Итальянского королевства и русские гражданские законы: опыт сравнительного изучения системы законодательства. Ч. 1–2. СПб.: Типография Сытина, 1869. С. 234–236.
11. Победоносцев К. П. Решение Кассационного департамента по делу Вознесенского № 123. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1880.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АКИРЕЙКИН Дмитрий Александрович – аспирант кафедры отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: Davilon412@mail.ru

БАКУЛИН Владимир Иванович – доктор исторических наук, профессор по кафедре отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

БАРАМЗИНА Ольга Николаевна – соискатель кафедры государственно-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: olga-baramsina@yandex.ru

БАТАЛОВА Лариса Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент по кафедре истории и политологии Удмуртского государственного университета. 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1.
E-mail: batalova25@mail.ru

БЕЛЕВЦЕВА Светлана Николаевна – кандидат исторических наук, доцент по кафедре всеобщей истории Курского государственного университета. 305000, Курская обл., г. Курск, ул. Радищева, д. 33.
E-mail: SNBelevtseva@yandex.ru

БЕРЕЗИН Сергей Викторович – аспирант кафедры отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

ВАСИНА Татьяна Анатольевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела исторических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН. 426004, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4.
E-mail: vasina@ni.udm.ru

ВОЛКОВ Тимофей Александрович – аспирант кафедры новой и новейшей истории зарубежных стран Киевского национального университета им. Тараса Шевченко. 01601, Украина, г. Киев, ул. Владимирская, д. 60.
E-mail: timofey_volkov1987@mail.ru

ГАГИЕВА Анна Капитоновна – доктор исторических наук, доцент по кафедре документоведения, архивоведения и прикладной лингвистики Коми республиканской академии государственной службы и управления. 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 11.
E-mail:academy@komi.ru

ДВОРНИКОВ Эдуард Павлович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой археологии, этнологии и источниковедения Горно-Алтайского государственного университета. 649000, г. Горно-Алтайск, ул. А. Ленкина, д. 1.
E-mail: dvornikovep@yandex.ru

ЗЯБЛОВА Светлана Леонидовна – кандидат исторических наук, доцент по кафедре технологии художественной обработки материалов, художественного проектирования, искусства и технического сервиса Костромского государственного технологического университета. 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17.
E-mail: rio@kstu.edu.ru

КИТАЕВ Дмитрий Николаевич – аспирант кафедры отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

КУСТОВА Елена Витальевна – кандидат исторических наук, доцент по кафедре отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: kustovael@yandex.ru

ЛЕКОНЦЕВ Олег Николаевич – кандидат исторических наук, доцент по кафедре истории и МПИ Глазовского государственного педагогического института. 427621, г. Глазов, ул. Карла Маркса, д. 29.
E-mail: ONLekontsev@mail.ru

ЛИЦАРЕВ Михаил Юрьевич – аспирант кафедры отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

ЛЫПКА Татьяна Ивановна – кандидат исторических наук, доцент по кафедре государственно-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: kaf_gosprav@vshu.kirov.ru

МАСЮТИН Александр Сергеевич – аспирант кафедры отечественной истории ВятГГУ, учитель истории и обществознания МОАУ «Лицей № 21 г. Кирова». 610035. г. Киров, ул. Чапаева, д. 13.
E-mail: mihir2000@yandex.ru

НИКОЛИНА Нина Степановна – аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин ВятГГУ, секретарь судебного заседания Октябрьского районного суда г. Кирова. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: 2dutsnn@mail.ru

НОБЕЛЬ Артем Робертович – аспирант заочной формы обучения ВятГГУ, следователь по особо важным делам второго отдела по расследованию особо важных дел следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Кировской области. 610005, г. Киров, ул. Розы Люксембург, д. 84а.
E-mail: ANobel@pochta.ru

ПОЗДНЯКОВА Анастасия Сергеевна – аспирант кафедры отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

РУСАКОВ Сергей Николаевич – аспирант кафедры отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

РУССКИХ Светлана Николаевна – аспирант кафедры книговедения и пропаганды книги Московского государственного университета печати имени Ивана Федорова. 107045, г. Москва, ул. Садово-Спасская, д. 6.
E-mail: knigoved_mgur@mail.ru

РЯБОВ Юрий Михайлович – кандидат исторических наук, доцент по кафедре всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

СТЕПАНОВ Алексей Владимирович – частнопрактикующий юрист. 610021, г. Киров, ул. Советская, д. 86–18.
E-mail: alex.st@list.ru

СУЧКОВА Татьяна Евгеньевна – ассистент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ВятГГУ, аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: tatyanaes@rambler.ru

ХОМЯКОВ Иван Дмитриевич – адъюнкт Санкт-Петербургского военного института внутренних войск МВД России. 198206, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1.
E-mail: ivan-vivv@yandex.ru

ШАРАНГИЯ Софья Зурабовна – преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета Кировского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХ иГС). 610004, г. Киров, ул. Ленина, д. 25.
E-mail: sharass@yandex.ru

ШЕРЕМЕЕВ Евгений Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент по кафедре государственного и муниципального управления Самарской академии государственного и муниципального управления. 443084, г. Самара, ул. Стара-Загора, д. 96.
E-mail: Sheremeev76@mail.ru

ЯРОСЛАВЦЕВА Динара Камиловна – ассистент кафедры теории и истории государства и права ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: dinarayaroslavceva@yandex.ru

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
История и юридические науки
Научный журнал № 4(5)

Подписано в печать 25.11.2012 г.
Формат 60x84 $\frac{1}{8}$. Бумага офсетная. Гарнитура Мусл.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,5. Тираж 1000. Заказ № 335.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26, т. (8332) 673-674
www.vggu.ru

Отпечатано
в полиграфическом цехе Издательства ВятГГУ,
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111, т. (8332) 673-674